ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов IX ежегодной Всероссийской конференции 7 ноября 2019 г.

1 электронный оптический диск CD-R
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
2020

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2020
ISBN 978-5-9694-0899-9

ББК 67.411
У26

Рецензенты:
заместитель начальника ВНИИ МВД России
по научной работе – начальник НИЦ № 1 доктор юридических наук,
профессор **С. А. Невский**; старший эксперт 2-го отдела
УОГЗ МВД России кандидат юридических наук **О. С. Ерохина**

У26 **Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития** : сборник научных трудов IX ежегодной Всероссийской конференции / под ред. О. В. Химичевой. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. – 591 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CUP 1,5 ГЦ ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-0899-9

В сборнике представлены научные труды участников IX ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 7 ноября 2019 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, посвященной теоретическим и практическим проблемам, обусловленным развитием информационных технологий в Российской Федерации. На конференции обсуждались теоретические и правовые основы цифровизации уголовного процесса; влияние информационных технологий на его развитие; реализация конституционных принципов в уголовном процессе в условиях развития информационных технологий; применение информационных технологий в уголовно-процессуальном доказывании; использование современных информационных технологий при производстве следственных и иных процессуальных действий; трансформация процессуального статуса участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации; внедрение информационных технологий в уголовно-процессуальную деятельность на различных стадиях уголовного процесса. Не остались без внимания и другие актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Также в сборнике представлены научные труды участников мероприятий, состоявшихся в период с 25 февраля по 4 апреля 2020 г. в рамках реализации проекта «Пропаганда научных знаний» на кафедре уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Сборник может оказаться полезным для ученых, преподавателей, курсантов и слушателей юридических образовательных организаций, а также для сотрудников правоохранительных органов и судей, непосредственно применяющих нормы уголовно-процессуального законодательства.

Высказанные участниками предложения по совершенствованию УПК РФ могут быть учтены и в законотворческой деятельности.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CUP 1,5 ГЦ; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

Номер государственной регистрации
обязательного федерального экземпляра электронного издания – 0000000000

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Редактор *Абилова Ф. А.*
Корректор *Калинин М. А.*
Компьютерная верстка *Абилова Ф. А.*

Подписано к изданию 21.05.2020
Объем издания 7,25 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-0899-9

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
http://www.mosu.mvd.ru, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Вилкова Т. Ю.
Обеспечение доступа к правосудию в уголовном процессе на этапе принятия заявления о преступлении в условиях развития цифровых технологий 14

Виноградова К. А.
Порядок изъятия и осмотра электронных сообщений следователем 19

Гаджимагомедов Г. К.
Проблемы доказывания с помощью электронных документов 24

Гимазетдинова И. Н.
Уголовное дело как форма представления результатов уголовного судопроизводства 29

Гурдин С. В.
Роль цифровых технологий в воспитательном воздействии судебного заседания 35

Ендольцева Ю. В., Трегубов И. С.
Проблемы применения электронных доказательств в уголовном судопроизводстве 38

Ермаков С. В.
Отдельные аспекты цифровизации предварительного расследования 41

Заливин А. Н., Рыжаков А. П.
Проблема алгоритмизации уголовного процесса и предложение по ее разрешению 46

Захарова О. А.
Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе 51

Ильяшевич Т. А., Кунин Е. И.
Влияние противодействия исследованию цифровых следов на процесс доказывания по уголовному делу 55

Исаенко А. Г.
Роль начальника следственного органа в эпоху «цифровизации» уголовного процесса 59

Козлова А. А., Рыжак В. А.
Правовые аспекты международного сотрудничества по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий 65

Кокорева Л. В., Молоканова А. А.
Порядок обращения с электронными носителями информации в ходе производства по уголовному делу: актуальные проблемы правоприменительной практики 72

Макеева Н. В.
Сбыт наркотических средств и психотропных веществ с применением новых информационных технологий 76

Медведева М. О.
Правовая основа применения информационных технологий в деятельности по расследованию преступлений 82

Мичурина О. В., Викулова Я. А.
Зарубежный опыт внедрения информационных технологий в досудебное производство по уголовным делам 87

Подустова О. Л.
Актуальные проблемы расследования преступлений, совершенных в сфере информационных технологий 95

Поляков М. П.
«Электронные доказательства»: модный термин или новое явление? 101

Полянская Е. П.
Актуализация использования компьютерных технологий при расследовании преступлений 107

Савина Л. А.
Использование современных научно-технических средств и методов в деятельности следователя 111

Самолаева Е. Ю.
Использование высоких технологий в расследовании преступлений 114

Саморока В. А., Макарова Е. А.
Использование ресурсов аппаратно-программных комплексов ОВД в доказывании по уголовному делу 118

Семенкова Е. В., Воронина Н. А.
Основные направления модернизации деятельности следователя по признанию лица потерпевшим по уголовному делу 126

Смирнов М. В., Соболев А. В.
Цифровизация в уголовном процессе: прием и разрешение электронных заявлений о преступлениях в органах внутренних дел Российской Федерации 132

Собенин А. А.
Регистрация сообщения о преступлении и учет данных о преступности – самостоятельные векторы цифровизации уголовного судопроизводства..... 136

Соколова М. В.
Проблемные вопросы наложения ареста на криптовалюты в условиях развития информационных технологий..... 142

Сушина Т. Е.
Особенности осуществления судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий 145

Сычев П. Г.
О процессуальных проблемах досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с безналичными денежными средствами и криптовалютами 150

Таболина К. А.
Надзор прокурора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия в свете цифровых технологий..... 165

Трефилов А. А.
Информатизация уголовного процесса: опыт Лихтенштейна..... 169

Тутынин И. Б.
Использование информационных технологий при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера 172

Угольникова Н. В., Бобров В. К., Николаева А. В.
Электронный носитель информации как доказательство в уголовном процессе..... 177

Шишпанов К. А.
Перспектива «цифровизации» уголовного процесса и система функций следователя..... 182

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Авдеев В. Н.
Принятие решения следователем по заявленному отказу от защитника 187

Архипова И. А.
Использование специальных знаний при расследовании коррупционных преступлений 192

Ашкатова К. В.
Запрос информации: проблемы правовой регламентации и правоприменения 198

Бородкина Т. Н.
Теоретические и практические проблемы расследования экологических преступлений 201

Воробьева Е. В.
Нормативно-правовая база оказания первой помощи сотрудниками органов внутренних дел 206

Горач Н. Н., Лаврова О. Н.
Особенности установления следователем признаков объективной стороны преступлений, связанных с организацией незаконной миграции 209

Григорьева Н. В., Богатырев Д. В.
Участие защитника в собирании доказательств при производстве по уголовному делу 213

Григорян Т. А.
К вопросу о полномочиях следователя по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления 219

Данилкина В. М., Басина А. С.
Проблема определения сроков раскрытия и расследования преступлений «по горячим следам» 225

Емельянова Н. Ю., Пучков А. Г.
Принцип разумного срока уголовного судопроизводства 230

Золотухин Н. А., Кадатенко Е. П.
К вопросу о явном затягивании обвиняемым и его защитником времени ознакомления с материалами уголовного дела 235

Клементьева Е. С.
К вопросу о моментах начала и окончания стадии предварительного расследования 240

Константинов К. В.
Нормативное выражение права на доступ к правосудию в нормах, регламентирующих возбуждение уголовного дела 245

Костина Л. Н.
Роль психолога в профессионально-личностном развитии следователя 251

Маламагамедова А. Р.
О некоторых вопросах, возникающих при участии иностранных граждан в проверке сообщения о преступлении 255

Мартынов А. М.
Добровольное возмещение причиненного преступлением вреда как неотъемлемое условие прекращения уголовного дела (уголовного преследования) при производстве предварительного расследования 261

Маслов Н. В.
Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе при производстве судебных экспертиз 265

Мозговая Д. А.
Актуальные вопросы тактики получения образцов для сравнительного исследования 268

Попенков А. В.
Участие в уголовном деле переводчика как гарантия обеспечения права подозреваемого на защиту 271

Посельская Л. Н.
Тактика проверки сообщений о преступлениях в сфере экономической деятельности 274

Прохорова Е. А.
Об унификации юридической терминологии 278

Сидоров Ю. В.
Допрос обвиняемого как гарантия его права на защиту 283

Скороделова Е. И.
К вопросу использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе 287

Угольникова Н. В., Шибаева Ю. Н.
Безопасность участников как критерий ограничения гласности судебного разбирательства 295

Фадеев П. В.
Задержанный в уголовном судопроизводстве и его особенности 300

Федулова И. И.
Проблемы применения некоторых положений статьи 144 УПК РФ (ч. 1) 304

Химичев М. В., Шаров Д. В.
Влияние правовых позиций Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации на уголовно-процессуальное законодательство 308

Шуваева М. С., Белавин А. В.
Некоторые вопросы алгоритмизации собирания доказательственной информации на первоначальном этапе расследования взяточничества 314

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Абакумов Е. С.
Уведомление в электронной форме участников уголовного судопроизводства со стороны защиты 317

Большакова Я. С.
Гражданский иск в уголовном процессе: исторический аспект 321

Бондаренко И. П.
О понятии уголовно-процессуальных гарантий прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства 325

Венидиктов М. И.
Сущностная составляющая незаконной миграции и организации незаконной миграции иностранных граждан 331

Денщикова Е. А.
Появление и этапы развития суда присяжных в России и зарубежных странах 335

Дубина Е. А.
О некоторых проблемах, возникающих при применении меры уголовного правового характера в виде судебного штрафа 339

Ендольцева А. А.
Процедурность как отличительная черта судебного контроля 342

Керенцева Д. Д.
Электронные доказательства в уголовном процессе 346

Коновалова Е. А.
Деятельность следователя по обеспечению прав лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве 351

Мамонтова Д. О.
Понятие баланса процессуальных интересов в уголовном судопроизводстве 357

Михайлина Ю. В.
Соотношение запрета определенных действий с иными мерами пресечения 362

Ольшевский Е. В.
Становление и развитие института вещественных доказательств в российском уголовном процессе 366

Селиванов С. В.
Особенности доследственной проверки по заявлениям о коррупционном преступлении, совершенном при распределении и расходовании бюджетных средств 372

Ситчихина К. Л.
Следователь как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения 378

Стацюк Д. Н.
Актуальные проблемы использования показаний лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве 381

Топилина Т. А.
Электронная форма подачи заявления о преступлении: опыт зарубежных стран 385

Трынко Д. С.
Меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества: эффективность правовой реализации 390

Черемисина Т. В.
Следователи поколения Z – новые акторы в уголовном процессе 395

Черкасова Ю. А.
Статист – новый участник уголовного судопроизводства 400

Шураев А. А.
Интернет – пространство для совершения преступлений экстремистской направленности 405

Юркевич М. А.
Модификация процессуальной деятельности по исследованию доказательств в условиях четвертой промышленной революции 408

РАЗДЕЛ IV. ПРОЕКТ «ПРОПАГАНДА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ»: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Авакян А. А., Паскаль А. Н.
Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании и соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства 411

Алимова А. А.
Развитие электронной формы уголовного дела в России и в зарубежных странах 419

Алонцева Е. Ю., Порогин Г. С.
Необходима ли стадия возбуждения уголовного дела? 426

Бабышева Д. А.
Принцип публичности в уголовно-процессуальном праве 431

Бельдеубаева Д. Р.
Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию финансированию экстремистской деятельности 435

Богатырев Д. В.
Актуальные вопросы участия понятых в уголовном судопроизводстве 441

Воронина Н. А.
О некоторых проблемных аспектах реализации прав потерпевшего при разрешении уголовного дела в суде 448

Грачева А. С.
Применение мер принуждения в отношении подозреваемого, обвиняемого, на попечении которого находятся дети или иждивенцы 452

Григорьев Ю. Г., Куликова В. В.
Обеспечение прав и законных интересов при осуществлении следственного действия в жилище 456

Доровских В. О.
Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип уголовного судопроизводства в зарубежных странах 464

Емельянова Н. Ю., Борисов И. А.
Доказывание в уголовном судопроизводстве 468

Заливин А. Н., Фионина А. А.
К вопросу о полномочиях начальника органа дознания и начальника подразделения дознания 472

Зимников Е. Ю.
Уголовно-процессуальные особенности задержания несовершеннолетнего 475

Зубайров И. Д.
К вопросу о полномочиях прокурора по уголовному преследованию (сравнительно-правовой анализ по УПК РФ и УПК Таджикистана) 479

Иноземцев А. В.
Использование средств аудио- и видеофиксации в целях обеспечения прав допрашиваемых лиц 483

Ионов Д. В.
Участие адвоката в досудебном производстве по уголовному делу 487

Кадатенко Е. П., Комлева Т. М.
Затягивание времени ознакомления с материалами уголовного дела: теория и практика 492

Канарейкина К. И.
Контроль и запись переговоров: особенности и некоторые актуальные проблемы 497

Касаткина О. И.
Проблемы применения преюдиции в практике органов предварительного расследования и суда: методы их решения 502

Коваль С. М.
Преимущества и недостатки меры пресечения в виде запрета определенных действий 507

Комаров М. А.
Электронный документооборот в уголовном процессе России: миф или реальность 513

Комлева Т. В.
Некоторые вопросы, возникающие при продлении сроков содержания под стражей 516

Крашенинников Д. М., Емельянова Н. Ю.
Актуальные вопросы применения института присяжных заседателей в отдельных регионах Российской Федерации 521

Криволап Ю. И.
Обеспечение прав лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовному делу 524

Маламагамедова А. Р., Кузнецова А. Д.
О вещественных доказательствах в уголовном судопроизводстве 527

Николаева О. В.
К вопросу о законности и обоснованности вердикта суда присяжных 533

Панфилов П. О.
Роль современных образовательных технологий в процессе подготовки кадров для органов предварительного расследования (на примере практических занятий по уголовному процессу) 539

Паршин К. И.
Обеспечение права свидетеля на применение мер безопасности в процессе доказывания 543

Пашкова Ю. С.
Принцип презумпции невиновности в российском уголовном судопроизводстве 549

Синявина Д. А.
Статус специалиста как иного участника уголовного судопроизводства 553

Спиридонов А. Г.
Форма и содержание заключения эксперта нуждаются в оптимизации 557

Трофимов Е. А.
Последствия признания доказательств недопустимыми 562

Тюмдеева Д. А.
Домашний арест в системе мер пресечения в российском законодательстве в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых 565

Федюкина А. Ю., Куликова М. А.
Вопросы процессуального статуса «лиц» в ходе производства отдельных следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела 570

Хренова Л. М.
Проблемы реабилитации умерших лиц в уголовном судопроизводстве 573

Черкасова Ю. А.
Исторический аспект развития института участников уголовного судопроизводства 577

Шишов В. В.
О необходимости разграничения полномочий руководителей следственных органов при прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа 582

Штукарев В. С.
К вопросу о правах потерпевшего в досудебных стадиях уголовного процесса 586

РАЗДЕЛ I. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Вилкова Т. Ю.[1],
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА ЭТАПЕ ПРИНЯТИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[2]

Принцип обеспечения доступа к правосудию закреплен как в международных актах (ст.ст. 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека[3], ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах[4], ч. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод[5]), так и в российском законодательстве (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно высказывался о важности принципа обеспечения доступа к правосудию, недопустимости его произвольного ограничения и нарушения[6].

---

[1] © Вилкова Т. Ю., 2020.

[2] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий».

[3] Всеобщая Декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН) от 10 декабря 1948 г. // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 28.10.2019).

[4] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи) от 16 декабря 1966 г. // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 28.10.2019).

[5] Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

[6] Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 2 февраля 1996 г. № 4-П, от 16 мая 1996 г. № 12-П, от 19 июля 2011 г. № 18-П, от 17 января 2019 г. № 4-П.

В гл. 2 УПК РФ принцип обеспечения доступа к суду прямо не указан, однако он является важным началом, определяющим уголовное судопроизводство, и проявляется в целом ряде статей: подсудимый не может быть лишен права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено настоящим Кодексом (ч. 3 ст. 8 УПК РФ); подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя (ч. 1 ст. 16 УПК РФ); действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном настоящим Кодексом (ч. 1 ст. 19 и ст. 125 УПК РФ); каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном главами 45.1, 47.1, 48.1 и 49 настоящего Кодекса (ч. 2 ст. 19 УПК РФ); только суд правомочен признать лицо виновным и назначить ему наказание (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ); процессуальные права потерпевшего (ст. 42 УПК РФ).

Несмотря на отсутствие единства в подходах к содержанию принципа обеспечения доступа к правосудию (и даже к его названию)[1], не вызывает разногласий то обстоятельство, что одним из его элементов является гарантируемое государством право каждого беспрепятственно и незамедлительно обращаться в суд.

В уголовном судопроизводстве, учитывая наличие не только судебных, но и досудебных стадий, обеспечение доступа к правосудию имеет специфику: оно заключается в праве каждого инициировать деятельность государства (в лице органов предварительного расследования и прокурора) по исполнению конституционной обязанности обеспечить доступ к правосудию.

---

[1] Бородинова Т. Г. Право граждан на свободный доступ к правосудию: понятие, содержание, субъекты // Общество: политика, экономика, право. Государство и право. Юридические науки. 2017. № 11. С. 89–92; Воскобитова Л. А. Процессуальное регулирование доступа граждан к правосудию в уголовном судопроизводстве // Материалы Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения». М.: МГЮА, 2004. С. 43; Масаладжиу Р. М. Проблемы обеспечения доступности правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессах : дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9; Пластинина Е. В. Правовые аспекты понятия «Доступ к правосудию» // Марийский юридический вестник. 2013. № 10. С. 186.

Это право находит отражение в праве граждан сообщать о совершенных преступлениях и требовать возбуждения уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 140, ст. 141 УПК РФ). Для этого устанавливаются простые и доступные процедуры обращения в правоохранительные органы, обеспечивается отсутствие государственной пошлины за подачу такого заявления, предоставляется возможность подать заявление в письменной или устной форме, отсутствуют требования к форме такого заявления, обеспечивается право обжалования незаконных действий (бездействия) и решений должностных лиц (ст. 125 УПК РФ), в том числе связанных с отказом в приеме и регистрации сообщений о преступлении.

В условиях развития цифровых технологий появляются новые возможности обеспечения доступа к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства. Важное значение при этом должно принадлежать электронной подаче заявления о преступлении.

Такая форма в настоящее время разрабатывается. Президиум правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 4 февраля 2019 г. определил 25 приоритетных жизненных ситуаций, для которых к 2021 г. будут созданы суперсервисы – комплексы цифровых госуслуг, в том числе суперсервисы для подачи заявлений в правоохранительные органы онлайн[1].

Представляется, что форма электронного заявления о преступлении должна включать ряд пунктов:

Указание субъекта, подающего заявление. Если с заявлением обращается физическое лицо, то должны указываться такие сведения, как фамилия, имя, отчество, дата, месяц, год рождения, гражданство, документ, удостоверяющий личность (паспорт, свидетельство о рождении, иной документ, например, водительские права), при отсутствии документа указывается причина отсутствия, место постоянной регистрации, фактическое место жительства, контактные данные (гражданину предлагается указать, как с ним удобнее связаться). Заполнение некоторых граф должно быть обязательным, но какие-то могут быть и факультативными (например, сведения о том, состоит

[1] Минкомсвязь в ближайший месяц представит первые модели суперсервисов // Будущее России: национальные проекты [электронный ресурс] URL: https://futurerussia.gov.ru. (дата обращения: 28.10.2019).

ли заявитель на учете в наркологическом, психолого-неврологическом диспансере). Если заявителем выступает юридическое лицо или иное коллективное образование – предлагается заполнить графы с наименованием организации, ИНН, ОГРН, адрес местонахождения (в соответствии с учредительными документами), контактные данные, сведения о представителе, документах, подтверждающих его полномочия, и его контактных данных.

В качестве отдельной разновидности заявителя должны выделяться медицинские организации, на которых лежит обязанность сообщать о поступлении пациентов с определенными диагнозами, указывающими на наличие признаков преступления. В соответствии с Приказом Минздрава России от 17 мая 2012 г. № 565н «Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинен в результате противоправных действий», медицинский работник медицинской организации обязан в течение одного рабочего дня передавать информацию в территориальные органы МВД о поступлении (обращении) таких пациентов за медицинской помощью. Если заявителем является медицинская организация, должны заполняться графы о наименовании медицинской организации, ее ИНН, ОГРН, адрес места нахождения (в соответствии с учредительными документами), контактные данные.

Предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос; при этом должна излагаться диспозиция и санкция ст. 306 УК РФ; заявителю предлагается поставить галочку рядом с этим разъяснением, что и будет означать предупреждение.

Описание события преступления, места, времени, иных обстоятельств его совершения, указание данных об очевидцах, если таковые известны, а также обо всех лицах – участниках события преступлениях в той мере, в какой эти сведения известны.

Возможность приобщения файлов (рисунков, схем, фотографий, аудио, видеозаписи и т. д.).

Цифровая подпись заявителя (при наличии). Этот пункт должен быть факультативным, поскольку не у всех на сегодняшний день имеется цифровая подпись.

В помощь заявителю могут размещаться выпадающие подсказки в виде гиперссылок на наиболее распространенные статьи УК РФ (кража, грабеж, причинение вреда здоровью и т. д.), возможно, на примеры заявлений о преступлении, на судебную практику и т. д.

Подаваться такое заявление может как через самостоятельный портал, так и через сайт www.gosuslugi.ru, где в категории услуг «Безопасность и правопорядок» может быть размещена «Услуга подачи заявления о преступлении в органы уголовного преследования». Заявитель, имеющий подтвержденную учетную запись на портале Госуслуг (в том числе с подтвержденным номером мобильного телефона), получит возможность подать заявление о преступлении в режиме реального времени через данный портал. Размещение заявления через портал Госуслуг упростит заполнение заявления, поскольку ряд полей будет заполняться автоматически системой согласно информации, представленной в учетной записи.

Поданные таким образом заявления будут незамедлительно поступать на Единый сервер учета преступлений, и в тот же момент будут перенаправляться на соединенные с сервером автоматизированные рабочие места, установленные в дежурных частях органов уголовного преследования. Далее заявления в автоматизированном режиме будут регистрироваться данными органами в электронной книге учета заявлений. При этом у должностных лиц, принимающих заявления, будут отсутствовать какие-либо возможности удалить или не регистрировать их, что исключает возможность их укрытия.

После заполнения обязательных граф должно открываться окно, свидетельствующее об успешной отправке заявления, передаче заявления. Также обязательно предусматривается обратная связь: в этот же момент на адрес электронной почты заявителя будет отправлено уведомление об отправке и регистрации заявления. Через личный профиль на портале Госуслуг (или на другом сервисе) должна быть предусмотрена возможность отслеживать все решения, принимаемые по заявлению.

Внедрение возможности подачи электронного заявления о преступлении должно не заменять, а дополнять традиционные способы обращения в правоохранительные органы, учитывая, что не всегда у заявителя имеется возможность и навыки работы с цифровыми ресурсами.

Реализация указанного предложения станет дополнительной и эффективной гарантией обеспечения доступа к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Виноградова К. А.[1]**,**
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПОРЯДОК ИЗЪЯТИЯ И ОСМОТРА ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЕМ

Тенденции развития современного общества, в том числе самостоятельная фиксация жизнедеятельности человека с помощью электронно-цифровой техники (фото-, видеокамер, мобильных телефонов), внедрение различных электронных технологий сотрудниками государственных органов и коммерческих предприятий (электронный документооборот, мгновенная фиксация информации и ее пересылка посредством современных мессенджеров и т. п.) в значительной степени усовершенствовали процессы взаимодействия и общения между людьми.

В связи с этим современные смартфон (телефон), планшет, персональный компьютер, а также электронное облако (хранилище информации) хранят в себе почти всю информацию о пользователе (о его перемещении и маршрутах, обмениваемой документации и сообщениях, фотоснимки и видео с привязкой к местности, о соединениях с абонентами и продолжительности их общения), представляющую для расследования преступлений повышенный интерес. Однако нередко поднимается вопрос о правомерности получения личной информации о человеке, хранящейся на телефоне, следователем без судебного решения, ведь в ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации закреплено «право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» содержится определение права на неприкосновенность частной жизни. Данное право предоставлено и гарантирова-

---

[1] © Виноградова К. А., 2020.

но человеку государством, оно дает возможность субъекту контролировать информацию о самом себе, а также препятствовать разглашению иными лицами сведений личного, в том числе интимного характера. «Частная жизнь» – сфера жизнедеятельности человека, которая относится к конкретному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства. Исключение составляет информация, содержащая в себе противоправный характер.

Вопрос изъятия электронной информации является дискуссионным и актуальным на современном этапе развития электронных технологий. Особый интерес к этому вопросу возникает у адвокатов, которые отстаивают интересы своих клиентов. В 2012 г. в ст. 82 УПК РФ было включено понятие «электронные носители информации» как разновидность доказательств по делу, продиктовавшее необходимость разработки особого порядка изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий, предусмотренного ст. 164.1 УПК РФ. Согласно этой статье по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 159 ч. 1–4, 159.1-159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст. 159 ч. 5, 6, 7, 171, 171.1, 171.3–172.2, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ, не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ.

Это означает, что при производстве следственных действий по вышеперечисленным статьям УК РФ в соответствии с ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, изъятие электронных носителей информации не допускается, за исключением следующих случаев:

1) при вынесении постановления о назначении судебной экспертизы, где исследуются электронные носители информации;

2) когда получено судебное решение на изъятие электронных носителей информации;

3) на изымаемых электронных носителях информации содержится информация, хранить и использовать которую владелец электронного носителя информации не имеет права, либо с помощью которой он может совершить новые преступления, либо копирование которой не

возможно, так как специалист указывает на возможную утерю или изменение интересующей информации.

Диспозиция ст. 185 УПК РФ «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка» указывает, что при наличии достаточных оснований полагать, что предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиограммах, на них может быть наложен арест. В ч. 2 ст. 185 УПК РФ обращено внимание, что наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи производятся на основании судебного решения. Иными словами, ч. 1 и 2 ст. 185 УК РФ подразумевают наложение ареста, выемку, осмотр сообщений, проводимые следователем по решению суда в учреждениях связи.

В свою очередь, учреждения связи, в которых проводится изъятие электронных сообщений, можно разделить на:

1) офисы поставщиков услуг сотовой (мобильной) связи (МТС, Билайн, Мегафон, Йота, Теле2 и т. п.);

2) представительства мессенджеров – учреждения, предоставляющие услуги пересылки и приема сообщений с шифрованием (WhatsApp, Viber, Telegram и т. п.);

3) филиалы сервисов электронной почты – сетевой службы, при помощи которой пользователи могут обмениваться сообщениями или документами без бумажных носителей (Gmail, Яндекс.Почта, Майл.ру, Почта Outlook.com, YahooMail, ПротонМайл и т. п.);

4) организации, представляющие услуги по хранению электронных данных – так называемое «облако» (Icloud или Google).

В связи с тем, что мобильный телефон содержит электронные сообщения и, как правило, подключен к электронным почтам и мессенджерам, возникла необходимость дополнения ст. 185 УПК РФ ч. 7, введенной Федеральным законом № 375-ФЗ от 6 июля 2016 г., согласно которой «при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка».

Вышеобозначенная норма внесла некоторые сомнения в правомерности изъятия и осмотра мобильного телефона следователем без постановления суда. Связано это с тем, что законодатель в этой части

статьи не акцентировал внимание о месте изъятия электронных сообщений. Возникает вопрос, правомерно ли изъятие электронных носителей у конкретного лица (абонента) и его осмотр без постановления суда и не нарушаются ли права граждан, закрепленные Конституцией Российской Федерации?

В первую очередь стоит разобраться, что же такое электронное сообщение и сеть электросвязи?

Электронное сообщение – это информация, преданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в последующих редакциях) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Сеть связи – технологическая система, включающая в себя средства и линии связи, предназначенная для электросвязи или почтовой связи.

Электросвязь – любое излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам (Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (в последующих редакциях) «О связи»).

Исходя из вышеперечисленных основных понятий, используемых в Федеральных законах «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», мы делаем вывод, что сообщение, переданное посредством использования сетей электросвязи – это информация, излученная, переданная или принятая с помощью знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по технологической системе, включающей в себя средства и линии связи (радиосистемы, проводной, оптической и другим электромагнитным системам), предназначенные для электросвязи или почтовой связи.

В ГК РФ закреплен принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. На данный принцип ссылаются защитники при обращении в суд с целью признать следственные действия, в частности, осмотр мобильных телефонов обвиняемых незаконными. Однако ссылка на данную норму в отношении следователя недопустима, так как он является лицом, осуществляющим расследование преступления. При наличии у следователя достаточных дан-

ных, дающих основание полагать, что в памяти электронно-цифровой техники конкретного лица, вызывающего какие-либо подозрения, содержится информация, имеющая значение для расследуемого уголовного дела, изъятие и осмотр такой техники следователем законны.

Конституционный Суд Российской Федерации отмечает: «Проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ»[1].

Анализируя российское законодательство, можно сделать вывод о том, что постановление суда требуется только для изъятия и осмотра электронных или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, если данные действия будут проводиться в учреждениях связи. В иных случаях изъятие и осмотр мобильных телефонов, электронных носителей и электронной информации проводятся по решению следователя.

Необходимо отметить, что прямого запрета на изъятие и осмотр телефона в УПК РФ нет. В связи с тем, что законодательство недостаточно адаптировано к современным электронным технологиям, у следователя отсутствует возможность проводить осмотр электронных устройств и электронной информации в качестве самостоятельного следственного действия. Поэтому до настоящего времени все осмотры электронной информации и устройств, которые связаны с извлечением информации с носителя, проводятся с помощью следственного действия – осмотр предметов.

---

[1] Алиса Фокс «Следователи могут читать переписку с телефонов и планшетов без разрешения суда – КС» // Российское агентство правовой и судебной информации [электронный ресурс] URL: http://rapsinews.ru.

Гаджимагомедов Г. К.[1]**,**
следователь следственного отделения
Отдела МВД России по Кумторкалинскому району
Республики Дагестан

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Проблема доказывания в уголовном процессе с помощью электронных документов имеет несколько уровней. Можно выделить, как минимум, три таких уровня – теоретический, законодательный и практический. Все они тесно взаимосвязаны. Практика ставит проблемы перед теорией и законодательством. Теория и законодательство пытаются решить эти проблемы, правда, не всегда во взаимодействии.

В настоящей статье мы остановимся на некоторых теоретико-прикладных проблемах доказывания с помощью электронных документов. Начнем с проблем идеологического свойства. Они, на наш взгляд, обусловлены футурологическим прогнозом относительно роли и места электронных документов в будущем уголовном процессе России. Есть позиция, имеющая многочисленных сторонников, согласно которой электронные информационно-цифровые технологии в ближайшие годы изменят как традиционное понимание документов, так и привычные инструменты их формирования. Эту позицию весьма четко сформулировал В. А. Новицкий. «Видимо будущее в доказывании, – пишет он, – за высокими цифровыми компьютерными аудио- и видео-технологиями и напрямую зависит от них, отход от письменной формы доказывания»[2].

Данная позиция сформулирована пятнадцать лет назад и поэтому носит такой осторожный вероятностный характер. Современные исследователи возможностей информационных технологий в доказывании высказываются уже более категорично. Они говорят не только о том, что будут вытеснены обычные документы, но и о том, что полностью изменится облик предварительного расследования, главной фигурой в нем станет не следователь, а специалист в области инфор-

---

[1] © Гаджимагомедов Г. К., 2020.

[2] Новицкий В. А. Перспективы развития теории доказывания / В. А. Новицкий // Проблемы понимания права и государства: материалы научно-практической конференции. Ставрополь, 2003. С. 27.

мационных технологий. В данных прогнозах утопия переплетается с реальностью. И тем не менее, предположения о доминировании электронных документов в доказывании имеют под собой и объективную почву.

Вместе с тем, прогнозируемая экспансия электронных документов не сможет сделать революцию в теории доказательств и полностью переформатировать облик уголовного судопроизводства на информационно-технологический лад. Зададимся вопросом: возможно ли в принципе полное господство электронных документов в уголовно-процессуальном доказывании? Ответ на этот вопрос у нас напрашивается отрицательный. С одной стороны, мы не станем принижать роль информационных технологий в уголовном судопроизводстве, поскольку объективных доказательств их практической пользы более чем достаточно.

Однако есть здесь и другая сторона, на которую нельзя не обратить внимания. В прогрессивной установке, озвученной В. А. Новицким, содержится один серьезный «подводный камень». На него в свое время обратил внимание О. М. Колесов. Он сформулировал следующий тезис: «При буквальном толковании «отхода от письменной формы» мы получаем регресс: отход к истокам юриспруденции, пусть и в кибернетическом понимании этих истоков. По сути, речь идет о возвращении к сугубо устному и наглядному судопроизводству. К тому, каковым оно являлось до изобретения письменности»[1].

О. М. Колесов здесь ведет речь о том, что при помощи электронных документов и прочих возможностей информационных технологий удастся значительно усилить такое общее условие судебного разбирательства, как непосредственность исследования доказательств. По сути, суд получает возможность получить виртуальный слепок события преступления и воспринимать его почти непосредственно. В такой ситуации суд из интерпретатора чужих интерпретаций превращается в непосредственного наблюдателя события преступления и, по сути, сам формирует доказательства. Подобный подход выглядит весьма привлекательно, но лишь в той ситуации, когда само уголовное дело представляется нам в примитивном сугубо информационном ключе. На самом же деле, это нечто большее, чем сгусток относимой и допустимой информации.

---

[1] Колесов О. М. Письменные доказательства в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 114.

Конечно же, мы согласимся с тем, что принцип наглядности в уголовном процессе крайне важен как в стадии судебного разбирательства, так и на досудебном этапе. Потенциал электронной (цифровой) информации велик, она служит хорошую службу судопроизводству, позволяет ему решать задачи, которые в традиционных формах получения информации не решались. Кроме того, нет резона настаивать на том, что общепринятая письменная форма лишена формально-юридических изъянов. Ее недостатки, связанные в первую очередь с опосредованностью письменной информации, процессуалистам были известны во все времена.

Однако «цифровая письменность» тоже не является панацеей и, следовательно, не лишена проблемных аспектов. Информационные технологии могут прибавить наглядности, оптимизировать работу с доказательствами, но они никогда не заменят живого общения участников уголовного процесса. В уголовном процессе информация не может просто транслироваться от технического устройства судье. Эта информация должна обязательно быть вписана в контекст уголовного процесса, соединена с другими доказательствами логическими нитями, т. е. пропущена через интеллект участников, ведущих уголовное судопроизводство. Информация не появляется в природе в каком-то готовом естественном виде. В уголовном деле она имеет антропоморфный мыслетворный характер.

И это обстоятельство означает, что «письменность цифрой» не может заменить и тем более исключить «письменность словом». Роль письменности в уголовном процессе не ограничивается фиксацией знаков устной речи. Письменность востребована не только для активизации памяти. Письменность – это особая форма организации мышления. И там, где в центре интеллектуальная деятельность, там всегда будет и письменность, будь то наука или уголовное судопроизводство. Традиционная письменность является самым надежным способом хранения информации, особенно если письменность воплощена на оправдавший себя веками бумажный носитель. Электронные хранилища цифровой информации пока еще очень уязвимы.

Таким образом, значение информационных технологий и, как следствие, электронных документов – доказательств, в уголовном процессе, требующем высокой надежности и сохранности информации, не стоит превозносить, как не стоит и намеренно принижать. Электронные документы должны занять свою особую нишу в системе уголовно-процессуальных доказательств.

Однако на этом пути имеются определенные методологические сложности. И первая проблема, с которой сталкивается уголовное судопроизводство, – это проблема формы электронного документа. В чисто физическом смысле электронный документ не имеет материальной основы. Конечно же, мы можем видеть носитель этой информации, но это не будет формой документа. Получается парадоксальная картина для судопроизводства: так, все, что распечатывается с электронного носителя, автоматически превращается в обычное (привычное) письменное доказательство и по сути перестает быть электронным.

В этой связи прав И. Г. Медведев, полагающий, что «форма электронного документа является не только его отличительным признаком по сравнению с другими документами, но и влечет его полную самостоятельность как правовой и логической категории». «Отсутствие стабильной, чувственно воспринимаемой материальной основы у электронной информации, – продолжает он, – фактически выводит ее за рамки не только письменного доказательства, но и документа в принципе. Получается логический тупик: электронный документ – это не документ и, соответственно, не письменное доказательство»[1].

Выход из этого парадоксального положения видится теоретикам в том, что электронный документ следует интерпретировать в информационной трактовке, основываясь на его фундаментальной функции – передаче информации. Юридически же данная проблема, по мнению И. Г. Медведева, легко решается путем создания в законе фикции, предполагающей рассмотрение электронных материалов именно как документов[2].

Поиск оптимального решения будет продолжаться до тех пор, пока уголовно-процессуальная наука не разберется с доказательственной природой самой «цифровой письменности» и не выяснит, в чем заключается ее доказательственная особенность. Сегодня активно продвигается идея о том, что электронное доказательство – это доказательство, которое целиком произведено с помощью информационно-цифровых технологий. Как правило, такие электронные доказательства тоже пытаются вписать в такой источник доказательств, как «иные документы».

---

[1] Медведев И. Г. Письменные доказательства в частном праве России и Франции. СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 162–163.

[2] Медведев И. Г. Там же. С. 165.

Это подход видится нам нецелесообразным. Данный источник уже перегружен. По сути, словесная формула «иные документы» несет в себе смысловую нагрузку, которая может быть выражена формулой – «иные доказательства». Но электронные доказательства нуждаются в особом правовом регулировании. Нужен целый правовой уголовно-процессуальный институт электронных доказательств, в котором свою, достойную нишу заняли бы и электронные документы.

Гимазетдинова И. Н.[1]**,**
старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Уфимского юридического института МВД России

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО КАК ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Вступив в Совет Европы, наша страна взяла на себя обязательство привести национальное законодательство в соответствие с нормами международного права и процессуальными нормативами, предусмотренными Европейской Конвенцией о защите прав и свобод человека. Двигаясь в этом направлении, в 2001 г. был принят УПК РФ, в который систематически вносятся соответствующие изменения и дополнения. Однако судебная и следственная практика не стоят на месте, выявляются все новые вопросы, проблемы и пробелы в законодательстве, требующие научной проработки и последующего восполнения путем детальной правовой регламентации. Не остаются без развития и изменения и устоявшиеся уголовно-процессуальные категории, получающие в современных условиях новое звучание.

Одной из таких категорий является уголовное дело. Совершенно очевидно, что уголовное дело является одной из основных категорий уголовно-процессуального права, поскольку именно его возникновение, движение и разрешение по существу составляет содержание уголовного судопроизводства в целом.

Вопрос же о том, что такое уголовное дело, не имеет пока четкого ответа в науке уголовного процесса. Отчасти это обусловлено тем, что уголовно-процессуальный закон не раскрывает его понятия, хотя оно является базовым для уголовного судопроизводства и чаще всего упоминается в уголовно-процессуальном законе.

К примеру, в разделе I УПК РФ «Основные положения» понятие «уголовное дело» («дело») употреблено в различных словоформах около 80 раз. Всего в тексте УПК РФ данное понятие встречается более 1000 раз. Отсутствие нормативного толкования термина «уголовное дело», на наш взгляд, можно считать серьезным недостатком в разработке уголовно-процессуального закона.

Тем более, что уголовно-процессуальные законы зарубежных государств разъясняют это понятие.

---

[1] © Гимазетдинова И. Н., 2020.

В научной литературе определению уголовного дела тоже не уделено должного внимания. Его пытаются рассматривать как: номенклатурное дело, составленное из процессуальных документов, отражающих порядок производства, содержание и результаты следственных и иных процессуальных действий; деятельность, инициированную вынесением постановления на основании предположения достаточной степени вероятности о наличии факта совершения преступления, осуществляемую специально уполномоченными уголовно-процессуальным законом субъектами и направленную на достижение назначения уголовного судопроизводства; совокупность процессуальных документов; юридическое производство и даже жизненный случай. Есть и другие попытки дать определение этому понятию. Все они немногочисленны и прямо не касаются исследования института уголовного дела в каких-то конкретных его аспектах.

Немало вопросов возникает при реализации правовых предписаний об оформлении материалов уголовных дел. Поиск научных путей разрешения проблем, связанных с формированием оптимального объема уголовного судопроизводства, имеет большое значение в современный период развития уголовно-процессуального права. Так, по данным МВД России, в январе – августе 2019 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 12,4 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+5 %), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий вырос с 8,0 % в январе – августе 2018 г. до 8,4 %[1].

Представленные статистические данные являются прямым свидетельством того, что в практике органов предварительного расследования и суда увеличилось количество уголовных производств, по которым могут быть приняты решения о соединении и выделении уголовных дел и материалов. Этот институт претерпел значительные изменения. Однако отсутствие разъяснений, научных разработок и рекомендаций по применению «новых» процессуальных правил приводит к тому, что в разных регионах Российской Федерации практика идет по различным путям реализации данных предписаний, причем не всегда соответствующим букве закона.

Системное реформирование уголовно-процессуального законодательства в направлении расширения прав участников процесса и по-

---

[1] Состояние преступности в России (за январь – август 2019 г.) // Статистический сборник. М. : ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2019. С. 6.

вышения стандартов доказывания выявило ряд важных проблем правоприменения, долгое время остававшихся без должного теоретического анализа и нормативного регулирования. Одной из таких проблем является оформление материалов уголовных дел. При всем техническом, казалось бы, характере этой стороны уголовного судопроизводства вопросы оформления материалов уголовных дел имеют важное значение. Между тем, действующее законодательство не только не содержит развернутых правил, позволяющих грамотно оформить материалы уголовного дела, но даже не предусматривает саму эту ситуацию. В настоящее время большинство правил оформления уголовного дела действуют «технически», т. е. непроцессуально, исходя из сложившихся обычаев, без соответствующих норм и вне правовых отношений.

За почти тридцатилетний период судебно-правовой реформы юристы, граждане России постепенно привыкают мыслить подлинно правовыми категориями. Сегодня трудно совместить в сознании установки на необходимость строгого соблюдения в судопроизводстве процессуальной формы, охрану прав и интересов личности, обеспечение высоких стандартов доказывания и реализацию иных охранительных норм с возможностью оформления материалов уголовного дела вне рамок правоотношений государственных органов с заинтересованными субъектами процесса, по существу, без их участия. Встречаются и такие предложения, как ведение следователем и адвокатом параллельного документального производства по уголовному делу с равным правовым значением собранных материалов (А. С. Александров, В. А. Лазарева) либо полную его ликвидацию (С. В. Власова). Общее развитие российского права, совершенствование нормативной основы судопроизводства с закономерностью высветило фактически абсолютную пробельность уголовно-процессуального закона в рассматриваемой сфере.

В условиях современных повышенных требований к соблюдению процессуальной формы представляются недопустимыми используемые в практике неофициальные (стихийные) подходы к оформлению материалов уголовных дел, нередко граничащие с фальсификацией доказательств.

Век информации и информационных технологий требует от человека соответствия техническому прогрессу. Многие процессы производства и других областей жизнедеятельности современного общества подверглись цифровизации. Например, электронный документо-

оборот уже прочно вошел в нашу действительность. Анализ научной литературы и диссертационных исследований позволил нам сделать вывод, что подавляющее большинство современных исследований направлены на изучение вопросов автоматизации деятельности следователя, введения в процесс расследования уголовного дела различных электронных процедур документального оформления.

Например, О. А. Мещерякова, рассматривая организационно-процессуальные меры предупреждения утраты уголовных дел, отмечает, что электронное уголовное дело обеспечит полную сохранность документов, составленных в ходе расследования преступления. Далее она предлагает создать некий электронный портал, где будут размещаться в отсканированном виде процессуальные документы. А участники уголовного процесса посредством пароля смогут получить доступ к документам[1].

Предложенное решение интересное, но оно нас не освобождает от ведения производства в бумажной форме.

С. В. Зуев, анализируя положительные и отрицательные стороны введения электронного уголовного дела, указывает: – «Электронное уголовное дело – кульминация в развитии электронного документооборота»[2]. Рассматривая опыт в указанном направлении таких стран как США, Канада, Германия, Бельгия, Саудовская Аравия, автор не учитывает существенные различия в строении уголовного судопроизводства названных стран и России.

Безусловно, современное развитие техники и информационных технологий предполагает соответствие уровню прогресса во всех направлениях государственной деятельности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

Переход на электронное производство предварительного расследования невозможен без определения значения действующей документальной формы оформления результатов расследования. Современные авторы, не задумываясь о годами сложившейся и отработанной документальной процедуре оформления результатов предвари-

---

[1] Мещерякова О. А. Организационно-процессуальные меры предупреждения утраты уголовных дел в системе профилактики преступности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Вып. 2. С. 144.

[2] Зуев С. В. Электронное уголовное дело: за и против. // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1(19). С. 6.

тельного расследования, предлагают новые решения, которые не имеют достаточной апробации.

Актуальность проблемы оформления дел подтверждается также очевидной незащищенностью порядка производства по уголовным делам от умышленного уничтожения собранных материалов. В настоящее время нет процессуальных профилактических мер против частичного или полного уничтожения обвиняемыми уголовных дел в ходе ознакомления с ними и при производстве следственных действий. Последовательно расширяя в уголовном судопроизводстве конституционное право граждан на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы, законодатель не предусмотрел разумных средств защиты от уничтожения этих материалов (ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации).

Можно констатировать, что на законодательном и ведомственном уровне отсутствует система мер, обеспечивающих сохранность уголовных дел. Остро стоит проблема сохранности уголовных дел о преступлениях прошлых лет, количество которых постоянно возрастает. Так, за период с января по август 2019 г. не раскрыто 536,9 тыс. преступлений, что на 4,6 % больше аналогичного показателя за январь – август 2018 г. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 26,0 % (в январе – августе 2018 г. – 22,0 %)[1]. Выявлены недостатки в хранении и довольно распространенные случаи утраты приостановленных уголовных дел.

Проблема оформления материалов уголовных дел является межведомственной, требующей согласованных организационных усилий всех органов предварительного расследования, прокуратуры, судов (включая структуры, обеспечивающие их деятельность), Министерства юстиции России. В тщательном изучении нуждается практика учета, хранения, перемещения, передачи уголовных дел внутри ведомства (при смене руководства, увольнении должностных лиц, структурных изменениях, по распоряжению руководителя) и за его пределы, а также подведомственность и порядок восстановления уголовных дел при их утрате в суде.

---

[1] Состояние преступности в России (за январь – август 2019 г.) // Статистический сборник. М. : ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2019. С. 5.

Несмотря на все попытки, предпринимаемые в том числе и законодателем[1], в Российской Федерации отсутствует какой-либо нормативный правовой акт, регламентирующий вопросы делопроизводства в ходе предварительное расследования.

Тем не менее вопросы об уголовном деле как комплексной документальной форме представления результатов уголовного судопроизводства исследованы лишь фрагментарно. Непосредственно проблемам оформления материалов уголовных дел посвящены диссертационные исследования Дробинина Д. В. (Соединение и выделение уголовных дел как гарантия их встроенного, полного и объективного исследования. М., 1999); Ефремовой Н. П. (Восстановление утраченных уголовных дел. Омск., 2001); Денисова С. А. (Законность и обоснованность соединения и выделения уголовных дел. М., 2002); Черкасова Д. А. (Соединение и выделение уголовных дел и материалов в российском уголовном процессе. Тюмень, 2005); Кувычкова С. И. (Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде. Н. Новгород, 2016) и др.

Однако указанные исследования освещают достаточно узкий спектр отношений, связанных с оформлением материалов уголовных дел, исключая организационную и контрольную деятельность должностных лиц в уголовном судопроизводстве. Кроме того, на сегодняшний день при стремительном развитии возможностей, предоставляемых научно-техническим прогрессом, отсутствуют одновременно комплексные и актуализированные уголовно-процессуальные исследования.

Перед тем как принять решение о переводе производства по уголовным дела в электронную форму, мы должны знать:

1. Общие теоретические положения об уголовном деле как комплексной документальной форме представления результатов уголовного судопроизводства, его назначении, структуре, порядке формирования и оформления.

2. О взаимосвязи уголовного дела с иными формами производства, предшествующими либо осуществляющимися параллельно расследованию (контрольно-наблюдательное дело, дело оперативного учета, надзорное производство).

---

[1] Имеются в виду попытки установить форму бланков процессуальных документов в качестве приложения к УПК РФ.

3. Алгоритм оформления уголовных дел, в том числе многоэпизодных либо характеризующихся большим количеством обвиняемых.

И самое главное, переход на электронную форму производства предварительного расследования невозможен без учета общетеоретических положений об уголовно-процессуальной форме.

Гурдин С. В.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Цифровизация каждый день охватывает все более широкие сферы общественной жизни.

Не избежало этой участи и судебное заседание, которое в современном правовом государстве является центральной стадией всего уголовного судопроизводства, на которой в условиях неукоснительного соблюдения закона разрешается основной вопрос о виновности лица в совершении преступления.

Присутствующие в зале судебного заседания имеют уникальную возможность убедиться в том, что все происходит с соблюдением основополагающих принципов уголовного судопроизводства, таких как гласность, состязательность и других.

Серьезный отпечаток в сознании лиц, присутствующих в открытом судебном заседании оставляет предусмотренная УПК РФ возможность вести аудиозапись и письменную запись.

При этом законодатель допускает с разрешения председательствующего в судебном заседании возможность осуществления указанными выше лицами фотографирования, видеозаписи, киносъемки и даже трансляцию открытого судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Следует отметить, что по радио, телевидению и в сети «Интернет» могут осуществляться прямые трансляции судебного заседания, отсроченные трансляции судебного заседания и частичные трансляции

---

[1] © Гурдин С. В., 2020.

судебного заседания в полном соответствии с ч. 3 ст. 15.1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[1].

В свое время профессор А. В. Победкин в одной из своих статей совершенно справедливо отметил, что «уголовное судопроизводство всегда – средство воспитания общества, даже если такая задача перед ним законодательно и не ставится. Воспитывает своим содержанием, формой, итоговыми решениями, поведением и отношением к делу и человеку должностных лиц, ведущих уголовный процесс, уровнем уважения к людям и защиты их прав и законных интересов, а самое главное – эффективностью выполнения своей основной функции: публичности, т. е. защиты народа от преступных проявлений, которые могут достигать уровня угрозы национальной безопасности страны»[2].

УПК РФ действительно не содержит в себе задачи воспитания граждан в духе нетерпимого отношения к преступлениям, неукоснительного соблюдения Конституции Российской Федерации и действующих законов, включая в первую очередь уголовный, так его нарушение есть наиболее серьезная форма противоправного поведения, влекущая за собой неизбежность наказания и отрицательную оценку со стороны государства и общества.

И тем не менее, воспитательное воздействие судебного разбирательства сложно переоценить.

Оно заключается в том, что прививает лицам, присутствующим в зале судебного заседания, чувство ответственности за свои поступки, своих близких и просто знакомых людей, заставляет задуматься о том, что такое есть преступление и какой иногда непоправимый вред оно наносит как общественным отношениям, так и самой жизни отдельных граждан, потерпевших от него.

Судебное разбирательство в ряде случаев оказывает воспитательное воздействие и на самого подсудимого, который вынужден ощутить на себе весь груз ответственности за содеянное и отношение общества к нему лично.

---

[1] Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (редакция от 28 декабря 2017 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

[2] Победкин А. В. Уголовное судопроизводство как невостребованное средство воспитания человека. Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 40.

По сути, в зале судебного заседания создается устойчивая атмосфера, пропитанная духом общественного осуждения и неотвратимости наказания каждого, кто преступил закон.

Сегодня цифровизация настигла не только судебное заседание, но и другие аспекты многогранной деятельности суда.

В условиях, когда не только взрослые граждане, но и подрастающее поколение страны ежедневно черпает значительный объем знаний именно из глобальной сети «Интернет», таким образом размещенная там информация о деятельности судов попадается на глаза и пусть не у всех, но вызывает интерес.

Тексты приговоров по уголовным делам, вступившие в законную силу, просмотр трансляции судебного заседания по уголовным делам, заставляют по-настоящему задуматься о том, каким образом поступать нельзя ни при каких обстоятельствах под страхом уголовного наказания, которое неизбежно последует в случае нарушения уголовного закона.

Ендольцева Ю. В.[1],
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;

Трегубов И. С.[2],
курсант 174 учебного взвода 3 О курса
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

На сегодняшний день встает вопрос о применении электронных документов в уголовном судопроизводстве. Прежде чем начать раскрывать актуальность данной темы и ее проблематику, хотелось бы дать общепринятое понятие электронным документам, на основе которого определить электронное доказательство.

Электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человека, с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Исходя из данного понятия, можно сделать вывод, что применительно к уголовному судопроизводству электронным доказательством является информация, относящаяся к уголовному делу, представленная в электронной форме, созданной и обработанной с помощью электронно-вычислительных машин посредством программного обеспечения.

Электронные доказательства не выделены в уголовно-процессуальном законе в отдельную группу. Их в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ можно отнести как к вещественным доказательствам (элек-

---

[1] © Ендольцева Ю. В., 2020.
[2] © Трегубов И. С., 2020.

тронный носитель информации), так и к иным доказательствам (электронный документ).

Одной из ключевых проблем в правоприменительной практике стало применение таких доказательств. Только за последние 10 лет из-за сильного скачка развития технологий резко вырос уровень преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий и в отношении компьютерной информации, и как следствие этого, законодательство и правоохранительные органы столкнулись с рядом проблем в плане самого применения по уголовным делам электронных доказательств.

Так, приговором Верховного Суда Республики Крым от 22 июня 2018 г. гражданин А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 228.1 со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ. Данный гражданин совершал преступления с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, а именно: в январе 2017 г. он вошел на один из интернет-ресурсов и с его помощью производил продажу наркотических и психотропных средств, а оплату за них получал через неперсонифицированную платежную систему Bitcoin[1].

В УПК РФ на данный момент отсутствует регламентация порядка получения электронных доказательств, а также их использования при производстве по уголовному делу. Государство столкнулось с тем, что электронные доказательства в судебной практике признавались недействительными.

Данный вид доказательств, а именно электронные документы, обладают особенностями. Они содержатся на специальных носителях: жесткие диски, флеш-карты, сервера, облачные хранилища данных и любые другие носители информации. При обнаружении электронных документов и в целях последующего приобщения их к уголовному делу в качестве электронного доказательства нужно правильно их изъять, описать, сохранить их первоначальный вид[2].

Сбор электронных доказательств происходит путем проведения следственных действий, как правило, это выемка, обыск, осмотр. На данный момент в УПК РФ есть только статья 164[1], которая появилась в конце 2018 года. В данной статье изложены правила изъятия элек-

---

[1] Решение Верховного суда Республики Крым по уголовному делу № 1-11/2018 URL: https://vs--krm.sudrf.ru.

[2] Ермакова Е. С., Джумангалиева Д. М. Электронные доказательства как новое направление в практике предварительного расследования // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 85–87.

тронных носителей информации. Но не установлен порядок извлечения сведений, имеющих значение для уголовного дела, с носителей электронной информации, порядок применения электронных документов в уголовном судопроизводстве, их хранения.

Для урегулирования данного вопроса на стадии предварительного расследования нужны лица (специалисты), которые обладают знаниями в области IT-технологий и имеют необходимую квалификацию, причем не только для правильного и оперативного извлечения данных с электронного носителя информации, но и для ее защиты, транспортировки, воспроизведения. Необходим анализ и проверка этой информации, ведь электронную информацию можно видоизменить с помощью программного обеспечения, которое существует в открытом доступе. Поэтому необходимы и специально-тактические устройства, позволяющие правоохранительным органам обеспечивать информационную безопасность в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, в век технологического прогресса к электронным документам как доказательствам нужно предъявлять более строгие требования, чем к другим видам доказательств. Ведь доказательства, если хранятся в электронном ресурсе, подвержены дистанционному вмешательству, может происходить фальсификация доказательств.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что на стадии предварительного расследования органы дознания и предварительного следствия из-за отсутствия должной регламентации рассматриваемых вопросов в уголовно-процессуальном законодательстве, нехватки судебно-следственной практики, специалистов с нужной квалификацией, стараются почти не использовать электронные доказательства как вид иных доказательств в уголовном судопроизводстве.

В заключение отметим, что с каждым годом растет количество преступлений, связанных с электронными телекоммуникационными сетями, и их оперативное раскрытие и расследование возложено на правоохранительные органы. Все чаще в судебной практике встречаются случаи, когда вина преступника была доказана с помощью интернет-ресурсов, в частности, социальных сетей или мессенджеров, переписки в электронной почте, ведь преступники оставляют свои следы не только в реальном, но и в виртуальном мире.

Поэтому на сегодняшний день вопрос применения электронных доказательств в уголовном судопроизводстве достаточно актуален, но он до конца не разрешен.

Ермаков С. В.[1]**,**
заместитель начальника кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Совершенствование предварительного расследования в условиях меняющихся общественных отношений, развития и внедрения информационных технологий во многие сферы государственной деятельности является объективной необходимостью.

Цифровизация уголовного судопроизводства, особенно досудебной его части, на сегодняшний момент явно недостаточна, и ее уровень не соответствует современным требованиям по развитию информационного общества.

Среди причин такой ситуации можно указать низкий уровень компьютерной грамотности граждан, вовлеченных в данную сферу; недостаточные технические возможности органов предварительного расследования, прокуратуры, судов для перехода в цифровую среду (наличие компьютерной техники, серверов для хранения информации, систем информационной безопасности); необходимость сохранения тайны следствия; отсутствие электронных цифровых подписей у большинства граждан и должностных лиц.

Сохранение традиционной формы предварительного расследования неизбежно ведет к тому, что нагрузка на следователей по находящимся в их производстве уголовным делам и материалам постоянно возрастает. Численность следователей в системе Министерства внутренних дел за последние годы сократилась с 54 тыс. до 45 тыс[2]. Увеличение лишь численности следственного аппарата не решит всех проблем.

---

[1] © Ермаков С. В., 2020.

[2] Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2019 г. // МВД Медиа [электронный ресурс] URL: https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii/ (дата обращения: 20.09.2019).

Необходимо финансирование и внедрение разработок по информатизации правовой деятельности. По пути развития цифровизации пошла банковская система, сократив количество дополнительных офисов, банкоматов, сотрудников, не потеряв в качестве услуг. Также стремительно развивается в цифровом плане сектор госуслуг.

Цифровые технологии внедряются в правовой сфере точечно (Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России). Цифровизация в правовой сфере должна коснуться и деятельности органов предварительного расследования.

В науке достаточно уделяется внимания вопросам формулирования идей для внедрения информационных технологий в процессуальную деятельность, однако без соответствующего финансирования разработки данных предложений, их апробации и технического сопровождения ситуация остается на прежнем уровне. Д. А. Натура под информационными технологиями в уголовном судопроизводстве понимает, прежде всего, средства, приемы и методы собирания, обработки и передачи первичной информации о расследуемом событии для получения уголовно-процессуальных доказательств[1]. Вместе с тем, информационные технологии имеют более широкий потенциал применения в связи с расследованием уголовных дел. Так, имеются предложения от специалистов по созданию электронного уголовного дела с системой доступа участников с разными правами[2]. Традиционно анализируется зарубежный опыт использования электронного уголовного дела в различных странах, высказываются обоснованные опасения по поводу возможности неправомерного изменения содержащейся в уголовном деле информации[3]. Полагаем, что эксперименты по внедрению электронных уголовных дел необходимо проводить лишь в отдельных категориях уголовных дел, требующих анализа

---

[1] Натура Д. А. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве и их роль в процессе доказывания по уголовным делам // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 156–160.

[2] Бертовский Л. В. Цифровое судопроизводство: проблемы становления // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства : сборник материалов международной научно-практической конференции. 2018. С. 173–178.

[3] Зуев С. В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4. С. 6–12.

значительного объема доказательств, с участниками, способными использовать информационные технологии. Например, различные экономические и налоговые преступления, преступления в сфере информационных технологий.

В настоящий момент потенциально возможным является цифровизация органов предварительного расследования по отдельным направлениям деятельности, например в сфере информационного обмена. Должностным лицам органов предварительного расследования в ходе осуществления своей деятельности приходится взаимодействовать с гражданами, с участниками уголовного судопроизводства, запрашивать различные сведения от государственных и муниципальных органов, организаций и т. д. Так, следователь, дознаватель осуществляет направление различных уведомлений (заявителя уведомляют о возбуждении уголовного дела; судью и прокурора – о производстве обыска в жилище и т. п.); направление копий постановлений следователя, дознавателя прокурору; подписание статистических карточек прокурором; согласование отдельных решений дознавателя у прокурора; предоставление в суд копий материалов уголовного дела для принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего; собирание характеризующих материалов на подозреваемого, обвиняемого, (запрашиваются сведения о судимости из Информационного центра (ИЦ), Зонального информационного центра (ЗИЦ), сведения из наркологического (НД) и психоневрологического диспансеров (ПНД)); ознакомление участников с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования.

Значительный объем перечисленных действий потенциально возможно осуществлять с использованием информационных технологий путем создания единой системы электронного документооборота уголовного судопроизводства.

Внутриведомственное, межведомственное и иное взаимодействие органов предварительного расследования в настоящее время сопровождается огромным документооборотом, преимущественно в бумажной форме, а это не только не соответствует современным цифровым технологиям, но и отнимает значительное время у следователей и дознавателей, отрывая их от работы по непосредственному расследованию совершенных преступлений.

В связи с этим необходимо искать способы экономии времени дознавателями, следователями, затрачиваемого на такую техническую работу. Внедрение информационных технологий может способствовать решению данной задачи.

Уже сейчас объективно используется, но при этом является законодательно неурегулированной, процедура передачи различных материалов между участниками уголовного судопроизводства: направление документов по электронной почте; передача файлов на электронных носителях, уведомление о принятых решениях через мессенджеры (WhatsApp). Однако, вместо такого неформального документооборота, целесообразно введение единой системы межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и судов, а также иных участников уголовного судопроизводства, в том числе на основе уже апробированных информационных технологий (ГАС «Правосудие» или ИСОД МВД России).

Полагаем, что внедрение информационных технологий в процессы уголовного судопроизводства будет возможно лишь после реализации программы цифровой экономики в других сферах общественных отношений. Необходимо формирование соответствующей информационной среды в обществе, и, прежде всего, выдача паспортов гражданам с интегрированной в них электронной подписью (имеется опыт в Эстонии, Киргизии). Наличие электронной подписи у всех граждан и должностных лиц позволит гражданам направлять электронные документы должностным лицам правоохранительных органов, подписывать документы, осуществлять межведомственное взаимодействие правоохранительных, судебных и иных органов.

Считаем также целесообразным создание личных кабинетов для участников уголовного судопроизводства по аналогии с порталом Государственных услуг Российской Федерации. Например, заявитель через личный кабинет сможет подать заявление, там же он будет уведомляться о принятии решения о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела. Для потерпевшего личный кабинет предоставит возможность ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, иными материалами уголовного дела в части его касающейся, подавать заявления, ходатайства, жалобы. Обвиняемый сможет знакомиться с обвинительным заключением, обвинительным актом (постановлением), а подсудимый – с приговором или иным решением суда.

Полагаем, что уголовное судопроизводство не должно оставаться «законсервированным» в своем развитии. Необходимо разумно следовать новым тенденциям развития информационных технологий, не ставя целью их обязательное внедрение везде и всюду, а использовать в уголовном судопроизводстве лишь апробированные в других сферах общественных отношений информационные технологии. Необходимо государственное финансирование и внедрение разработок по информатизации правовой деятельности в целом, и в частности предварительного расследования, что позволит высвободить резервы для качественного раскрытия и расследования преступлений.

Заливин А. Н.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Рыжаков А. П.[2]**,**
кандидат юридических наук, профессор

ПРОБЛЕМА АЛГОРИТМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ЕЕ РАЗРЕШЕНИЮ

В последнее время законодатель, а за ним и правоприменитель постоянно расширяет вектор использования информационных технологий в процессуальных отраслях права[3], в том числе и в уголовном процессе[4]. Все идет к тому, что в будущем часть уголовно-процессуального производства будет отведена под специальные программы. Но таковые не смогут продуктивно работать без предварительной алгоритмизации уголовно-процессуальной действительности, которая, в свою очередь, невозможна без четких границ между используемыми в уголовном процессе понятиями и институтами.

В настоящее время законодатель значительное число уголовно-процессуальных терминов, зачастую без какой-либо оговорки, использует в разных значениях. Это приводит не только к их неоднозначному толкованию, но и к затруднению, если не сказать к невозможности введения таковых в оборот информационных технологий.

---

[1] © Заливин А. Н., 2020.

[2] © Рыжаков А. П., 2020.

[3] Брежнев О.В. Применение современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении конституционного правосудия в России / О. В. Брежнев // Российский судья. 2019. № 6. С. 56–60; Капустин О. А. Влияние использования информационных технологий в федеральных судах общей юрисдикции на перспективы изменения территориальной судебной организации / О.А. Капустин // Администратор суда. 2019. № 2. С. 3–8.

[4] Степаненко Д. А. Использование открытых информационных технологий для расследования преступлений в отношении несовершеннолетних / Д. А. Степаненко, А. А. Рудых // Российский следователь. 2019. № 4. С. 16–19; Долгинов С. Д. Информационные технологии следственной деятельности / С. Д. Долгинов; [под ред. О. А. Кузнецовой и др.] // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 460–466.

Компьютерные программы не смогут распознать юридическую терминологию, пока у одинаковых по наименованию терминов будет оставаться разное значение. Подобных «слов и выражений» в УПК РФ десятки, когда один и тот же термин, зачастую в одной и той же статье закона, употребляется в отличающихся друг от друга смыслах.

Возьмем, к примеру, понятие «потерпевший». Исходя из содержания первого предложения ч. 1 ст. 42 УПК РФ «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». В этом значении данный термин использован законодателем в п.п. 3, 12 ст. 5, п. 1 ч. 1 ст. 6, ч.ч. 3.1 и 3.3 ст. 6.1, ч. 3 ст. 21 УПК РФ. Причем в некоторых случаях под потерпевшим в уголовно-процессуальном законе подразумевается указанное лицо, безусловно, еще до вынесения в отношении него постановления (определения) о признании потерпевшим (например, в п. 59 ст. 5, п. 5 ч. 1 ст. 24, ч. 5 ст. 32 УПК РФ).

Между тем, в большинстве случаев под потерпевшим в уголовном процессе все же подразумевается лицо, в отношении которого следователь (дознаватель и др.), судья оформил и подписал надлежащее постановление, или же суд вынес определение о признании его потерпевшим. Несмотря на наличие в УПК РФ двух вышеописанных категорий, если в деле отсутствует постановление о признании лица потерпевшим, нет в уголовном процессе и указанного участника уголовного процесса. По меньшей мере, того, права и обязанности которого содержатся в ст. 42 УПК РФ, статус которого урегулирован также п. 47 ст. 5, ст. 11, ст.ст. 22, 25, ч. 5 ст. 32 УПК РФ.

Аналогична ситуация и с законным представителем потерпевшего, гражданским истцом, подозреваемым и др.

Даже термин «уголовное дело» законодатель употребляет в трех отличающихся друг от друга смыслах.

Когда в УПК РФ речь идет о материалах уголовного дела, о выписывании сведений из уголовного дела и т. п., под уголовным делом подразумевается совокупность определенных процессуальных документов и не являющихся документами доказательств (к примеру, п. 3 ч. 3 ст. 31, ч. 2.1 ст. 37, п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). В выражениях «доказательства по уголовному делу», «принесенные по уголовному делу жалобы» и т. п. под уголовным делом понимается уголовно-процессуальная деятельность по расследованию обстоятельств со-

вершения преступления (общественно опасного деяния), рассмотрению и разрешению вопросов, поставленных перед следователем (дознавателем и др.), судом (судьей) уголовно-процессуальным законом (к примеру, п. 3 ч. 2 ст. 42, п. 7 ч. 4 ст. 44, п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Третье значение термина «уголовное дело» – сам факт (группа обстоятельств), исследование которого осуществляется вначале на стадии предварительного расследования, а затем и на судебных стадиях (например, ст. 2, ч. 1 ст. 3, ст. 4, п. 56 ст. 5, ч. 2 ст. 7 и др. УПК РФ).

Данное положение вещей приводит процессуалистов к предложениям употреблять уголовно-процессуальные понятия в широком и узком смысле слова. Действующая редакция ст. 58 УПК РФ, к примеру, позволяет заявить, что в ней, именно таким образом, законодателем используется понятие «специалист». Чтобы этого не было, можно было бы усовершенствовать текст ст. 58 УПК РФ так, чтобы в ней появился еще один участник помимо специалиста – «лицо, ранее участвовавшее в уголовном деле в качестве специалиста» или «специалист в широком смысле слова». Тут же следовало бы определить его правовой статус. Усовершенствовать в этом случае придется и ч. 1 ст. 168 УПК РФ. Здесь термин «специалист» следует заменить словосочетанием «лицо, обладающее специальными знаниями» или, «специалист в предельно широком смысле слова».

Но все это слишком громоздко и поэтому не вполне удобно. Упростить данный процесс можно было бы аналогично тому, как это делается в математике. Так, теория интегрирования математического анализа в той или иной степени основана на суммах Дарбу (S). Они подразделяются на верхнюю и нижнюю суммы. Для упрощения понимания, о какой именно сумме идет речь, в математике приняты два вида обозначения: верхняя сумма $\bar{S}$ (S с верхней чертой) и нижняя сумма $\underline{S}$ (S с нижней чертой). Эту же систему последовательно было бы использовать в законотворчестве, правоприменении, учебной и научной работе ученых-правоведов. Предлагается в случае употребления понятия в широком смысле слова использовать термин с верхней чертой, когда же понятие употребляется в узком смысле слова – с нижней чертой.

После введения такого новшества специалистом в УПК РФ (без верхней и нижней черты), к примеру, станем именовать лишь лицо, обладающее специальными знаниями, вызванное (приглашенное) в порядке, установленном УПК РФ для содействия в обнаружении, закреплении и (или) изъятии предметов (иных объектов), применении

технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и (или) суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию», при производстве процессуальных действий, и (или) осуществляющее хотя бы один из названных видов деятельности. С одной оговоркой – статусом специалиста лицо может обладать лишь в рамках временного промежутка, в процессе течения которого осуществляется уголовно-процессуальное производство по конкретному уголовному делу.

У каждой формы выражения уголовно-процессуальной нормы права должно быть одно значение. Только в этом случае возможна алгоритмизация применения правовых норм и анализ их информационными системами. Речь идет о статьях закона, прежде всего УПК РФ, и использованных в них терминах, словосочетаниях и т. д.

Когда знакомишься с содержанием действующего УПК РФ, возникает мысль, что законодатель даже и не предполагал, что это необходимо, а ученые и практики, которыми был подготовлен текст закона – что таковое возможно.

Предпримем попытку сформулировать научную классификацию примеров рассматриваемого явления. Классификация способствует систематизации накопленных знаний, обеспечивает правильное использование понятий и терминов, устраняет двусмысленность и неоднозначность языка науки[1].

Итак, по нашему мнению, типичными нарушениями логики изложения норм права, которые мешают алгоритмизации уголовного процесса, являются следующие ситуации:

1) содержание статьи (пункта, части статьи) УПК РФ явно не соответствует той идее, которую законодатель стремился в ней закрепить;

2) недостатки редакции статьи УПК РФ позволяют (делают возможным) различное ее толкование;

3) статьи УПК РФ противоречат друг другу;

4) в одной статье УПК РФ одно и то же слово без каких-либо оговорок используется в двух, а иногда в большем количестве значений;

5) текст закона предоставляет определенные права лишь одному участнику уголовного процесса, хотя, исходя из содержания других статей, такие права наличествуют и у других участников.

---

[1] Кондаков Н. И. Логика. М., 1954. С. 377.

Принятие мер к ликвидации данных пробелов законотворчества – одна, пусть и не единственная, но важная ступень на пути цифровизации уголовного процесса.

Захарова О. А.[1],
преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В начале XXI века с развитием информационно-телекоммуникационных технологий во всех сферах жизни общества, произошло их внедрение, в том числе, и в сферу уголовного судопроизводства. Новейшие технологии, применяемые при совершении преступлений, порождают необходимость поиска новых способов их расследования и раскрытия, а также появление нового вида доказательств – электронных доказательств.

История развития уголовного судопроизводства неразрывно связана с постоянным совершенствованием процедуры доказывания с применением результатов научно-технических достижений, которые позволили в настоящее время говорить об электронной информации, электронных носителях информации, и, наконец, об «электронных доказательствах», «электронном уголовном деле», «электронных следственных действиях». Неслучайно электронные носители информации в настоящее время являются одним из видов вещественных доказательств в УПК РФ.

Глава 10 УПК РФ выделяет документы как источники судебных доказательств в трех следующих видах:

1) протоколы следственных и судебных действий, заключение эксперта (ст. 74 УПК РФ);

2) иные документы (если сведения, изложенные в них, имеют отношение к уголовному делу) (ч. 2 ст. 84 УПК РФ);

3) вещественные доказательства (ст. 81 УПК РФ).

Электронная информация находит свое отражение в фотоснимке, видеозаписи, памяти человека – очевидца, и тогда к свидетелю применяется допрос, в результате чего электронная информация предстанет в уголовном деле уже в виде показаний. Также возможна запись электронных данных на внешний носитель или печать их на бумаге. Кроме того, возможна фиксация электронной информации в уголовно-процессуальном порядке – в протоколе следственного дей-

---

[1] © Захарова О. А., 2020.

ствия. Поэтому можно сделать вывод, что носитель информации в результате следственных действий может квалифицироваться как иной документ либо как вещественное доказательство.

Электронные документы, в свою очередь, в уголовном судопроизводстве допускаются, как правило, в качестве иных документов, так как они создаются в ходе обычной человеческой деятельности вне рамок уголовного процесса. В ст. 84 УПК РФ содержится широкое понятие документа без указания на его способ фиксирования и физическую форму, что позволяет признать электронные документы в качестве «иных документов».

Ст. 474.1 УПК РФ регулирует порядок использования электронных документов. Однако, в законодательстве отсутствует прямое указание на необходимость того, чтобы иной документ обладал указанными в материальном праве признаками, что вызывает различные подходы к оценке электронных документов.

В одних случаях электронные документы приравниваются к вещественным доказательствам, в других случаях аналогичные документы признаются доказательствами – иными документами. Поэтому необходимо включить в уголовное законодательство указание на соответствие электронного документа требованиям, установленным в материальном праве[1]. В связи с этим в ст. 84 УПК РФ необходимо внести изменения, указав, что сведения, содержащиеся в документах, должны отвечать требованиям, установленным УПК РФ, другими федеральными законами, иными нормативными актами.

В силу положений ст. 474.1 УПК РФ в уголовном судопроизводстве наряду с документами на материальном носителе (бумаге) допускается использование электронных документов. Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что представления, жалобы, заявления, ходатайства подаются в суд в форме электронного документа, заверенного электронной подписью.

Практика бумажного документооборота в области направления запросов в различные организации органами дознания и предварительного следствия и получение ответов, информационно-справочных материалов на практике не в полной мере отвечает требованиям о разумном сроке уголовного судопроизводства, закрепленным ст. 6.1 УПК РФ, а сама перспектива электронного документооборота в уго-

---

[1] Баранов А. М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процессе XXI века // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69.

ловном процессе, в том числе и использование в качестве доказательств по уголовному делу электронных документов поддерживается учеными[1].

Если рассмотреть законодательное определение, то под электронным документом понимается документированная информация, которая представлена в электронном виде, т. е. в форме, пригодной для восприятия с помощью электронно-вычислительной техники, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Одним из важных признаков электронного документа нужно назвать его отделимость от материального носителя информации, способность быстрого поиска документа с помощью ЭВМ, возможность передачи данного документа. Так как электронные документы могут служить средствами для установления обстоятельств уголовного дела, на практике материальные носители этих документов признаются вещественными доказательствами, а надлежащим образом заверенные копии их содержимого, отраженные на бумажных носителях, в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ используются в качестве доказательств.

Здесь, на наш взгляд, проявляется одна из проблем применения электронной информации в качестве доказательств в уголовном процессе, а именно: если проанализировать положения УПК РФ, которые вводят термин «электронный носитель информации» в уголовно-процессуальную деятельность, то можно увидеть, что законодатель дает указание на процедуру изъятия электронной информации совместно с электронным носителем такой информации. В то же время понятие электронных доказательств намного шире, чем понятие «электронный носитель информации», поскольку в качестве доказательства выступает информация, а носитель значения не имеет[2].

Таким образом, представляется, если информация о человеке, процессах, явлениях уже зафиксирована на любых электронных носителях информации, следователю необходимо изымать данную информацию совместно с ее материальным носителем, а также данное действие обязывает следователя составлять протокол и переписывать

---

[1] Соколов Ю. Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28–33.

[2] Бурганова Г. В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 354–361.

уже то, что зафиксировано в электронном виде, как, например, переписывать увиденное в видеозаписях. Данные действия представляют для следователя трудоемкий и затяжной по времени процесс. Возникает потребность в оптимизации деятельности следователя по собиранию электронных доказательств. По мнению многих ученых, решением данной проблемы должно стать создание электронного документооборота в уголовном процессе, а также появление электронного правосудия[1]. Поэтому в связи с возрастающими техническими возможностями, для эффективного использования которых как на стадии предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства должна быть разработана нормативная база, которая должна будет учитывать технические особенности электронных документов.

В заключение можно сказать, что интерес к проблематике электронного документа как доказательства по мере возрастания электронного документооборота будет постоянно увеличиваться. Поэтому на сегодняшний день вопрос применения электронных документов в уголовном судопроизводстве актуален.

Определяя место электронных документов в системе доказательств в уголовном процессе, законодателю необходимо предусмотреть возможность использования таковых без привязки к материальному носителю, поскольку он является вторичным по отношению к содержанию документа. Необходимо также предусмотреть возможность использования показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля; протоколов следственных и судебных действий, заключений эксперта и специалиста в электронной форме, без привязки к материальному носителю.

[1] Ступакова Е. Н. Собирание электронных доказательств в уголовном процессе как результат инновационного развития // Инновационная наука. 2017. № 2–2. С. 137–139.

Ильяшевич Т. А.[1]**,**
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Кунин Е. И.[2]**,**
студент Московского государственного
технического университета
имени Н.Э. Баумана

ВЛИЯНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИССЛЕДОВАНИЮ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ НА ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Использование достижений технического прогресса – неотъемлемая часть нашей жизни. Развитие информационно-компьютерных технологий, распространение программного обеспечения, процессы цифровизации в значительной степени влияют на развитие личности, общества и государства. В «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденной Президентом Российской Федерации, приводятся статистические данные о количестве пользователей сети «Интернет»: «Пользователями российского сегмента сети «Интернет» в 2016 году стали более 80 млн человек»[3].

Преступники, также существуя в высокотехнологичном мире, оставляют как «традиционные», так и цифровые следы. Под следами в криминалистике понимают любые изменения среды, возникающие в ходе совершения преступления. Цифровой или электронный след (согласно формулировке В. Б. Вехова и Б. П. Смагоринского) – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, то есть сведения, представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи[4].

---

[1] © Ильяшевич Т. А., 2020.

[2] © Кунин Е. И., 2020.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

[4] Вехов В. Б. Электронные следы в системе криминалистики / В. Б. Вехов, С. А. Ковалев, Б. П. Смагоринский // Научно-практический журнал «Судебная экспертиза». Волгоград : ВА МВД России, 2016. № 2 (46). С. 10.

В настоящее время цифровые следы чрезвычайно важны в целях раскрытия и расследования преступлений. Безусловно, исследование цифровых следов актуально не только при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, предусмотренных гл. 28 УК РФ, но и при расследовании преступлений иного вида: преступникам для подготовки к совершению преступлений не обязателен личный контакт, возможно обсуждение планируемого преступления с использованием компьютерных систем.

В ст. 168 УПК РФ закреплено право следователя на привлечение к участию в следственных действиях специалиста. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ в УПК РФ включил норму, которая предусматривает обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе производства следственных действий (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ), т. е. обязывает следователя привлекать специалиста.

На данный момент существуют методики и инструменты обнаружения, фиксации, изъятия и исследования цифровых следов. Знают это, к сожалению, не только сотрудники правоохранительных органов, но и злоумышленники. Поэтому все чаще преступники прибегают к средствам и методам противодействия исследованию цифровых следов. Противодействие выявлению и изучению следовой картины в информационной среде, а также способы ограничения доступа к данным на электронном носителе называется контрфорензикой.

Маркус Роджерс в статье «Anti-forensics: the coming wave in digital forensics»[1] выделяет 4 направления контрфорензики:

1) *скрытие данных* – шифрование, стеганография;

2) *уничтожение информации* – автором предлагается дифференцировать методы уничтожения информации на те, которые связаны с выводом из строя электронного носителя информации, и на те, которые с этим не связаны;

3) *запутывание следов*, под этим термином автором понимается намеренное использование методов, затрудняющих оценку уполномоченным лицом полученных данных;

---

[1] Conlan K. Anti-forensics: furthering digital forensic science through a new extended, granular taxonomy / K. Conlan, I. Baggili, F. Breitinger // In: Proceedings of the 16th annual USA digital forensics research conference, DFRWSGoogle Scholar, 2016.

4) *приемы*, целенаправленно используемые против средств и методов компьютерно-технической экспертизы.

При исследовании в рамках следственного действия файлов текстовых форматов важно установить: дату, время начала и конца работы с документом, время создания, изменения, доступа к файлу. Метаданные файла могут содержать важную для расследования уголовного дела информацию. Так как доказыванию, согласно ст. 73 УПК РФ, подлежит место, время и способ совершения преступления, то метаданные могут стать источником значимой информации для следователя. Однако существуют способы как удаления метаданных файла, так и изменения их. При использовании средств и методов изменения времени создания файла проблематичным является установление обстоятельств события преступления. В случае применения средств и методов контрфорензики, информация, полученная в ходе производства такого следственного действия как осмотр, будет искажена.

Другой важной формой применения специальных знаний в уголовном процессе является судебная экспертиза. Ст. 57 УПК РФ определяет правовой статус эксперта. В контексте исследования цифровых следов рассмотрим влияние средств и методов контрфорензики на выполнение общих задач судебной компьютерно-технической экспертизы. Так, благодаря информации, которая хранится в журнале событий Windows, возможно восстановить хронологию действий, которые выполнял пользователь за компьютером, а также установить время выполнения этих действий. Поэтому, с точки зрения злоумышленника, журнал событий необходимо отключить или иметь возможность удалять вносимые им записи. Таким образом, из-за противодействия исследованию цифровых следов судебный эксперт может столкнуться с рядом проблем: затруднение обнаружения и диагностики информационных объектов, например, применение шифрование, стеганографии; усложнение интерпретации содержимого информационных объектов; усложнение оценки данных, созданных пользователем при работе за компьютером, например, изменение метаданных файлов, воздействие на процедуры журналирования; затруднение установления источника и обстоятельств формирования информационных объектов, например, изменение IP- и MAC-адресов, воздействие на процедуры журналирования.

Таким образом, в случае применения средств и методов контрфорензики, практическая польза от применения специальных знаний в ходе расследования значительно уменьшается. Получение не соответ-

ствующей действительности информации в ходе проведения следственного действия искажает восприятие обстоятельств события преступления (время, место, способ). В случае дачи экспертом в ходе проведения исследования цифровых следов ответов на вопросы, поставленные перед ним следователем, в виде вероятного вывода или в форме «не представляется возможным», заключение не может быть положено в основу обвинительного приговора: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств» (ч. 4 ст. 14 и ст. 302 УПК РФ).

Таким образом, влияние противодействия исследованию цифровых следов на процесс уголовно-процессуального доказывания проявляется: в усложнении процесса собирания доказательств в ходе следственных действий; в усложнении процесса установления связи обнаруженных в ходе следственных действий материальных объектов с обстоятельствами, которые требуется доказать; в создании ситуации, при которой невозможно собрать совокупность доказательств, достаточных для разрешения уголовного дела.

Своевременное привлечение специалиста к участию в следственных действиях способствует обнаружению и изъятию цифровых следов, исключению возможности влияния противодействия исследованию цифровых следов. В уголовном судопроизводстве они будут выступать в качестве вещественных доказательств или иных документов. Как отмечают В. Н. Григорьев и О. А. Максимов: «Роль информационных устройств (носителей) и содержащейся на них информации, специфика ее формирования и сохранения на устройствах свидетельствует о необходимости введения в УПК РФ критериев достаточности гарантий достоверности изымаемых сведений и их сохранности. Необходимость специального режима работы с носителем и самой электронной информацией вытекает из задачи ее сохранения в неизменном виде и при изъятии носителя, и при извлечении и исследовании сведений»[1]. Важно, чтобы доказательство отвечало требованиям относимости, допустимости, достоверности, только в этом случае его можно использовать в процессе доказывания.

---

[1] Григорьев В. Н., Максимов О. А. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 68

Исаенко А. Г.[1]**,**
заместитель министра – начальник
Следственного управления
МВД по Республике Хакасия

РОЛЬ НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В ЭПОХУ «ЦИФРОВИЗАЦИИ» УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Проблема «цифровизации» уголовного судопроизводства в современной реальности представляется актуальной по самым разным параметрам. Полагаем, что в рамках этой проблемы вполне актуально рассмотреть вопрос о том, каким же образом названная «цифровизация» может влиять на саму идею и технологию процессуального руководства предварительным расследованием.

Для формирования системного представления об этом вопросе проблему «цифровизации» уголовного судопроизводства целесообразно рассмотреть в разных ракурсах. Первый ракурс может быть выражен вопросом: насколько цифровые технологии способствуют эффективности предварительного расследования и каким образом они стимулируют (или саботируют) процессуальное руководство расследованием?

Если смотреть на этот вопрос в широком смысле, то можно без труда констатировать, что компьютерные технологии уже давно стоят на службе предварительного расследования. Так, например, уже никто не пишет протоколы от руки, не набирает их на пишущей машинке: все это весьма эффективно делается с помощью компьютера, сканера, принтера и других технических устройств, в основе которых лежат цифровые технологии. Все это, вне всякого сомнения, значительно облегчает жизнь следователя, ее техническую сторону. Однако, с другой стороны, сама возможность применения компьютерных технологий порождает разного рода дополнительные задачи, связанные с более детальной отчетностью и другими статистическими показателями. Иными словами, внедрение информационных технологий в практическую деятельность органов расследования сопряжено с определенными парадоксами. С одной стороны, компьютерная техника дарует следователям дополнительное время, а, с другой стороны, эта же техника забирает это время, поскольку следователь обязан пополнять компьютерной информацией различные базы данных и за-

[1] © Исаенко А. Г., 2020.

полнять разные формуляры, обязанные своим появлением информационным технологиям.

Эффективность оформления документов и работы с доказательствами, даруемая информационными технологиями, неизбежно генерирует и новые функции следователя, не всегда имеющие отношение к его центральной исследовательской функции. В результате профессиональное напряжение работников следственного аппарата с каждым годом увеличивается и информационные технологии не могут ослабить давление этой негативной тенденции.

Однако винить в проблемах предварительного следствия исключительно информационные технологии нельзя, поскольку эти проблемы включают в себя целый комплекс различных факторов, в том числе, лежащих не в технической плоскости. Цифровые технологии, несмотря на все издержки, служат добрую службу органам предварительного расследования и являются существенным подспорьем руководителям следственных органов. Так, например, мобильная связь значительно оптимизировала систему управления следственным органом. Мобильные телефоны и гаджеты позволяют руководителю всегда быть на связи с подчиненными, давать им консультации и в определенной мере осуществлять процессуальный контроль за ними.

Однако вопрос о влиянии «цифровизации» судопроизводства на процессуальное руководство следует рассматривать не в этой технической плоскости, а в другом, концептуально-методологическом ключе. Как правило, внедрение цифровых технологий (банков данных, автоматизированных систем управления и т. д.) делает ненужными и определенные управленческие звенья в руководстве как организацией в целом, так и в управлении ее отдельными звеньями. Так вот, к месту будет вопрос: не вытеснят ли цифровые технологии в уголовном судопроизводстве такую фигуру, как руководитель следственного органа, не сделают ли они ее ненужной или, как минимум, малозначительной. И, вообще, может ли компьютерная техника в принципе выполнять функцию процессуального руководства?

Что можно ответить на эти вопросы? Наверное, технике подвластны определенные руководящие функции. Вполне допустимо, что координирующее цифровое техническое устройство сможет ставить задачи следователям и контролировать выполнение этих задач в рамках электронного уголовного дела. Здесь нам важны не реалии электронного судопроизводства, а сам принцип беспристрастного технического управления. Многие, например, уже знакомы с электронным доку-

ментооборотом, который себя достаточно хорошо зарекомендовал. При подобном документальном обороте, когда технику нельзя убедить, уговорить, попросить об отсрочке исполнения документа, – исполнительская дисциплина усиливается. Техника беспощадна и объективна. И эта «ледяная» объективность оказывает определенный управленческий эффект. Но при этом возникают другие проблемы, не свойственные антропоморфному управлению.

В свою очередь уголовное судопроизводство, несмотря на то, что оно всячески стремится к объективности, не может удовлетвориться исключительно бесстрастной нечеловеческой (технической) объективностью и, как следствие, сугубо техническими формами организации деятельности. Поскольку каждое уголовное дело индивидуально, его нельзя окончательно формализовать и перевести на сугубо технические рельсы, даже если эти рельсы современные, прогрессивные и информационно-технологические. Компьютер может просчитать многое, но он не может просчитать зигзаги жизни.

Судебный и следственный прецеденты как таковые, естественно, существуют. Они могут быть образцами и ориентирами практической деятельности последователей. Однако они – лишь способ для активизации исследовательской деятельности, а не раз и навсегда узаконенный алгоритм. Эти прецеденты призваны мобилизовать творческую деятельность следователя, а не быть средством для того, чтобы эту творческую нотку задушить. И тем более, не существует прецедентов принятия управленческих решений в сфере процессуального руководства, которые бы могли служить алгоритмами на все случаи жизни. И, следовательно, процессуальное руководство не сможет быть оцифровано.

Процессуальное руководство не может быть оцифровано и по другой причине. В конечном итоге, процессуальное руководство – это миссия сотрудничества, средство определенной «братской» технологии в предварительном расследовании. И техника, естественно, эту нотку взаимодействия заменить никогда не сможет. Есть такая поговорка: «один ум хорошо, а два лучше». Применительно к производству предварительного следствия, она иногда очень хорошо срабатывает. Нам, естественно, могут возразить, сказав, что информационные технологии – это не два, это два миллиона умов одновременно.

Однако простое умножение умов не может дать на предварительном расследовании нужного синергетического эффекта. Компьютерная техника при всей своей информационной всеобъемлющей мо-

бильности не может дать человеку эффект диалога, а именно этот диалог и нужен на предварительном расследовании, нужен в процессуальном руководстве. Диалог между следователем и руководителем следственного органа, где последний является человеком, который обладает опытом и навыками и фактически является хранителем определенных традиций следственного органа.

Эти особенности человеческого общения технике передать весьма проблематично, а скорее всего, и просто невозможно. Повторимся, что если даже заложить в компьютер все имеющиеся факты расследования уголовных дел, все принятые решения и схемы аргументации, то искусственный интеллект вряд ли способен синтезировать какие-то новые варианты расследования. Хотя, естественно, варианты версий, предлагаемые компьютером, могли бы быть крайне полезными, но только в качестве инструментов.

Таким образом, «цифровизация» уголовного судопроизводства, естественно, может оказать помощь в организации эффективного процессуального руководства. Она, в частности, может значительно усилить средства и формы процессуального контроля. Однако отменить антропоморфное процессуальное руководство, саму эту идею цифровая техника не в состоянии. Ни сегодня, ни в ближайшем будущем.

Искусственный интеллект – это хорошо, но нельзя забывать о том, что уголовное судопроизводство не может быть сведено только к интеллекту, причем даже к естественному интеллекту. Конечно, человеческий ум играет в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений большую, почти колоссальную роль, но, тем не менее, только интеллектом уголовный процесс не исчерпывается и не ограничивается. Уголовное производство – это деятельность, которая включает в себя и многие другие, образно говоря, душевные факторы, присущие исключительно человеку. И в рамках процессуального руководства это проявляется необходимым и особенным образом. Поэтому автор полагает, что следователи, как бы они иногда ни бранили своих руководителей, ни обижались на них, не захотят, чтобы такие строгие и порой весьма субъективные руководители следственных органов были заменены объективными, но бездушными роботами, которые будут поощрять и наказывать их на основания только одной строгой холодной объективной информации.

Кроме того, нам представляется, что слово «объективный» в уголовном процессе вовсе не означает, что это должна быть какая-то не-

человеческая деятельность. Так уж повелось, что слово «объективный» в уголовном судопроизводстве стали противопоставлять слову «субъективный», и появилась тенденция рассматривать объективность как в чистом виде результат, который может быть достигнут посредством техники, полностью исключив человека. А ведь это совсем не так. В уголовном процессе, устремленном к объективности, речь идет все-таки о человеческой объективности, а не о технической бездушной беспристрастности.

Преступление – это настолько сложная материя, связанная своими нитями с различными аспектами жизни, что никакой компьютер в принципе не может просчитать всех хитросплетений. Если посмотреть на другие отрасли права, к примеру, на вынесение решений на основании показаний средств видеофиксации, то мы можем увидеть, что происходит в этой ситуации с точки зрения объективности. По сути, в рамках этой процедуры человек как бы соглашается с роботом и в силу разных причин не пытается приводить ему различные жизненные ситуации в оправдание. То есть тут имеет место обязательное признание вины или отказ от состязательности. Оправдан ли такой подход в рамках уголовного судопроизводства, где признание не может быть признано за безупречный довод, обязательный для суда и органов расследования? Полагаем, что не оправдан. При расследовании уголовного дела человек должен попадать не в объятия технических бездушных устройств, а в коллектив людей, которые с глубоким пониманием отнесутся к сложившейся ситуации. Уголовному процессу нужно знать о преступлении все; его интересует не только объективная сторона, его интересует и личность человека, его характер, ретроспективные причины преступления и все прочие нюансы жизни обвиняемого.

Конечно, можно предположить, что чудо-техника будет иметь на каждого потенциального обвиняемого свой банк данных, свой рейтинг и так далее. Но все равно это не отменяет живого человеческого общения. Поскольку, исходя из сказанного, функция живого исследователя всегда будет оставаться востребована в уголовном процессе. Она всегда будет в силе, несмотря на мнение, что робот может вытеснить следователя, но при этом оставить судью. А покуда будет востребован следователь, всегда будет востребована и идея процессуального руководства, и руководитель следственного органа.

Единственно, необходимо учитывать, что «цифровизация» как символ современности накладывает отпечаток и на интерпретацию

понятия следственного органа. Так вот, когда в рамках системы расследования компьютерные технологии и всякого рода ухищрения занимают все более широкое место, то появляется и новый взгляд на указанное выше понятие. Представляется, что современный следователь, как таковой, уже не может претендовать на то, чтобы именоваться органом расследования в полном смысле этого слова. Сегодня следователь лишь часть коллектива следователей, в котором непременно должен быть руководитель.

Козлова А. А.[1]**,**
преподаватель кафедры прав человека
и международного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;

Рыжак В. А.[2]**,**
курсант Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящее время продолжает с огромной скоростью развиваться информационная сфера. Причем это выражается не только в разработке разного рода программного обеспечения и продвижении в сети «Интернет», но и в реализации новейшего оборудования для компьютеров, устройств и прочих технологий, используемых для быстрой работы и мгновенной передачи данных с одного носителя на другой. Кроме того, появление инноваций всегда приносит с собой дополнительные проблемы, а именно, использование достижений техники в преступных целях, совершенствование махинаций киберпреступников в информационном пространстве.

По данным международной службы по обеспечению безопасности в области киберугроз Symantec Security, «каждую секунду в мире подвергаются кибератаке 12 человек, а ежегодно в мире совершается около 556 млн киберпреступлений, ущерб от которых составляет более 100 млрд дол. США»[3].

Потери мировой и российской экономики только лишь в 2017 г. беспрецедентны: по данным ВЭФ, ущерб от кибератак составил

---

[1] © Козлова А. А., 2020.

[2] © Рыжак В. А., 2020.

[3] Как развивается кибербезопасность Казахстана. URL: https://strategy2050.kz. (дата обращения: 07.11.2019)

1 трлн долл. США; по оценке Сбербанка, Россия потеряла 650 млрд рублей[1]. Цифры постоянно увеличиваются.

Для успешной борьбы с киберпреступностью необходимо эффективное международное сотрудничество по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий.

Международный эксперт по гармонизации законодательства в сфере киберпреступности Штайн Шьольберг (Stein Schjolberg) отметил: «Киберпространство, как пятое общее пространство, после наземного, морского, воздушного и космического, требует координации, сотрудничества и особых правовых мер на международном уровне»[2].

Под киберпреступлениями понимаются преступления, совершаемые в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных[3].

Международно-правовой основой по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий является Конвенция о компьютерных преступлениях, принятая в Будапеште 23 ноября 2001 г. [4] В ней указан перечень запрещаемых действий, связанных с рассматриваемыми противоправными деяниями, подробно оговорены проблемы взаимодействия правоохранительных органов отдельных государств в ситуации, когда преступник и жертва находятся на территории разных стран и подчиняются разным законодательствам. Конвенция предусматривает конкретные механизмы, обеспечивающие эффективное и согласованное международное сотрудничество в

---

[1] Международный конгресс по кибербезопасности. International Cybersecurity Congress // Дайджест по кибербезопасности. Вып. № 11 (106).

[2] Schjolberg Stein. A cyberspace treaty – A United Nations convention or protocol on cybersecurity and cybercrime. Twelfth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. Salvador, Brazil, 12–19 April 2010. Available at: http://cyber- crimelaw.net/documents/UN_12th_Crime_Congress.pdf.

[3] Намаканов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы // Библиотека криминалиста. 2013. № 5(10). С. 150.

[4] Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях от 23 ноября 2001 г. (далее – Конвенция о киберпреступности) URL: https://www.coe.int. (дата обращения: 07.11.19).

раскрытии преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Так, подраздел 1 Конвенции о киберпреступности содержит специальные положения о противодействии преступлениям, связанным с конфиденциальностью, целостностью и доступностью компьютерных данных и систем (ст.ст. 2–6). В соответствии с положениями ст. 7 и 8 Конвенции о киберпреступности «каждая Сторона принимает законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений согласно ее внутригосударственному праву» и «каждая Сторона принимает законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений согласно ее внутригосударственному праву (в случае совершения умышленно и неправомерно) лишения другого лица его собственности путем:

– любого ввода, изменения, удаления или блокирования компьютерных данных;

– любого вмешательства в функционирование компьютерной системы, мошенническим или бесчестным намерением неправомерного извлечения экономической выгоды для себя или для иного лица.

Ст. 14 данной конвенции содержит в себе требование о необходимости законодательного и иного нормативного обеспечения использования компьютерных систем и обеспечения сбора доказательств в электронной форме при расследовании киберпреступлений, а ст. 25 устанавливает общие принципы, касающиеся взаимной международной помощи. Такие сообщения должны быть защищены соответствующими средствами безопасности (включая шифрование). Как показывает практическая работа международных организаций, шифрование играет важную роль в безопасности каналов связи государств друг с другом, отрезая злоумышленникам возможность действовать необдуманно.

Одним из направлений в осуществлении и совершенствовании международного сотрудничества по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий является взаимодействие с международной организацией уголовной полиции «Интерпол». Проводимые Интерполом мероприятия внесли свой большой вклад в развитие новых методов международной борьбы с преступностью, связанной с информационными технологиями, среди них:

1) Cyber Fusion Center объединяет кибер-экспертов из правоохранительных органов и промышленности;

2) Digital Security Challenge проверяет навыки кибер-следователей в симулированной операции;

3) служба по кибернетическим возможностям Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН), которая оказывает содействие в проведении различных операций и кибер-расследований.

Также одним из основных направлений деятельности международной правоохранительной организации Европол является борьба с преступлениями в сфере информационных технологий. В 2013 г. Европол учредил Европейский центр киберпреступности (далее – ЕС3) для усиления реакции правоохранительных органов на киберпреступность в ЕС. Совместно с ЕС3 работает Совместная рабочая группа по борьбе с киберпреступностью (J-CAT), которая занимается наиболее важными международными делами о киберпреступности, которые затрагивают государства-члены ЕС и их граждан. ЕС3 опирается на существующий правоохранительный потенциал Европола, но также значительно расширяет другие возможности, в частности, предлагая оперативную и аналитическую поддержку расследованиям государств-членов.

Мировому сообществу и законодателю все еще требуется оценить необходимость криминализации DDoS-атак[1], которые способны вывести из строя информационные ресурсы компании с помощью перенаправления огромного числа запросов в один момент, причем дистанционно; спаминга[2], фишинга[3] и др. Зачастую, как можно заметить, облик преступлений изменен. По данным Генеральной прокуратуры России, число киберпреступлений в стране в этом году выросло вдвое: за период с января по сентябрь правоохранители зарегистрировали 121247 преступлений, совершенных в цифровом пространстве. Следует отметить, что эти преступления являются официально зарегистрированными, но не исключено, что некоторые из деяний, не попавших в список, оказались в другом из-за квалификации по статьям

---

[1] DDoS-атака (с англ. Distributed Denial of Service – «отказ от обслуживания») – это атака на сайт, основной целью которой является выведение его из строя путем подачи большого количества ложных запросов.

[2] Спаминг (spamming) – рассылка большого количества незатребованных сообщений, которые по получении неблагоприятно влияют на доступность ресурсов информационной системы.

[3] Фишинг – один из видов интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей (например: логинам, паролям, данным лицевых счетов и банковских карт).

УК РФ. Поэтому информационных преступлений может быть гораздо больше, не говоря уже о тех, которые правоохранительные органы не в состоянии идентифицировать.

Под пример снова подпадают те же DDoS-атаки. В феврале 2017 г. технические службы Минздрава России отразили самую масштабную за последние годы DDoS-атаку, которая в пиковом режиме достигала 4 млн запросов в минуту[1]. После проведения таких атак почти невозможно каким-либо способом обнаружить местоположение «атакера». Мишенями часто оказываются банки, мелкие корпорации или организации с низкой защитой от подобных угроз. Однако преступники находят и иные способы для мошенничества, вымогательства и похищения интересующих их конфиденциальных данных. Знаменательным событием такого рода стала предпринятая в сентябре 2016 г. DDoS-атака с помощью вредоносного кода Mirai. В ней в роли средств нападения выступили сотни тысяч камер и других устройств из систем видеонаблюдения.

Согласно составленной экспертами «Лаборатории Касперского» статистике, можно заметить, что борьба, которую развернули единым фронтом все страны мира против киберпреступлений, дает свои плоды, а случаев внедрения вредоносного программного обеспечения стало в разы меньше (рис. 1 и рис. 2). Однако опасность все еще присутствует, а злоумышленники постоянно совершенствуют свои методы по захвату компьютерной информации или прочих преступных действий в цифровой сфере.

Рис. 1 Статистика по обнаруженному вредоносному ПО за 2013–2018 гг.

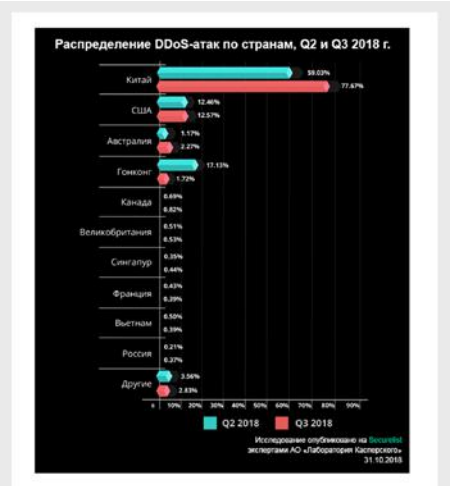

Рис. 2. Распределение DDoS атак по странам в 2018 году

[1] DDoS-атаки: нападение и защита // Блог компании RUVDS.com. IT-инфраструктура. Серверное администрирование.

Россия и Испания уже успешно развивают сотрудничество в области информационных технологий. 7 ноября 2018 г. министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров встретился в Мадриде с королем Филиппом VI и со своим коллегой Жозепом Боррелем[1]. Цель переговоров была достигнута: подтверждена готовность к созданию двусторонней рабочей группы по информационной безопасности.

Взаимодействие России в области информационной безопасности протекает в форме межгосударственного сотрудничества. Особое значение имеют заключение двусторонних и многосторонних договоров, взаимодействие с иными государствами. Для эффективного противодействия существующим киберугрозам необходима общая консолидация усилий всех участников информационных отношений и создание некой общей системы защиты, в чем Россия не отстает от США, Великобритании. Ее методы борьбы с киберпреступностью перенимает множество других стран-партнеров, первая из них, Китай, а далее Франция и пр. Российской Федерацией активизировались также контакты на линии ФСБ-ФБР, что позволило арестовать Виктора Плещука, связанного с преступной организацией Russian Business Network, который был причастен к похищению более 9 млн долл. со счетов Royal Bank of Scotland[2]. Это был первый случай, когда в нашей стране задержали человека, проникшего при помощи компьютерных сетей в западные финансовые организации. Данное лишний раз доказывает всю приоритетность в развитии направления по международному сотрудничеству России с другими государствами и ее незаменимое место на всей международной арене.

Таким образом, на основе проведенного анализа определения киберпреступности, состояния цифровой сферы, можно сказать, что выделившееся своеобразное «кибернаправление» имеет важное значение и требует тесного международного сотрудничества государств, международных правоохранительных органов по противодействию

---

[1] Король и министры: Сергей Лавров провел переговоры с испанским коллегой. // Российская газета [электронный ресурс] URL: https://rg.ru (дата обращения: 07.11.2019).

[2] Хакер из Петербурга, взломавший сеть Royal bank of Scotland, получил 6 лет условно // Forbes Media LLC. URL: https://www.forbes.ru/news/56041-haker-iz-peterburga-vzlomavshii-set-royal-bank-scotland-poluchil-6-let-uslovno (дата обращения: 01.07.2020).

преступлениям в сфере информационных технологий, в целях выявления наиболее результативных решений проблем, систематически возникающих в рассматриваемой сфере. Возрастающее значение международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства обусловлено тем, что преступность все больше приобретает международный, транснациональный характер. Поэтому налаживание международного сотрудничества при расследовании преступлений в данной сфере становится актуальной задачей для мирового сообщества.

Кокорева Л. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Молоканова А. А.[2],
слушатель 151 учебного взвода
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПОРЯДОК ОБРАЩЕНИЯ С ЭЛЕКТРОННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ИНФОРМАЦИИ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В настоящее время технический прогресс достиг высокого уровня развития, при котором осуществляется широкое внедрение электронно-технических устройств в жизнь общества. Е. Р. Россинская отмечает, что процесс развития и совершенствования информационных технологий повлек за собой ряд негативных явлений, сущность которых состоит в использовании данных инноваций в криминальной структуре[3]. Компьютерные технологии используются злоумышленниками не только как средство совершения преступления, но и как средство противодействия правосудию. Степень актуальности вопроса о порядке обращения с электронными носителями информации в ходе производства по уголовному делу является очень высокой.

Отметим, что до 2012 г. в УПК РФ изъятие электронных носителей информации не было предусмотрено, что ставило под сомнение возможность признания изъятых предметов и документов процессуальными доказательствами. Этим, безусловно, пользовались участники уголовного судопроизводства со стороны защиты, которые в опоре на чрезмерно широкое толкование п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ ходатайство-

---

[1] © Кокорева Л. В., 2020.

[2] © Молоканова А. А., 2020.

[3] Россинская Е. Р. Проблемы современной криминалистики и ее развития // Законность. № 2. С. 13–17.

вали о признании полученной следователем информации с электронных носителей недопустимым доказательством[1].

В то же время на основании п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания и заключение специалиста, участвовавшего в изъятии предметов, документов и электронных носителей, признаются доказательствами по уголовному делу[2]. Исходя из положений ст. 84 УПК РФ, в качестве доказательств допускаются, в том числе, иные носители информации, которые могут содержать, в частности, материалы видеозаписи[3]. Кроме этого, факт изъятия электронных носителей не может свидетельствовать о раскрытии сведений о частной жизни заявителя и нарушении ст. 23 Конституции Российской Федерации[4].

В 2012 г. в уголовно-процессуальный закон были внесены изменения, которые разъясняли порядок изъятия и возврата электронных носителей информации, порядок копирования с них информации. Речь идет о ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ. Затем Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ данные части утратили силу в связи с введением новой нормы уголовно-процессуального закона, предусматривающей особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ). Данная норма позволяет изымать электронные носители информации в ходе производства различных следственных действий, а не только в ходе обыска или выемки, как было предусмотрено в ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, в случае, если законным владельцем или обладателем содержащейся на электронном носителе информации будет заявлено ходатайство о ее копировании с изъятых носителей, специалист обязан, в присутствии понятых произвести копирование информации с изъятого носителя на носитель, предо-

---

[1] Драпкин Л. Я. Уголовно-процессуальные новеллы и эффективность раскрытия преступлений // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 144.

[2] Кустов А. М., Кокорев Р. А. Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1(45). С. 73–77.

[3] Апелляционное постановление Московского городского суда от 25 сентября 2017 г. по делу № 10-15188/2017 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

[4] Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 24 сентября 2015 г. по делу № 22-5674/2015 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

ставленный лицом, заявившим ходатайство. О передаче скопированной информации обязательно должна быть сделана отметка в протоколе следственного действия.

Кроме этого, в протоколе следственного действия следователем должна быть сделана отметка о производстве изъятия информации с электронного носителя определенным способом. Необходимо описать внешний вид и технические характеристики носителя. Изъятый носитель необходимо опечатать, а также снабдить пояснительной надписью[1].

Изучение юридической литературы, регламентирующей изъятие электронных носителей информации при производстве следственных действий, позволяет утверждать, что данный вопрос является дискуссионным. Одни ученые настаивают на обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации, руководствуясь прямым на то указанием законодателя (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ). Другие ученые, исходя из положений ст.ст. 168 и 164 УПК РФ, высказывают мнение об участии специалиста по усмотрению следователя[2]. Вносится также предложение о привлечении специалиста, исходя из типа изымаемого электронного носителя информации[3]. Соответственно, наличие специальных познаний не требуется при изъятии электронного носителя информации целиком.

---

[1] Бахтеев Д. В. Особенности фиксации и изъятия криминалистически значимой информации, размещенной в сети «Интернет» // Российский следователь. 2017. № 21. С. 12.

[2] Булыжкин А. В., Васюков В. Ф. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. № 6. С. 3–8; Кокорев Р. А. Целесообразность привлечения лица, обладающего специальными знаниями к производству следственных действий // Актуальные вопросы правоохранительной деятельности: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сборник статей научно-представительских мероприятий. Рязань: Book Jet, 2019. С. 90–92.

[3] Гайдин А. И., Осипенко А. Н. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 4; Антонов В. А., Старичков М. В. Электронные носители как источники криминалистически значимой информации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. Иркутск: ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2013. Вып. 3–4. С. 123–127; Сотников К. И. Тактика осмотра страниц интернет-сайтов // Вестник криминалистики. 2015. № 2. С. 53.

Можно констатировать, что правовые механизмы, регламентированные новой ст. 164.1 УПК РФ трактуются и понимаются учеными и практиками по-разному. Анализ судебной практики также позволяет сделать обозначенный вывод.

Суд признает неаргументированным довод жалоб стороны защиты о признании незаконным изъятие электронных носителей информации без участия специалиста в связи с тем, что это право, а не обязанность органа предварительного расследования. Так, «довод апелляционных жалоб о том, что CD-RW диск был изъят в ходе выемки с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, в силу чего является недопустимым доказательством, является несостоятельным, поскольку данное следственное действие было проведено в соответствии с требованиями ст.ст. 164, 168 УПК РФ. Как видно из протокола указанного следственного действия, копирование информации, содержащейся на диске, на другие электронные носители не производилось, поскольку диск CD-RW был изъят у свидетеля уже с имеющейся аудиозаписью разговора»[1].

Отметим, что в настоящее время, согласно ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ, следователю (дознавателю) предоставлено право самостоятельно осуществлять копирование информации с электронного носителя в ходе производства следственного действия. С обязательным отражением необходимых сведений в протоколе следственного действия.

Примеры обращения с электронными носителями информации в ходе производства по уголовному делу, встречающиеся в следственной и судебной практике, демонстрируют не только различное мнение ученых и практиков, но и отсутствие единообразной правоприменительной практики, что является недопустимым. Вопросы, связанные с порядком обращения с электронными носителями информации в ходе производства по уголовному делу, требуют большего внимания со стороны законодателя. Все действия с электронными носителями информации в рамках производства по уголовному делу нуждаются в строгой законодательной регламентации в законе, чтобы не возникало противоречий в правоприменительной практике, а также недопонимания между участниками уголовного судопроизводства.

---

[1] Апелляционное определение суда Ненецкого автономного округа от 13.04.2015 по делу № 22-27/2015, Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 24 сентября 2015 г. по делу № 22-5674/2015 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

Макеева Н. В.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ С ПРИМЕНЕНИЕМ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

УК РФ устанавливает ответственность за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») (п. б ч. 2 ст. 228.1 УК РФ). Подобный способ незаконного сбыта на практике и в юридической литературе принято называть «бесконтактным способом сбыта наркотических средств». Что подразумевает под собой такой способ сбыта наркотиков, при котором сбытчик и незаконный приобретатель не встречаются лично, а договариваются о приобретении наркотических средств, оплачивают их получение, получают сведения о местонахождении тайника с использованием мобильной связи и сети «Интернет». Новые способы сбыта, при которых преступники пользуются достижениями информационных технологий, заставляют сотрудников органов внутренних дел менять способы и средства фиксации, закрепления результатов оперативно-разыскной деятельности и дальнейшего их использования в доказывании незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ результаты оперативно-разыскной деятельности могут служить основанием для возбуждения уголовного дела[2]. Полученным от оперативных подразделений материалам следователь дает юридическую оценку с целью проверки достаточности данных для принятия решения о возбуждении уголовного дела и возможностью их дальнейшей трансформации в доказательства.

---

[1] © Макеева Н. В., 2020.

[2] Предварительное следствие: учебник / [Е. Н. Арестова и др.]. М.: Юнити Дана, 2019. С. 234.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела следователь должен оценить результаты оперативно-разыскной деятельности, а именно:

1) рассмотреть их со стороны достаточности для принятия процессуального решения;

2) в представленных материалах должны иметь место данные, указывающие на признаки преступления (если полученных данных не будет достаточно для принятия решения о возбуждении уголовного дела, следователь возвращает их через начальника ОМВД с письменным изложением обстоятельств, препятствующих его возбуждению, и мероприятий, подлежащих выполнению для устранения пробелов).

Чаще всего, следователь проводит оценку материалов по результатам таких оперативно-разыскных мероприятий, как: проверочная закупка; наблюдение; оперативный эксперимент; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров.

Особенностью бесконтактного способа незаконного сбыта наркотиков является то, что сбыт, чаще всего, осуществляется организованной группой, в которой все роли четко распределены. В структуру группы входят: «организатор», «оператор», «закладчик», «вербовщик», «кладовщик», «системный администратор», «экспедитор»[1]. Вступая между собой в преступный сговор, эти лица действуют с использованием удаленного сервера, электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, размещают информацию о виде, весе, цене предлагаемого наркотика, а также способах связи и оплате на сайтах в сети «Интернет». При этом после поступления денежных средств на электронные платежные системы (QIWI-банк; Яндекс.Деньги; WebMoney) осуществляют передачу наркотических средств через систему тайников, месторасположение которых сообщают после оплаты с помощью средств мобильной связи. Такой способ сбыта характеризуется тем, что нижестоящие участники не знают вышестоящих. Это осложняет процесс их выявления и доказывания незаконной деятельности организованной группой.

---

[1] Помелов А. А. Некоторые вопросы документирования сбыта наркотических средств с использованием сети «Интернет» // XXI Международная научно-практическая конференция «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях». Иркутск, 2016. С. 78–81.

В этой связи органами внутренних дел отрабатываются алгоритмы деятельности, в том числе связанные с фиксацией факта сбыта бесконтактным способом на этапе возбуждения уголовного дела. Особенностью деятельности на этом этапе является: длительное документирование факта преступной деятельности, привлечение значительного числа технических средств и специалистов оперативно-технических подразделений, координация действий с высококвалифицированными следователями.

Чаще всего, при поступлении информации о факте совершения противоправных действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, осуществляется проверочная закупка. Соблюдение законности в рамках проведения и фиксации результатов проверочной закупки позволит в дальнейшем использовать материалы оперативно-разыскной деятельности при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, что подтверждается следующим алгоритмом действий лиц, участвующих в ее проведении:

1. Проведение проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ возможно лишь на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ч. 7 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), которое является основанием для начала ее проведения.

2. Перед проверочной закупкой «покупатель» обязательно досматривается в присутствии понятых на предмет отсутствия у него наркотических средств, что фиксируется в протоколе досмотра. В качестве покупателя могут участвовать лица, решившие на добровольной основе сотрудничать с оперативными подразделениями, а также оперативные сотрудники (их досмотр не производится). Весь ход проверочной закупки фиксируется с помощью аудио- или видеосредств фиксации.

3. По результатам проверочной закупки составляется протокол добровольной выдачи наркотических средств лицом, участвовавшим в качестве покупателя. Также составляется протокол выдачи технических средств, в том случае, если они ему выдавались.

4. При задержании лица, осуществлявшего закладку наркотических средств, в рамках производства проверочной закупки составляется протокол личного досмотра в соответствии с требованиями КоАП РФ (ст.ст. 27.1, 27.7, 27.9, 27.10) и принимаются меры, предупреждающие возможное сокрытие или уничтожение наркотических

средств, электронных носителей информации (SIM-карты, флэш-карты и т. д.).

5. У задержанного, лица, участвовавшего в качестве «покупателя», понятых (представителей общественности) берутся объяснения.

У «покупателя» выясняется:

а) где, когда и при каких обстоятельствах производилась проверочная закупка;

б) каким образом он связывался с продавцом (указывает все имеющиеся у него о нем сведения: абонентские номера телефонов, в котором используются Viber, WhatsApp Messenger, номер ICQ, ник в Skype, Brosix, Jabber);

в) где обнаружил тайник с наркотическими средствами или где происходила их передача;

г) какое количество наркотических средств было приобретено и по какой цене;

д) каким образом осуществлялась оплата (через какие системы оплаты).

У задержанного, осуществлявшего закладку наркотических средств, выясняется:

а) принадлежность изъятых наркотиков;

б) кто еще участвовал в сбыте наркотиков;

в) где осуществлялось приобретение, изготовление, перепродажа наркотических средств, в каком количестве, когда и по какой цене.

г) кто поставщик наркотиков;

д) каким образом осуществлялась доставка наркотических средств;

е) кто вручал наркотики, присутствовал ли кто-нибудь при этом;

ж) в каком количестве и упаковке были получены наркотики;

з) где осуществлялась расфасовка;

и) кому реализовывались наркотики впоследствии и каким именно способом.

6. Изъятые наркотические средства направляются на судебную экспертизу (или предварительное исследования), в ходе которой устанавливается, является ли изъятое вещество наркотическим и его вид и объем.

7. При привлечении специалистов оперативно-технических подразделений ими устанавливаются: процесс общения покупателя с оператором посредством средств сотовой связи или Интернета, как осуществлялась «оплата» за приобретаемое наркотическое средство

через терминал самообслуживания (мультикассу)[1]. При использовании технических средств фиксации с видеоносителей может быть получена информация о непосредственном приобретении наркотических средств в тайнике.

8. Собранные в ходе проведения проверочной закупки материалы вместе с рапортом об обнаружении признаков преступления передаются начальником оперативно-разыскного подразделения, проводившего разработку, руководителю следственного органа.

В соответствии с требованиями ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности результаты оперативно-разыскных мероприятий направляются в следственные органы для проверки и являются источниками доказательств, которые проверяются в условиях судопроизводства и в дальнейшем могут быть оценены следователем как доказательства в соответствии со ст. 79, 81 и 84 УПК РФ. В перечень документов, предоставляемых по результатам оперативно-разыскных мероприятий оперативными подразделениями, входят:

1) постановление о предоставлении результатов оперативно-разыскной деятельности с перечнем документов, подлежащих направлению;

2) постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, подписанное начальником соответствующего территориального органа;

3) постановление о проведении оперативно-разыскных мероприятий (например, проверочной закупки), подписанное начальником оперативно-разыскного подразделения и утвержденное начальником территориального органа;

4) акт проведения оперативно-разыскных мероприятий (к акту прилагается фототаблица со скриншотами или фотографиями экранов компьютеров, смартфонов, телефонов, на которых изображена переписка с оператором, фотографии с мест нахождения закладок);

5) рапорта сотрудников оперативных подразделений о ходе и результатах проведенных оперативно-разыскных мероприятий;

---

[1] Шебалин А. В. Расследование незаконных сбытов наркотических средств, совершенных бесконтактным способом : учебное пособие. Барнаул, 2015. С. 12–13.

6) запрос о назначении экспертизы и получение заключения эксперта или справки специалиста;

7) объяснения понятых (представителей общественности), «покупателя», очевидцев преступной деятельности и лица, осуществлявшего закладку наркотических средств[1];

8) рапорт об обнаружении признаков преступления.

Получив вышеперечисленные документы, следователь осуществляет проверку результатов оперативно-разыскной деятельности на предмет их соответствия требованиям закона, после чего принимает меры к приданию им доказательственного значения. Результаты оперативно-разыскных мероприятий в дальнейшем в случае их законного происхождения служат поводом и основанием для возбуждения уголовного дела и используются в доказывании по уголовным делам. Если в материалах проверки есть сведения, указывающие на использование информационно-телекоммуникационных сетей, то следователь должен квалифицировать действия по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Несмотря на существующие явные проблемы, связанные со сложным процессом выявления и фиксирования преступлений, совершенных бесконтактным способом, на сегодняшний день такого рода преступления успешно выявляются оперативными подразделениями и расследуются органами предварительного следствия.

[1] Макеев А. В., Макеева Н. В. Сущность института свидетеля и его развития в уголовном судопроизводстве России : учебное пособие. Калининград, 2004. С. 34.

Медведева М. О.[1]*,*
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Нормативно-правовое регулирование применения информационных технологий в деятельности по расследованию преступлений – это система законодательных и подзаконных актов, а также устанавливаемых ими принципов и правил, определяющих допустимость использования либо регламентирующих организацию, порядок, условия, способы и результаты использования технических средств в обеспечении деятельности должностных лиц по расследованию преступлений.

Главной нормативно-правовой основой правового регулирования применения информационных технологий и технических средств в деятельности по расследованию преступлений является Конституция Российской Федерации, нормы которой имеют прямое действие. Требование ст. 23 Конституции Российской Федерации закрепляет право граждан на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Не допускается распространение информации о частной жизни лица (равно как и сбор, хранение, использование сведений) без его согласия (п. 1 ст. 24), жилище неприкосновенно (ст. 25).

Однако, ст. 55 Конституции Российской Федерации предусматривает ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Следовательно, применение правоохранительными органами технических средств возможно не только для получения в рамках закона необходимой информации, но и защиты на

[1] © Медведева М. О., 2019.

законных основаниях информационных и имущественных прав и свобод граждан.

Кроме того, представляется необходимым, руководствуясь ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в связи с тем, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, в первую очередь рассмотреть международно-правовое регулирование деятельности по расследованию преступлений с использованием информационных технологий.

Необходимо отметить, что развитие международно-правового регулирования использования технических средств было обусловлено, с одной стороны, расширением международного сотрудничества компетентных органов государств, а с другой, актуализацией вопросов информационной безопасности и проблемами борьбы в сфере высоких информационных технологий. Например, одной из первых международных конференций по обозначенным проблемам был VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, темой которого стало Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в XXI в., состоявшийся в 1990 г.[1] На этом форуме, посвященном перспективам совершенствования уголовного правосудия, впервые была принята резолюция, призвавшая государства активизировать усилия в борьбе с компьютерными преступлениями. В контексте обсуждаемого вопроса представляются интересными некоторые положения Резолюции, которые в целях активизации усилий в борьбе с компьютерными преступлениями предполагают принятие государствами таких мер, как:

«a) совершенствование национальных законов и процедур, направленных на борьбу с преступностью;

b) улучшение превентивных мер и мер по обеспечению использования компьютеров, принимая во внимание проблемы, связанные с обеспечением защиты личной жизни, уважения прав человека и основных свобод и любых механизмов, регулирующих использование компьютеров;

---

[1] Декларация принципов и программа действий программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия // URL: http://www.unodc.org/pdf/compendium/compendium_2006_ru_part_02_02.pdf. (дата обращения: 01.06.2019).

c) принятие мер в целях повышения степени осознания общественностью, судами и правоохранительными учреждениями проблемы и важности предупреждения преступлений, связанных с применением компьютеров;

d) принятие соответствующих мер по подготовке судей, должностных лиц и сотрудников учреждений, отвечавших за предупреждение, расследование, уголовное преследование и рассмотрение в судах дел об экономических преступлениях и преступлениях, связанных с применением компьютеров».

По поручению Конгресса было разработано «Руководство Организации Объединенных Наций по предупреждению преступлений, связанных с применением компьютеров, и борьбе с ними», в котором эксперты ООН применительно к внутригосударственным процессуальным аспектам собирания доказательств совершения преступлений в сфере компьютерной информации обратили внимание на необходимость четкого разграничения между изъятием данных из автоматизированных информационных систем и перехватом информации, передаваемой при помощи телекоммуникационных систем, т. е. между процессуальными действиями и оперативно-разыскными мероприятиями.

Следующей международной конференцией стал IX Конгресс Организации Объединенных Наций 1995 г.[1] по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, на котором при рассмотрении одного из вопросов повестки дня состоялось обсуждение проблем использования информационных технологий в деятельности систем уголовного правосудия и полиции.

Однако акты международных конференций, как источники международного права, в своем большинстве являются декларативными, устанавливают направления развития по обсуждаемым вопросам, намерения о сотрудничестве. При этом необходимо отметить, что международные договоры, также являясь источниками международ-

---

[1] Девятый Конгресс по предупреждению преступности, проходивший в г. Каире 8 мая 1995 г., сосредоточил внимание на вопросах международного сотрудничества и практической технической помощи в целях укрепления верховенства права в рамках темы «В поисках безопасности и справедливости для всех» // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/events/crimecongress2015/about.shtml (дата обращения: 01.06.2019).

ного права, не устанавливают конкретных механизмов реализации или обязательств государств по отношению в их суверенной компетенции – определению системы органов по расследованию преступлений, а также требований к содержанию их деятельности в обозначенной сфере. Например, ст. 20 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности[1] устанавливает, что «Если это допускается основными принципами его (*авт.* государства – участника) внутренней правовой системы, каждое государство – участник, в пределах своих возможностей и на условиях, установленных его внутренним законодательством, принимает необходимые меры, с тем чтобы разрешить надлежащее использование контролируемых поставок и в тех случаях, когда оно считает это уместным, использование других специальных методов расследования, таких как электронное наблюдение или другие формы наблюдения, а также агентурные операции, его компетентными органами на его территории с целью ведения эффективной борьбы против организованной преступности».

На уровне регионального сотрудничества также рассматривались вопросы информатизации национальных органов по расследованию преступлений. В 2001 г. главами стран СНГ было подписано Соглашение о сотрудничестве стран – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации[2], в соответствии с которым стороны выразили намерения сотрудничать в целях обеспечения предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, в том числе и в вопросах подготовки должностных лиц для расследования преступлений:

---

[1] Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40, ст. 3882.

[2] Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (заключено в г. Минске 1 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 13, ст. 1460; Федеральный закон от 1 октября 2008 г. № 164-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 40, ст. 4499.

«г) оказания содействия в подготовке и повышении квалификации кадров, в том числе путем стажировки специалистов, организации конференций, семинаров и учебных курсов;

д) создания информационных систем, обеспечивающих выполнение задач по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации;

е) проведения совместных научных исследований по представляющим взаимный интерес проблемам борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации;

ж) обмена нормативными правовыми актами, научно-технической литературой по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации».

Таким образом, в международно-правовых документах и неправовых документах международных организаций формируются основы нового комплексного (относящегося к сфере международного права, уголовного процесса и информационного права) правового института обеспечения деятельности по расследованию преступлений, безусловно, задачей национального законодательства является формирование конкретных правовых институтов в соответствии с руководящими положениями международных договоров по вопросам использования информационных технологий и технических средств в деятельности по расследованию преступлений.

Мичурина О. В.[1]**,**
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор;

Викулова Я. А.[2]**,**
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В современном мире информационные технологии нашли активное применение в различных областях науки, техники и даже права. Вряд ли можно сейчас представить нашу жизнь без мобильных устройств, компьютеров, облачных хранилищ, Интернета и других телекоммуникационных систем. В научных пространствах активно обсуждаются новые потенциальные сферы интегрирования достижений научно-технического прогресса, в том числе в уголовное судопроизводство. Исследование практики правоприменения дает возможность выявить направления уголовно-процессуальной деятельности, в большей степени нуждающиеся в подобной оптимизации.

Международно-правовое сотрудничество и обмен между странами научной, правовой и иной информацией оказывают заметное влияние на их внутреннюю жизнь. Не избежало такого воздействия отечественное уголовное судопроизводство. Изучение зарубежного опыта правоприменения, особенно, касающегося информационных технологий, позволяет выйти за рамки национальной правовой системы, взглянуть на нее с учетом современных мировых тенденций. Кроме того, это дает возможность для имплементации наиболее ценных и полезных достижений, позволяет сделать выводы о промахах и ошибках, которые не следует повторять. Руководствуясь этим, попытаемся проанализировать зарубежный опыт внедрения информационных технологий, сконцентрировав внимание на досудебном производстве по уголовным делам.

---

[1] © Мичурина О. В., 2020.
[2] © Викулова Я. А., 2020.

Начнем с опыта Республики Казахстан, где информационные технологии уже нашли закрепление в уголовно-процессуальном законе. Так, в гл. 15 УПК РК «Доказательства» включена ст. 129 «Научно-технические средства в процессе доказывания», где в ч. 3 изложены аспекты допустимости использования информационных технологий, если они: прямо предусмотрены законом или не противоречат его нормам и принципам; научно состоятельны; обеспечивают эффективность производства по уголовному делу; безопасны[1].

Мы согласны с исследователями, высказывающимися о необходимости внесении подобных дополнений и в УПК РФ. Бесспорно, что в надлежащем нормативном регулировании нуждаются не только отдельные виды информационных технологий, но и критерии их допустимости[2].

Наиболее распространенным в уголовном судопроизводстве способом применения информационных технологий является система видео-конференц-связи. Широкую популярность она получила во многих странах, в том числе в России. Однако отечественный уголовно-процессуальный закон допускает такую процедуру лишь в судебном производстве. Тогда как в Бельгии, Германии, Италии, Казахстане, Латвии, Украине, Финляндии, Франции, Швеции, Эстонии и многих других странах она нормативно закреплена и для досудебного этапа уголовного процесса.

К примеру, согласно ст. 69 УПК Эстонии дистанционный допрос свидетеля или потерпевшего возможен в случае, если непосредственный их допрос затруднителен и может повлечь чрезмерные траты[3].

Также необходимо упомянуть ст. 232 УПК Украины, на основании которой допрос лиц, опознание лиц или вещей во время досудебного

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. // Параграф: информационные системы [электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz.

[2] Соколов Ю.Н. Технологичность – свойство уголовного судопроизводства // Антиномии. 2015. № 1. С. 129; Медведева М. О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 80.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии от 12 февраля 2003 г. [электронный ресурс] URL: https://v1.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks.

следствия возможны в режиме видеоконференции при трансляции из другого помещения (дистанционное досудебное расследование)[1].

К слову сказать, учитывая огромную территорию нашей страны и быстрое развитие информационно-телекоммуникационных систем, перспективы введения в УПК РФ процедуры дистанционного допроса с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве легко прогнозируемы. Соответствующий законопроект внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (проект федерального закона № 434998-78). Направлен он на дополнение УПК РФ новой статьей, предусматривающей допрос свидетеля по уголовному делу следователем (дознавателем) посредством видео-конференц-связи[2].

Хотелось бы надеяться, что ко второму чтению этого документа там появится возможность допрашивать в таком режиме и других участников уголовного судопроизводства, к примеру, потерпевшего, эксперта, специалиста, подозреваемого, обвиняемого, территориально находящихся в другом регионе. Тогда следователь (дознаватель) утратит необходимость делегировать отдельным поручением свои полномочия по производству допроса другому следователю или дознавателю, он сможет его осуществить сам, не покидая место производства предварительного расследования.

Информатизация уголовно-процессуальной деятельности, как правильно считают некоторые авторы, в первую очередь должна быть направлена на повышение ее оперативности, достоверности информационных процессов и на усиление гарантий защиты участников уголовного судопроизводства[3].

Исследование зарубежного опыта интегрирования информационных систем в досудебное производство дает возможность определить общую дальнейшую тенденцию их развития в отечественном законодательстве. При этом нельзя не отрицать разногласия во мнениях, а также неприятие отдельными пользователями возможных нововведе-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. URL: https://kodeksy.com.ua/ka/ugolovno_protsesualnij_kodeks_ukraini/statja-232.htm

[2] Профильный комитет поддержал законопроект о допросах по видеоконференц-связи // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [официальный сайт] URL: http://duma.gov.ru/news/29439/

[3] Гришин Д. А. Совершенствование применения информационных технологий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 120.

ний. Отсюда и возникающие противоречия между необходимостью совершенствования уголовного процесса и консервативностью в качестве приоритетного условия сохранения стабильности системы.

Одним из подобных вопросов, который неоднозначно воспринимается учеными и практиками, в равной степени находит как приверженцев, так и противников, следует обозначить возможность введения электронных уголовных дел в документооборот судопроизводства. В этом направлении двигаются многие страны, находясь на разном уровне решения этого вопроса. Системы электронного уголовного судопроизводства уже внедрены в Азербайджане, Германии, Грузии, Канаде, Сингапуре, США, Эстонии. Южной Корее и др.

Существенным доводом для осуществления перехода к электронным уголовным делам является необходимость совершенствования досудебного производства по уголовным делам при помощи использования новейших информационных технологий с оптимизацией самих процессов, сокращающих лишний формализм, что позволит увеличить открытость, доступность и оперативность правосудия[1].

Как полагает О. В. Качалова, уголовные дела в цифровом формате позволят: усовершенствовать деятельность следователей, дознавателей посредством уменьшения затрат времени на процессуальное оформление действия и решений; проводить удаленное взаимодействие с органами дознания, а также прочими следственными подразделениями, органами прокуратуры; повысить гарантии правового положения личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство; усилить законность процессуальной деятельности; повысить эффективность прокурорского надзора, судебного контроля, ведомственного контроля[2].

В то же время, электронное уголовное дело потребует особое программное обеспечение, позволяющее размещать информацию по находящимся в производстве уголовным делам, с возможностью их пополнения в режиме реального времени при осуществлении новых следственных и иных процессуальных действий. Подобная система

---

[1] Познанский Ю. Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 41–44.

[2] Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

должна будет включать разноуровневый доступ лиц к ознакомлению с материалами, проведению контрольно-надзорных функций, обеспечению взаимодействия органов дознания со следователем и дознавателем. Самая серьезная проблема, которая нам видится пока в отрицательном значении – сложность в обеспечении электронного уголовного дела информационной безопасностью. Это повлечет материально-затратные технические решения и подготовку высококвалифицированных специалистов.

Современное российское уголовное судопроизводство не в полной мере отвечает развитию информационных технологий. Деятельность, нацеленная на определение фактов совершения преступлений, а также виновности лиц, по отношению к которым осуществляется производство, еще нуждается в серьезной оптимизации в этом направлении. Потребуется не только внедрение новых технологий в саму процедуру производства по уголовному делу, но и подстраивание существующих институтов под стремительно меняющиеся реалии жизни, связанные, в том числе, с появлением новых технических устройств.

Возьмем в качестве примера такое следственное действие, как обыск. В полной ли мере его регламентация отвечает современным условиям? Ст. 182 УПК РФ предусматривает, что при производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть, изымаются предметы, документы, ценности. Изъятые предметы, документы и ценности осматриваются, предъявляются понятым и другим лицам, присутствующим при обыске, и в случае необходимости упаковываются и опечатываются на месте. Это классическая, десятилетиями сложившаяся процедура, имеющая, безусловно, определенные проблемные аспекты, но вполне разрешимые в практике правоприменения. Они разрешимы до тех пор, пока не касаются сферы информационных технологий, которая не имеет четкого нормативного регулирования и годами сложившейся следственной или судебной практики. Так, если в ходе обыска был обнаружен смартфон и для его разблокировки, чтобы установить принадлежит ли он обвиняемому или нет, возникла необходимость предоставить пароль, отпечаток пальца или сканирование лица, есть ли у следователя (дознавателя) возможность в принудительном порядке получить каждый из перечисленных параметров? Уголовно-процессуальный закон ответа на этот вопрос не дает.

Интересна практика разрешения подобных ситуаций в США. Так, 10 августа 2018 г. агенты ФБР принудили во время обыска обвиняемо-

го в получении и хранении детской порнографии 28-летнего Гранта Михалски к разблокированию принадлежащего ему смартфона сканированием лица. Данный обыск проводился на основании судебного решения (ордера), выданного федеральным судьей штата Огайо. Как стало известно из опубликованного второго ордера на детальное изучение материалов, содержащихся в смартфоне: во время обыска 10 августа проводивший его агент ФБР потребовал от обвиняемого поместить свое лицо напротив IPhoneX, чтобы произвести его сканирование для разблокирования аппарата через систему распознавания лиц. Обвиняемый подчинился этому требованию, и смартфон был разблокирован. Агент ФБР получил возможность бегло просмотреть изображения и другие файлы, содержавшиеся в смартфоне, и обнаружил там материалы, связанные с сексуальной эксплуатацией детей. Именно они, в частности, стали основанием для получения второго судебного решения (ордера) на обыск для проведения более подробного изучения содержимого смартфона[1].

Это был первый известный случай, когда правоохранительные органы официально использовали в принудительном порядке систему распознавания лиц для разблокировки технического устройства. Но он не был первым для разблокирования смартфона, в рамках производимого на основании судебного решения обыска, когда были использованы биометрические данные лица. В 2014 г. суд в штате Виргиния принял знаменательное решение в деле по обвинению некоего Чарльза Бауста в попытке задушить свою сожительницу. В помещении, где имел место данный акт насилия, были установлены видеокамеры, а изображение с них транслировалось на смартфон обвиняемого. Сторона обвинения ходатайствовала, чтобы суд в принудительном порядке потребовал от обвиняемого предоставить пароль от смартфона и отпечаток пальца для его разблокировки. Суд отказал в этом ходатайстве в части требования о принуждении к предоставлению пароля, но удовлетворил его в части принуждения к предоставлению отпечатка пальца для разблокировки. Логика суда была следующей: предоставление пароля является свидетельствованием в конституци-

[1] Ордер на обыск электронного устройства IPhone 8 (на английском языке) URL: https://assets.documentcloud.org/documents/4951289/iPhone-X-Face-ID-Search-in-Ohio.pdf.

онном смысле, а принуждение обвиняемого к свидетельствованию против себя самого запрещено 5-ой поправкой к Конституции США[1].

В реалиях нашего правоприменения предоставление пароля тоже следует связывать с мыслительным процессом обвиняемого, подразумевая раскрытие принадлежащей ему информации. Поэтому оно является в определенной степени свидетельствованием против себя самого и, если осуществляется против его воли, то противоречит ст. 51 Конституции Российской Федерации. Принудительное же разблокирование смартфона с помощью биометрических данных (с использованием отпечатков пальцев или сканирования лица), скорее всего, можно считать допустимым. Это не противоречит нормам действующего законодательства Российской Федерации. Поэтому считаем соответствующими закону требования следователя (дознавателя) о предоставлении биометрической информации (так же, как предоставление образцов крови, волос, образцов почерка, других биологических и иных объектов для сравнительного исследования), так как это не является свидетельствованием против себя самого.

Ситуации запрета принуждения к предоставлению пароля от устройства аналогичны случаям, связанным с расшифровкой информации, хранящейся в электронном виде. Американские суды занимают однозначную позицию, что все действия по расшифровке информации являются свидетельствованием и конституционно защищены[2]. Стоит заметить, что отечественная судебная практика в отношении подобного рода проблем пока не сформировалась.

Отдельно хотелось бы затронуть проблемы допустимости использования искусственного интеллекта в процессуальной сфере. Речь идет о принятии решений по уголовному делу исходя из заложенного в компьютерную программу алгоритма. Опыт отдельных стран, все того же США, уже имеет подобную практику. Американские суды, полицейские органы и пенитенциарные учреждения используют машинные алгоритмы для определения уровня различных рисков: совершит обвиняемый еще одно преступление; явится ли он на судебное заседание; можно ли отпустить его под залог. Тем не менее, ни сами судьи, ни другие государственные органы не пишут эти программы, а покупают их у частных компаний.

---

[1] Fingerprint unlocking ruling // Scridb.Inc URL: https://ru.scribd.com.

[2] Решение Апелляционного суда одиннадцатого округа США от 23 февраля 2012 г. по делу United States v. John Doe // URL: https://www.eff.org

Яркий пример тому система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions). Компания, разработавшая это программное обеспечение, считает пол важным фактором, влияющим на принятие решения в уголовном судопроизводстве. По мнению разработчиков, мужчины гораздо чаще становятся рецидивистами. Таким образом, женщины чаще, чем мужчины отпускаются под залог или освобождаются от уголовной ответственности. Как именно влияют эти данные на принятие подобных решений и насколько важен пол при их вынесении? Компания ответа не дает, прикрываясь законами о коммерческой тайне, чтобы скрыть свой код от любого контроля. Поэтому проверить алгоритмы на предмет корректной работы не представляется возможным. Невозможно это сделать из-за нормативного пробела в силу отсутствия на текущий момент законов или каких-либо стандартов их устанавливающих.

Существует еще один аспект в обозначенной проблематике, и касается он сокращения штата дипломированных юристов (судей, вспомогательного состава судов, следователей, полицейских и пр.). Искусственный интеллект с легкостью за них решает любые стандартизированные задачи в сфере юриспруденции, осуществляя обработку и изучение документации значительно быстрее. На юридическом факультете Университета Хельсинки уже сформирована лаборатория по технологическим решениям в юридической сфере «Legal Tech Lab», деятельность которой нацелена на применение искусственного интеллекта, в том числе в сфере судопроизводства, с позиции необходимости алгоритмизации принятия решений, методов разрешения споров, применения автоматизированной аналитики информации[1].

Если в начале нашей статьи мы ратовали за имплементацию зарубежного опыта внедрения отдельных информационных технологий в сферу отечественного нормативного регулирования, то в случае с искусственным интеллектом, по нашему мнению, спешить не стоит. Внедрение подобных предложений в досудебное производство по уголовным делам имеет более серьезный проблемный аспект, связанный с неудачными попытками использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве других стран.

---

[1] Жилкин В. А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 19.

Подустова О. Л.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящее время трудно представить наш мир без информационных технологий. Практически все сферы жизнедеятельности подвержены их влиянию. Исключение не составляют и уголовно-процессуальные правоотношения. Созданные для совершенствования и улучшения всех сфер жизни, данные технологии, оказавшись в руках у преступников, создают реальную угрозу для общества. Поскольку масштаб проникновения информационно-коммуникационных технологий в нашу жизнь огромен и постоянно увеличивается, в связи с транснациональным характером экономических взаимоотношений в обществе, противодействие таким преступлениям является одним из важнейших направлений государственной политики Российской Федерации[2].

Постоянное создание новейших информационных систем, коммуникационных технологий, компьютерной техники и их совершенствование являются благоприятной основой для возникновения новых глобальных угроз для информационных систем и общества в целом[3].

Ю. В. Гаврилин справедливо отмечает, что обратной стороной процесса цифровизации экономики является рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуника-

---

[1] © Подустова О. Л., 2020.

[2] Обзор практики расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с кредитно-финансовой сферой, и состояния взаимодействия с оперативными службами // Контрольно-методическое управление Следственного департамента МВД России, исх. № 14/9467 от 18 ноября 2015 г.

[3] Темиралиев Т. С., Омаров Е. А. Проблемы противодействия преступлениям, совершенным с применением информационных систем, и пути их решения // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2019. № 1 (55). С. 95.

ционных технологий[1], а методы, способы и средства их совершения становятся все сложнее.

Закономерным представляется необходимость принятия со стороны государства и правоохранительных органов дополнительных мер, направленных на повышение эффективности борьбы с указанным видом преступлений.

Мы поддерживаем точку зрения В. А. Прорвича относительно того, что уголовно-процессуальная защита от преступлений в сфере экономики нуждается в комплексном управлении на всех уровнях – от правотворчества до правоприменения, включая научно-методическое обеспечение деятельности правоохранительных органов и судов, в том числе с использованием современных информационных технологий[2].

Анализ результатов деятельности органов внутренних дел по данному направлению свидетельствует о недостаточности принимаемых мер, что было отмечено в решении коллегии МВД России от 24 октября 2017 г. № 3км «О мерах по совершенствованию раскрытия и расследования мошенничеств».

Согласно ведомственной статистике, в 2017 г. в производстве правоохранительных органов находились уголовные дела о 105645 преступлениях рассматриваемой категории, что превысило показатели 2016 г. на 24,5%[3]. Данные преступления носят транснациональный характер, отражаются на функционировании государственных институтов, экономики и обороноспособности государств.

Преступления данной категории совершаются технически оснащенными преступными группами, в том числе международными, ха-

---

[1] Гаврилин Ю. В. Практика организации взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (28). С. 146.

[2] Прорвич В. А. Интегрированные криминалистические знания, как основа современных информационных технологий, для расследования преступлений в сфере экономики // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 3. С. 64.

[3] Аналитический обзор правоприменительной практики расследования преступлений, совершенных в сфере информационно-коммуникационных технологий, по итогам 2017 г. // Контрольно-методическое управление Следственного департамента МВД России, исх. № 14/5817 от 14 мая 2018 г.

рактеризуются усложненными способами их подготовки и сокрытия, созданием и использованием вредоносных компьютерных программ.

В качестве наиболее распространенных способов их совершения можно выделить следующие:

1) хищения путем заражения систем дистанционного банковского обслуживания, атак на мобильные устройства, брокерские системы в сети «Интернет»;

2) применение вредоносных программ с целью незаконного использования объектов авторского права, в том числе прав на программное обеспечение;

3) хищения денежных средств и иного имущества с использованием компьютерных технологий (кражи из электронных кошельков, с банковских счетов физических и юридических лиц, с помощью накладок на банкоматы);

4) использование методов социальной инженерии, в результате чего потерпевшие самостоятельно предоставляют злоумышленникам реквизиты своих банковских карт, конфиденциальную информацию, а также паспортные данные, позволяющие провести идентификацию и совершить хищение денежных средств.

При этом у правоохранительных органов в ходе расследования данного вида преступлений возникают многочисленные проблемы.

Во-первых, длительность получения из компаний сотовой связи информации, имеющей доказательственное значение по уголовным делам, тем более в случае необходимости истребования информации у сотовой компании другого региона, поскольку в большинстве случаев лица, на чьи счета переведены похищенные деньги, зарегистрированы в других субъектах Российской Федерации.

В связи с чем следует отметить положительный опыт организации работы правоохранительных органов Республики Марий Эл, которые заключили с ПАО «Сбербанк», ПАО «Мегафон» и ПАО «Вымпелком» договоры об электронном документообороте, что позволило сократить сроки получения необходимой информации до семи суток.

Во-вторых, недостаточное количество экспертов, имеющих допуск к производству компьютерно-технических судебных экспертиз, длительность их производства, а также существенная стоимость при их проведении в негосударственных экспертных учреждениях (от 15 до 300 тыс. руб. за одну экспертизу при причиненном в большинстве случаев ущербе от 1 до 15 тыс. руб.).

Так, в ЭКЦ УМВД России по Владимирской и Калининградской областям экспертизы по установлению вредоносного программного обеспечения и способов его появления на электронных носителях не производятся вовсе ввиду отсутствия соответствующих специалистов и технического оснащения. Кроме того, длительность проведения данного вида экспертиз является одной из основных причин продления процессуальных сроков по уголовным делам указанной категории, «очередь» на которые доходит до 6 месяцев.

Для решения данной проблемы В. В. Гончар указывает на необходимость ориентации вузов на подготовку специалистов необходимого профиля, а также обеспечение взаимодействия вузов с организациями, имеющими определенные достижения в области информационной безопасности[1].

В-третьих, это ограниченные сроки хранения информации в банках, платежных системах, операторами сотовой связи, а также ненадлежащее взаимодействие с крупными платежными системами, действующими на территории Российской Федерации.

Для разрешения вышеуказанных задач Следственным департаментом МВД России во исполнение п. 1.4 решения коллегии МВД России от 24 октября 2017 г. № 3 км «О мерах по совершенствованию раскрытия и расследования мошенничеств» руководству Центрального банка Российской Федерации направлены предложения по совершенствованию правил обслуживания клиентов и повышению уровня их защищенности от преступных посягательств.

В целях противодействия необоснованному списанию денежных средств с расчетных счетов граждан кредитным учреждениям рекомендовано создать системы работы мобильного и интернет банкинга, при которых получение злоумышленниками персональных данных клиентов не будет иметь серьезных последствий. Также предложено рассмотреть вопрос об исключении возможности дополнительного подключения абонентских номеров мобильных телефонов к банковской карте, за исключением зарегистрированных непосредственно на ее владельца либо лиц, указанных в договоре.

Также опасение вызывает высокая латентность данных преступлений, что связано с отсутствием должной реакции со стороны жертв

---

[1] Гончар В. В. Совершенствование расследования преступлений в области информационных технологий // Эпоха науки. 2017. № 11. С. 30.

преступлений, а также скрытым характером использования компьютерных технологий[1].

Не стоит забывать, что наиболее качественному применению информационных технологий в ходе расследования преступлений способствует качественное и надлежащее закрепление следов преступлений, своевременное и полное изъятие необходимых образцов для сравнительного исследования, взаимодействие служб и органов в целях расследования преступлений, качественное проведение судебных экспертиз, соблюдение действующего законодательства всеми правоохранительными органами и неуклонное исполнение своих профессиональных обязанностей. Неисполнение либо ненадлежащее исполнение какого-либо из вышеперечисленных пунктов может способствовать как совершению преступления, так и отсутствию успеха в его раскрытии и расследовании.

Так, по уголовному делу № 6100378, расследованному Следственным управлением УМВД России по Астраханской области, использование результатов оперативно-разыскной деятельности – записей телефонных переговоров – позволило своевременно и полно собрать доказательства вины гр. Б и гр. К., совершивших преступление в период отбывания наказания в местах лишения свободы ФКУ «Исправительная колония № 9» УФСИН России по Волгоградской области. При взаимодействии с сотрудниками Управления уголовного розыска УМВД России по Астраханской области, ФКУ ИК-9 УФСИН России по Волгоградской области проведены следственные действия на территории колонии, допрошены свидетели, изъяты образцы голосов осужденных. Кроме того изъяты телефоны, используемые в ходе совершения преступления. Проведено семь фоноскопических судебных экспертиз, идентифицированы виновные.

В связи с ненадлежащим исполнением сотрудниками колонии требований уголовно-исполнительного законодательства, последние были привлечены к дисциплинарной ответственности, а также в колонии были проведены мероприятия по недопущению использования спецконтингентом средств мобильной связи.

---

[1] Темиралиев Т. С., Омаров Е. А. Проблемы противодействия преступлениям, совершенным с применением информационных систем, и пути их решения // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2019. № 1(55). С. 96.

В августе 2017 г. Енотаевским районным судом Астраханской области обвиняемые Б. и К. признаны виновными в совершении 7 эпизодов преступления и приговорены к 4 годам 6 месяцам и 5 годам лишения свободы соответственно[1].

Таким образом, преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий получают все большую распространенность, причиняя значительный ущерб не только гражданам Российской Федерации, но и экономике и безопасности страны в целом. В связи с чем, необходимо в настоящее время проведение комплекса мероприятий, направленных на осуществление взаимодействия всех государственных органов, в том числе:

1) создание необходимых условий работы сотрудникам правоохранительных органов в виде повышения технической оснащенности подразделений;

2) подбор кадров для оперативно-разыскной, следственной и экспертной служб и обучение их особенностям совершения преступлений в информационно-коммуникационной сфере и способам противодействия им;

3) привлечение к взаимодействию сотрудников банковских учреждений, лиц, обладающих специальными знаниями в области информационных технологий;

4) создание расширенной сети баз данных, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан, и обеспечение к ним доступа сотрудникам следственных подразделений;

5) налаживание повсеместного электронного документооборота между следственно-оперативными подразделениями и другими организациями (например, сотовыми компаниями).

---

[1] Аналитический обзор правоприменительной практики расследования преступлений, совершенных в сфере информационно-коммуникационных технологий, по итогам 2017 г. // Контрольно-методическое управление Следственного департамента МВД России, исх. № 14/5817 от 14 мая 2018 г.

Поляков М. П.[1]**,**
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

«ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА»: МОДНЫЙ ТЕРМИН ИЛИ НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ?

В настоящее время активно обсуждается тема цифрового уголовного судопроизводства. В рамках этой темы (и не только) поднимается вопрос об электронных доказательствах. По сути, без этого вопроса сама тема цифрового судопроизводства лишается своих природных методологических оснований. Наука пытается подобраться к этому понятию, о чем имеются явные терминологические свидетельства. Термин «электронные доказательства» уже давно никого не шокирует. Однако за этим популярным и даже модным термином пока не обнаруживается четкого научного понятия. Попытки сформулировать это понятие, наполнить модный термин актуальным здравым содержанием, периодически предпринимаются, но принципиально новых результатов поиска сущности электронных доказательств пока не зафиксировано.

В рамках понятийных изысканий можно обнаружить два основных направления – техническое и догматическое. Техническая (информационно-технологическая) сторона этого феномена изучена достаточно глубоко, Сегодня имеется детально разработанное криминалистическое (по сути, техническое) понятие электронных доказательств. И ряд исследователей полагает, что этого вполне достаточно, ибо проблема лежит исключительно в технической плоскости. Однако гипертрофированное техническое внимание к феномену электронных доказательств непроизвольно затрудняет постижение специфической доказательственной природы этих поистине инновационных доказательств. Поэтому даже в техническом смысле наука сегодня опирается скорее на интуитивное, чем на теоретическое понимание «электронных доказательств».

Мир «процессуальной души» электронных доказательств пока не открылся исследователям. Понятие электронных доказательств, с сугубо судопроизводственных позиций, на наш взгляд, до сих пор не сформулировано. Осмелимся заявить, что оно даже концептуально не

---

[1] © Поляков М. П., 2020.

нащупано. Процессуальную сущность этого понятия ищут, но ищут не там и не тем способом. Образно, говоря, ее ищут, где светлее, а не в потемках ее обитания. Ее пытаются обнаружить в рамках привычных доказательственных доктрин и подходов.

Именно поэтому в науке пока властвует конформистский (приспособленческий) подход. Все на первый взгляд разнообразные дефиниции искомого понятия в конечном итоге унифицируются в своем стремлении приладить понимание электронных доказательств к действующей информационной трактовке доказательств, узаконенной всеми процедурными отраслями права. В итоге теоретических блужданий исследователи феномена электронных доказательств неизменно упираются в очевидный и совсем неновый методологические канон, и все выводы о сущности указанных доказательств в конечном итоге аккумулируется в заключение о том, что суть выражается в новой электронной форме.

Чтобы ухватить неведомую сущность электронных доказательств с точки зрения современной идеологии и информационно-цифровой методологии доказывания, нужны новые подходы и несвойственные современной научной парадигме концептуальные решения и прогнозы. В рамках осмысления нужно непременно учитывать тот факт, что формула «электронные доказательства» возникает на фоне активного проникновения в жизнь и судопроизводство новых технических свершений, позволяющих особенным (почти волшебным) образом работать с информацией.

В плане понимания феномена электронных доказательств важно осознавать, что не отдельные технические «цифровые» новинки, а массовое революционное наступление информационных технологий, замещение ими привычных способов работы с информацией, сформировали запрос на внедрение адекватного этим технологиям инновационного вида доказательств.

Юридическая наука интуитивно чувствует, что «электронные доказательства» несут в теорию доказательств не только технические нюансы, но и важнейшие методологические перемены. Уголовный процесс не может не реагировать на информационные преобразования. В свое время письменность породила целый пласт новых доказательств в уголовном процессе. Но письменность – это не только форма фиксации информации, это еще и особый логический способ ее производства и обработки, специфический способ постижения действитель-

ности. Поэтому письменная форма, является неотъемлемым атрибутом судопроизводства как надежный процессуальный инструмент.

Традиционная письменность в уголовном процессе еще в силе. Но сила ее уже не безгранична. В ближайшее время она может быть потеснена более совершенной формой письменности. В истории письменности уже случались бои за территорию. Время от времени разные формы инновационной письменности проникали в уголовный процесс – фотография (светопись), звукозапись, кинематография (видеозапись). Но все они становились лишь приложением к традиционной письменности и не трансформировались в принципиально новый вид доказательств. Они всего лишь расширяли список письменных доказательств.

Техническая революция, связанная с внедрением технологий на базе электричества, много чего дала криминалистике, но почти никак не отразилась на развитии института уголовно-процессуальных доказательств. Во всяком случае, никому в голову не пришло говорить о появлении особенных «электрических доказательств».

Очевидно, что не электричество само по себе, не электрические помощники судопроизводства (магнитофон, видеокамера, электроприборы криминалистической техники и т. п.), а именно компьютер призвал к жизни новый феномен и породил соответствующую ему терминологию. Неслучайно первым именем для феномена электронных доказательств было – «компьютерные доказательства». В связи с развитием цифровых технологий названная формулировка стала тесноватой для соответствующего феномена, и ей на смену пришло более универсальное имя «электронные доказательства».

Современная информационная революция, именуемая цифровой, ведет к переосмыслению информационно-доказательственной идеологии и методологии уголовного процесса. Сегодня уголовный процесс должен сделать дружественный шаг в отношении письменности особого технологического рода – «цифрописи». «Цифропись» порождает потребность в теоретическом осмыслении и практическом внедрении принципиального нового вида доказательства, основанного не на слове, а на «цифре». Письменность в свое время позволила ослабить зависимость слова от человека, позволила «консервировать» это слово в письменных актах. Но письменное и устное описание, как главный инструмент доказательственной технологии, несмотря на расширение технических средств наглядности, было ключевым ин-

теллектуальным принципом судопроизводства. Именно слово во все времена лежало в основе уголовного судопроизводства.

Но времена безраздельной монополии слова в уголовном процессе уходят. И этот уход вряд ли растянется на века. «Цифропись» не может оставаться простым приложением к слову. «Цифропись» – это уже не только технологическая, но и идеологическая революция для самого уголовного судопроизводства. Поэтому «электронные доказательства» на сегодняшний день – это не столько юридическое понятие, сколько метафора, задающая общее направление поиска новых идеологических оснований для методологической революции в теории доказательств и практике доказывания.

Конечно, феномен электронных доказательств пока лишь концепт, из которого еще только-только начинает развиваться новая уголовно-процессуальная информационная технология, способная составить конкуренцию технологии, основанной на формальной логике, усиленной традиционной письменностью. Но этот концепт уже есть реальность современного уголовно-процессуального мира. Термин «электронное доказательство» – уже не просто модное слово, он становится лозунгом нового времени, своеобразным ответом на пока еще четко не сформированный общественный запрос в цифровом правосудии.

Феномен электронных доказательств следует оценивать в особом историческом и культурном контексте, не отворачиваясь от присущих ему метафизических ноток. Он имеет в некотором смысле магическое значение. Сам термин своим «электронным» звучанием знаменует начало новой, «волшебной» эпохи в доказывании, таинственной, пугающей и вместе с тем многообещающей эпохи. Именно с учетом этих разнородных концептуальных представлений необходимо двигаться к технической и юридической составляющим понятия электронных доказательств.

Феномен электронных доказательств требует особого мышления, особенного разворота объекта осмысления. В центр понимания необходимо поместить сам специфический феномен «электронности». Причем, этот феномен нужно рассматривать не в формальном ключе, как это сейчас принято, а в субстанциональном. «Электронность», как квинтэссенция «цифрописи», приводит к унификации материальной формы, устраняет ее разнообразие. Виртуальное же разнообразие сводится исключительно к цифровой форме. Формальное многообразие реального мира сжимается в картинки мира виртуального.

Информационно-материальный продукт, где форма и содержание существуют неразрывно, превращается в чисто информационный продукт. Материальная форма выражения информации становится универсальной – это прибор с экраном; то, что мы называем компьютером в самом широком смысле. Именно этот компьютер в каком-то смысле и олицетворяет универсальную форму электронных доказательств (в специфическом понимании этих доказательств). Следовательно, через электронные доказательства реализуется идея доказательства как чистой информации, не привязанной к форме. Феномен электронного доказательства в его исконном концептуальном виде как раз и олицетворяет отрыв доказательства от своего источника. Источник как бы есть, но он универсален.

В чистом сущностном понимании, электронное доказательство – это доказательство, от начала до конца сформированное электронным устройством. Точнее, устройство формирует не доказательство (в его сложившемся понимании), а фиксирует кусок действительности, который содержит информацию, имеющую отношение к делу. При этом традиционные критерии допустимости применения информации, полученной при помощи технических устройств, являются устаревшими. Они возникли на волне настороженного отношения к технике, так концепт «электронности» пытается по-новому трактовать информационное доверие к техническим устройствам. Презумпция надежности компьютера (а сегодня от нее уже не уклониться) создает концептуальные предпосылки для постулата о том, что вопрос об источнике электронной информации может быть ограничен техническим устройством.

Подчеркнем еще раз, что, по сути, электронное доказательство только тогда является электронным (в том самом искомом узком смысле), когда оно формируется не человеком, а машиной. Понятно, что подобное заявление едва ли может вписаться в ядро современного понимания доказательств, как сведений, формируемых человеком как субъектом доказывания. И не может лишь потому, что в понятии источника доказательств, как правило, присутствует человеческий фактор.

Электронное доказательство – это не форма, это особая технология формирования доказательства, допускающая совсем мизерное присутствие человеческого фактора. Цифровая фиксация фрагмента действительности при помощи технического устройства может быть признана объективной информацией сама по себе. Источником объ-

ективности становится техника (факт ее надежности, защищенности от антропогенного вмешательства в корректировку данных и т. д.). Следует отметить, что главным информационным принципом работы с электронными доказательствами становится интерпретация содержания. Электронное доказательство позволяет минимизировать количество интерпретационных ступенек познания по уголовному делу.

Таким образом, электронные доказательства можно и нужно рассматривать как новое явление в уголовно-процессуальном доказывании. Есть все основания полагать, что после должной теоретико-методологической подготовки это понятие даст начало новому правовому уголовно-процессуальному институту.

Полянская Е. П.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, а в особенности органов предварительного расследования, по раскрытию и расследованию преступлений в настоящее время невозможно без интеграции новых информационных технологий, базирующихся на средствах электронно-вычислительной техники. Использование автоматизированных поисковых систем помогает оперативно получить значимую информацию, способствуя быстрому раскрытию и качественному расследованию уголовных дел. Нельзя не упомянуть автоматизированную дактило-поисковую систему «Папилон», без которой не обходится расследование ни одного уголовного дела. Также неоценимую помощь в раскрытии и расследовании преступлений оказывают аппаратно-программные комплексы, предназначенные для идентификации государственных регистрационных знаков автомобилей «Поток», «Сова-2», системы «Сова», «Фотоучет», «Портрет-Поиск», «Граница», «Мигрант», «Консул», «Видеопоток», «Спрут», «Сейф», «Кондор» и др.

Среди масштабно применяемых в настоящее время можно выделить глобальную систему «Безопасный город», интегрирующую в себе некоторые вышеуказанные, а также лучшие разработки и самые передовые телекоммуникационные и компьютерные технологии и являющуюся важнейшим элементом оснащения правоохранительных органов и всех экстренных служб техническими средствами и системами информирования.

Как известно, указанная система была заимствована в Европе и рассматривалась как идея, способствующая усилению мер охраны правопорядка и регулирования транспортных потоков в городах, а также координации действий правоохранительных органов. И если в качестве главного требования рассматривалось создание единого информационного городского центра, собирающего, обрабатывающего

[1] © Полянская Е. П., 2020.

и предоставляющего заказчику информацию по всем вопросам, связанным с обеспечением жизнедеятельности города, криминальной безопасности, безопасности дорожного движения, информации по потенциально опасным объектам, то сейчас мы можем наблюдать, что технологии шагнули значительно вперед. Однако за достаточно большой период времени это коснулось небольшого количества региональных центров, поскольку органы муниципального управления не слишком были готовы к внедрению подобных идей.

Первая экспериментальная автоматизированная система контроля видеонаблюдения была запущена в 2005 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани и Екатеринбурге.

В 2008 г. были сформированы устойчивые позиции частников отраслевого рынка интегрированных систем безопасности относительно внедрения системы «Безопасный город»: если одни видели в ней перспективу повышения раскрываемости преступлений и улучшения показателей оперативности работы правоохранительных органов, то другие считали введение термина «безопасный город» отвлекающим маневром в секторе госзаказа, сравнивая систему с камерами видеонаблюдения в подъездах. Предназначение комплексной системы «Безопасный город» виделось в автоматизации решения наиболее важных задач современных городов.

Внедренные аппаратно-программные комплексы «Безопасный город» доказали свою эффективность в раскрытии преступлений и формировании доказательственной базы. В рамках данной системы была введена в использование подпрограмма «Безопасный двор».

При этом система достаточно проста в использовании. В территориальных органах и центрах оперативного управления нарядами имеется интерактивная карта, на которой отражены все камеры видеонаблюдения, в том числе находящиеся в частном владении. Сотруднику, проводящему проверку сообщения о преступлении или осуществляющему предварительное расследование, достаточно посмотреть карту, камеры, находящиеся вблизи места происшествия, и просмотреть запись, при необходимости изъять ее. По камерам можно рассмотреть номер нарушившего правила дорожного движения автомобиля, одежду, лицо и даже цвет глаз человека, который на улице совершил преступление.

На сегодняшний день АПК «Безопасный город» – это сотни тысяч камер видеонаблюдения, которые установлены в общественных местах, подъездах многоквартирных домов, дворах, торговых точках,

учебных заведениях, на автодорогах, в местах массового пребывания людей, общественном транспорте. Посредством комплекса раскрыты тысячи преступлений, изобличены и задержаны преступники, сформирована доказательственная база.

Благодаря возможностям системы при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств мы можем получить неопровержимые доказательства использования преступниками «закладок» во дворах и иных укромных местах в черте благоустроенной части города. Или воспрепятствовать попыткам преступника изменить категорию преступления на менее тяжкую в целях улучшения своего правового положения. Так, в г. Саратове по подозрению в совершении неправомерного завладения автомобилем без цели хищения группой лиц по предварительному сговору задержаны двое граждан, которые утверждали, что намеревались совершить хищение транспортного средства с целью продажи, но никак не угона. Однако довести свой преступный умысел до конца не смогли, поскольку увидели на перекрестке, который должны были пересечь, сотрудников ГИБДД. Решив, что могут быть остановленными и разоблаченными ими, оставили транспортное средство у обочины, а при убытии экипажа планировали вернуться за похищенным транспортом, однако были задержаны дома сотрудниками правоохранительных органов. При изъятии фрагмента видеонаблюдения в центре оперативного управления нарядами с участка местности, на котором был оставлено транспортное средство, установлено, что никакого экипажа ГИБДД на перекрестке не было. Кроме того, был прослежен путь задержанных и установлено, что они катались по городу и знакомились с девушками, а по истечении нескольких часов оставили автомобиль и скрылись.

Указанная система незаменима при розыске транспортных средств, будучи оснащенной автоматической идентификацией государственных регистрационных знаков и подачей сигнала при обнаружении разыскиваемого авто.

В одном из районов г. Москвы в настоящее время в АПК «Безопасный город» используется технология биометрической идентификации человека по изображению лица, базирующаяся на алгоритмах распознавания и сравнения изображений, применяемая в автоматизированной информационно-поисковой системе идентификации личности «Система оперативного визуального анализа» и программе «Фотоучет», что позволяет незамедлительно задерживать лиц, находя-

щихся в розыске, проверять алиби, осуществлять розыск лиц, пропавших без вести.

Сегодня система позволяет вести преступника от места совершения преступления до места его проживания и задержать по горячим следам, а также сформировать доказательственную базу, изъять следы, объекты биологического происхождения и предметы, имеющие криминалистическое значение.

К сожалению, подобную ситуацию мы можем наблюдать далеко не во всех населенных пунктах. АПК «Безопасный город» имеется только в густонаселенных регионах ввиду недостаточного финансирования, устанавливается небольшое количество камер видеонаблюдения и только в местах большого скопления людей.

Зачастую техника и программное обеспечение несовместимы друг с другом, возникают конфликты при обмене данными. Камеры, которые должны уметь до мельчайших деталей фиксировать событие, будь то простая кража кошелька или серьезное разбойное нападение, по факту в нескольких регионах не позволяют даже рассмотреть номера на машинах.

Имеющиеся в ряде регионов видеокамеры зачастую не снабжены ночным режимом работы, имеют низкое разрешение, не позволяя детально рассмотреть элементы обстановки, распознать внешность человека или прочитать номерные знаки автотранспортных средств.

Конечно, данные проблемы планомерно устраняются, растет качество систем, связанных с контролем и видеонаблюдением на общественном транспорте, но решать эти задачи необходимо оперативно, поскольку данные факторы оказывают сильное влияние на быстрое раскрытие преступлений и качество расследования уголовных дел.

Для успешной реализации правоохранительными органами задач необходимо внедрение комплекса во всех населенных пунктах с возможностями распознавания лиц и выделения людей в видеопотоке в реальном времени; сравнения выделенных лиц с имеющимися в эталонных базах; предупреждения оператора о совпадении; сохранения фотографий выделенных лиц.

Савина Л. А.[1]**,**
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

До сегодняшнего дня в уголовно-процессуальном законодательстве нет нормы, которая была бы специально посвящена применению технико-криминалистических средств и методов раскрытия и расследования преступлений. Исторически сложившаяся организация использования криминалистической техники в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений на сегодняшний день находится в противоречии с уровнем ее современного развития.

Действующий кодекс не дает определения научно-технических средств, используемых при фиксации хода и результатов следственных действий. В статьях УПК РФ (ст.ст. 166, 170, 180) лишь говорится о возможности применения «технических средств». Нет единства в этом вопросе и в научной литературе. Авторы употребляют различные термины: «технико-криминалистические средства»[2], «научно-технические средства»[3], однако для науки и практики важно, чтобы все термины были точно определены и не допускали двоякого толкования, именно это требование дает основание для унификации криминалистической терминологии.

В этой связи определенный интерес представляет анализ понятий «технико-криминалистическое» и «научно-техническое обеспечение» раскрытия преступлений. Соотношение этих понятий, по мнению А. Ф. Волынского, следует рассматривать в контексте «общих и частных задач отдельных направлений деятельности ОВД. Применительно к деятельности в целом нужно говорить о ее научно-техническом обеспечении, для процессуально-определенных форм в рамках рас-

---

[1] © Савина Л. А., 2020.

[2] Белкин Р. С Курс советской криминалистики. Т. 1. М., 1977. С. 206.

[3] Леви А. А. Научно-технические средства в уголовном судопроизводстве. М.,1981, С. 9; Гончаренко В. И. Научно-технические средства в следственной практике. Киев, 1984, С. 8.

крытия и расследования преступлений характерно применение криминалистических средств и методов»[1].

Применение научно-технических средств в раскрытии и расследовании преступлений обусловлено спецификой этой деятельности, необходимостью и своевременностью получения информации об объектах (трупах, вещественных доказательствах, лицах, документах и др.), могущих иметь значение для раскрытия преступлений.

В современных реалиях развития научно-технического прогресса в структуре научно-технических средств, приемов и методов значительную роль занимают криминалистические средства и методы информационного обеспечения этой деятельности. Компьютеризация повышает эффективность получения, обработки и использования криминалистически значимой информации с целью принятия научно обоснованных решений. Различные программы позволяют автоматизировать учеты органов внутренних дел, увеличивают возможности автоматизированных поисковых систем.

В настоящее время для повышения эффективности криминалистических методов осмотра и собирания доказательств все большее значение получает метод применения беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) при производстве следственных действий, а именно осмотра места происшествия (далее – ОМП).

Использование БПЛА при ОМП имеет множество преимуществ: возможность охвата съемкой всего места, надежность и простота конструкции аппарата, его компактность и маневренность, в частности, произвольное перемещение в пространстве по разным траекториям, а также оперативность получения результатов высокого разрешения не только на носитель, но и в режиме онлайн[2].

Использование БПЛА в деятельности органов внутренних дел может быть полезным и актуальным при производстве осмотра места происшествия по ряду преступлений, а именно при совершении дорожно-транспортных происшествий, когда использование «беспилотника» позволит наглядно запечатлеть не только взаиморасположение автотранспорта и других объектов, но и всю обстановку ДТП. В ходе осмотров мест происшествий на железнодорожном и воздушном

---

[1] Волынский А. Ф. Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М., 1994, С. 12.

[2] Барышников К. В., Червяков М. Э. К вопросу о применении БПЛА в ходе осмотра места происшествия // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 19–22.

транспорте применение мобильных летательных аппаратов позволит зафиксировать обстановку с возможностью отображения прилегающей территории, дистанции пути, разброса частей транспорта и трупов. При поджогах использование БПЛА дает возможность скорее обнаружить и осмотреть очаги возгорания, определить границы осмотра, выделить места наиболее серьезных разрушений конструктивных элементов зданий и сооружений.

В связи с вышеизложенным встает насущная проблема законодательного регулирования применения такой техники. На вопрос скептиков о признании доказательств, полученных с применением квадрокоптера допустимыми, ответ однозначен. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству основным способом фиксации хода и результатов следственного действия является протоколирование. К протоколу прилагаются фотоснимки, при этом делается запись о техническом средстве, с помощью которого они были изготовлены. Таким образом, применение БПЛА допустимо, более того, в некоторых случаях необходимо, а правильное оформление его использования в протоколе снимает вопрос о допустимости такого доказательства.

В протоколе осмотра места происшествия следует указать, что применялась «…видеофотокамера на механизированном подвесе «наименование»..., с возможностью аэрофотосъемки. Технические характеристики: высота полета, удаленность от пульта, время полета, фокус и разрешение камеры, условия съемки и т. п.».

Однако существующие нормы УПК РФ не снимают необходимости принятия подзаконного акта в виде инструкции о порядке использования БПЛА в ходе осмотров мест происшествий, а также организации подготовки специалистов-пилотов по управлению БПЛА на базе учебных заведений правоохранительных органов.

Следует также отметить, что на сегодняшний день требуется принятие ряда нормативно-правовых актов о регламентации полетов квадрокоптеров, порядке их учета и получения разрешения на полет.

Самолаева Е. Ю.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Использование информационных технологий в ходе раскрытия и расследования преступлений является необходимым условием эффективной работы правоохранительных органов. Их назначение – решать задачи по организации и оптимизации деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью, с целью снижения затрат времени, труда, энергии и материальных ресурсов.

Информационные технологии охватывают все области создания, передачи, хранения и воспроизведения информации, не ограничиваясь только компьютерными технологиями. К таковым можно отнести и высокие (или «сложные») технологии, представляющие собой наиболее новые и прогрессивные достижения в сфере науки и техники, максимально задействующие современные научно-технические ресурсы и предусматривающие минимальное вовлечение человека в технологический процесс их работы.

В числе достижений, применяемых в деятельности правоохранительных органов, можно назвать: беспроводные технологии (сотовая связь, Wi-fi), высокотехнологичные системы безопасности, использующие биометрические средства идентификации (распознавание людей по лицу, голосу, отпечаткам пальцев и др.), навигационное оборудование (системы GPS, ГЛОНАСС), программное обеспечение и др.

Согласно данным уголовной статистики, за последние девять месяцев число преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, увеличилось почти на 70% (согласно показателям за январь-сентябрь 2019 г. относительно АППГ) и составило 205116 преступлений[2].

---

[1] © Самолаева Е. Ю., 2020.

[2] Краткая характеристика состояния преступности за январь – май 2019 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/18556721/.

Результаты изучения практики расследования корыстных преступлений показали, что все чаще при их совершении преступники используют самые современные достижения науки и техники. Способ совершения деяния соответствующим образом отражается и на характере образующихся в процессе совершения преступления следов.

При совершении преступлений с использованием информационных технологий следы имеют свои особенности, которые выражены в следующем. Они не имеют физически целостной структуры, на материальном носителе фиксируются не сами свойства запечатленной информации (звука, изображения), а его цифровые значения. Помимо уголовно значимой информации след содержит данные о целостности и доступности сохраненной информации и др.[1]

В этой связи ученые-криминалисты стали выделять, помимо идеальных и материальных, еще и виртуальные следы, под которыми понимается электронно-цифровое отображение, происходящее в искусственно созданной среде (например, компьютерной системе). В литературе можно встретить иные их названия (компьютерные, информационные, компьютерно-технические, а также электронно-цифровые), но это один и тот же вид следов.

Раскрытие и расследование преступлений, совершенных с использованием информационных, в том числе высоких, технологий невозможно без использования современных высокотехнологичных средств обнаружения, исследования и закрепления доказательств. Подобные возможности уже активно применяются на практике, что позволило существенно повысить качество расследования. Так, за отчетный период раскрываемость данных преступлений повысилась более чем на 50% в сравнении с АППГ[2].

Приведем пример применения специальных высокотехнологичных технических устройств с целью эффективного обнаружения и исследования виртуальных следов, когда преступник пытается скрыть или уничтожить информацию, хранящуюся в телефоне и ином мобильном электронном устройстве.

Подобные действия успешно пресекаются с помощью специальных приборов, способных считывать информацию с мобильных

---

[1] Мещеряков В. А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 265–270.

[2] Краткая характеристика состояния преступности за январь – май 2019 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/18556721/.

устройств и восстанавливать удаленные пользователем файлы (например, мобильные комплексы по сбору и анализу цифровых данных «UFED»)[1].

В расследовании преступлений также используются специальные технические средства, основанные на достижениях нанотехнологий. Это металлографические способы исследования, применяемые при производстве трасологических, баллистических, взрывотехнических экспертиз[2]; методики нанодиагностики при проведении генотипических экспертиз; физико-аналитические исследования, проводимые с использованием спектрометров, особо точно анализирующих поверхность и объем твердых тел методами ионной, электронной и фотонной спектроскопии; и др.[3]

Использование компьютерной программы «Форвер» позволяет обеспечить высокую информативность сбора криминалистически значимой информации при расследовании преступлений (например, найти похожие преступления из числа внесенных в базу данных)[4].

Несмотря на приведенные успехи в раскрытии преступлений и существующие научно-технические возможности, некоторые проблемы остаются так и не разрешенными.

На данном этапе не созданы возможности для использования новых высокотехнологичных приборов и устройств для целей расследования любого преступления, в ходе которого возникнет необходимость их применения. Затрудняет работу по раскрытию преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, недостаточное оснащение в ряде регионов современными техническими средствами исследования экспертных подразделений. Общее

---

[1] Устройство криминалистического исследования сотовых телефонов UFED // Специализированная информационная система «Техника для спецслужб» URL: https://sis-tss.ru/2010-06-23-20-36-40/2503------qufedq.html.

[2] Прокофьева Е. В. Модернизация металлографического метода исследования объектов судебной экспертизы в свете нанотехнологий / Е. В. Прокофьева, В. В. Веселин, О. Ю. Прокофьева // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 218.

[3] Ларионова Е. Ю., Медведева С. А. Нанотехнологии в судебно-экспертной деятельности. Перспективы развития // Вестник ВСИ МВД России. 2018. № 4 (87). С. 207–213.

[4] Платонов В. А. Использование информационных технологий в раскрытии и расследовании преступлений // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 24 (106). С. 52.

их количество не отвечает современным запросам практики. Отмечается недостаток специалистов в области информационных и компьютерных технологий, как в регионах, так и больших городах. Необходимость в них в современных условиях очевидна.

На практике мы до сих пор сталкиваемся с ситуациями, когда следователи «стоят в очереди» на проведение компьютерно-технических экспертиз несколько месяцев. В результате качественное исследование изъятых технических устройств (в силу невозможности продления сроков) приходится заменять проведением осмотров (в лучшем случае – с участием специалиста). Самостоятельный осмотр мобильного устройства иногда заканчивается на этапе введения пароля, который следователь может не знать. В некоторых случаях осмотр не приводит к получению доказательственно значимой информации.

На основании изложенного считаем, что необходимо кардинально менять ситуацию и повышать оснащенность экспертных подразделений современной техникой. Параллельно рекомендуется обстоятельно изучать новые способы совершения преступлений и применяемые при их совершении технические устройства, делиться полученным опытом и распространять его среди экспертов и специалистов в области раскрытия и расследования преступлений. Осуществлять мониторинг современных достижений технической мысли, высоких технологий и экстраполировать полученные знания в интересах раскрытия преступлений.

Следователям рекомендуется при расследовании преступлений, совершенных с помощью современных информационных технологий, четко придерживаться норм УПК РФ при изъятии электронных носителей информации и ее копировании в ходе производства следственных действий. А также использовать в расследовании преступлений положения науки форензики, изучающей вопросы раскрытия киберпреступлений и разрабатывающей методы поиска, получения, закрепления и исследования цифровых доказательств[1].

[1] Решняк М. Г., Павлова Д. А. О некоторых особенностях раскрытия преступлений в сфере высоких информационных технологий // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 5. С. 125–129.

Саморока В. А.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Макарова Е. А.[2]**,**
курсант 972 взвода факультета
подготовки специалистов
в области информационной безопасности
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ АППАРАТНО-ПРОГРАММНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОВД В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В современном обществе информационные технологии проникли во все сферы жизнедеятельности человека. Технические средства применяются при получении, обработке, хранении и передаче цифровой информации. При этом информация может использоваться как для достижения преступных целей, так и для достижения целей уголовного судопроизводства.

Под техническими средствами в целях уголовно-процессуального доказывания следует понимать любые вспомогательные устройства, применяемые в процессе доказывания следователем, экспертом либо специалистом в целях обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и проверки информации, имеющей значение для разрешения дела.

В настоящее время на вооружении правоохранительных органов имеется внушительный арсенал таких технических средств. Ведь результативность разыскной деятельности в рамках процесса расследования зависит от своевременного получения информации, в том числе: о лицах, заподозренных в совершении преступлений; скрывшихся от следствия и суда обвиняемых; потерпевших и свидетелях; орудиях преступления (в том числе транспортных средствах); различных объектах, добытых преступным путем; следах преступлений и иных объектах, местонахождение которых неизвестно.

---

[1] © Саморока В. А., 2020.
[2] © Макарова Е. А., 2020.

Обычно для этих целей используют специальные экспертные системы, которые получили свое воплощение в криминалистике еще в середине прошлого века.

Современные экспертные системы представляют собой сложные программные комплексы, аккумулирующие знания специалистов в конкретных предметных областях и распространяющие этот эмпирический опыт для консультирования менее квалифицированных пользователей.

Цель работы таких систем в правоохранительной деятельности и по сей день заключается в возможности распознавать криминальную ситуацию, находить возможные варианты ее расследования, давать практические рекомендации[1]. На вооружении специалистов имеются такие экспертные системы как «Наркоэкс» (экспертиза наркотических веществ), «Балэкс» (баллистическая экспертиза), «Кортик» (экспертиза холодного оружия), «Маньяк» (поддержка принятия решений при раскрытии серийных убийств, совершенных на сексуальной почве), «Спрут» (установление связи субъектов преступного формирования на основании знаний о преступных формированиях, связей между лицами, экономических составляющих и фактов, представляющих оперативный интерес), «Мясо» и «Полюс» (компьютерная поддержка анализа и принятие решений о проверке версий при расследовании хищений мясной и молочной продукции) и др. При этом человеческий интеллект используется в концентрированном виде для решения стандартных ситуаций в различных областях знаний, а выдаваемые машиной рекомендации носят консультативный характер, принятие решения остается за человеком, хотя эти решения представляют собой качественно новый, более высокий уровень[2].

Главное отличие экспертных систем от других программных средств – это наличие базы знаний, в которой знания хранятся в форме, понятной специалистам предметной области, и могут быть изменены и дополнены также в понятной форме.

Однако наиболее перспективным можно считать применение биометрических систем идентификации в раскрытии преступлений. В последние годы это становится одним из приоритетных направле-

---

[1] Вепрев С. Б., Нестерович С. А. Экспертные системы в юридической деятельности // Аллея Науки. 2017. № 13. С. 986–991.

[2] Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 29–30.

ний деятельности правоохранительных органов, ведь неотъемлемой частью расследования преступлений является установление лиц, их совершивших, определение лиц, пострадавших от преступных посягательств. Но это не всегда возможно сделать при помощи стандартных методов идентификации личности. Поэтому в криминалистической науке разрабатываются методы, призванные разрешить данную проблему, в том числе при помощи искусственного интеллекта. Биометрический параметр представляет собой все физические характеристики человека, черты его поведения, по которым возможно осуществить идентификацию личности. Их объединяет известная степень индивидуальности применительно к конкретному человеку, низкая, хотя и не нулевая, возможность их фальсификации. В связи с этим применение биометрических технологий получает серьезный толчок в развитии, обусловленный активным распространением автоматизированных средств обработки и анализа информации.

Биометрические системы идентификации, использующиеся в современный период или находящиеся в стадии разработок, включают в себя системы регистрации и контроля: по отпечатку пальца, геометрии лица и рук, запаху, форме уха, ДНК, 3D-геометрии головы, температуре кожи лица и кровеносных сосудов, сетчатке глаза, отпечатку ладони, строению зубов, рисунку радужной оболочки глаза, подписи, клавиатурному почерку и голосу и пр.

Можно привести примеры успешных отечественных научных исследований:

1) по разработке систем криминалистического отождествления на основе радужной оболочки глаза;

2) российская компания BioLink, специализирующаяся на разработке программного обеспечения для гражданских биометрических систем;

3) компания «Технологии идентификации», которая развивает идентификацию личности по геометрии руки (ГРИД);

4) IT-компания «Центр речевых технологий» – производитель аппаратно-программного комплекса криминалистического исследования фонограмм речи и др.

Наиболее значимым, на сегодняшний день, элементом биометрической идентификации является АПК «Безопасный город», благодаря

которому в России раскрывается более 28 тыс. преступлений в год, сообщает ТАСС со ссылкой на данные МВД России[1].

По данным главы МВД РФ, в 2018 г. количество уличных преступлений снизилось на 5%. В целом по России к системе «Безопасный город» подключено 265 тыс. камер видеонаблюдения и почти 1,2 тыс. «тревожных кнопок» для экстренной связи с полицией.

Р. С. Белкин[2], подчеркивая важность применения биометрических технологий, указывал, что она призвана не только выполнять криминалистические задачи по идентификации личности, но и является средством ее защиты, поскольку позволяет организовывать деятельность по борьбе с преступностью наиболее эффективно и своевременно выявлять данные, способные выступать в качестве доказательств по уголовному делу. Биометрические технологии, ввиду высокой надежности получаемых данных, могут сыграть решающую роль в доказательстве причастности или же непричастности лица к совершению преступления, установить личность погибших от преступного посягательства.

Однако уже сегодня на смену видеоаналитике, позволяющей производить выборку конкретных ситуаций из общего потока видеоданных, приходит видеосемантика. Последняя основана на методе математического анализа общего видеопотока и возможности интеллектуальной системы видеонаблюдения самостоятельно устанавливать наличие нестандартных ситуаций, содержащих признаки совершенного или подготавливаемого преступления. При этом интеллектуальная система видеонаблюдения предлагает оператору вместо просмотра огромного видеомассива проанализировать короткий видеоэпизод, который она сочтет полезным для раскрытия, расследования или предупреждения преступления[3].

Выявление и расследование современных преступлений, в том числе в сфере компьютерной информации и высоких технологий,

---

[1] Более 28 тыс. преступлений было раскрыто в России благодаря АПК «Безопасный город» // RUБЕЖ: информационно-аналитический журнал. URL: https://ru-bezh.ru/gossektor/news/19/03/01/bolee-28-tyis-prestuplenij-byilo-raskryito-v-rossii-blagodarya-a.

[2] Белкин Р. С. Курс криминалистики. М. :Юнити-Дана, 2001. С. 435.

[3] Смахтин Е. В., Щербич С. В. Некоторые вопросы использования систем видеонаблюдения в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений // Уголовный процесс и криминалистика. 2017. № 6.

предполагает процессуальные (предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством) и непроцессуальные формы (прямо не предусмотренные УПК РФ).

Анализ применения экспертных систем, программно-аппаратных комплексов, биометрии формирует некий феномен, связанный с тем, что большие объемы информации, имеющей доказательственное значение, обрабатываются, результаты формируют некий вывод, помогающий принять процессуальное решение, однако техническая сторона деятельности, применяемые алгоритмы, остаются вне поля зрения следователя.

Нередко внепроцессуальные формы выражены в проведении оперативно-разыскных мероприятий, к проведению которых привлекаются специалисты в соответствующих областях. Эта деятельность часто связана с использованием специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в целях ее фиксации. Социальные отношения людей находятся в плоскости информационного пространства, что предполагает добывание информации из компьютерных систем и сетей. В связи с тем, что производство некоторых видов экспертиз (в частности компьютерных) очень затратно по времени и средствам, следователи прибегают к такому упрощению, как осмотр компьютеров (веб-страниц, носителей, видеозаписей) с привлечением специалиста. И результаты такого следственного действия суды принимают как доказательство, не требуя перепроверять полученные выводы производством экспертизы. Фактически происходит наблюдение в сетевом информационном пространстве неких явлений, которые следователь описывает в протоколе. Можно констатировать процесс мониторинга (интернет-мониторинга), который представляет собой комплексную систему действий, обеспечивающих наблюдение за состоянием криминальных процессов в сетевой социальной среде, основанную на использовании средств и методов компьютерной разведки и направленную на сбор, обработку и анализ информации.

Однако нужно оговориться, что все процессы, о которых мы упоминали, в том числе выявленные при помощи экспертных систем, ни что иное, как комбинации нулей и единиц. Именно так информация формируется и передается по электронным сетям. Любое изображение, даже записанное с видеокамеры, на жестком диске компьютера, на сервере, «в облаке» – это всего лишь единицы и нули. Поэтому

следственное действие, которое используется в настоящее время правоприменителями, не совсем уместно. Обычно такую информацию в уголовном деле «втискивают» в более узкое по смыслу и содержанию понятие «иной документ». В данном случае законодатель достаточно вольно обращается с терминами. Почему документ – «иной»? Это обусловлено носителем, на котором он сохранен? Или видом информации? В классическом понимании «документ» это зафиксированная на материальном носителе информация в виде текста, звукозаписи или изображения с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать. Что в нашем случае понимать под материальным носителем? Нули и единицы? Дампы памяти? Бумагу, на которой свой вывод (суждение) отобразит специалист?

Полагаем, что законодательное закрепление термина «Электронное или цифровое доказательство» назрело. Без этого мы не сможем не только развивать технические средства борьбы с преступностью, но и надлежащим образом защищать от нарушений права участников уголовного судопроизводства. Ведь, к примеру, значительный объем памяти электронного носителя информации предопределяет существование на нем большого числа не относящихся к делу сведений личного характера. Неочевидность и относительность содержания электронного носителя информации не позволяет гражданину предвидеть, какой объем данных имеется на изымаемом носителе. А удаленный доступ предоставляет сотрудникам правоохранительных органов возможность не только исследовать информацию, которая хранится непосредственно на электронном носителе, но и получать данные из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или иной схожей системы, что значительно расширяет объект исследования и распространяет его на еще больший объем сведений о частной жизни.

Еще один аргумент в пользу нашей позиции о том, что осмотр с участием специалиста в данном случае не совсем верный выход, это то, что в силу присущей «электронному доказательству» неочевидности содержания, файлы, исследование которых необходимо произвести, находятся за пределами свободного доступа. Для их открытия и изучения необходимо осуществить определенные целенаправленные поисковые действия в виртуальной среде, что может иметь место только при проведении обыска. Сравнительно-правовой анализ законодательства и практики использования «электронных доказательств» в российском уголовном судопроизводстве и судопроизвод-

стве США показал, что неочевидность содержания электронного носителя информации делает возможным его исследование только посредством проведения активного целенаправленного поиска. Прецедентными правовыми нормами, сформулированными судами США, такой носитель информации приравнен к закрытому контейнеру, содержание которого скрыто от непосредственной видимости сотрудника полиции[1].

Законодательное определение понятия «электронного доказательства» отсутствует в УПК РФ, и данный термин пока используется только в научной литературе. Однако необходимость исследования «электронного доказательства» и правового регулирования этого нового явления обусловлена реальными потребностями практики, которая все чаще использует в доказывании информацию, полученную из электронных источников.

Таким образом, процесс доказывания в условиях современного информационного общества претерпел кардинальные изменения, так как современные цифровые устройства, видеокамеры, интернет-сервисы, базы данных повсеместно фиксируют информацию о многочисленных аспектах человеческой деятельности. При этом такая информация может содержать как персональные данные, так и коммерческую или государственную тайну. Относительно доказывания в уголовном процессе, речь идет об объективном собирании, фиксации, проверке и оценке доказательств, полученных специальными техническими средствами и необходимых для разрешения дела. Однако данные вопросы в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации либо еще не урегулированы, либо их регламентация отстает от последних достижений в науке и технике. Этот факт затрудняет применение электронных средств и экспертных систем при производстве процессуальных действий с целью получения полноценных доказательств, отвечающих всем требованиям, предусмотренным в законе.

Видится, что основным постулатом использования экспертных систем и других технических достижений в области компьютерной информации в доказывании по уголовным делам должен быть законода-

---

[1] Оконенко Р. И. Исследование портативного цифрового устройства в ходе обыска задержанного в уголовно-процессуальном праве США: поиск баланса интересов гражданина и государства // Право и политика. 2014. № 12. С. 1917–1920.

тельно закрепленный тезис о том, что результаты (сведения) получаемые таким путем, должны отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам. Должна быть предусмотрена возможность анализа таких сведений человеком, субъектом расследования. Необходимо законодательно предусмотреть требования «прозрачности» таких данных, а также способа или алгоритма, которые были использованы при их получении. При проектировании (разработке, внедрении) таких программ должна быть заложена возможность визуализации пошаговой детальной схемы «умозаключений» и сопоставимых данных, на основании которой следователь мог бы принять обоснованное решение о возможности или невозможности их использования.

Семенкова Е. В.[1],
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;

Воронина Н. А.[2],
курсант 464 учебного взвода 4 Д курса
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРИЗНАНИЮ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Следователь в уголовном судопроизводстве представляется одной из центральных фигур, направляющих ход расследования по уголовному делу. УПК РФ определяет этого участника как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные Кодексом (п. 41 ст. 5 УПК РФ). Исходя из анализа ряда уголовно-процессуальных норм (п. 41 ст. 5, ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 42 УПК РФ), с учетом подследственности, представляется, что именно на следователей приходится львиная доля вынесенных решений о признании лиц потерпевшими по уголовным делам.

Одним из основных направлений деятельности следователя является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, его же закон называет в первую очередь, говоря о назначении уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Особую важность реализации этого направления деятельности при расследовании уголовных дел подчеркивают цифры статистики. По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации за 2015 г. по уголовным делам были признаны потерпевшими 1699,1 тысяч человек, 2016 г. – 1544,2 тысяч, 2017 г. –

---

[1] © Семенкова Е. В., 2020.
[2] © Воронина Н. А., 2020.

1417,3, а за 2018 г. − 1335,2 тысяч[1]. Несмотря на небольшое снижение количества лиц, признанных потерпевшими по уголовным делам, общее число потерпевших неизменно велико.

В этой связи особое внимание в деятельности следователя следует обратить на процедуру признания лица потерпевшим по уголовному делу. В настоящее время механизм, а вместе с ним и деятельность следователя по признанию лиц потерпевшими по уголовному делу довольно архаичны и нуждаются в преобразованиях.

Первое направление модернизации деятельности следователя тесно связано с определением потерпевшего в уголовном судопроизводстве. В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ «потерпевшим, признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». На несовершенство данного определения не раз указывали ученые-процессуалисты[2], но, не углубляясь в этот вопрос, отметим лишь, что само определение данного участника уголовного судопроизводства не связано с деятельностью должностных лиц, оно ориентировано лишь на причинение лицу преступлением определенного вреда. Следовательно, лицо приобретает статус потерпевшего после совершения в его отношении преступления. Ученые-криминологи едины во мнении о том, что жертва – это всякий человек, понесший моральный, физический или имущественный вред от противоправного деяния, независимо от того, признан ли он потерпевшим в установленном законом порядке[3].

---

[1] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/folder/13722 (дата обращения: 25.10.2019).

[2] Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения. М. : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 102; Клещина Е. Н., Кондрат И. Н., Шаров Д. В. Вред, причиненный потерпевшему преступлением: понятие и виды // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12. С. 141–147; Вешкина Т. В. Понятие «потерпевший» в российском уголовном процессе // Eurasia Science : сборник статей VII международной научно-практической конференции. Научно-издательский центр «Актуальность.РФ». 2017. С. 330–331.

[3] Варчук Т. В. Учение о жертве преступления // Юридическая психология. 2008. № 4. С. 1; Курс советского уголовного права : Общая часть // отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. В 2-х т. Л., 1968. Т. 1. С. 11.

Однако, далее по тексту ст. 42 УПК РФ отмечается, что решение о признании потерпевшим оформляется постановлением следователя, дознавателя, судьи или определением суда. В этой связи многие ученые процессуалисты утверждают о приобретении лицом статуса потерпевшего только после вынесения соответствующего постановления[1]. Судя по приведенным выше цифрам, статистика также ориентируется исключительно на решения должностных лиц о признании потерпевшими. Ниже представлена сравнительная таблица данных о количестве преступлений и количестве потерпевших по годам.

Таблица

Сравнительная таблица количества преступлений и лиц, признанных потерпевшими в период с 2015 по 2018 год

Количество	**2015 г.**	**2016 г.**	**2017 г.**	**2018 г.**
совершенных преступлений[2]	2 352,1 тыс. чел.	2 160 тыс. чел.	2 058,5 тыс. чел.	1 992 тыс. чел.
потерпевших по уголовным делам[3]	1 699,1 тыс. чел.	1 544,2 тыс. чел.	1 417,3 тыс. чел.	1 335,2 тыс. чел.

Приведенные данные свидетельствуют как минимум о двух проблемах. Первая связана с учетом лишь тех лиц, которые официально признаны потерпевшими по уголовным делам. А вторая видится в человеческом факторе, когда следователи не установили потерпевшего (или не признали лицо таковым) на момент возбуждения уголовного дела (не выставили соответствующую статистическую карточку Формы № 5 при возбуждении уголовного дела[4]) и не сделали этого при принятии решения по уголовному делу.

---

[1] Клещина Е. Н., Кондрат И. Н., Шаров Д. В. Вред, причиненный потерпевшему преступлением: понятие и виды // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12. С. 141–147.

[2] Данные получены на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/folder/101762/item/9338947/ (дата обращения: 20.10.2019).

[3] Данные получены на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru (дата обращения: 20.10.2019).

[4] Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 20.02.2014) «О едином учете преступлений».

В то же время Конституционный Суд Российской Федерации определил, что «обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав»[1], тем самым подчеркнув, что лица, потерпевшие от преступлений, могут реализовывать часть своих прав, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и УПК РФ, независимо от вынесения решения следователями. В связи с этим явно назрела необходимость внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон, которые должны гарантировать возможность лицам, потерпевшим от преступлений осуществлять их права до возбуждения уголовного дела и признания их потерпевшими.

Говоря о модернизации деятельности следователя в этом направлении, следует отметить, что лицам, потерпевшим от преступлений следует разъяснять их права, которые предусмотрены не только УПК РФ, но и Конституцией Российской Федерации, соответственно преломляя их к соответствующему процессуальному положению этих лиц. По нашему мнению, обязательно следует разъяснить право отказаться свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников; давать объяснения и делать это на родном языке или на языке, которым он владеет; право на обжалование действий и решений должностных лиц и т. д.

Также немаловажным направлением модернизации деятельности следователя является совершенствование самой процедуры призна-

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 № 119-О «По жалобе гражданки Семеновой Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного Военного суда в проверке конституционности ч. 8 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

ния лица потерпевшим по уголовному делу. Несмотря на последние достижения науки и техники в области информационно-телекоммуникационных технологий, уголовно-процессуальное право продолжает оставаться довольно консервативным.

Многие современные ученые-процессуалисты уверены, что и уголовный процесс не должен оставаться в стороне от глобальных преобразований в сфере информационных технологий и электронного документооборота[1]. Мы согласны с необходимостью внедрения новых технологий с целью совершенствования деятельности следователя.

Одним из направлений совершенствования деятельности следователя путем внедрения информационных технологий в процедуру признания лица потерпевшим по уголовному делу. Полагаем, существует реальная возможность осуществления данной процедуры дистанционно путем вынесения соответствующего постановления, скрепления его усиленной квалифицированной электронной подписью следователя с последующим направлением в адрес заинтересованного лица с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Кроме того, необходимо предусмотреть рассылку электронных уведомлений с помощью использования электронной почты и мессенджеров, которые бы оповещали потерпевшего или представителей потерпевшего о том, что они признаны потерпевшими по уголовному делу.

Однако, предусматривая возможность электронного документооборота в процедуре признания лица потерпевшим по уголовному делу, нельзя исключать необходимость изготовления соответствующих документов на бумажных носителях, а также получение согласия лица, пострадавшего от преступления, или заинтересованных лиц на применение описанной процедуры с использованием цифровых технологий. Стоит учитывать, что, несмотря на общие современные веяния, всегда остаются определенные слои населения, которым они могут быть недоступны в силу возраста, удаленности проживания или по другим причинам.

---

[1] Зуев С. В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 618–629; Инсаров О. А. Электронная подпись прокурора // Прокурор. 2015. № 4. С. 35–38; Халиуллина Л. Г. Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 75–79.

Предложенная инновация в области уголовно-процессуального права способствовала бы реализации требования закона о незамедлительном признании лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 42 УПК РФ) и могла бы в полном объеме гарантировать соблюдение прав и законных интересов данной категории участников при производстве по уголовным делам.

Смирнов М. В.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Соболев А. В.[2]**,**
заместитель начальника отделения дознания
отдела полиции Марьинский ОМВД России
по району Марьино,
кандидат юридических наук

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРИЕМ И РАЗРЕШЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В свете развернувшейся дискуссии о «цифровизации в уголовном процессе» представляется актуальной проблематика использования электронных документов на стадии возбуждения уголовного дела.

С 2016 г. уголовно-процессуальный закон осуществляет правовое регулирование порядка использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Так, Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ в УПК РФ введена статья 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве». Руководствуясь указанной статьей, ходатайства, заявления, жалобы и представления могут быть поданы в суд в порядке и в сроки, установленные УПК РФ, в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации.

На практике, в целях реализации данного положения закона заявителю предлагается заполнить специальные формы, размещенные на официальных сайтах государственных учреждений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В связи с подачей электронного ходатайства (заявления, жалобы или представления) заявителю предлагается подать в форме электронных документов и материалы, имеющиеся у заявителя.

---

[1] © Смирнов М. В., 2020.
[2] © Соболев А. В., 2020.

Установленный законом порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве предусматривает средства индивидуализации. Лицо, подающее ходатайство, заявление, жалобу или представление, должно подписать документ электронной подписью. Судебное решение, изготовленное в форме электронного документа, подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. Отношения в области использования электронных подписей регулируются Федеральным законом «Об электронной подписи»[1].

Нормы уголовно-процессуального закона прямо не регламентируют использование электронных документов в досудебном производстве. Однако, взаимосвязанные, на наш взгляд, положения п. 9 и п. 56 ст. 5 УПК РФ, содержащие понятия судебного и досудебного производства, и ч. 2 ст. 474 УПК РФ позволяют сделать вывод о возможности выполнения процессуальных документов электронным способом.

Обратимся к нормативным правовым актам МВД России, регулирующим на подзаконном уровне порядок рассмотрения в широком смысле «сообщений», которые могут содержать данные, указывающие на признаки преступления.

Наиболее информативным, применительно к рассматриваемой нами теме, является приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 (в последующих редакциях) «Об утверждении инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее – приказ МВД России № 707). Данный приказ регламентирует оборот «электронного документа» при рассмотрении обращений граждан в системе МВД России. В частности, устанавливается, что граждане вправе направлять свои заявления в органы внутренних дел в форме электронного документа (п. 7.1), представлять в электронной форме дополнительные документы и материалы либо обращаться с просьбой об их истребовании (п. 9.1). Рассматриваемым приказом предусматривается подача заявлений в электронной форме с использованием сети «Интернет». К интернет-обращению гражданин вправе приложить необходимые документы и материалы или их копии в электронной форме либо направить указанные документы и материалы или их копии в письменной

[1] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (в последующих редакциях) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15, ст. 2036.

форме (п. 24, п. 31). Для приема интернет-обращений применяется программное обеспечение, предусматривающее обязательное заполнение гражданином персональных данных.

При поступлении электронного документа к уполномоченному сотруднику подразделения делопроизводства, интернет-обращение в соответствии с требованием приказа должно быть распечатано, приобретает «бумажную» форму. Дальнейшая работа с ним ведется как с письменным обращением в порядке, установленном рассматриваемым приказом МВД России № 707. Правда, приказ предусматривает и исключение из этого порядка. При использовании автоматизированной информационной системы учета обращений («АИС»), обеспечивающей реализацию всех этапов рассмотрения обращения, работа с ним ведется в электронной форме (п. 32).

Необходимо отметить, что в зависимости от содержания рассматриваемого обращения «цифровизация» уголовного судопроизводства может быть завершена, а поданный документ приобретет бумажную форму. Так, в соответствии с п. 32 анализируемого правового акта, в целях реализации всех этапов рассмотрения обращения (от вышестоящего подразделения органов внутренних дел к нижестоящему), работа с ним продолжается в электронной форме. Но в случае, если обращение содержит информацию о преступлении или об административном правонарушении, то оно регистрируется в подразделении делопроизводства, учитывается, приобретает бумажную форму и регистрируется в Книгах учета сообщений о происшествиях (далее – КУСП). При этом сотрудник подразделения делопроизводства в установленном порядке сообщает заявителю о дате и регистрационном номере его обращения в КУСП, а также вносит указанные сведения в учетные формы подразделения делопроизводства (п. 69).

В соответствии с инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (далее – приказ МВД России № 736), предусмотрен прием заявлений о преступлениях в электронной форме («электронные заявления»), направляемых посредством официальных сайтов. При этом должно применяться программное обеспечение, предусматривающее обязательное заполнение заявителем реквизитов, необходимых для работы с заявлениями о преступлениях (п. 10). В приказе МВД России № 736, как

и в приказе МВД России № 707, предусмотрен переход от электронной формы документа к «бумажной». В соответствии с п. 11 приказа МВД России № 736 электронные заявления распечатываются на бумажном носителе, дальнейшая работа ведется с ними как с письменными заявлениями о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях в порядке, предусмотренном в указанном приказе.

Отсутствие непосредственно в УПК РФ нормативного правового регулирования вопроса использования электронных документов на стадии возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, приводит к трудностям в выработке устойчивой практики применения современных цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Проблемы цифровизации уголовного судопроизводства еще далеки от разрешения и нуждаются в дальнейшей научной разработке.

Собенин А. А.[1]**,**
старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права Московского
государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

РЕГИСТРАЦИЯ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И УЧЕТ ДАННЫХ О ПРЕСТУПНОСТИ – САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА[2]

2 июля 2019 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Правительством Российской Федерации направлен законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре»[3].

Содержание указанного законопроекта позволяет нам говорить только о совершенствовании деятельности по государственному единому учету данных о преступности, но не о развитии государственного единого порядка организации приема и регистрации сообщений о преступлении.

В августе 2019 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации анонсировало появление на портале «Госуслуг» пяти «суперсервисов», один из которых направлен на электронную регистрацию сообщений о преступлениях.

---

[1] © Собенин А. А., 2020.

[2] Публикация подготовлена в рамках проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию, в условиях развития цифровых технологий» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

[3] Проект Федерального закона № 745083-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 24 сентября 2019 г.) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.10.2019).

План развития сервиса «Подача заявлений в правоохранительные органы» выглядит следующим образом. С 2020 г. в одном из ведомств пилотного региона появится возможность подавать заявление онлайн. При этом уже в 2021 г. в одном из регионов через Госуслуги можно будет обратиться во все ведомства. С того же времени документы начнут храниться в цифровом профиле. В 2022 г. граждане получат возможность составлять заявление через интерактивного помощника[1].

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей прием и регистрацию сообщений о преступлении с использованием цифровых технологий, позволяет нам говорить о недостаточной включенности указанной сферы в процессы цифровизации[2].

Согласно п. 14 Инструкции[3] об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации также указывает, что сообщения о совершенном или готовящемся преступлении могут быть получены из иных источников, в том числе: средств массовой информации; обращений и жалоб граждан; обращений государственных и иных организаций; информации, переданной по телефону, телеграфу и иными средствами связи.

---

[1] Подать заявление в суд и правоохранительные органы можно будет через госуслуги // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru (дата обращения 24.10.2019).

[2] Масленникова Л. Н., Собенин А. А. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. 2019. № 6. С. 12; Сушина Т. Е. К вопросу о совершенствовании системы статистического учета обращений в суд на начальном этапе уголовного судопроизводства в цифровую эпоху // Lex Russica. 2019. № 10. С. 104; Андреева О. И., Зайцев О. А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 58; Гридюшко П. В., Бушкевич Н. С. Об электронной форме ведения уголовного процесса // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. № 2 (34). С. 67; Савчук Т. А. Электронная форма уголовного дела как элемент информатизации следственной деятельности: предпосылки и проблемы внедрения. URL: https://institutemvd.by (дата обращения 01.07.2020).

[3] Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 11 октября 2012 г. № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.10.2019).

Инструкция[1] Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий также содержит лишь указание на иные средства связи как источник сообщения о совершенном или готовящемся преступлении и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности, если они не были приняты или оформлены в установленном законом порядке (п.п. 13, 24, 26).

Инструкция[2] о регистрации преступлений в органах Федеральной службы судебных приставов упоминает различные каналы связи в случаях, когда есть причины, препятствующие должностному лицу незамедлительно сдать на регистрацию сообщение о преступлении (п. 14), либо сообщение о преступлении требует неотложного реагирования (п. 26).

Аналогичные положения содержатся в Инструкции[3] о регистрации преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (п.п. 13, 17, 28, 31).

Федеральная таможенная служба России в своей Инструкции использует термины «различные каналы связи» (п. 23), «каналы телефонной и факсимильной связи» (п. 38), «канал экстренной связи» (п. 40) в случаях, когда сообщение, содержащее информацию о со-

---

[1] Приказ МЧС России от 2 мая 2006 г. № 270 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иных происшествиях в органах Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.10.2019).

[2] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 2 мая 2006 г. № 139 «Об утверждении Инструкции о едином порядке организации приема, регистрации и проверки в Федеральной службе судебных приставов сообщений о преступлениях» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.10.2019).

[3] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.10.2019).

вершенном или готовящемся преступлении, требует неотложного реагирования[1].

В аналитических данных, представленных Главным управлением правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2018 г., среди субъектов регистрационного учета преступлений названы органы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Однако специального нормативного акта, определяющего порядок регистрации сообщений о преступлении, в органах Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации не принято. Наряду с этим нормативные акты указанного ведомства предписывают в случае обнаружения преступления направлять информацию в другие правоохранительные органы[2].

При этом органами Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации за 2018 г. зарегистрировано 9870 преступлений.

Необходимо заметить, что система органов, наделенных полномочиями по регистрации сообщений о преступлении, не является стройной и понятной по структуре и объему предоставленных полномочий.

Так, п. 3 Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, содержащий перечень субъектов регистрации преступлений, нуждается в исправлениях и дополнениях.

Компетенция органов прокуратуры (включая военные прокуратуры) нуждается в конкретизации с учетом полномочий прокурора по направлению соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

В перечне отсутствуют следственные органы Следственного комитета Российской Федерации при наличии специальных полномочий

---

[1] Приказ ФТС России от 12 января 2007 г. № 23 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.10.2019).

[2] Приказ Росгвардии от 30 января 2018 г. № 25 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в войсках национальной гвардии Российской Федерации»; Приказ Росгвардии от 9 июня 2017 г. № 170 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения обращений граждан и организаций в войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.10.2019).

по регистрации сообщений о преступлении, предусмотренных п. 2 ч. 4 ст. 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»[1].

Формулировка о том, что субъектами регистрации являются также иные перечисленные в п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ органы дознания и должностные лица, перечисленные в п.п. 1–3 ч. 3 ст. 40 УПК РФ, которым уголовно-процессуальным законодательством предоставлено право возбуждать уголовные дела и проводить дознание, фактически делает неопределенным перечень таких субъектов.

В январе – декабре 2018 г. на территории России зарегистрировано 1991532 преступления, что на 66944 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (3,3 %).

Органами внутренних дел Российской Федерации выявлено 92,9 % преступлений от всех зарегистрированных деяний, судебными приставами – 2,7 %, органами прокуратуры – 1,3 %, следственными органами Следственного комитета Российской Федерации – 1,1 %, органами безопасности – 0,9 %, Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации – 0,5 %, органами ФТС России, ФСИН России и государственного пожарного надзора – по 0,1 % соответственно[2].

Органами ФТС России за 2018 г. зарегистрировано 1794 преступления, ФСИН России – 1721, государственного пожарного надзора – 2084.

Очевидно, что наличие такого количества органов, которые уполномочены со стороны государства осуществлять прием и регистрацию сообщений о преступлениях, в условиях развития цифровых технологий нельзя признать оправданным.

Возможности электронной регистрации сообщений о преступлении, их обработки и принятия процессуального решения позволяют сократить такой перечень, ограничиться в их структуре органами внутренних дел Российской Федерации, судебными приставами, ор-

---

[1] Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.10.2019).

[2] Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности в России в январе-декабре 2018 г. URL: https://crimestat.ru (дата обращения: 24.10.2019).

ганами прокуратуры, органами Следственного комитета Российской Федерации, органами безопасности. На долю других правоохранительных органов приходится менее 1 % зарегистрированных преступлений в 2018 г.

Другой важной проблемой, которая существует в порядке регистрации сообщений о преступлении, является создание единого порядка организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в правоохранительных органах Российской Федерации и комплексной информационной системы приема, и обработки всех сообщений о преступлениях.

Министерством юстиции России был разработан проект Указа Президента Российской Федерации «О государственном едином статистическом учете данных о преступности»[1], в котором произошло смешение двух самостоятельных направлений деятельности:

1) государственного единого статистического учета данных о преступности;

2) государственного единого порядка организации приема и регистрации сообщений о преступлениях, учета преступлений, лиц, их совершивших, и уголовных дел.

Необходимо отметить, что эти два направления деятельности нуждаются в самостоятельном правовом обеспечении с точки зрения мер теоретического, законодательного и прикладного характера.

Упоминание в проекте Указа Президента Российской Федерации информационных ресурсов только единожды при определении баз данных статистической информации как информационных массивов, формируемых в электронном виде, содержащих сведения об объектах учета, нельзя признать полноценным способом решения вопроса использования цифровых технологий в указанной сфере.

---

[1] Проект Указа Президента Российской Федерации «О государственном едином статистическом учете данных о преступности» URL: https://www.garant.ru/. Текст документа приведен по состоянию на 27 сентября 2016 г.

Соколова М. В.[1]*,*
преподаватель кафедры предварительного
расследования Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА КРИПТОВАЛЮТЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современном мире в основу практически всех отраслей экономики легли информационные технологии. В настоящее время электронное управление активно внедряется во все сферы общественной жизни, а органы государственной власти и правоохранительные органы деятельно применяют их для повышения качества услуг, которые предоставляются населению. Все чаще передача информации между юридическими и физическими лицами осуществляется с помощью информационных технологий. Стоит отметить, что предоставление государством населению необходимых потребностей, в частности, зависит от эффективного применения информационных технологий в современном обществе[2].

Все большую актуальность среди юридических и физических лиц приобретают различные электронные технические устройства, системы, предназначенные для образования, обработки, хранения и передачи информации, а также автоматизированные сети. Однако для совершения электронных гражданско-правовых сделок необходимо использовать новые средства правового регулирования, включающие в себя особые правила обмена информацией, отталкивающиеся от таких принципов, как: юридическое равенство участников электронных сделок, свободу договора, беспрепятственное осуществление электронных сделок, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Российской Федерации, а также гарантию судебной защиты прав участников электронных сделок.

---

[1] © Соколова М. В., 2020.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (II), ст. 2159.

Основы правового регулирования информации и информационных технологий содержатся в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые должны быть общими, и распространены на все правовое поле, предполагающие распространение и на информационные процессы, происходящие в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, представляет интерес вопрос о наложении ареста на «цифровые деньги», или так называемые «криптовалюты», возникновение которых обусловлено развитием информационных технологий и ростом объема финансовых транзакций между участниками гражданского товарооборота. В своей сущности, криптовалюта является таким же товаром, как и любые деньги, что потенциально предоставляет возможность наложения ареста на них. Однако такая возможность сопряжена с рядом особенностей и проблем, классифицировать которые можно по двум основным группам, условно обозначенным как:

1) технологическая;
2) юридическая.

Эксплицируя первую группу, прежде всего, необходимо ответить на вопрос, что представляет собой криптовалюта? В справочной литературе криптовалюта (от греч. kryptos – тайный, скрытый) обычно определяется как «расчетная единица, право собственности на которую, а также все перемещения которой фиксируются в зашифрованной, децентрализованной базе данных»[1] – blockchain[2]. Алгоритмы шифрования («хеширования») технологии «блокчейн» делают невозможными кражу данных, мошенничество или иные правонарушения, связанные с нарушением имущественных прав, а также позволяют скрыть финансовые операции, номера счетов и личности сторон транзакции (контрагентов). Кроме того, «блокчейн» не позволяет отменить финансовую операцию в ретроспективном порядке. Таким образом, существует ряд технических сложностей при наложении ареста на криптовалюту, которые связаны с выявлением самого факта их наличия у подозреваемого (обвиняемого) или лица, несущего материальную ответственность за их действия, цифрового счета, данных по

[1] Лагутенков А. А. Криптовалюты. Правила применения // Портал журнала «Наука и жизнь» URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/33121/ (дата обращения: 13.10.2019).

[2] Block – блок, chain – цепочка (англ.).

произведенным транзакциям, получением доступа к цифровому кошельку.

Вторая, юридическая, группа проблем обусловлена неопределенностью в юридической регламентации общественных отношений, связанных с цифровыми финансовыми активами. Правовой статус криптовалюты по-прежнему не определен в законодательстве, что, несомненно, препятствует их единообразной юридической квалификации и толкованию как правоохранительными, так и другими государственными юрисдикционными органами. В настоящее время Министерство финансов России предложило проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах»[1], которому предстоит внести ясность в вопрос правового регулирования криптовалюты. В соответствии с проектом, цифровые финансовые активы, к числу которых относятся криптовалюты, не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации. Однако допустима их экстернализация в форме токенов-жетонов, материальных носителей, которая снимает с повестки указанную выше, первую, группу проблем, относящихся к наложению ареста на криптовалюты.

Таким образом, в настоящее время особенности наложения ареста на криптовалюты обусловлены комплексом проблем как технического, так и юридического характера. В свою очередь, первые сопряжены с цифровой технологией криптовалюты, а вторые – с отсутствием нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, связанные с цифровыми финансовыми активами.

[1] Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 13.10.2019).

Сушина Т. Е.[1]**,**
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[2]

Отличительной особенностью современного общества является активное внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Не стала исключением и сфера уголовно-процессуальных отношений, участниками которой могут стать различные по своему процессуальному статусу лица, вовлеченные в уголовный процесс и обладающие в этой связи взаимными правами и обязанностями, корреспондирующими между собой.

Исходя из положений ст. 52 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 15 УПК РФ, суд как один из участников уголовно-процессуальных отношений на всех стадиях уголовного судопроизводства должен создать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Сказанное относится и к конституционному праву каждого на доступ к правосудию. Процессуальная обязанность обеспечения права каждого на доступ к правосудию возложена на государство.

В традиционном восприятии право на доступ к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса обеспечивают следователь, дознаватель, прокурор, в судебных стадиях – суд (судьи). Думается, что такое распределение не совсем правильно, поскольку в уголовном судопроизводстве, независимо от стадии, государственно-властное начало выражает суд. Безусловно, что органы дознания, предвари-

---

[1] © Сушина Т. Е., 2020.

[2] Публикация подготовлена по научному проекту № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий», при финансовой поддержке РФФИ в рамках конкурса «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий» (тема 26–816).

тельного следствия, прокуратуры, будучи соответственно органами уголовного преследования и обвинения, представляют интересы государства при проверке конкретного сообщения о преступлении и в ходе предварительного расследования уголовного дела. Но только суд обеспечивает защиту лиц, вовлеченных в уголовный процесс, от неправомерных действий (бездействия) и решений данных органов, ограничивая тем самым процессуальную деятельность последних правом.

Поэтому именно судебное рассмотрение возражений заинтересованных лиц против действий и решений органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, в том числе возбуждающих дело и начинающих уголовное преследование, является тем процессуальным механизмом, который позволяет реализовать субъективное право на судебную защиту от указанных действий и решений.

С 2002 г. в главе 16 УПК РФ наряду с исторически сложившейся функцией рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу закреплена новая, пока еще до конца не освоенная судами функция судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. При этом сам термин «судебный контроль» появился в правовом обороте еще в 90-е гг. прошлого века благодаря правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, еще в 1995 г. Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что государство обязано обеспечивать каждому возможность отстаивать свои права в споре с органами и должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование по уголовным делам, если действия и решения данных органов или должностных лиц существенно ограничивают конституционные права и свободы. В таких случаях заинтересованным лицам должна быть обеспечена возможность незамедлительного обращения в ходе расследования с жалобой в суд.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что институт судебного контроля относится к числу востребованных институтов уголовно-процессуального права. Число жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, ежегодно возрастает. Судами наработана определенная практи-

ка рассмотрения подобных жалоб. Ранее высказываемые противниками судебного контроля доводы об ограждении расследования от вмешательства суда и ограждения суда от каких-либо действий, которые в дальнейшем могут повлиять на его объективность и предрешать его выводы по существу обвинения при рассмотрении дела, отклонены в пользу сохранения судебного контроля. При этом следует констатировать, что на сегодняшний день процедура осуществления судами деятельности по обеспечению доступа к правосудию на начальных этапах уголовного процесса остается тяжеловесной и консервативной, а идеи об использовании цифровых технологий слабо претворяются в процессуальную реальность.

Так, в 2016 г. в УПК РФ введена ст. 474.1, согласно которой участники уголовного судопроизводства вправе направлять в суд в электронном виде обращения, жалобы, в том числе в ходе досудебного производства по уголовному делу. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 26 декабря 2017 г. № 57 разъяснил правила подачи документов в электронном виде**.** Для этого лицу нужно войти в личный кабинет пользователя, созданный в разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде» официального сайта суда. Документ должен быть подписан усиленной квалифицированной электронной подписью лица, его подавшего. При отсутствии у лица усиленной квалифицированной электронной подписи обращение в суд может быть подано только на бумажном носителе.

Стоит отметить, что сегодня в суды поступают жалобы в порядке ст.ст. 125 и 125.1 УПК РФ в виде электронного документа или электронного образа документа. Безусловно, подача жалобы в электронном виде – весьма удобный способ, особенно для случаев, когда место предварительного расследования не совпадает с местом совершения деяния, содержащего признаки преступления, или если лицо, его защитник или представитель в силу иных причин удален от места проведения предварительного расследования. Однако на сегодняшний день процедура получения электронной подписи довольно сложная. Эта услуга платная. Выдачу электронной подписи осуществляют удостоверяющие центры, отвечающие за управление криптографическими ключами пользователей. По состоянию на 2016 г. только 4,3 % россиян в возрасте от 15 до 72 лет имели цифровую электронную

подпись[1]. Как правило, это работающие лица с высшим образованием. Возможно, в будущем электронная подпись будет иметь массовое распространение и, в конечном счете, станет привычной процедурой. Но в данный момент требование о подаче обращений в суд, заверенных электронной подписью, создает определенные препятствия для широкого использования процедуры подачи жалоб в электронном виде, т. е. мешает распространению электронного взаимодействия судов и участников уголовного судопроизводства.

Помимо упрощения процедуры подачи обращений в электронном виде и облегчения процедуры получения цифровой подписи, на сегодняшний день нужно также нужно решить некоторые проблемные аспекты, связанные с процедурой регистрации, рассмотрения и разрешения судом жалоб в порядке ст.ст. 125 и 125.1 УПК РФ.

К примеру, в одном электронном обращении заявитель обжалует действия (бездействие) или решения нескольких должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, начиная, например, от Председателя Следственного Комитета Российской Федерации и Министра внутренних дел Российской Федерации, и заканчивая следователем межрайонного или районного следственного отдела по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Также в этом же обращении могут обжаловаться действия Президента Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации и других высокопоставленных лиц. Причем в день в суд могут поступить несколько электронных жалоб от одного и того же лица. При поступлении аналогичных жалоб на бумажном носителе, как правило, регистрируется первая жалоба, а остальные не регистрируются, а просто к ней приобщаются. Жалобы, поданные в электронном виде, регистрируются автоматически. По итогам изучения подобных обращений судья в рамках предварительной подготовки к судебному заседанию каждый раз должен вынести постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению. Указанное решение не предусмотрено главой 16 УПК РФ, но Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 расширил виды судебных решений по жалобам. Постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению обжалуется в суд апелляционной инстанции. В итоге: искусственный рост числа поступивших жалоб,

[1] Федеральная служба государственной статистики [официальный сайт] URL: http://www.gks.ru.

числа отказов в их принятии, числа обращений в суд апелляционной инстанции. Во избежание этого в большинстве судов такие жалобы помечаются как «Спам».

К числу вопросов, требующих решения в ближайшей перспективе, следует отнести:

1) оценку возможностей создания единой межведомственной цифровой платформы взаимодействия судов с органами прокуратуры, предварительного расследования, дознания, государственными структурами и гражданами;

2) возможное расширение полномочий суда на начальных этапах уголовного процесса путем предоставления суду права рассматривать обращение любого лица, вовлеченного в уголовный процесс, а не только ходатайства следователя, и принимать решение об удовлетворении жалобы с отменой обжалуемого решения (по аналогии с апелляционным производством).

Сычев П. Г.[1]**,**
заместитель начальника
контрольно-методического управления
Следственного департамента МВД России,
кандидат юридических наук

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С БЕЗНАЛИЧНЫМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ И КРИПТОВАЛЮТАМИ

Одним из краеугольных камней роста мировой экономики является ускорение экономических процессов, основанное на развитии информационно-коммуникационных технологий. Многие гражданско-правовые объекты, которые еще совсем недавно можно было взять в руки, теряют свою вещественную природу и уходят в виртуальную сферу. Уже не существует акций в документарной форме. Наличные деньги, можно прямо сказать, вытесняются из повседневного оборота, а их место занимают безналичные денежные средства.

Ст. 129 ГК РФ безналичные денежные средства в числе иного имущества относит к объектам гражданских прав. П. 13^1 ст. 5 УПК РФ также относит безналичные денежные средства к имуществу. Ч. 9 ст. 115 УПК РФ предусматривает некоторые особенности отмены ареста на безналичные денежные средства.

Однако непосредственно определение данного вида имущества в законодательстве отсутствует. Профессор А. П. Сергеев пишет, что «безналичные деньги существуют в виде записей на счетах»[2]. Профессор Е. А. Суханов определяет их денежными средствами, числящимися на банковских счетах и вкладах (депозитах)[3].

Понятие «безналичные денежные средства» не является тождественным понятию «электронные деньги». Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, при-

---

[1] © Сычев П. Г., 2020.

[2] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) / А. К. Губаева [и др.]; под ред. Н. Д. Егорова, А. П. Сергеева. М. : Велби; Проспект, 2005. С. 322.

[3] Гражданское право: в 4 т. Том I. Общая часть : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 418.

своении и растрате»[1] использована фраза «безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства».

Пункт 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» гласит, что электронными являются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. «Важно различать электронные деньги и безналичные платежи. Безналичный расчет, по сути, мало чем отличается от использования наличных денег. Электронные деньги могут иметь отдельное обращение и обеспечиваются эмитентом, а не государством. К е-деньгам не относятся банковские платежные карты и системы интернет-банкинга, а также предоплаченные карты, вроде подарочных или телефонных»[2].

Итак, принципиальное отличие электронных денег от безналичных заключается в отсутствии банковского счета для их учета, перечисления и иных возможных операций. Нужна всего лишь организация, имеющая достаточно мощный сервер, технически позволяющий производить эти операции. Имеются в виду всевозможные платежные системы типа «Qiwi», «Web-money» и др.

Однако, несомненно, что оба данных предмета имеют единую природу, что и позволяет их объединить в исследовательских целях – и электронных, и безналичных денежных средств не существует в наличной форме. Как справедливо отмечают М. В. Лелетова и Д. В. Климов, «деньги, находящиеся на виртуальных банковских картах, а также электронных счетах, утрачивают свойства материальных объектов»[3].

---

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2. С. 7.

[2] Верховный Суд уравнял наличные и электронные деньги в вопросах кражи // ПапаБанкир.ру URL: https://www.papabankir.ru/news/sud-uravnyal-nalichnyye-i-elektronnyye-dengi/ (дата обращения: 20.06.2019).

[3] Лелетова М. В., Климов Д. В. Особенности возбуждения уголовного дела и первоначального этапа расследования хищений электронных денежных средств // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 124.

Использование для совершения операций с безналичными и электронными деньгами информационно-телекоммуникационных технологий (IT-технологии) дает пользователям два существенных преимущества: возможность практически мгновенного перевода средств в любую точку планеты и возможность управлять этими операциями путем удаленного доступа, опять же практически из любой точки планеты.

Получила развитие система дистанционного банковского обслуживания (ДБО) расчетных счетов юридических лиц и повсеместно в коммерческом обороте используется система «банк-клиент», позволяющая руководителю юридического лица осуществлять платежи по своим контрактам и обязательствам непосредственно из офиса. Отпала необходимость физически доставлять платежные распоряжения в банк в документальном виде.

Такое обслуживание осуществляется через сеть «Интернет», и на сегодняшний день пока не создано средств защиты, гарантирующих безопасность расчетного счета, находящихся на нем безналичных денежных средств и проходящих по нему операций. Преступники совершают хищения также непосредственно из своего офиса или иного помещения.

Замоскворецким районным судом г. Москвы рассмотрено уголовное дело по обвинению братьев П. и их сообщников, из которого следует, что в начале 2010-х гг. указанные лица в сети «Интернет» приобрели вирус, который позволяет управлять банковскими счетами и списывать с них денежные средства без ведома владельцев.

Внедрив вирус на наиболее посещаемые торговые интернет-площадки (например, сайт ОАО «РЖД»), обвиняемые ожидали, когда кто-либо из будущих потерпевших зайдет на этот сайт с целью приобрести или получить информацию о необходимых товарах или услугах (например, железнодорожных билетах). Вирус «прицеплялся» к запросу пользователя и проникал в его систему. Выяснив, есть ли на счете денежные средства, братья П. блокировали доступ пользователя к счету и скачивали с него безналичные деньги, перечисляя их на счета фирм-«однодневок». Оттуда средства уходили на лицевые счета «подставных» физических лиц, которые в банкоматах под контролем за вознаграждение снимали эти денежные средства и передавали организаторам преступлений.

Замоскворецкий судом г. Москвы братья П. и их сообщники осуждены к лишению свободы на срок от 5 до 12 лет[1].

Появление возможности дистанционно управлять денежными средствами и перечислять их на любые расстояния, и соответственно, совершать хищения таким же путем, создало существенную процессуальную особенность производства по уголовным делам о таких преступлениях.

В соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ предварительное следствие производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. В части второй данной нормы дополнительно указано: если преступление начато в одном месте, а окончено в другом месте, то уголовное дело расследуется по месту окончания преступления.

Ч. 1 и 2 ст. 32 УПК РФ вводит аналогичные правила в отношении подсудности уголовных дел.

П. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в свое время разъяснил: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению».

П. 12 данного постановления конкретизировал: «В соответствии со ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, то есть находящиеся на счетах в банках денежные суммы могут использоваться в качестве платежного средства. Исходя из этого, с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например, осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества. В указанных случаях преступление следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на ко-

[1] По материалам Замоскворецкого районного суда г. Москвы.

торые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного»[1].

Разъяснение высшего судебного органа сформировало практику, в соответствии с которой местом окончания хищения безналичных денежных средств стало считаться местонахождение кредитной организации, где открыт расчетный или лицевой счет, на который зачислены эти средства.

Такая позиция высшего судебного органа породила существенные проблемы правоприменительного характера. Если руководитель следственного органа вправе в силу ч. 3 ст. 152 УПК РФ установить место расследования (по месту нахождения большинства свидетелей), то суд в соответствии с ч. 4 ст. 35 УПК РФ в этой части наделен весьма ограниченными полномочиями. Для изменения территориальной подсудности, если не все участники уголовного судопроизводства проживают на территории юрисдикции данного суда, требуется согласие всех обвиняемых. Эффективность этого процессуального механизма не настолько высока, чтобы суды им пользовались. Проще вернуть дело прокурору, как поступившее не по территориальности.

По этим причинам в рассматриваемой ситуации дело после утверждения прокурором обвинительного заключения подлежало направлению в суд по месту нахождения расчетного счета, который контролировал обвиняемый и на который поступили похищенные безналичные деньги потерпевшего.

Так, в соответствии со сложившейся следственно-судебной практикой в период с 2015 по 2017 гг. уголовные дела о преступлениях, совершенных при строительстве объектов космодрома «Восточный», расследованные следственным управлением УМВД России по Амурской области, после утверждения обвинительного заключения прокурором этой области, пересылались в суды городов Санкт-Петербурга, Самары, Екатеринбурга, Красноярска и др., где у строительных компаний, выполнявших субподрядные работы, были открыты счета. Это были места, куда поступили авансовые денежные средства и где руководители компаний (обвиняемые по делам о хищениях бюджетных средств) получили реальную возможность распоряжаться похищенным. Находящиеся под стражей обвиняемые этапировались туда же.

Отдельные судьи, обнаружив препятствия для рассмотрения, руководствуясь ст. 237 УПК РФ, для их устранения возвращали уголов-

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 2.

ные дела амурскому прокурору, и процесс пересылки дел и перевозки обвиняемых производился в обратную сторону. Такие факты имели место неоднократно[1].

Аналогичная практика сложилась по многим уголовным делам о преступлениях, совершенных при строительстве в Дальневосточном федеральном округе объектов и военного, и гражданского назначения, на которых строительство, как правило, вели строительные организации из Центральной России. Разумеется, считать такую практику позитивной не было никаких оснований.

Так, С. Фрост и А. Федосов отмечали: «Нередко доследственные проверки принимают затяжной характер в связи с необоснованным направлением сообщений из одного субъекта Федерации в другой. Все это влияет на реализацию конституционных прав граждан на доступ к правосудию в разумный срок, а также эффективность уголовного преследования. Особенно это актуально для проведения проверок и расследования уголовных дел по фактам мошенничества с использованием электронных форм платежей. В практике работы органов внутренних дел есть проблемы определения места расследования таких преступлений»[2].

Мнения по данному вопросу были самые разнообразные. Так, О. И. Буцкова написала, подтверждая вышеизложенные мнения в части необоснованной пересылки материалов проверки сообщений о преступлениях, связанных с хищением безналичных (электронных) денег: «В Нижегородской области сложилась практика направления материалов проверки по сообщениям о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи по территориальности, а именно в тот территориальный отдел полиции, на чьей территории было осуществлено снятие денежных средств, либо туда, где находился преступник, осуществивший противоправные действия, направленные на перечисление денежных средств заявителя. На первый взгляд это логично, но практически все направленные по территориальности материалы проверки данного вида возвращаются в направивший территориальный орган по незаконным причинам. В обоснование возвращения данных материалов про-

---

[1] По материалам Следственного департамента МВД России.

[2] Фрост С. М., Федосов А. Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1. С. 51–53.

верки могут указать на недостаточность собранного материала, на то, что не выяснено точное место снятия денежных средств»[1].

М. В. Лелетова и Д. В. Климов полагали иначе: «По мнению авторов, местом окончания рассматриваемых видов преступлений является место нахождения оборудования (компьютерной техники, средств мобильной связи), с которого преступник осуществляет администрирование виртуального счета электронной платежной системы (открытие виртуального счета, переводы виртуальных денежных средств и т. д.), то есть получает реальную возможность распоряжения или фактически распоряжается похищенными денежными средствами»[2].

С. Фрост и А. Федосов предлагали свой вариант определения территориальной подследственности: «В силу развитости современных информационных и банковских технологий выход в эфир посредством мобильной связи, а также распоряжение поступившими на счет денежными средствами, в том числе и их обналичивание, возможно в любой точке мира, где подобные услуги могут быть предоставлены. В указанных случаях преступление следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного. Итак, местом окончания мошенничества будет то место, из которого перечислены денежные средства потерпевшим, так как именно в этом месте для него наступили вредные последствия. Здесь же и должно возбуждаться и расследоваться уголовное дело»[3].

В 2017 г. высший судебный орган радикально изменил практику.

П. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указал: «Если предметом пре-

---

[1] Буцкова О. И. Особенности проведения доследственной проверки и возбуждения уголовных дел о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб: Свое издательство, 2016. С. 75–80. (дата обращения: 12.06.2019).

[2] Лелетова М. В., Климов Д. В. Особенности возбуждения уголовного дела… С. 125.

[3] Фрост С. М., Федосов А. Е. Проблемы определения места расследования мошенничества… С. 51–53.

ступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб».

Итак, местом окончания хищения безналичных (электронных) денег, соответственно, местом производства предварительного следствия и рассмотрения в суде, на данный момент является населенный пункт, где расположена кредитная организация, в которой открыт банковский счет потерпевшего.

Однако проблематику определения места расследования преступления и рассмотрения уголовного дела в суде о преступлениях, связанных с электронными денежными средствами, осложняет массовое введение в оборот, а равно и использование в преступных целях криптовалют, правила обращения которых законодательно не урегулированы.

Самая известная из них – Биткоин (Bitcoin). Существуют еще Лайткоин, Ливикоин, Exmo, BTC-e, и десятки или сотни наименований. Например, 18 июня 2019 г. компания «Facebook» официально анонсировала свой блокчейн-проект. В 2020 г. команда запланировала представить пользователям кошелек Calibra и собственную криптовалюту Libra[1].

По определению ФАТФ криптовалюта – это цифровая (виртуальная) валюта, которая представляет собой средство выражения стоимости, которым можно торговать в цифровой форме и которое функционирует в качестве (1) средства обмена; и/или (2) расчетной денежной единицы; и/или (3) средства хранения стоимости, но не обладает статусом законного платежного средства (т. е. не является официально действующим и законным средством платежа при расчетах с кредиторами) ни в одной юрисдикции. Виртуальная валюта не эмитируется и не обеспечивается ни одной юрисдикцией и выполняет

[1] Аксаков: Криптовалюта Facebook будет запрещена в России // АО «Росбизнесконсалтинг» [официальный сайт] URL: http://www.rbc.ru (дата обращения: 01.07.2020).

вышеуказанные функции только по соглашению в рамках сообщества пользователей виртуальной валюты[1].

Главное, что необходимо отметить, то что криптовалюта имеет единую природу с безналичными и электронными денежными средствами, так как не существует в физическом (бумажном, монетарном) виде и представляет собой запись на электронном ресурсе, предоставляющем услуги по учету и хранению криптовалют. Соответственно, распоряжение (отчуждение) данными средствами осуществляется по тем же принципам, что и безналичными (электронными) деньгами: путем направления по каналам информационно-телекоммуникационных сетей верифицированных, криптографически защищенных распоряжений владельца этих средств.

Государственные контролирующие органы в отсутствие действенных систем контроля неоднократно обращали внимание на криминальный характер криптовалют.

27 января 2014 г. пресс-служба Центрального банка Российской Федерации распространила информационное письмо «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн», в котором указано, что по «виртуальным валютам» отсутствует обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты, операции носят спекулятивный характер, осуществляются на так называемых «виртуальных биржах» и несут высокий риск потери стоимости. В связи с анонимным характером деятельности по выпуску «виртуальных валют» и неограниченным кругом субъектов граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма. Банк России предупредил, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

---

[1] Отчет ФАТФ «Виртуальные валюты – Ключевые определения и потенциальные ПОД/ФТ риски» // Бюллетень ФАТФ. – 2014.

Подчеркнуто, что согласно ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов запрещается[1].

В информационном письме от 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» позиция Банка России относительно квалификации операций с криптовалютами как сомнительных подтверждена. Дополнительно указано, что операции с криптовалютами несут в себе высокие риски как при проведении обменных операций из-за резких колебаний обменного курса, так и в случае привлечения финансирования через ICO (Initial Coin Offering – форма привлечения инвестиций граждан в виде выпуска и продажи инвесторам новых криптовалют/токенов). Существуют также технологические риски при выпуске и обращении криптовалют и риски фиксации прав на «виртуальные валюты». Это может привести к финансовым потерям граждан и невозможности защиты прав потребителей финансовых услуг в случае их нарушения. Банк России считает преждевременным допуск криптовалют к обращению и использованию на организованных торгах и в расчетно-клиринговой инфраструктуре на территории Российской Федерации для обслуживания сделок с криптовалютами и производными финансовыми инструментами на них[2].

Федеральная служба по финансовому мониторингу оценивает криптовалюты примерно аналогично. В. В. Сущик по этому поводу пишет: «В своем заявлении для прессы Росфинмониторинг информирует, что использование криптовалют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма»[3].

---

[1] Об использовании при совершении сделок виртуальных валют, в частности, Биткойн // Банк России [официальный сайт] URL http://www.cbr.ru (дата обращения: 01.07.2020).

[2] Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют) // Банк России [официальный сайт] URL https://www.cbr.ru (дата обращения: 01.07.2020).

[3] Сущик В. В. К вопросу о правовом регулировании виртуальных валют на территории Российской Федерации на примере криптовалюты Биткоин // Информационный бюллетень НЦБ Интерпола МВД России. 2015. № 1(18). С. 17.

М. Долгиева пишет: «Отсутствие правового контроля со стороны государственных органов за оборотом криптовалюты создает зоны теневой экономики, привлекая криминальную среду в, казалось бы, качественно регулируемую экономическую деятельность». Со ссылкой на директора департамента финансового мониторинга и валютного контроля Банка России М. Долгиева приводит данные, что «порядка 600 млрд руб. обращается на трех оптовых московских рынках – Садовод, Фуд Сити и ТЦ Москва, при этом зачислений на счета банков практически не наблюдается. Выяснилось, что китайские торговцы являются самыми активными пользователями криптовалют в российской столице: их обороты оценивают почти в 10 млрд долл. в месяц. Центробанк полагает, что большую часть прибыли торговцы конвертируют в криптовалюты и обналичивают в Китае в юанях».

М. Долгиева продолжает: «Аналогичным образом криптовалюта выступает в качестве средства совершения преступления в широко распространяющихся в последнее время случаях незаконного сбыта наркотических средств за криптовалюту с последующей легализацией (отмыванием) доходов, полученных от такого сбыта»[1].

Из материалов уголовного дела, заведенного следственным управлением МВД России по Республике Якутия, следует, что гражданин С., постоянно проживающий в Таиланде (россиянин), посредством сети «Интернет» анонимно создал преступное сообщество по сбыту наркотических средств. Группы функционировали в Якутске, Волгограде, Калуге, Тюмени, Ханты-Мансийске и т. д.

Наркозависимый гражданин, желая приобрести наркотик, направлял на сайт «торговой площадки» запрос об этом и получал номер электронного кошелька «Qiwi», куда необходимо перечислить требуемую сумму. После перечисления на его телефон по системе «Messenger», «WhatsApp» и т. д. приходило сообщение с описанием места «закладки» наркотика, где он мог его самостоятельно взять.

Следователями и оперативными сотрудниками установлены «оптовики», «склад» (лицо, обеспечивавшее хранение крупной партии наркотика), «фасовщики», «оператор» (лицо, посредством СМС сообщавшее покупателю место закладки), «закладчики» и др. В общей сложности к уголовной ответственности привлечено свыше

---

[1] Долгиева М. Криптовалюта как предмет, орудие и средство совершения преступления // Законность. 2019. № 2. С. 29–30.

30 лиц, которые осуждены к различным срокам лишения свободы, от 10 до 20 лет. Гражданин С. объявлен в международный розыск[1].

Местонахождение денежных средств, «распыленных» через платежную систему «Qiwi», не установлено. Значительная их часть конвертирована в Биткоины, которые через виртуальные системы расчета с криптовалютами (в том числе через так называемый «миксер», специально предназначенный для таких целей) переведены неустановленным получателям.

Действия преступного сообщества в части приобретения Биткоинов квалифицированы по ст. 1741 УК «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления».

Место совершения преступления, предусмотренного данной статьей, определяется местом совершения предикатного преступления, и здесь вопросов нет. Однако преступление, предусмотренное ст. 174 УК «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицам преступным путем» в силу диспозиции и расследуемых обстоятельств может расследоваться отдельно от предикатного преступления. И здесь с определением места преступления, а значит и с местом расследования и рассмотрения в суде могут возникнуть вопросы. Еще более остро проблема определения места совершения преступления возникает в случае хищения криптовалюты.

Э. Л. Сидоренко отмечает: «С каждым годом возрастает количество случаев хищения криптовалюты с электронных кошельков собственников, инвестиционных фондов или других компаний, владеющих индивидуальными или коллективными электронными кошельками. Так, компания Trend Micro Incorporated проанализировала данные об атаках с использованием программ-вымогателей за 2016 г. и пришла к выводу, что злоумышленники чаще требуют оплату в криптовалюте. Количество таких программ-вымогателей за 2016 г. выросло на 752%. К концу 2018 г. ожидается прирост более чем в два раза. Так, 19 июля 2017 г. в результате технической уязвимости кошелька компании Parity была похищена криптовалюта Эфириум (ETH) на сумму 30 млн долл. США. В настоящее время идут переговоры с преступниками – хакерами White Hat Group (WHG) по возврату украденных средств. Как правило, криптовалюта похищается посредством

[1] По материалам следственного управления МВД Республики Саха-Якутия.

создания поддельных кошельков или фишинговых сайтов и организации финансовых пирамид (криптофондов, ICO)»[1].

Специалисты в области криптовалют называют несколько способов их хищения, которые можно объединить в две группы:

1) получение путем обмана или иным незаконным способом доступа к биткоин-аккаунту в сервисе хранения путем взлома электронной почты или самого компьютера, то есть получение пароля к электронному кошельку потерпевшего, где он хранит биткоины;

2) создание в виртуальном пространстве различного рода «финансовых пирамид» и иных мошеннических проектов и побуждение потерпевших вкладывать в них биткоины для получения прибыли по типу банковского процента[2].

Пока идут дискуссии по поводу определения правовой природы криптовалют, в органы внутренних дел поступает все больше заявлений о совершении преступлений указанного вида, и цели защиты прав потерпевших от преступлений требуют принятия соответствующих процессуальных решений. Для этого, прежде всего, нужно определить место расследования и рассмотрения в суде таких уголовных дел.

В этих случаях изложенный в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» подход к определению места совершения преступления (место нахождения банковского счета владельца электронных денежных средств) не применим.

Счет для хранения биткоинов, и с которого они похищены, и на который поступили в результате хищения, открыт в виртуальном пространстве. Адресов в нашем общепринятом понимании в этом пространстве

---

[1] Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как предмет хищения: проблемы квалификации // Юрфак, 6.11.2018. [электронный ресурс] URL: https://urfac.ru/?p=623 (дата обращения: 26.09.2019).

[2] Как крадут биткоины: пять распространенных способов [электронный ресурс] // CoinSpot: новости о цифровых валютах, финтех-трендах и финансовых инновациях. URL: http://www.coinspot.io. (дата обращения 01.07.2020); Как украсть биткоин: рабочие методы и схемы [электронный ресурс] // Календарь ICO – расписание активных токен-сейлов по месяцам. URL: http://www.calendar-ico.com. (дата обращения 26.09.2019); Пять самых громких краж криптовалют // Криптовалюта.tech [электронный ресурс] URL: https://cryptocurrency.tech/pyat-samyh-gromkih-krazh-kriptovalyut/ (дата обращения 26.09.2019).

нет. Какими доказательствами, отвечающими требованиям относимости, допустимости и достоверности, можно установить место нахождения счета (электронного кошелька), на который зачислена криптовалюта, пока не знает ни практика, ни теория уголовного процесса.

Сервер компании, предоставляющей услуги по приобретению и хранению биткоинов, как правило, находится за границей и для определения места совершения преступления на территории Российской Федерации ничего не дает даже при определении его IP-адреса. Это же касается криптовалютной биржи, клиринговых систем и других составляющих.

Таким образом, определить место совершения, расследования и разрешения дела о преступлении, связанном с хищением криптовалюты либо использованием ее в качестве средства совершения преступления, путем «привязки» к счету, где она находилась или находится, невозможно.

Заслуживает внимания вариант решения проблемы определения места рассмотрения сообщения о преступлении, связанном с посягательством на безналичные и электронные денежные средств, примененный в Министерстве внутренних дел Российской Федерации. В связи с ростом мошенничеств в сети «Интернет», совершенных с применением банковских карт и средств мобильной связи, их низкой раскрываемостью, руководство МВД России 24 октября 2017 г. провело коллегию по вопросу «О мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования мошенничеств». Во исполнение решения коллегии 3 апреля 2018 г. Министром внутренних дел Российской Федерации подписан приказ «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений» № 196.

П. 1.1 и 1.2 данного приказа предписывают руководителям органов внутренних дел обеспечить проведение в порядке ст. 144 УПК РФ проверки сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 158, 159–159^{3}, 159^{5}, 159^{6} УК РФ, совершенных с использованием платежных карт, средств мобильной связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, принимать решение о возбуждении уголовного дела в том органе внутренних дел, в который поступило сообщение о вышеуказанных преступлениях[1].

[1] По материалам коллегии МВД России от 24 октября 2017 г. «О мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования мошенничеств».

Придерживаясь такой позиции, в уголовно-процессуальном законодательстве (в ст.ст. 32 и 152 УПК РФ) необходимо закрепить положение о том, что предварительное расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с посягательствами на безналичные и электронные денежные средства, в том числе криптовалюты, либо использованием их в качестве средства совершения преступления, производится по месту жительства или месту нахождения потерпевшего, а при отсутствии его заявления – по месту выявления данного преступления, и данные уголовные дела подлежат рассмотрению в суде, юрисдикция которого распространяется на место жительства или место пребывания потерпевшего, либо место выявления данного преступления.

Такой подход представляется наиболее целесообразным, и вместо неоднократных разъяснений высшего судебного органа закрепление этого правила в уголовно-процессуальном законодательстве могло бы решить значительную часть проблем досудебного и судебного производства.

Вместе с тем, остаются нерешенными вопросы признания безналичных денежных средств, в том числе криптовалют, вещественными доказательствами, передачи их на хранение в случае наложения на них ареста. Эти же вопросы неизбежно возникнут и при необходимости наложении ареста на биткоины, также как и при взыскании их в пользу потерпевшего (гражданского истца) при рассмотрении уголовного дела в суде. Готовых решений на сегодняшний день нет, можно только обозначить проблематику и пригласить заинтересованных лиц к дискуссии.

Таболина К. А.[1]**,**
старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

НАДЗОР ПРОКУРОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СВЕТЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[2]

Надзор прокурора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия является важнейшей гарантией законности в уголовном судопроизводстве. От своевременного и эффективного надзора прокурора в досудебном производстве во многом зависит доступ к правосудию потерпевших от преступлений и защита личности от незаконного обвинения, ограничения ее прав и свобод. В связи с этим у прокурора должны быть действенные полномочия по реагированию на выявленные нарушения законов органами предварительного расследования и возможность оперативного устранения данных нарушений. Особую актуальность данная проблематика приобретает в условиях развития цифровых технологий.

В настоящее время перед органами и организациями прокуратуры России стоит задача цифровой трансформации[3]. Главному управлению правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации поручено обеспечить координацию работ по созданию и внедрению новых автоматизированных

---

[1] © Таболина К. А., 2020.

[2] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий».

[3] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») // Законность. 2017. № 12.

систем, баз данных, а также по модернизации имеющихся и интеграции их в единое информационное пространство.

Цифровая трансформация органов прокуратуры необходима для оптимизации деятельности прокуроров в условиях развития цифровой экономики России. Совершенствование цифровой инфраструктуры прокуратуры позволит широко использовать данные в цифровой форме, обеспечить оперативное как электронное взаимодействие с гражданами, так и внутриведомственное взаимодействие, и межведомственное сотрудничество с иными государственными органами. В связи с этим предполагается переход к высокотехнологичному надзору, который предусматривает создание единой безопасной цифровой платформы для обеспечения электронного взаимодействия.

Развитие цифровой экосистемы органов прокуратуры позволит оптимизировать деятельность прокуроров в сфере уголовного судопроизводства. В первую очередь это отразится на повышении оперативности прокурорского реагирования в случаях выявления нарушений законов органами дознания и органами предварительного следствия.

Исполнение прокурорами требований закона о проверке законности и обоснованности процессуальных решений о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 6 ст. 148 УПК РФ), о приостановлении предварительного расследования (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 1.1 ст. 211, ч. 3.2 ст. 223 УПК РФ), о прекращении уголовного дела (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 214 УПК РФ) и других решений (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) будет осуществляться в режиме реального времени. При этом органы предварительного расследования смогут автоматизированно исполнять требования о направлении прокурору копий названных постановлений.

Предполагается, что такое взаимодействие будет выстраиваться на основе работы с единой межведомственной цифровой онлайн-платформой взаимодействия прокуроров, следователей, дознавателей и руководителей всех уровней правоохранительных органов посредством ведения единого электронного уголовного дела.

Ввод в эксплуатацию единого электронного дела позволит прокурорам знакомиться с обосновывающими принятое процессуальное решение материалами без истребования от органов расследования материалов проверки сообщения о преступлении или материалов уголовного дела. Это позволит избежать лишней бумажной волокиты и сэкономить временные ресурсы, что во многом обеспечит осу-

ществление производства в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ). Кроме того, будет решена проблема истребования прокурорами обосновывающих процессуальное решение материалов в случае, когда они находятся на проверке в рамках процессуального контроля и не могут быть в связи с этим представлены надзирающему прокурору.

Переход к работе с единым электронным делом исключит возможность утраты уголовного дела либо его материалов, фактически не будет необходимости в процедуре восстановления уголовных дел (ст. 158.1 УПК РФ). Для этого обязательным требованием работы с электронным уголовным делом посредством единой межведомственной цифровой онлайн-платформы должно стать создание условий его защищенной эксплуатации.

Единая межведомственная цифровая онлайн-платформа позволит реализовать единую систему учета путем присвоения первичному документу уникального межведомственного идентификатора, который выступит универсальной учетной единицей, что искоренит повторные межведомственные учеты, а также предоставит возможность отслеживать движение дела.

Эксплуатация единого электронного дела значительно облегчит прокурорам и органам расследования процедуры передачи уголовных дел или материалов доследственной проверки от одного органа предварительного расследования другому в соответствии со ст. 151 УПК РФ, изъятия уголовных дел или материалов доследственной проверки у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти и передачи их следователю Следственного комитета России (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Кроме того, предполагается разработка и ввод в эксплуатацию электронного надзорного производства, которое обеспечит возможность ведения юридически значимого электронного документооборота в органах прокуратуры.

Цифровая трансформация органов прокуратуры направлена на создание среды доверия населения к правоохранительным органам, включая защиту интересов граждан и бизнеса при осуществлении взаимодействия в усовершенствованной цифровой экосистеме прокуратуры.

В настоящее время возможна подача обращений физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц через портал

«Госуслуги»[1]. Соответственно, лица, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства, могут направлять обращения в органы прокуратуры, в том числе жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц в порядке ст.ст. 123–124 УПК РФ. Работа с обращениями в электронном виде позволяет сократить время их обработки, а именно срок регистрации и передачи исполнителю. Также подобная форма электронного взаимодействия обеспечивает большую степень доступности государственных органов для общества.

В будущем необходимо обеспечить возможность беспрепятственного обращения физических и юридических лиц в органы расследования с сообщением о преступлении, что исключит неправомерные отказы в приеме и регистрации заявлений о преступлении. Вместе с тем позволит своевременно уведомлять заявителей о результатах рассмотрения их сообщения.

Развитие цифровых технологий позволит оптимизировать не только надзор прокурора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, но и саму деятельность органов расследования. Переход к электронному взаимодействию прокуроров и органов расследования посредством эксплуатации единого электронного дела повысит эффективность их работы. Цифровая трансформация органов прокуратуры также обеспечит электронное взаимодействие с гражданами и бизнесом.

[1] Официальный интернет-портал государственных услуг // URL: https://www.gosuslugi.ru/352356/1 (дата обращения: 28.10.2019).

Трефилов А. А.[1],
старший научный сотрудник
Отдела зарубежного конституционного,
административного, уголовного законодательства
и международного права,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ОПЫТ ЛИХТЕНШТЕЙНА

Категория «информатизация», хотя и используется в законодательстве Лихтенштейна (например, п. «d» части 2 ст. 29 Закона об организации ординарных судебных органов), но легально не раскрывается в виде дефиниции. Вместе с тем законодательство о правоохранительных органах содержит определение информации. Согласно ст. 35 Закона о полиции, информация в соответствии охватывает все виды данных, которые имеются у полиции, исключая такие, которые получены посредством применения принуждения или получение которых требует применения процессуального принуждения.

Рассмотрим проявления информатизации в уголовном процессе Лихтенштейна на основе действующих в этой стране законодательных актов:

1. Признание информатизации правосудия приоритетным направлением развития юстиции. Так, одним из органов судейского сообщества в Лихтенштейне является конференция председателей судов. Согласно п. «d» ч. 2 ст. 29 Закона об организации ординарных судебных органов, ее компетенции относится развитие основополагающих направлений по информатизации судов (die Erarbeitung der grundsätzlichen Ausrichtung der Informatik der Gerichte). Осуществление указанного положения п. «d» ч. 3 ст. 33 возлагает на руководителя управления юстицией по реализации информатизации (die Führung der Informatik).

2. Внедрение информационных систем в деятельность правоохранительных органов. Согласно ст. 34b Закона о полиции, она может

[1] © Трефилов А. А., 2020.

для выполнения ее задач вести электронные информационные системы, которые также могут содержать подлежащие особой защите персональные данные, в особенности об административных или уголовных преследованиях и санкциях, или личные профили.

Информационные системы служат следующим целям: a) создание отчетов и оценка обстановки; b) документация полицейских происшествий и полицейских действий; c) поддержка при устранении угрозы, превентивной борьбе с преступными деяниями, уголовном преследовании и при государственной защите; d) анализы и розыски (поиски); e) обмен данными или передача данных с другими официальными учреждениями государственной администрации, органами управления и судами; f) обмен данных с иностранными полицейскими органами, органами безопасности и таможенными органами, а также с организациями по вопросам безопасности в рамках межгосударственных объединений; g) управление актами (материалами) и данными; h) создание и оценка статистических данных.

Информационные системы могут содержать следующие данные: a) персональные данные, такие как: справочные данные о личности физического и юридического лица; происшествия, в особенности сведения об административных и уголовных преследованиях и санкциях; данные, относящиеся к уголовной регистрации; данные о розыске; данные об аресте; b) данные о происшествиях: обстоятельства дела; следы; предметы; транспортные средства; вещественные доказательства; c) видео- и звукозаписи; d) данные, необходимые для управления материалами и контроля за делами.

Установлено, что данные о розыске могут обрабатываться также вместе со швейцарскими федеральными органами в автоматизированном реестре розыска (ч. 7 ст. 34b Закона о полиции).

3. Принятие мер по защите персональных данных, содержащихся в информационных системах. Согласно ст. 30 Закона о судебной службе, в отношении защиты данных, в частности, обработки и опубликования персональных данных судей, применяются соответствующим образом предписания Закона о государственном персонале. Этот акт предусматривает недопустимость разглашения персональных данных, а также устанавливает меры, направленные на защиту указанной информации от несанкционированного доступа третьих лиц.

Полицейские данные и в особенности информационные системы должны быть защищены от злоупотреблений посредством соразмерных технических и организационных мер (ст. 34f Закона о полиции).

Применение персональных данных с научными и статистическими целями допустимо только в том случае, если невозможна идентификация затрагиваемого лица. Полиция может использовать обработанные ею данные для подготовки и повышения квалификации сотрудников полиции в анонимной форме. Анонимность может быть отменена только в том случае, если это противоречит цели подготовки и повышения квалификации и если законные интересы затрагиваемого лица не преобладают над необходимостью сохранения сведений в тайне.

4. Внедрение упрощенного информационного обмена с государствами ЕС/Шенгена. Полиция предоставляет в распоряжение компетентным органам уголовного преследования других государств ЕС/Шенгенской зоны в соответствии со ст. 35e информацию:

a) по запросу, поскольку такая информация необходима, чтобы производить расследования по уголовным делам или полицейские производства по получению сведений по смыслу с. 2 буквы «b» или «c» рамочного постановления 2006/ 960/JI;

b) без запроса[1], поскольку она может иметь значение для предотвращения и уголовного преследования совершенных во взаимосвязи перечисленных тяжких преступных деяний.

Также установлено, что передача информации компетентным органам уголовного преследования других государств ЕС/Шенгенской зоны не подлежит более строгим правилам, чем передача внутригосударственным органам уголовного преследования (ч. 1 ст. 35g).

5. Применение специальной техники для фиксирования хода следственного действия. Согласно § 50a, после ясного информирования допрашиваемого лица допустимо изготовить аудио- или видеозапись допроса, если она служит его более полной фиксации. При допросе свидетеля от этого можно отказаться, если и поскольку свидетель против этого возражает.

[1] Дословно: добровольно, не дожидаясь приглашения (вызова).

Тутынин И. Б.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА[2]

Развитие современного российского уголовно-процессуального законодательства протекает под воздействием множества причин и условий. В нынешних обстоятельствах экономического кризиса одним из определяющих является финансово-экономическое состояние страны, которое обязывает перестраивать производство по уголовным делам с менее затратными в имущественном плане юридическими средствами[3]. Полагаем, что современная уголовно-процессуальная деятельность имеет резерв для совершенствования, обусловленный необходимостью использования современных информационных технологий.

Среди арсенала правовых средств органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, совокупность рассматриваемых в данной статье мер занимает специфическое место, обусловленное особенностью характера их воздействия.

Имущественный характер таких мер влияет на основания, условия и порядок применения. Но в новых условиях развития общества и государства, когда информационные технологии уже прочно вошли в обычную жизнь, а в отдельных случаях уже невозможно представить нормальное функционирование институтов государства и права, мерам уголовно-процессуального принуждения имущественного характера предстоит подвергнуться серьезной корректировке, как по вопросам нормативно-правового регулирования, так и по вопросам правоприменительной практики.

---

[1] © Тутынин И. Б., 2020.

[2] Данная работа выполнена при информационной поддержке СПС «Консультант плюс».

[3] Григорьев В. Н. О правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации при наложении ареста на имущество // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 162–167.

В частности, в современных условиях упрощается деятельность следователя, дознавателя по поиску имущества, подлежащего аресту, а затем по непосредственному наложению ареста на имущество (исполнение судебного решения), путем задействования в этом третьих лиц. Уже сейчас наложение ареста на отдельные виды имущества затруднительно без участия государственных и негосударственных организаций, осуществляющих регистрацию и учет права (Росреестр, органы учета прав владельцев ценных бумаг, имущественных прав (прав требования) и др.), доверительных управляющих, банковских организаций, операторов электронных платежных систем, осуществляющих операции с электронными деньгами, нотариата, подразделений госорганов, осуществляющих лицензионно-разрешительную работу.

В связи с этим предстоит создать единые базы данных, использование которых позволит наблюдать и незамедлительно уведомить органы предварительного расследования о поступлении на счет наблюдаемого лица денежных средств или открытии им вкладов[1], выявить разыскиваемое имущество, привести доводы, обосновывающие предстоящее правоограничение, усовершенствовать деятельность по непосредственному аресту имущества.

Предполагаем, что через некоторое время мера уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество будет исполняться через информационные ресурсы, посредством обращения к «системным администраторам», блокируя возможность изменения во владении, пользовании и распоряжении имуществом.

В настоящий момент бесспорно то, что в постиндустриальный период развития российского и мирового сообщества возникают так называемые цифровые права, представленные в цифровой форме информации. Коммуникационные и информационные технологии изменяют общественные отношения и различные институты, в том числе имеющие отношение к обеспечению прав и интересов личности, общества и государства.

В связи с этим предвидится возникновение мер принуждения, направленных на правоограничение по отдельным видам информации, информационным объектам, действиям субъектов: «блокирование информационного ресурса, сайта и информации; установление обязанно-

---

[1] Подустова О. Л. Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 15.

стей блокирования персональных данных; признание сайта в сети «Интернет» копией заблокированного сайта; ограничение доступа к копии заблокированного сайта»[1].

Наш прогноз развития мер процессуального принуждения, и прежде всего имущественного характера, связан с тем, что имущественные права и интересы становятся более связанными и взаимозависимыми с тем, что предопределено развитием новых технологий. Доказательством служит то, что «ключевой особенностью современных имущественных отношений является широкое использование цифровых технологий», «цифровые права на цифровые объекты (токены, криптовалюты, иное цифровое имущество) обладают потенциальной или действительной экономической ценностью, а также экономическим содержанием и относятся к категории имущественных гражданских прав»[2].

Становится более очевидным, что так называемые цифровые права интегрируются с имущественными правами и интересами. Например, информация о личности, прежде всего в цифровом формате, приобретает ценность в денежном эквиваленте. В средствах массовой информации все чаще утверждается: «Моя информация – моя собственность». Имущественная состоятельность (наличие личной и частной собственности, кредитные обязательства, транзакции, покупательская активность), пристрастия в выборе товаров и услуг, местоположение и маршруты движения, участие в политической и общественной жизни, становятся объектом внимания органов государственной власти, коммерческих и некоммерческих организаций. Проявляет интерес к вышеперечисленной информации криминальный мир. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство должно учесть совместное развитие права собственности и зарождающихся новых прав, запланировав соответствующие правоограничения и гарантии.

Вышеперечисленные правоограничения не являются исчерпывающими. Уверены, в дальнейшем появятся новые обеспечительные меры процессуального принуждения, действие которых будет связано с ис-

---

[1] Савенкова Д. Д. Институт юридической ответственности в системе правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. политич. наук. М., 2019. С. 12–13.

[2] Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 6, 23.

кусственным интеллектом, робототехникой, иными возможностями научно-технического прогресса.

Предполагаем, перечисленные правоограничения будут именно мерами процессуального принуждения имущественного характера, обладать надлежащими правовыми гарантиями, отвечать требованиям кибербезопасности.

Использование новых технологий может приблизить к равным возможностям участников уголовно-процессуальных отношений при отстаивании своих прав, к единообразию практики применения правовых норм, что в свою очередь приведет к верному и идентичному использованию законодательства, регламентирующего меры процессуального принуждения, к достижению идеалов, предписанных нормативными правовыми актами.

В перспективе возможен переход на исключительно цифровое производство по уголовным делам, функционирующее в интеллектуальных системах, постоянно взаимодействующих с внешней средой. Заинтересованные участники уголовного судопроизводства получат на более высоком уровне доступ к правосудию, инициируя (ходатайствуя) о необходимости применения обеспечительных мер имущественного и иного характера, приобретя действенные возможности оказывать влияние на принятие процессуальных решений, с последующим контролем за принятием решений и их исполнением[1].

Убеждены, цифровые технологии должны использоваться не только для удобства правоприменителей. В режиме реального времени заинтересованные участники получат возможность прослеживать состояние применения мер процессуального принуждения, и в первую очередь упомянутых ранее мер имущественного характера, в индивидуальном случае (по отдельному уголовному делу), а также в глобальном масштабе (статистика конкретного следователя, судьи, подразделения правоохранительного органа, всего правоприменительного ведомства), что позволит оценить качество оказываемых услуг правоохранительными органами.

Вступив в эпоху всеобщей информатизации и построения информационного общества с единым информационным пространством, с внед-

---

[1] Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 138, 140.

рением глобальных информационно-коммуникационных систем, с использованием унифицированных международных протоколов информационного обмена и методов удаленного доступа к базам данных, с преобладанием электронного документооборота, правоохранительные органы с успехом смогут применить для нужд уголовного судопроизводства положения об «информационных системах», «компьютерных данных», «электронных деньгах» и «электронном правосудии».

Угольникова Н. В.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
Бобров В. К.[2]**,**
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор;
Николаева А. В.[3]**,**
курсант 372 взвода 3 С курса
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ЭЛЕКТРОННЫЙ НОСИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Наше общество динамично, оно не стоит на месте, а находится в постоянном развитии, о чем свидетельствует множество открытий в различных сферах жизни. Не стоит на месте и мир преступности. С развитием компьютерных технологий происходит модернизация криминальной деятельности. Сегодня все чаще и чаще наблюдаются преступления с использованием электронных вычислительных машин и иных видов технических новшеств, что подтверждается возникновением ряда новых составов преступлений в УК РФ. Все эти новшества заставляют искать и использовать иные способы доказывания в ходе уголовного расследования, с использованием электронных носителей информации.

Доказательствами могут выступать любые сведения, но при этом лишь обладающие несколькими обязательными свойствами, в качестве которых выступают: относимость, достоверность, допустимость.

Все чаще в качестве доказательств выступают сведения, содержащиеся на электронных носителях, но зачастую их использование свя-

---

[1] © Угольникова Н. В., 2020.
[2] © Бобров В. К., 2020.
[3] © Николаева А. В., 2020.

зано с некой проблемой, которая заключается в их применении в ходе расследования преступления, ведь данный вид доказательств еще не так часто используется, к тому же регламентация в уголовном законодательстве о порядке применения доказательств и того, в какой именно форме они должны быть предоставлены, недостаточна.

Сведения, содержащиеся на электронных носителях, могут быть представлены в различном виде, например, в виде электронных документов, аудио-, видеозаписи и др. Чтобы разобраться, к какому виду доказательств отнести данный вид, необходимо разобраться, что же стоит за понятием «электронный документ». Согласно п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: «электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

Данное понятие содержится и в гражданском законодательстве, в частности в п. 2 ст. 434 ГК РФ: «Электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту».

В зависимости от того, в какой форме представлены сведения, содержащиеся на электронных носителях, они могут относиться как к группе вещественных, так и к группе иных документов. Например, материалы, регламентированные ч. 2 ст. 84 УПК РФ, относят к иным документам. В данной статье указано, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним, как правило, относят материалы фото-, видео-, аудиозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ. Если же вышеуказанные доказательства имеют признаки, содержащиеся в ч. 1 ст. 82 УПК РФ, то данные доказательства необходимо отнести к группе вещественных.

Но использование сведений, содержащихся на электронных носителях, безусловно, рискованно с точки зрения достоверности – нельзя быть однозначно убежденными в том, что в них не внесены изменения. В связи с эти логично предположить необходимость обязатель-

ности исследования данных доказательств на предмет их достоверности. Указанная особенность требует специальной и единой процессуальной формы приобщения к материалам судопроизводства. Как уже выше отмечалось, на данный момент единой формы нет. Именно поэтому на сегодняшний день существует множество постановлений судов, связанных с использованием современных видов доказательств, изложенных на электронных носителях информации.

Так, например, в письме Федеральной налоговой службы от 31 марта 2016 г. № СА-4-7/5589 «О понятии «скриншот» и о порядке его использования» отмечено, что данная дефиниция и порядок ее использования не закреплен в действующем законодательстве Российской Федерации. Судебная практика содержит ряд случаев применения в качестве доказательств скриншотов, но лишь если они содержат необходимые данные. Согласно ч. 3 ст. 75 АПК РФ «документы, полученные, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и в порядке, установленных АПК РФ, другими федеральными законами, иными нормативно-правовыми актами или договором либо определены в пределах полномочий Верховным Судом Российской Федерации».

Использование данного вида доказательств в отношении сведений ЕГРЮЛ определено в п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения АПК РФ в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ». В данном документе указано, что копия страницы официального сайта регистрирующего органа в сети «Интернет», которая распечатана на бумажном носителе, а также заверена подписью истца или же его представителя, содержащая сведения о месте нахождения юридического лица и дату их обновления, может выступать в качестве иного документа. Ряд постановлений судов говорит и о том, что использование снимков экрана в качестве надлежащего доказательства может быть только с учетом указания в них даты, времени получения информации, данных о лице, которое вывело его на экран, а также произвело печать данного снимка, программного обеспечения и компьютерной техники, которая при этом использовалась.

В уголовном процессе скриншоты должны содержать в себе признаки относимости, достоверности и допустимости, как и любые другие доказательства, используемые в уголовном процессе (ч. 1 ст. 88

УПК РФ). Помимо всего того, что было отмечено ранее, скриншот можно не только распечатать, но и поместить на такой электронный носитель, как CD-R диск, USB – флеш-накопитель и др., но лишь при соблюдении положений, указанных требований. Как правило, при производстве по уголовным делам, скриншот используется как приложение к протоколу осмотра в социальной сети страницы по данному делу, если соблюдены требования ст. 166 УПК РФ, а также в ходе производства по данному делу учтены положения ст. 164.1 УПК РФ.

Помимо скриншотов, в качестве электронных доказательств в уголовном процессе могут выступать переписки в социальных сетях, в электронной почте, если они обладают всеми свойствами доказательств уголовного процесса, а также если в них наличествует отметка о прохождении через компьютер, внутренний идентификатор сообщения, индекс, используемый для ссылок на сообщения, дата и время отправки сообщения, а также электронный адрес получателя.

Понятие «электронное сообщение» закреплено в Приказе Минюста России от 16 августа 2007 г. № 166 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Федеральной службе наказаний», где «электронное сообщение, которое подписано электронной цифровой или иным аналогом собственноручной подписи, признается электронным документом, равнозначно документу, который подписан собственноручной подписью…».

Так, приговор Тульского областного суда подтверждает, что на сегодняшний день в качестве доказательств принимается переписка из социальных сетей, но при этом порядок осуществления следственных действий должен быть соблюден в соответствии со ст. 185 УПК РФ «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка». В данном случае гражданин, виновный в совершении преступления по ч. 1 ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки» и ч. 1 ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации», путем подбора паролей взломал страницу в социальной сети своей бывшей жены, а также осуществил неправомерное завладение ее перепиской с другим мужчиной. Вследствие этого копия электронных сообщений была представлена в качестве доказательств при разбирательстве в суде.

Способы выемки такой информации различны:

1) оформление электронной переписки в виде дополнения к протоколу, путем произведения печати на принтере с дальнейшим подписанием понятых на всех страницах представленной информации.

2) изъятие съемного электронного носителя (CD-R диск, USB флеш-карта) с копией переписки.

3) изъятие жесткого диска или же устройства в целом, на котором наличествует данный вид информации.

4) направление поставщику компании запросов, касающихся зарегистрированного лица в конкретной социальной сети, где администраторы уведомляют следователя обо всех значимых в ходе расследования уголовного дела изменениях в электронных переписках подозреваемого или обвиняемого.

Анализируя все вышесказанное, видно, что на сегодняшний день достаточно широко применяются сведения, содержащиеся на электронных носителях информации, такие как: фото-, видео-, аудиозаписи, а также скриншоты и электронные переписки из социальных сетей. Их изъятие в ходе уголовного расследования производится различными путями, что говорит об отсутствии законодательной регламентации конкретных форм, способов извлечения и приобщения к материалам дела с последующим предоставлением в суд такой информации в качестве доказательств. Именно поэтому необходимы дополнительные нормы УПК РФ, содержащие в себе регулирование порядка изъятия и формы предоставления таких доказательств, ведь все чаще происходят преступления с использованием компьютерных технологий, а электронные сведения, представленные в качестве доказательств, не всегда признаются судом допустимыми.

Шишпанов К. А.[1]**,**
начальник следственной части
по расследованию организованной преступной
деятельности Следственного управления
МВД по Республике Хакасия

ПЕРСПЕКТИВА «ЦИФРОВИЗАЦИИ» УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И СИСТЕМА ФУНКЦИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Популяризаторы идеи «цифровизации» предварительного расследования и уголовного судопроизводства в целом выдвигают разные версии относительно будущего досудебного производства и, в частности, перспектив центрального субъекта досудебного этапа – следователя. Среди этих гипотез есть оптимистичный и пессимистичный прогнозы. В рамках последнего предположения формируется тезис, что цифровизация предварительного расследования в значительной степени потеснит профессию следователя, а в конечном итоге и вовсе сделает ее нецелесообразной. Подобный прогноз опирается на идею, согласно которой доказывание из интеллектуально-творческой сферы переместится в сферу сугубо информационно-технологическую, и выявлять и раскрывать преступления будут не следователи, а технические специалисты и программисты. Даже не столько люди-техники, сколько сама техника и искусственный интеллект.

Доводы, которые приводятся в основание заявленного тезиса, вырастают из перспектив глобальной виртуализации (цифровизации) жизненной сферы современного человечества. Сегодня человек настолько сильно интегрирован в виртуально-цифровую среду, что, сам того не желая, везде оставляет виртуальные следы своих поступков и даже намерений: компьютер пока еще не читает мысли, но уже свободно вычисляет желания и наклонности граждан, в том числе и криминальные отклонения. Каждый запрос в поисковой системе – это своеобразный исповедальный акт гражданина технике, удаленному хранилищу информации. Зная и предполагая это, человек, тем не менее, считает, что в силу малой значимости своей персоны эта информация мало кому интересна, и что она как песчинка потеряется в безбрежных барханах различных данных. Однако интерес – это понятие сугубо человеческое; если же вести речь о технике, то она без всякого

[1] © Шишпанов К. А., 2020.

запрограммированного интереса скрупулезно собирает информацию, не деля ее на нужную и ненужную, фиксирует все, без персональных предпочтений. Технике интересны все и интересно все.

Исходя из этих вполне реальных и весьма глобальных технических возможностей современной цифровой техники, формируется допущение, что с помощью цифровых технических устройств на каждого, кто имеет в кармане гаджет или же пользуется домашним или служебным компьютером, ведется своеобразный длинный компьютерный протокол, в котором фиксируется всякая цифровая активность субъекта. И при желании можно воспроизвести действия индивида, зафиксированные в его сообщениях, передвижениях, запросах и т. п. за любой период времени.

Более того, в эту всеобщую систему фиксации попадают и те, кто вообще сторонится использования компьютерных приборов. Различные «умные» технические системы распознавания (лиц, автомобильных номеров и т. п.) включают в ареал всеобщего наблюдения граждан, внешне далеких от современной цифровой техники. Таким образом, можно сказать, что в сферу электронного наблюдения попадает весьма широкий круг граждан. С учетом грядущей «чипизации» населения перспектива всеобщего охвата социума технологией электронного слежения и сопровождения становится весьма вероятной.

Таким образом, судопроизводство будущего будет иметь в своих руках широкую базу данных, содержащую информацию о потенциальных преступниках. И в контексте подобных информационно-технологических возможностей в центре предварительного расследования, по предположениям футурологов уголовно-процессуальной цифровизации, должен оказаться технический специалист, вооруженный соответствующими приспособлениями и технологией. Предполагается, что именно он будет первой и ключевой ступенью интерпретации данных, получаемых с помощью технических устройств, и верным слугой искусственному интеллекту. Второй же ступенью «предсказатели» предлагают презентовать сразу же суд. Невзирая на все технические перспективы цифрового уголовного судопроизводства, необходимость антропоморфного органа правосудия не отрицается, более того, подчеркивается, что решения будет принимать человек. В свою очередь предварительное расследование в этой информационно-технологической сфере уголовного судопроизводства рассматривается в качестве ненужного звена.

Не отрицая того факта, что возможности информационных технологий будут влиять на облик уголовного судопроизводства, мы считаем подобный взгляд все же утопичным и мало реалистичным. В основе нашей скептической позиции лежат следующие размышления.

Начнем с того, что строить аргументацию возражений, делая упор на техническую недостижимость всеобщего контроля за населением и невозможность глобальной технической фиксации действий народа, мы не станем. Учитывая тенденции развития и внедрения информационных технологий, можно допустить, что существует скорее обратная расстановка сил. Поэтому в своей аргументации мы будем исходить из того, что соответствующие технические предпосылки для максимального расширения информационного охвата уже присутствуют и соответствующая проблема противостояния цифровизации уголовного судопроизводства и выживания предварительного расследования уже существует.

Следующий довод касается противоречивой оценки возможностей самой техники. С одной стороны, действительно нельзя отрицать информационно-технологических возможностей этой техники и объективность представляемой ей информации. Однако парадокс заключается в том, что объективная информация в чистом виде не может быть усвоена уголовным судопроизводством. Здесь к месту будет образ дыхания: чистый кислород губителен для человека, дыхательная смесь должна содержать и другие химические элементы. Так и в уголовном процессе: чистая цифровая картинка события преступления еще не является доказательством. Доказательство появляется в процессе логической обработки информации, в ходе анализа и синтеза нюансов, недоступных технике.

Данная закономерность различима даже на уровне оценки самого феномена преступности. Как известно, мир криминала специфичен и разнообразен. Он настолько уникален и непредсказуем, что даже в рамках всеобщей электронной наблюдательной системы его невозможно будет прописать в так называемые «длинные протоколы».

Так уж сложилось, что не все преступления попадают в разряд профессиональной преступности. Подавляющее большинство преступлений имеет бытовой характер, и едва ли в эти преступления бывает интегрирована компьютерная техника. Но даже если предположить, в каждой квартире будет установлена видеокамера, а каждый дом будет иметь свой безразмерный сервер для хранения информации, то и это обстоятельство не сможет отменить фигуры следователя

и потребности в предварительном расследовании. Дело в том, что состав преступления включает в себя не только объективную сторону, которая и будет фиксироваться средствами видеонаблюдения, но и сторону субъективную, включающую в себя умысел и много прочих внутренних душевных нюансов, извлечь которые на белый свет невозможно без подключения чисто человеческой интеллектуальный интерпретации и неинтеллектуальной интуиции. Уголовный процесс нельзя свести к информационной технологии, поскольку в нем непременно сочетаются логические и нелогические начала.

Именно поэтому, совершенно не случайно, фигура следователя появилась в уголовном судопроизводстве. Уголовный процесс не может быть сведен к банальной информационной констатации, это своеобразная творческая деятельность. Но в то же время уголовный процесс не может быть сведен и к голому искусству, это всегда синтез технологии и культуры. Технологическая сторона в конечном итоге может быть передана во власть искусственного интеллекта, а вот часть культурная должна остаться за человеком.

Не стоит забывать, что цель уголовного процесса заключается в обосновании права государства на привлечение преступника к уголовной ответственности и на наказание. И актуализация права требует определенного обряда и ритуала, что еще раз подчеркивает важность культурной составляющей уголовного судопроизводства.

Уголовное дело – это творческое интеллектуальное произведение определенного субъекта. Как правило, этим субъектом выступает следователь, вооруженный целым арсеналом специфических функций. Антропоморфность уголовного судопроизводства есть его неотъемлемый, жизненно важный фактор, который в ярком виде проявляются на стадии предварительного расследования. Именно следователь является подлинным хозяином уголовного дела. Но хозяином не в смысле своеволия, а в смысле высокой ответственности.

Поэтому само понятие следственной власти предполагает в первую очередь ответственность за возбужденное и расследуемое уголовное дело. А в условиях цифровизации в это понятие незримым образом включается еще и фактор обуздания искусственного интеллекта. Этот фактор вовсе не означает борьбу следователя с цифровыми технологиями. Он означает, что в рамках предварительного расследования искусственный интеллект не должен выходить за рамки своего чисто инструментального предназначения.

Следующий важный довод заключается в уголовно-процессуальной оценке цифровой информации. Цифровая картина, презентуемая как слепок с определенного фрагмента бытия, не всегда является прямым отражением и порождением реальной действительности. Виртуальная реальность может быть рукотворной и фальшивой. В сотворении фальшивой, дезинформирующей виртуальной реальности может преуспеть криминалитет. Сегодня уже ни для кого не является секретом, что при помощи определенных компьютерных программ можно синтезировать персональный человеческий голос, а также полностью воссоздать индивидуальный человеческий облик, который потом прописать в видеосюжете. Все эти искусственные слепки действительности можно выдать за объективную реальность на основании факта их технической подоплеки. Абсолютная надежность электронных доказательств, которые многим представляются сегодня не менее чем волшебным средством, не является таковой. Компьютерная техника может стать хорошим подспорьем в расследовании уголовных дел, а электронные доказательства, несмотря на всевозможные опасения, способны надежно вписаться в систему доказательств.

Исходя из этого компромиссного восприятия информационных технологий, можно обозначить два вектора их влияния на систему функций следователя. Первый вектор – усложнение системы функций следователя, появление в ней новых, условно называемых, цифровых функций, причем при сохранении всех прежних функций. Второй вектор – сокращение числа элементов традиционной системы функции следователя за счет вытеснения цифровой функцией некоторых привычных функций, либо их существенной корректировки.

Анализируя сложившееся положение, мы можем предположить, что система функции следователя в процессе цифровизации уголовного судопроизводства будет меняться, но меняться она будет не в плане ликвидации или умирания имеющихся функций, а плане их определенной технологической трансформации. Если мы возьмем, например, основную целеполагающую исследовательскую функцию следователя, называемую нами инквизиционной, то в рамках этой функции техническое устройство впишется в качестве определенного исследовательского инструмента, что позволит существенно усовершенствовать познавательные возможности следователя. Но субъектом реализации этой функции, так и останется следователь с его естественным интеллектом и гибким живым сознанием и прочими сугубо человеческими качествами.

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Авдеев В. Н.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПО ЗАЯВЛЕННОМУ ОТКАЗУ ОТ ЗАЩИТНИКА

В Российской Федерации, как и в любом демократическом государстве, исходя из предписаний подп. «d» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., подп. «c» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., ст.ст. 17, 45, 46, 48, 123 Конституции Российской Федерации и ст. 16 УПК РФ гарантируется право на защиту каждому, кто подвергся уголовному преследованию.

Данное право, во-первых, позволяет указанному лицу защищаться от предъявленного обвинения (выдвинутого подозрения), иных действий и мер, связанных с уголовным преследованием как лично, так и с помощью защитника и (или) законного представителя. Во-вторых, в качестве гарантии реализации такового выступает обязанность суда, прокурора, следователя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя разъяснить соответствующему субъекту его права и обеспечить ему возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами.

По общему правилу участие защитника в уголовном судопроизводстве зависит от волеизъявления лица, преследуемого в уголовном порядке. В то же время законодатель в целях обеспечения права на защиту в ч. 1 ст. 51 УПК РФ дает четкий перечень случаев обязательного участия защитника в деле. Если при наличии таковых защитник не приглашен данным лицом, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с его согласия, то обеспечивает участие защитника в досудебном производстве следователь.

---

[1] © Авдеев В. Н., 2020.

Согласно предписаниям ч. 1 ст. 52 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый наделен правом отказаться от помощи защитника на любом этапе производства по делу.

В данном случае следователю необходимо иметь в виду следующее: во-первых, возможен отказ как от конкретного защитника, так и от помощи любого защитника (в первом случае требуется замена одного адвоката-защитника на другого; другой случай может быть связан с желанием лица защищаться самостоятельно).

Во-вторых, инициатива должна исходить только от самого подозреваемого или обвиняемого, т. е. не допускается постановка таковых следователем в условиях, когда отказ носит вынужденный характер.

В-третьих, отказ обычно оформляется путем подачи письменного заявления или ходатайства с указанием мотивов и оснований такового[1], а при заявлении такового во время производства следственного действия об этом делается отметка в протоколе последнего (в то же время не запрещено и получение следователем от таких лиц расписки с указанием причин отказа, а также когда и при каких обстоятельствах она составлена)[2].

В-четвертых, отказ от адвоката-защитника не влечет за собой лишения лица права ходатайствовать о допуске защитника на последующих этапах производства по делу в порядке, предусмотренном ч.ч. 1 и 2 ст. 50 УПК РФ (допуск адвоката в данном случае не должен повлечь за собой повторного осуществления ранее произведенных следственных и иных процессуальных действий).

В-пятых, отказ от защитника не является обязательным для следователя.

При этом, как показывает правоприменительная практика, лица, в производстве которых находится уголовное дело, не принимают соответствующий отказ:

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е. К. Антонович, Е. А. Артамонова, Д. П. Великий и др.; отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. 3–4. С. 183.

[2] Авдеев В. Н. Отказ от защитника: теоретико-правовые и прикладные аспекты // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и юридической защиты: материалы IV всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г.) / редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Свиридонова, Я. А. Сексте, А. А. Сергеева. СПб: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России). С. 141.

а) при отсутствии предусмотренных ст. 51 УПК РФ случаев обязательного участия защитника;

б) от помощи защитника по назначению в случае участия в данном деле также защитника по соглашению.

Получается, что в этой ситуации защитник продолжает участвовать по сути дела вопреки воле лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Такое положение, по мнению ряда авторов, является недопустимым, так как использование помощи адвоката-защитника – это право указанного лица, а не его обязанность[1] и, соответственно, реализация данного права не должна зависеть от усмотрения следователя, дознавателя и суда.

Для уяснения указанного обратимся к правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной по рассматриваемому вопросу. Данный суд с учетом практики Европейского Суда по правам человека, не умаляя права на самостоятельный выбор защитника, позволяющее обеспечить максимальную реализацию законных интересов подзащитного, обращает внимание на то, что исходя из публично-правовой природы оказания юридической помощи лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, право последнего на выбор конкретного защитника или на отказ помощи такового может быть ограничено в целях обеспечения быстрой, справедливой и эффективной защиты прав и законных интересов не только этого, но и других преследуемых лиц, а также потерпевших от преступления. В качестве оснований данного ограничения могут выступать, например, отказ или неспособность лица защищать себя лично, ненадлежащая защита его прав и законных интересов, выявление поводов для отвода избранного защитника, длительная неявка последнего и иные обстоятельства (определение от 29 мая 2012 г. № 1014-О, определение от 24 сентября 2013 г. № 1263-О, постановление от 17 июля 2019 г. № 28-П).

Изучение указанных выше решений Конституционного Суда Российской Федерации позволяет выделить следующие критерии, которые должны быть учтены следователем для принятия законного, обоснованного и мотивированного решения по заявленному отказу от защитника:

---

[1] Чеботарева И. Н. Принуждение подозреваемого, обвиняемого к реализации права на защиту // Адвокатская практика. 2016. № 5. С. 18.

1) когда защитник не устраивает подзащитное лицо в связи с его низкой квалификацией, занятой им позицией или в силу иных причин, он имеет право отказаться от такового, что, конечно, не должно отрицательно сказаться на процессуальном положении преследуемого лица;

2) волеизъявление лица при принятии решения об отказе от защитника должно быть свободным и добровольным;

3) обязательно выясняется, с чем связан отказ, разъясняются сущность и юридические последствия такового, при наличии уважительных причин предлагается замена защитника;

4) обоснованность отказа от конкретного адвоката-защитника подлежит оценке на основе обстоятельств, исключающих его участие в уголовном процессе (ст. 72 УПК РФ), а также обязанностей адвоката, перечисленных в ст.ст. 6 и 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»;

5) особый характер отношений между адвокатом-защитником и его подзащитным должен исключать применение правила ч. 2 ст. 52 УПК РФ относительно принудительного сохранения следователем отношений между указанными лицами после надлежащего оформления соответствующего отказа, так как принуждение преследуемого лица к реализации его субъективного права вопреки его воле недопустимо, а эффективное осуществление защиты при отсутствии доверия к защитнику со стороны подзащитного практически невозможно;

6) в случаях, когда отказ от защитника заявлен добровольно и осознанно, отклонение такового является недопустимым, так как принуждает его к реализации права на защиту помимо его воли;

7) основанием для непринятия отказа от защитника может являться лишь потвержденный фактами вывод, что такой отказ вынужден и причиняет вред законным интересам подозреваемого (обвиянемого);

8) при отказе от назначенного защитника, когда в деле помимо него участвует защитник по соглашению, не идет речь об отказе от защитника вообще, поэтому положения ч. 2 ст. 52 УПК РФ не могут быть применены исходя из необходимости обеспечения защиты прав указанного выше лица, поскольку право на получение квалифицированной юридической помощи предполагается реализованным;

9) в сложившейся ситуации оставление заявления об отказе от назначенного защитника без удовлетворения возможно, когда подза-

щитный и (или) приглашенный им защитник злоупотребляют правом на защиту, что направлено на дезорганизацию хода предварительного следствия, срыв производства следственных и иных процессуальных действий;

10) отклонение заявления об отказе от защитника по назначению не должно повлечь за собой исключение возможности исполнения обязанностей приглашенным адвокатом-защитником.

Архипова И. А.[1]**,**
заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Под коррупцией в России понимается, в основном, взяточничество, однако коррупция как социальное явление – более сложное образование, а ее последствия крайне негативно сказываются в самых разных сферах государственной и общественной жизни.

Чаще всего поводами для возбуждения уголовных дел о коррупционной деятельности являются обращения граждан. В подавляющем большинстве это заявления взяткодателей о том, что взятка ими передана в прошлом либо предмет взятки требуется или вымогается взяткополучателем. Обращения практически во всех случаях оформляются как заявление, а не явка с повинной, поскольку взяткодатель в случае добровольного заявления освобождается от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 291 УК РФ и в уголовном процессе имеет правовой статус свидетеля.

В ряде случаев от должностного лица поступает заявление о том, что ему предлагают взятку за выполнение служебного действия. В основном, это случаи обращения взяткополучателей, которые, признаваясь в содеянном, полагают избежать ответственности за более тяжкое преступление.

Значительно реже поводами для возбуждения уголовных дел служат сообщения, полученные из иных источников: учреждений, организаций; средств массовой информации (из статей, заметок и писем, опубликованных в СМИ); из контролирующих органов с представлением актов проверок и ревизий. По таким сообщениям принявшее их лицо составляет рапорт об обнаружении признаков преступления. Также факты коррупции могут быть выявлены непосредственно органами дознания, следователем, прокурором, судом в процессе рас-

[1] © Архипова И. А., 2020.

следования и рассмотрения уголовных дел по другим составам преступлений.

Первоначальные совместные действия оперативных служб и следствия, направленные на сбор и закрепление доказательств, способствуют эффективному расследованию преступления. Учитывая сложность доказывания материальных составов, отметим значимость координации совместных действий оперативного и следственного аппарата с момента поступления заявления о совершенном преступлении.

Планируя следственные действия, следователь должен объяснить оперативным сотрудникам, осуществляющим оперативные и иные мероприятия, процессуальный порядок закрепления доказательств, а также указать им на возможные ошибки при сборе и особенно фиксации доказательств. От оперативных, грамотно спланированных действий зависит исход уголовного дела, как на стадии предварительного расследования, так и при рассмотрении его по существу в судебной инстанции.

При проведении оперативных мероприятий, проверке сообщения о преступлении, служащих основанием для возбуждения дела, следователю необходимо обращать внимание на оформление оперативным работником документов, которые являются доказательством по делу и должны быть в наличии при проведении оперативного мероприятия с применением аудио и видеоаппаратуры:

1) постановление о проведении оперативного мероприятия, утвержденное начальником оперативного органа;

2) протокол выдачи и пометки денег или характеристики передаваемого предмета (в котором необходимо отражать реквизиты всех подготовленных к передаче купюр или предмета, отмечать: кому и с какой целью они передаются, каким способом были помечены купюры в случае технического или химического воздействия на них);

3) протокол выдачи аудио и видеоаппаратуры с указанием конкретного лица, которое будет применять технические средства, и отметкой данных об аппаратуре, о пленке (в том числе о ее метраже на начало воспроизведения);

4) протокол задержания с поличным преступника, в котором должны быть четко описаны изъятые у него объекты преступного посягательства, а также иные предметы и документы, могущие указывать на обстоятельства совершенного преступления.

Практика расследования уголовных дел о коррупционных проявлениях показывает, что по таким делам практически все значимые

процессуальные действия и решения следователя обжалуются. При этом, если жалобы не обоснованы или надуманы, значит, заинтересованные лица стремятся к достижению хотя бы одной из следующих целей: оказать моральное давление на следователя; затянуть расследование, поставив следователя в цейтнот; добиться изменения меры пресечения; получить информацию о состоянии доказательственной базы и следственной перспективе.

При доказывании события преступления, как правило, недостаточно установления самого факта деяния (действия или бездействия) должностного лица. Необходимо также приобщить к делу и тщательно изучить положения, инструкции, договоры, приказы и другие нормативные акты, регламентирующие деятельность данного лица, чтобы можно было четко определить круг его полномочий и служебных обязанностей. Для этого в числе прочего подвергается анализу работа привлекаемого к ответственности лица по возможности за более широкий период времени.

Учитывая специфичность рассматриваемого вида преступлений, можно предполагать, что и заявитель (если таковой имеется) сообщает не все известные ему факты злоупотреблений. Поэтому в целях установления объективной истины иногда требуется проанализировать поведение заявителя в период, предшествующий расследуемому событию, а также изучить работу представляемой или возглавляемой им организации (если таковая имеется).

Расследование коррупционных преступлений на любом этапе постоянно сопряжено с различными формами противодействия. Чаще всего такое противодействие направлено на дискредитацию работающих по делу сотрудников правоохранительных органов, а равно – результатов их работы.

Поэтому крайне важно взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками. Его результаты следователь должен учитывать при анализе следственной ситуации и подготовке к следственным действиям по делам о коррупционных преступлениях.

Необходимо отметить, что использование оперативно-разыскных данных при проведении отдельных следственных действий по делам о коррупции имеет свою специфику. Общим для любого следственного действия является планирование, которое строится на анализе материалов уголовного дела и имеющейся оперативно-разыскной информации.

В определенных случаях возникает необходимость предусмотреть в плане подготовительные мероприятия к следственному действию, которые могут состоять как из организационно-подготовительных действий, так и из оперативно-разыскных мероприятий, в том числе направленных на выявление возможных форм и методов противодействия.

Все подготовительные мероприятия, сопряженные с использованием возможностей оперативных служб, должны быть ориентированы на собирание информации:

1) о целесообразности конкретного следственного действия;

2) тактической обоснованности;

3) предполагаемой роли в достижении стоящих на тот момент перед расследованием целей.

На основе анализа всех имеющихся материалов следователь определяет последовательность и сроки исполнения отдельных следственных действий. Кроме того, он формулирует задачи, которые, по его мнению, должны быть разрешены взаимодействующими оперативными службами.

Правильное понимание смысла специальных знаний является важным условием их использования во всех необходимых случаях при расследовании коррупционных преступлений.

В юридической литературе под специальными знаниями понимают те, которыми не располагает или располагает в неполной мере субъект доказывания (следователь, орган дознания, судья и др.), кроме того, к ним относят не общедоступные, не общеизвестные, а приобретенные в результате специального образования и профессионального опыта[1].

До недавнего времени знания в области науки, техники, искусства и ремесла в юридической литературе назывались специальными познаниями. Но в принятом Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а затем и в УПК РФ (ст.ст. 57, 58) использован термин «знания».

Мы придерживаемся этой позиции, однако считаем необходимым привести здесь полемику ученых-криминалистов по данной проблеме.

---

[1] Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и обоснование. М. : Юрид. лит., 1967. С. 91.

Так, В. И. Шиканов[1] считает, что термин «специальные познания» применяется для обозначения любой возможной совокупности знаний (практического опыта, навыков) за вычетом познаний общеизвестных (т. е. таких, которые входят в общеобразовательную подготовку граждан) и познаний в области права (в частности, не следует учитывать подготовку и практические навыки, связанные с уголовно-правовой оценкой фактических обстоятельств дела и решением вопросов процессуального характера).

По мнению И. Н. Сорокотягина[2], специальные познания – это совокупность современных знаний в определенной области науки, техники, искусства и ремесла, которые получены в результате специальной подготовки или профессионального опыта и применяются с целью расследования преступлений, организации оперативно-поисковых мероприятий, выполнения экспертных и судебных исследований. Он отмечает, что в знания входят также навыки и умения, с чем, на наш взгляд, согласиться трудно.

Определенный вклад в исследование возможной реализации специальных познаний при раскрытии преступлений внес Е. И. Зуев[3], по мнению которого основное различие между специалистом и экспертом заключается в том, что специалист участвует в следственных действиях, т. е. выступает в роли помощника и действует под руководством следователя, а эксперт обладает автономией в пределах своей компетенции. Следователь, назначивший экспертизу, вправе присутствовать при ее производстве, но не может руководить действиями эксперта. Если помощь специалиста имеет только техническое значение, то заключение эксперта относится к источникам доказательств.

В. И. Махов в своей монографии, посвященной применению специальных знаний при расследовании преступлений, дает следующее определение специальным познаниям: «Специальные познания в уголовном процессе Российской Федерации – это знания, присущие раз-

---

[1] Шиканов В. И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск: Иркут. ун-т. 1978. С. 23.

[2] Сорокотягин И. Н. Системно-структурная характеристика специальных познаний и формы их использования в борьбе с преступностью // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1983. С. 6.

[3] Зуев В. И. Совершенствование законодательства о специалисте и эксперте // Советская милиция. 1975. № 3. С. 64.

личным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством»[1].

При расследовании преступлений рассматриваемой нами категории возникают такие вопросы, решение которых невозможно без использования специальных познаний. Эти вопросы решают в форме экспертиз или использования помощи специалистов, наделенных в этих целях должностными полномочиями. В системе органов внутренних дел основными носителями этих знаний являются сотрудники экспертно-криминалистических подразделений.

Перечень специальных знаний, рекомендуемых для использования в расследовании преступлений коррупционной направленности, достаточно широк, а в будущем намечается его значительное расширение.

Это определяется:

1) новейшими достижениями научно-технического прогресса во всем мире в целом и в России в частности;

2) внедрением результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

3) высокими требованиями, предъявляемыми в современных условиях к получению максимальной криминалистически значимой информации путем исследования материальных следов, обнаруженных на месте сбыта, а также быстрого обмена ею между субъектами расследования сбыта похищенного имущества, добытого преступным путем.

Перечисленные выше факторы обязывают работников органов внутренних дел при расследовании коррупции не только самим использовать знания в области многих наук, но и обращаться в экспертные и иные учреждения за помощью к специалистам различного профиля.

---

[1] Махов В. И. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М. : РУДН, 2000. С. 296.

Ашкатова К. В.[1],
слушатель 2 факультета
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук

ЗАПРОС ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Назначением уголовного судопроизводства является, в том числе, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ). Это свидетельствует о том, что задача возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, является одной из приоритетных в уголовном процессе. Для обеспечения возмещения вреда потерпевшему законодатель предоставляет лицу, производящему расследование, полномочия по производству следственных и процессуальных действий, многие из которых носят обеспечительный характер.

Так, в ходе расследования уголовного дела в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, лицо, производящее предварительное расследование, имеет право осуществлять сбор информации, в том числе об имущественном положении подозреваемого (обвиняемого). Сбор информации, в свою очередь, осуществляется путем направления запросов в учреждения, организации, предприятия, должностным лицам и гражданам.

Согласно ч. 4 ст. 21 УПК РФ запросы следователя, дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Так, в следственной практике с целью установления имущественного положения подозреваемого (обвиняемого), наличия счетов и количества денежных средств на них, запросы часто направляются в банки и иные кредитные учреждения.

Указанные выше данные являются информацией, содержащей охраняемую законом тайну, а именно: информация об операциях, о счетах и вкладах клиентов и корреспондентов кредитной организации, а также об иных сведениях, устанавливаемых кредитной организацией является банковской тайной (ч. 1 ст. 26 Федерального закона

---

[1] © Ашкатова К. В., 2020.

от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»[1]). Получение указанной информации осуществляется в ином порядке, чем это предусмотрено ч. 4 ст. 21 УПК РФ.

Согласно ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» справки по счетам и вкладам физических лиц выдаются кредитной организацией органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, при наличии согласия руководителя следственного органа.

Из анализа законодательства видно, что порядок получения следователем информации по уголовному делу отличается в случае, если запрашиваемые сведения содержат охраняемую законом тайну. Представляется, что подобное отличие в порядке направления запросов ограничивает процессуальную самостоятельность следователя.

Получение следователем согласия руководителя следственного органа на проведение ряда следственных и процессуальных действий – спорный момент предварительного расследования, который достоин отдельного рассмотрения. Обратившись к истории, отметим только то, что изначально Концепцией судебной реформы РСФСР, принятой Постановлением Верховного совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 (далее – Концепция), планировалось, что в своей деятельности следователь будет независим от каких-либо государственных и общественных организаций, учреждений и должностных лиц, кроме суда и прокурора. Руководители следственных подразделений должны ведать организационно-ресурсным обеспечением следственной работы, не вмешиваясь в процессуальную деятельность следователей. Авторы Концепции говорили о недопустимости процессуального подчинения следователя административным начальникам (начальники следственных отделов, комитетов и других подразделений), наделения последних процессуальными полномочиями, правом контролировать ход и результаты расследования, пересматривать постановления следователя[2].

Разделяя мнение авторов Концепции, кроме того, видится верной точка зрения И. В. Ткачева, отмечающего, что следователь стал пол-

---

[1] Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в последующих редакциях) // СПС «Консультант плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 05.06.2019).

[2] Постановление Верховного совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О принятии концепции судебной реформы РСФСР» // СПС «Консультант плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 05.06.2019).

ностью зависим от руководителя следственного органа, который в одном лице соединяет процессуальные и административные (в том числе дисциплинарные) полномочия по отношению к следователю[1]. Следствием этого может стать то, что следователь при принятии решений будет руководствоваться не своим внутренним убеждением и законом, а мнением своего руководителя, что повлечет за собой нарушения прав лиц, участвующих в судопроизводстве.

Несомненно, сведения, содержащие информацию об операциях, о счетах и вкладах клиентов и корреспондентов кредитной организации и являющиеся банковской тайной, должны особым образом охраняться, однако возбуждение и расследование уголовного дела – это также не рядовой случай. Запрос подобной информации в случае совершения преступления выступает обязанностью лица, производящего расследование, в целях дальнейшего обеспечения возмещения вреда потерпевшему.

Видится, что ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» следует изменить, при этом предусмотреть возможность получения справки по счетам и вкладам физических лиц органами предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, без наличия согласия руководителя следственного органа.

Такая поправка в закон, устранит противоречия с положениями ч. 4 ст. 21 УПК РФ, позволит в кратчайшие сроки лицу, производящему расследование, осуществлять сбор необходимой информации для принятия мер по обеспечению вреда, причиненного потерпевшему преступлением.

---

[1] Ткачев И. В. Современные проблемы реформирования досудебного производства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 25.

Бородкина Т. Н.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В последнее время человечество столкнулось с трудноразрешимыми экологическими проблемами: антропогенным загрязнением окружающей среды, исчезновением многих видов животных и растений, ростом заболеваемости и смертности людей, истощением природных ресурсов.

В. П. Перхуткин, З. И. Перхуткина, Т. А. Овчарук выделяют следующие «экологические проблемы, имеющие глобальный характер»[2]:

1) загрязнение атмосферного воздуха, следствием чего являются такие негативные явления, как изменение климата, истощение озонового слоя, кислотные дожди;
2) антропогенное воздействие на ближний космос;
3) загрязнение вод и истощение водных ресурсов;
4) загрязнение и деградация земель;
5) радиоактивное загрязнение биосферы;
6) накопление и утилизация отходов производства и потребления;
7) утрата биологического разнообразия;
8) истощение запасов природных ресурсов (ресурсный кризис).

В этих условиях вред, причиняемый природной среде, поражает различные элементы окружающей среды, оказывает влияние на жизнедеятельность людей. Зачастую вред от экологических преступлений является необратимым, он не поддается восстановлению ни силами природы, ни деятельностью человека. Подсчитать экологический ущерб порой практически невозможно (например, выведение вследствие радиоактивного загрязнения из оборота участка земли).

Развитие и рост числа предприятий черной и цветной металлургии, химической, нефтедобывающей и нефтехимической, перераба-

---

[1] © Бородкина Т. Н., 2020.

[2] Справочник инженера по охране окружающей среды (эколога): учебно-практическое пособие / [В. П. Перхуткин и др.]. URL: http://www.iprbookshop.ru/5072.html.

тывающей, угледобывающей промышленности, теплоэнергетики, стройиндустрии, возрастающий поток автомобилей, с одной стороны, повысил качество жизни людей, а с другой, сделал их жизнь намного опаснее в плане здоровья и экологической обстановки.

За период с 1950 г. по 1995 г. в нашей стране умерло от различных заболеваний около 1 000 000 человек. С 1996 г. по 2018 г. уже почти около 2 000 000 человек. Основными причинами смертности в России являются: сердечно-сосудистые заболевания (на 1 месте) и злокачественные новообразования (на 2 месте). В сумме инсульты, инфаркты и онкология уносят жизни в 60% случаев[1]. Постоянный рост числа заболеваний – прямой результат негативных последствий деятельности промышленных гигантов.

Предприятия экономят на внедрении передовых методов очистки различных выбросов, поэтому в атмосферу и в водоемы по-прежнему попадает огромное число различных соединений, тяжелых металлов, кислотосодержащих веществ, которые оседают на поверхности домов, растений, попадают в воду. Большую роль в загрязнении атмосферы играет огромное количество автомобилей, которое с каждым годом увеличивается. Экологи давно бьют тревогу и открыто говорят о том, что скоро во многих промышленных городах России, среди которых есть как гиганты, так и небольшие по численности населения, жить будет смертельно опасно.

О том, что ситуация критическая, говорит и Министерство природных ресурсов и экологии России, которое впервые в 2018 г. опубликовало список экологически неблагополучных городов России. Первая десятка в порядке убывания уровня загрязненности выглядит так: Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Чита[2].

Согласно статистическим данным МВД России в 2017 г. в России зарегистрировано 24,4 тысячи экологических преступлений, что на 2,9 % больше, чем за 2016 г.; материальный ущерб составил 37621814 руб. В 2018 г. зарегистрировано 23,9 тыс. экологических преступлений; материальный ущерб – 25492710 руб. За январь-май

---

[1] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gsk.ru.

[2] Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: http://www.mnr.gov.ru/.

2019 г. – 9011 преступлений; материальный ущерб – 7005450 руб.[1] Таким образом, с каждым годом наблюдается рост экологических преступлений.

Сложная экологическая обстановка также наблюдается и в других странах. Так, например, в Китае каждый год раком заболевают 3120000 человек. При этом от злокачественных опухолей ежегодно умирают 2700000 китайцев, по пять человек ежеминутно.

Большинство современных пекинских офисов работает с закрытыми окнами, воздух загоняется извне кондиционерами. Воду из-под крана пить нельзя, это опасно для здоровья. Вода продается в бутылках. Многие иностранцы, длительное время прожившие в Пекине, отмечают ухудшение состояния волос, кожи. И это только внешние проявления. Причина данного масштабного распространения такого недуга – это загрязнение окружающей среды. Среди всех видов онкозаболеваний самым распространенным является рак легких. За последние 30 лет смертность от рака легких возросла в Китае на 464 %.

Как отмечает И. И. Наумов, «серьезное загрязнение воздуха четвертого уровня в Пекине отмечалось осенью 1998 г. Тогда жители города жаловались на резь в глазах, першение в горле и общее ухудшение самочувствия, в 2013 г. загрязнение достигло шестого уровня. Причина этого в географическом положении г. Пекина, который с трех сторон окружен горами, и сам находится в котловине, а высокие здания создают серьезные проблемы для свободной циркуляции воздуха»[2].

Вред, причиняемый человеком природе, поражает различные элементы окружающей среды, оказывает влияние на жизнедеятельность людей. Часто вред, причиненный экологии, является необратимым, он не поддается восстановлению ни самой природой, ни деятельностью человека. Подсчитать экологический ущерб иногда практически невозможно (например, выведение из оборота участка земли вследствие радиоактивного загрязнения или онкозаболеваниями людей).

Наступившие или возможные последствия экологических преступлений могут быть различными, но всегда связанными либо с причинением вреда здоровью людей, либо с загрязнением окружаю-

---

[1] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL:http://www.mvd.ru.

[2] Наумов И. И. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации. М., 2013. С. 13–21.

щей среды. В связи с этим возникает вопрос об установлении причинно-следственной связи совершенного преступления, что требует специальных познаний в области экологии. С целью правильного разрешения уголовных дел органам предварительного расследования и судам в необходимых случаях следует привлекать к производству следственных действий: экологов, санитарных врачей, специалистов в области природопользования, сотрудников государственных природоохранных органов и других специалистов.

Особую сложность в практике будет вызывать установление причинной связи в составах загрязнения природных компонентов, в которых в качестве квалифицированных последствий названы смерть человека или заболевание людей. Причинно-следственная связь в таких случаях будет иметь место только тогда, когда вредное воздействие на природный объект точно установленного источника загрязнения повлечет изменение качественного состояния соответствующего природного объекта, а последнее окажет неблагоприятное воздействие на человека либо окружающую среду.

В ряде случаев установление истины затрудняется вследствие незнакомства с методикой расследования данных преступлений, отсутствия специальных знаний у лиц, ведущих производство по уголовному делу. Следователь (дознаватель) должен обладать необходимыми специальными знаниями по экологической охране и соответствующим технологическим процессам, знать методику расследования экологических преступлений.

Осмотр места происшествия и других объектов целесообразно проводить как можно быстрее. В ходе производства данного следственного действия осматриваются: участки окружающей среды, подвергшиеся загрязнению и порче (водоемы, реки, их берега, карьеры и т. д.); приведенные в негодность объекты (погибшая рыба, животные и т. д.); очистные сооружения, отстойники, пруды-накопители и иные средства утилизации, сети трубопроводов и водостоки и т. д.

Осмотр указанных объектов целесообразно производить с участием соответствующих специалистов и по отдельным узлам. Начинать его надо с места обнаружения следов загрязнения с последующим расширением границ, с учетом сложившейся ситуации. Специфическим для данного вида осмотра является отбор проб в той или иной среде в зависимости от сферы загрязнения (пробы воды в водоеме, песка в карьере, воздуха и т. д.). Результаты осмотра необходимо дополнить схемами исследуемого участка и объектов. Особенно важно

графически изобразить загрязненный участок, все технологические элементы и пути прохождения вредных веществ.

На любом этапе расследования обычно возникает необходимость в специальных знаниях для решения возникающих в ходе следствия вопросов. При этом могут потребоваться ветеринарные, биологические, ихтиологические, химические, технические, медицинские, гидрометеорологические и иные специальные знания. Такие экспертизы получили название экологических экспертиз. Для начальных этапов расследования весьма характерны назначение: молекулярно-генетических, эколого-химических, ихтиологических, зоологических, ветеринарных, а иногда и судебно-медицинских экспертиз.

Кроме проблем, связанных с расследованием, можно говорить и об иных причинах: это несовершенство действующего законодательства в области охраны животного мира; частые изменения в структуре органов, осуществляющих государственный контроль и надзор в области охраны и использования животного мира с перераспределением хозяйственно-распорядительных и иных полномочий; слабая материально-техническая база для быстрого, своевременного реагирования после сообщения о факте производства незаконной охоты.

Необходимо контролировать все направления экономики, чтобы все предприятия уменьшали свое негативное воздействие на экологию. Также нужна разработка и внедрение экологических технологий. Сегодня требуются кардинальные меры для решения экологических проблем. Однако мы должны помнить, что многое зависит и от нас самих: экономии природных ресурсов и коммунальных благ, от образа жизни, соблюдения гигиены и от нашего собственного выбора.

Воробьева Е. В.[1]**,**
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА ОКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

По роду своей деятельности сотрудники органов внутренних дел часто одними из первых оказываются на месте чрезвычайной ситуации, несчастного случая, преступления, дорожно-транспортного происшествия, катастрофы, террористического акта, где имеются пострадавшие, которые нуждаются в срочной медицинской помощи. Ждать скорую помощь иногда приходится довольно долго, а чтобы пострадавший выжил, действовать необходимо срочно. Фактор времени, т. е. начала оказания помощи, играет громадное значение. Жизнь человека находится в прямой зависимости от умений и навыков спасателя, а также своевременности первой помощи. Очень важно в экстремальной ситуации суметь собраться и начать безотлагательные действия по спасению жизни и здоровья людей.

В медицине существует правило «золотого часа» оказания первой помощи: если в течение первого часа после получения травмы или начала неотложного состояния пострадавшему будет оказана грамотная помощь, то вероятность его выживания увеличивается.

Прежде чем рассматривать вопрос оказания первой помощи сотрудниками органов внутренних дел, необходимо начать с самого понятия первой помощи. Первая помощь – это комплекс срочных простейших мероприятий по сохранению жизни и здоровья человека. Она оказывается до прибытия медиков на месте происшествия и во время транспортировки пострадавшего в лечебное учреждение.

В ст. 41 Конституции Российской Федерации говорится о том, что «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь».

Деятельность сотрудников органов внутренних дел тесно связана с риском для жизни и здоровья, поэтому знания и умения оказания первой помощи жизненно необходимы. Ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» указывает на обязанность сотрудника полиции «оказывать первую помощь лицам, пострадав-

---

[1] © Воробьева Е. В., 2020.

шим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует».

«Первая помощь до оказания медицинской помощи оказывается гражданам при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью, лицами, обязанными оказывать первую помощь в соответствии с федеральным законом или со специальным правилом и имеющими соответствующую подготовку, в том числе сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками, военнослужащими и работниками Государственной противопожарной службы, спасателями аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб» – ст. 31 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации».

В законодательстве закреплен перечень состояний, при которых оказывается первая помощь: «отсутствие сознания, остановка дыхания и кровообращения, наружные кровотечения, инородные тела верхних дыхательных путей, травмы различных областей тела, ожоги, эффекты воздействия высоких температур, теплового излучения, отморожение и другие эффекты воздействия низких температур, отравления»[1].

В настоящее время актуальной проблемой является недостаточное медицинское обеспечение безопасности дорожного движения. Статистика дорожно-транспортных происшествий говорит о том, что число погибших на дорогах могло быть значительно меньше, если бы при оказании первой помощи не допускались бы грубые ошибки.

Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 477н «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» утвержден перечень мероприятий по оказанию первой помощи, который состоит из 12 пунктов.

---

[1] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 4 мая 2012 г. (в последующих редакциях) № 477н «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru.

Прежде чем начинать мероприятия по оказанию первой помощи, необходимо оценить обстановку и обеспечить безопасность себе и пострадавшему, устранив угрожающие факторы для жизни и здоровья. Оценив количество пострадавших, вызвать скорую помощь, спасателей. Следующее действие – это оценка наличия сознания. Далее – мероприятия по восстановлению проходимости дыхательных путей и определению признаков жизни: запрокидывание головы с подъемом подбородка, выдвижение нижней челюсти, определение наличия дыхания у пострадавшего, время на определение дыхания с помощью слуха, зрения и осязания – 10 с. Проверка пульса на сонной артерии. При отсутствии признаков жизни – проведение сердечно-легочной реанимации до появления признаков жизни. Затем – мероприятия по поддержанию проходимости дыхательных путей: придание устойчивого бокового положения, запрокидывание головы с подъемом подбородка, выдвижение нижней челюсти. Далее – мероприятия по обзорному осмотру пострадавшего и временной остановке наружного кровотечения. Следующие действия – подробный осмотр с целью выявления травм, отравлений и других угрожающих состояний и оказание первой помощи выявленных травм и состояний; придание пострадавшему оптимального положения, контроль состояния (сознание, дыхание, кровообращение), оказание психологической помощи и передачу пострадавшего бригаде скорой помощи.

За неоказание помощи больному без уважительных причин и за оставление в опасности законодательством предусмотрена уголовная ответственность.

В заключение необходимо отметить, что всякое действие сотрудника органов внутренних дел при оказании первой помощи, основанное на законе, должно быть не только правильным, но и эффективным.

Горач Н. Н.[1],
доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат педагогических наук;

Лаврова О. Н.[2],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В ходе предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, связанных с организацией незаконной миграции, у практических органов в ряде случаев возникают трудности при квалификации преступлений по ст. 322.1 УК РФ.

Так, статья 18.8 КоАП РФ предусматривает ответственность за «Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации».

В отношении должностных лиц организаций, в деятельности которых установлены признаки правонарушения в сфере миграционной деятельности, ответственность предусмотрена по ч. 3 ст. 18.9 КоАП РФ.

Анализ норм КоАП РФ свидетельствует о том, что законодателем закреплена ответственность за нарушения установленного порядка оформления документов на право пребывания иностранных граждан, предоставление с нарушениями жилого помещения, незаконное привлечение к трудовой деятельности и иные предусмотренные законом нарушения.

---

[1] © Горач Н. Н., 2020.
[2] © Лаврова О. Н., 2020.

Объективная сторона административного правонарушения состоит исключительно в привлечении к трудовой деятельности иностранного гражданина или лица без гражданства без разрешения на работу либо без патента (ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ) и без получения в установленном порядке разрешения на привлечение и использование иностранных работников (ч. 2 ст. 18.15 КоАП РФ). В ходе анализа материалов уголовных дел, анкетирования практических сотрудников установлено, что они периодически сталкиваются со сложностями разграничения между преступлением, предусмотренным ст. 322.1 УК РФ, и административным проступком, предусмотренным ст. 18.9 КоАП РФ.

Правоприменителями административные проступки и преступления разграничиваются по объективной стороне, поскольку преступление характеризуется организационными действиями, направленными на обеспечение незаконного въезда иммигрантов в Российскую Федерацию, их пребывание в Российской Федерации или транзит.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, заключается в организации незаконного въезда, незаконного пребывания и незаконного транзитного проезда иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию Российской Федерации. Для квалификации преступного деяния по ст. 322.1 УК РФ достаточно наличия одного из признаков объективной стороны преступления, исходя из конструкции диспозиции данной статьи, что согласуется с позицией большинства судей Московской области.

По уголовным делам, рассмотренным судами Московской области, преступления по ст. 322.1 УК РФ были квалифицированы:

1) как организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства.

Приговором Химкинского городского суда Московской области 17 июля 2016 г. был осужден гражданин Исламской Республики Афганистан Абдул Джалил Сохил за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 322.1 и п.п. «а», «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ. Судом было установлено, что Абдул Д. С. совершил покушение на организацию незаконной миграции, т. е. умышленные действия, непосредственно направленные на организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан, а также дачу взятки должностному лицу лично за совершение заведомо незаконных действий, группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере[1];

[1] Уголовное дело № 1–433/2016 // Архив Химкинского городского суда Московской области за 2016 г. [электронные данные] URL: http://himki.mo.sudrf.ru/.

б) как организация незаконного пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства судами квалифицировались действия виновных лиц, выразившиеся в предоставлении иностранным гражданам, незарегистрированным в установленном законом порядке, а также с истекшим сроком пребывания, и не имеющим соответствующего разрешения на работу на территории Российской Федерации, помещения для проживания. В создании для них в указанном помещении необходимых жилищно-бытовых условий, обеспечении их предметами обихода, бытовой техникой. Местами соблюдения личной гигиены и питанием, а также в предоставлении им работы, за которую обвиняемые выплачивали им заработную плату (приговор Ивантеевского городского суда в отношении Во Тхань Вьонг[1], приговор Шатурского городского суда в отношении Г. Букура[2], приговор Подольского городского суда в отношении М. О. Сехпасян[3]).

Таким образом, обстоятельства, свидетельствующие о незаконности пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации, должны быть указаны при описании преступного деяния виновного, которому заведомо должно быть известно о том, что иностранный гражданин или лицо без гражданства на территории Российской Федерации находится незаконно.

Субъект преступления – гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства, достигший 16-летнего возраста. Иногда правоприменителем неверно устанавливается субъект преступления. По сложившейся практике, в том случае, когда нанимателем иностранных граждан или лиц без гражданства, незаконно пребывающих в Российской Федерации и не имеющих разрешения на осуществление трудовой деятельности, является физическое лицо, оно несет уголовную ответственность за организацию незаконного пребывания этих лиц в Российской Федерации. Когда нанимателем выступает юридическое лицо, субъектами преступления являются ответственные за подбор кадров лица.

---

[1] Уголовное дело № 1-135/2015 // Архив Ивантеевского городского суда Московской области за 2015 г. [электронные данные]. URL: http://ivanteevka.mo.sudrf.ru/.

[2] Уголовное дело № 1-135/2015 // Архив Шатурского городского суда Московской области за 2015 г. [электронные данные] URL: http://shatura.mo.sudrf.ru/.

[3] Уголовное дело № 1-531/2015 // Архив Подольского городского суда Московской области за 2015 г. [электронные данные] URL: http://podolsky.mo.sudrf.ru/.

Сотрудниками органов предварительного расследования и судами не всегда устанавливались лица, в обязанности которых входили вопросы подбора кадров, и которые подлежали уголовной ответственности. Так, по приговору мирового судьи 55 судебного участка Жуковского района от 31 марта 2011 г. (уголовное дело № 1-14/11) бригадир дворников в ООО «Инжтехсервис-Плюс» гражданин Республики Узбекистан Э. М. Холмирзаев был признан виновным в организации незаконного пребывания иностранных граждан, выразившейся в том, что он привлек к работе по уборке территории граждан Республики Узбекистан, незаконно находящихся на территории России и не имеющих разрешения на осуществление трудовой деятельности. Помимо этого, он обвинялся в том, что не подал в установленном законом порядке информацию о найме им иностранной рабочей силы.

Между тем, из материалов уголовного дела следовало, что Э. М. Холмирзаев по характеру выполняемой им в данной организации работы мог лишь подыскивать рабочих для выполнения работы по уборке территории с последующим направлением этих лиц в отдел кадров для заключения трудового соглашения и оформления приема. При таких обстоятельствах вызвал сомнение вывод суда о виновности Э. М. Холмирзаева в том, что он привлек к труду иностранных граждан и не предоставил в соответствующий государственный орган информацию о найме им иностранной рабочей силы[1].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла.

В связи со ссылочно-бланкетным характером ст. 322.1 УК РФ при квалификации необходимо обращаться к правовым документам, регламентирующим правовое положение и механизм въезда, выезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. При этом формулировка обвинения должна содержать обязательную ссылку на соответствующий нормативный правовой акт, требования которого были нарушены.

---

[1] Справка о результатах изучения практики рассмотрения судами Московской области уголовных дел об организации незаконной миграции (ст. 322[1] УК РФ) за 1 полугодие 2013 г. [электронный ресурс] // Волоколамский городской суд Московской области [официальный сайт] URL: // http://volokolamsk.mo.sudrf.ru/.

Григорьева Н. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Богатырев Д. В.[2],
слушатель факультета
подготовки сотрудников для
оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Рассматривая собирание доказательств как отдельный этап уголовно-процессуального доказывания необходимо дать само определение собиранию доказательств.

Собирание доказательств – это совершение субъектами доказывания, в пределах их полномочий и прав, действий, направленных на обнаружение, истребование, получение и закрепление в установленном законом порядке доказательств. Теорией выработаны основные этапы собирания доказательств: обнаружение и фиксация. Обнаружением является отыскание, обращение внимания на сведения, которые могут приобретать доказательственное значение. Фиксацией будет являться их документальное закрепление в установленном законом порядке[3].

Во избежание дальнейшего признания доказательства недопустимыми, при собирании доказательств должен соблюдаться ряд условий:

1) доказательства должны собираться только предусмотренными законом способами и методами;

2) собирать доказательства могут только уполномоченные на то законом лица;

3) доказательства должны собираться только в рамках предусмотренной законом процессуальной процедуры;

---

[1] © Григорьева Н. В., 2020.

[2] © Богатырев Д. В., 2020.

[3] Лазарева В. А. Защита прав личности в уголовном процессе / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. М. : Юрайт, 2014. С. 28.

4) при собирании доказательств должны соблюдаться объективность и беспристрастность[1].

При этом важно позаботиться о том, чтобы на этапе собирания доказательств они соответствовали свойствам относимости, допустимости и достоверности.

Для изучения проблемы собирания доказательств в уголовном судопроизводстве, в первую очередь, необходимо рассмотреть круг субъектов, которые могут собирать эти доказательства.

С одной стороны, собиранием доказательств занимаются должностные лица: прокурор, следователь, дознаватель, суд – т. е. те, для кого эта деятельность является обязанностью. С другой же стороны, это – подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. Для этих лиц собирание доказательств является не обязанностью, а правом. Сюда же можно отнести и защитника. Следует отметить, что для него уголовно-процессуальным законом предусмотрены некоторые ограничения в части, касающейся собирания доказательств, а именно ч. 3 ст. 86 УПК РФ содержит следующую формулировку:

«Защитник вправе собирать доказательства путем:

– получения предметов, документов и иных сведений;

– опроса лиц с их согласия;

– истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии».

При этом ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 65-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» закрепляет намного больший спектр полномочий адвоката по получению сведений, которые могут быть использованы в качестве доказательств.

В этой статье мы хотим затронуть проблему собирания доказательств стороной защиты, а именно – защитником, что иногда называют «адвокатское расследование».

Адвокатское расследование – это деятельность, реализуемая адвокатом, которая направлена на собирание информации и сведений, имеющих значение для уголовного дела, которые в дальнейшем бу-

---

[1] Чурилов С. Н. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике. М. : Юстицинформ, 2017. С. 93–99.

дут использованы в качестве доказательств. При этом важно понимать, что данный термин юридически нигде не закреплен, и является лишь сленговым. В целом право на собирание доказательств защитником никаким образом не может истолковываться как его право на проведение расследования. Отечественный институт расследования в принципе не знает прецедентов расследования, которое может идти параллельно основному, как и прецедентов «теневого» расследования, которое может вестись скрытно от основного[1].

Вопрос о наделении защитника полным правом собирания и закрепления доказательств в уголовном процессе поднимался неоднократно. На сегодняшний день этот вопрос остается неразрешенным.

И это при том, что защитники активно участвуют в уголовном судопроизводстве. Защиту граждан в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в 2019 г. осуществляли 39 294 адвоката[2].

Ст. 86 УПК РФ закрепляет в себе формулировку, согласно которой защитник вправе собирать доказательства, однако на деле он может лишь предоставить значимую для расследования информацию, а закреплением ее в качестве доказательства будет заниматься соответствующее должностное лицо. При этом сведения, представленные защитником, должны обладать свойствами допустимости, достоверности и относимости, в противном же случае они не могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Потому нельзя оставить без внимания мнение А. П. Кругликова о том, что доказательство нельзя считать собранным, если оно не закреплено соответствующим образом. Представленные защитником документы станут доказательством и перейдут в разряд доказательств «иные документы», закрепленных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, только после признания их соответствующим должностным лицом, ведущим расследование, допустимыми[3].

Важно сказать о том, что если сведения, собранные защитником, будут признаны в качестве доказательств, то они будут считаться со-

---

[1] Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам / С. А. Шейфер. М. : Норма, 2017. с. 24.

[2] Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru/ (дата обращения: 02.11.2019).

[3] Кругликов А. П. Принципы уголовного процесса Российской Федерации: учебное пособие / А. П. Кругликов, И. С. Дикарев, И. А. Бирюкова; под ред. А. П. Кругликова. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2007. С. 19–23.

бранными не защитником, а тем, кто занимался их закреплением в качестве доказательства – следователем или дознавателем. Такой механизм реализации доказательства может дать толчок коррупционной составляющей, позволяя следователю незаконно признавать «неудобные» сведения недопустимыми и не допускать их к участию в уголовном процессе в качестве доказательств. Потому, опираясь на принцип состязательности и равенства стороны обвинения и стороны защиты, можно говорить, что сторона защиты наделена меньшими правами по собиранию доказательств.

Законодательно процесс собирания доказательств защитником в полной мере не закреплен. Кроме того, доказательства, собранные защитником, имеют меньшее значение, чем доказательства, собранные, например, следователем. В частности, рассматривая один из способов собирания доказательств защитником – «опрос лиц с их согласия» стоит сказать, что защитник может опрашивать любых лиц с их согласия и любым способом закреплять полученную информацию. При этом лицо, которое опрашивает защитник, может элементарно отказаться предоставлять какую-либо информацию, и кроме того – защитник не может предупреждать опрашиваемых лиц об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний. Таким образом, мы считаем, что полученное таким способом доказательство не может быть равным, например, протоколу допроса, составленному следователем, с разъяснением допрашиваемым лицам их прав и обязанностей.

Кроме того, касаемо собирания сведений защитником путем опроса лиц с их согласия стоит отметить, что остается нерешенным вопрос, обязан ли защитник представляться при таком опросе, и разъяснять с какой целью он его проводит, или достаточным будет лишь согласие лица на его опрос.

При некоторых обстоятельствах защитнику могут стать известны сведения, отягчающие ответственность его подзащитного. В этом случае, опираясь на то, что его деятельность направлена на защиту интересов его клиента, можно предположить, что он вправе не сообщать эти сведения лицам, ведущим расследование.

Кроме того, важно отметить, что защитник лишен права осуществлять главный способ собирания доказательств – проводить следственные действия. Мы считаем такую позицию правильной, потому как следственные действия может проводить лишь лицо, осуществляющее предварительное следствие. Однако, по нашему мнению, защитника

необходимо наделить более широким набором возможностей по собиранию сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Важно отметить, что иногда защитники пользуются правом предоставления собранных доказательств, находясь уже непосредственно в судебном заседании. Происходит это в силу ст. 74 УПК РФ, которая гласит, что «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела», при этом необходимо, чтобы представленные сведения были относимыми и допустимыми. Однако на практике зачастую такие сведения судьей воспринимаются достаточно резко[1]. Так, например, при рассмотрении кассационной жалобы в суде Хабаровского края суд, по мнению защитника, не принял во внимание его доводы и аргументы, и оставил без удовлетворения все ходатайства стороны защиты, в результате чего обвиняемым не была изменена мера пресечения в виде заключения под стражу[2].

Подводя итоги, стоит отметить, что собирание доказательств защитником, т. е. так называемое «адвокатское расследование», как средство защиты граждан имеет достаточно весомую роль в уголовном процессе. Такое средство защиты может значительно способствовать более качественному и подробному расследованию преступления. Однако главной проблемой такого средства защиты является его недостаточная законодательная регламентация. Можно сказать, что действующим уголовно-процессуальным законодательством правом на собирание доказательств участники уголовного судопроизводства наделены в неравной мере. Следователь и дознаватель обладают большими возможностями собирания доказательств по сравнению с защитником, который строго ограничен в рамках собирания доказательств. То же касается и других участников доказывания, для которых собирание доказательств является правом, а не обязанностью. Кроме того, ст. 86 УПК РФ не закрепляет в себе четкого и обширного механизма собирания доказательств защитником. Так, например, не

---

[1] Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. М. : Экзамен, 2017. С. 52–56.

[2] Суд Хабаровского края оставил обвиняемых по «лесному делу» за решеткой // Сетевое издание «Transsibinfo.com» URL: https://transsibinfo.com. (дата обращения: 02.11.2019).

совсем понятно, каким образом защитник может изымать предметы и документы.

Решение данной проблемы видится нам в наиболее полном и проработанном законодательном закреплении механизма собирания защитником доказательств. Мы считаем, что УПК РФ необходимо дополнить некоторыми статьями, которые бы наиболее подробно регулировали процесс собирания доказательств по уголовному делу защитником.

Григорян Т. А.[1]***,***
следователь следственного управления
УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящее время следователями могут быть должностные лица, состоящие на службе в следственных подразделениях Следственного комитета России, МВД России и ФСБ России (ст. 151 УПК РФ).

Следователь, по мнению В. В. Трубочкиной, «независимо от его принадлежности к тому либо иному государственному органу, осуществляет функции государственного принуждения, а также охрану интересов государства, прав и законных интересов граждан и юридических лиц»[2].

Последователен в своих доводах Ю. А. Цветков, который утверждает, что «поскольку установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, также входит в круг подлежащих доказыванию, в этой сфере деятельности следователь также вправе (и обязан) пользоваться всем спектром имеющихся у него полномочий»[3].

Здесь также необходимо отметить, что показателем эффективности деятельности следователя является то, насколько быстро и полно будет раскрыто преступление, изобличены и преданы суду действительно виновные в его совершении лица. Поэтому правильное решение следователем вопросов, входящих в предмет доказывания по каждому конкретному уголовному делу, во многом предопределяет законность, обоснованность и справедливость вынесенного судом приговора.

Следователю надлежит по возможности максимально устанавливать указанные обстоятельства, а также принимать все необходимые меры для их устранения. От того, насколько активно следователь будет принимать меры к установлению всех обстоятельств, которые

---

[1] © Григорян Т. А., 2020.

[2] Трубочкина В. В. Процессуальное положение следователя // Вестник Московского университета. 1997. № 5. С. 34–37 (Серия 11. Право).

[3] Цветков Ю. А. Эффективность следственной деятельности // Российский следователь. 2017. № 14. С. 17–20.

привели к совершению преступления, зависит и дальнейшая деятельность по профилактике и предотвращению совершения новых деяний.

С. М. Кузнецова, развивая мысль в данном направлении, обоснованно подчеркивает, что «… контроль за реализацией мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, на протяжении всего предварительного расследования по уголовному делу должен осуществлять вынесший его следователь, так как именно он, устанавливая предмет доказывания и расследуя уголовное дело, больше других должностных лиц осведомлен не только об обстоятельствах преступления, но и о причинах, способствовавших его совершению»[1].

При этом А. Н. Халиков логично отмечает, что «завершающим этапом профилактических мер в процессе расследования должностных преступлений является контроль следователем эффективности принятых им мер по предупреждению преступлений. Юридическим выражением данной деятельности служат ответные мероприятия государственных и муниципальных органов власти и учреждений, осуществляемые по результатам рассмотрения отдельных видов профилактических мероприятий»[2].

Однако следует отметить, что в некоторых случаях следователи вносят представления исключительно в адрес руководителей территориальных органов внутренних дел, а это в полной мере не может являться мерой по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. В редких случаях следователи устанавливают причины преступного поведения обвиняемого (социальные, экономические, бытовые), обусловившие выбор преступного поведения, до конца срока расследования уголовного дела.

Вместе с тем в предупредительной деятельности следователя необходимо выделить конкретные меры, имеющие явно выраженное общепрофилактическое значение. Можно указать наиболее распространенные из них:

---

[1] Кузнецова С. М. Субъекты контроля (надзора) за исполнением представления следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Алтайский юридический вестник. 2016. № 13. С. 97.

[2] Халиков А. Н. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений: криминалистический аспект : дис. … д-ра юрид. наук. Уфа, 2011. С. 20.

– внесение представлений о принятии мер по устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления (других нарушений закона), в соответствующие государственные органы и общественные организации;

– осуществление правовой пропаганды и правового воспитания населения;

– формирование общественного мнения, объективно отражающего деятельность по предупреждению преступлений;

– организация и процессуальное оформление мер по обеспечению личной и общественной безопасности.

Согласно позиции С. И. Даниловой, «актуальным по своей сути в настоящее время является и изложенное в юридической литературе мнение о том, что ведущая роль специализированных субъектов системы следственной профилактики принадлежит следователям, начальникам подразделений следственных аппаратов правоохранительных органов, органам суда и прокуратуры, для которых предупреждение преступлений является одним из основных направлений их процессуальной деятельности»[1].

Следователи обязаны уделять большое внимание профилактике преступлений, всесторонне изучать личность преступников, их окружение, степень и причины их социальной запущенности, цели, мотивы и другие обстоятельства совершенного преступления, и с учетом полученных результатов проводить воспитательную и профилактическую работу с целью предотвращения совершения подследственными новых преступных деяний.

В связи с чем некоторые ученые (М. Г. Коршик, С. С. Степичев) уместно утверждают, что «изучение личности проводится для надлежащего расследования преступлений, выявления способствовавших его совершению обстоятельств, решения вопроса о назначении наказания и, наконец, для перевоспитания осужденного, также изучение проводится для выявления причин преступности и разработки на этой основе мероприятий, направленных на ее предупреждение»[2]. Уточ-

---

[1] Данилова С. И. Субъекты установления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления, в стадии предварительного расследования // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов. М., 2001. С. 97.

[2] Коршик М. Г., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1969. С. 7.

ним, что, поскольку речь идет об изучении конкретного преступления, в данном контексте нужно указывать на причины не преступности в целом, а конкретного преступления, совершенного определенным лицом.

Дополняя вышеуказанных авторов, А. М. Жуков профилактическую деятельность обоснованно определяет как «систему взаимосвязанных мер, применяемых следователем с помощью других участников уголовного процесса в установленном законом порядке, направленных на реализацию уголовно-правовой профилактики, выявление причин и условий, способствовавших преступлению, и принятие мер к их устранению, а также оказание общепредупредительного воздействия»[1]. Дополним, что профилактика может осуществляться с помощью не только участников процесса, но и других лиц, не имеющих в уголовном деле какого-либо процессуального статуса.

Не менее острым является вопрос о необходимости самостоятельного устранения следователем обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В частности, ранее действовавший УПК РСФСР предусматривал норму, содержащуюся в самом названии ст. 140 «Меры по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления». Иными словами, должностное лицо, производившее расследование по уголовному делу, принимало меры не только по установлению, но и по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Сейчас УПК РФ содержит две статьи (ч. 2 ст. 73 и ч. 2 ст. 158), регламентирующие деятельность следователя по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления. При этом можно констатировать тот факт, что по сравнению с УПК РСФСР в действующем уголовно-процессуальном законодательстве профилактическая роль следователя заметно снизилась, так как для них это не является приоритетным направлением процессуальной деятельности.

На данную проблему в свое время обращал внимание и А. П. Гуляев, который утверждал, что, производя расследование, следователь обязан не только выявлять причины и условия, способствующие совершению преступления, но и принимать меры к их устранению[2].

---

[1] Жуков А. М. Предупредительная деятельность следователя по уголовным делам. Саратов, 1990. С. 24.

[2] Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 51.

В качестве примера можно привести содержание ст. 296 УПК Республики Узбекистан[1], где предусмотрено, что при производстве по уголовному делу дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны (а не только вправе, как в УПК РФ) выявлять причины преступления и условия, способствовавшие его совершению.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости внести аналогичное изменение в уголовно-процессуальное законодательство России.

При расследовании преступлений зачастую выявляются обстоятельства, свидетельствующие о недостатках в деятельности не только следователя, но и органов внутренних дел в целом, которые могут привести к совершению новых преступлений. К такого рода недостаткам следует отнести: факты сокрытия преступлений от учета и регистрации[2]; несвоевременное реагирование на сигналы о правонарушениях; низкий уровень контроля и работы с ранее судимыми лицами; слабая активность в разоблачении преступных группировок.

При выявлении подобного рода недостатков следователю рекомендуется вносить представления в адрес начальника органа внутренних дел, на территории которого выявлены упущения в работе. Примером может служить представление по уголовному делу по факту совершения преступления, предусмотренного пунктом «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, вынесенное следователем следственного отдела при ОВД по району Бирюлево Западное г. Москвы, в адрес начальника ОВД по Серебряно-Прудскому муниципальному району Московской области, в котором он указывает на недостаточную профилактическую работу с лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, употребляющими спиртные напитки и ведущими антиобщественный образ жизни, со стороны сотрудников отдела организации деятельности участковых уполномоченных полиции (ООДУУП) и отдела уголовного розыска (ОУР) ОВД по Серебряно-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. Утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII. URL: http://www.zakon.kz/ (дата обращения: 12.09.2019).

[2] Приказ МВД Российской Федерации от 29 августа 2014 г. (в последующих редакциях) № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 02.09.2019).

Прудскому муниципальному району Московской области. В качестве конкретных мер следователь предлагает обсудить данное представление на оперативном совещании и активизировать профилактическую работу с указанной категорией лиц.

Внесение таких представлений вызвано, как правило, ненадлежащей организацией работы других служб органов внутренних дел, а также неправомерными действиями сотрудников этих служб при проведении доследственных проверок, неотложных следственных действий. По таким представлениям руководители территориальных органов внутренних дел вправе проводить оперативные совещания, служебные проверки, применять к виновным лицам меры дисциплинарного воздействия с последующим информированием должностных лиц следственных подразделений, внесших указанные представления.

Несмотря на то, что представления являются достаточно острой формой реагирования следователя на выявленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, необходимо отметить, что их внесение в соответствующие инстанции не является единственной формой его деятельности по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Установленные уголовно-процессуальным законом средства позволяют следователю достаточно полно выявлять всю совокупность фактов, что не исключает возможности и целесообразности совершенствования УПК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что профилактическая деятельность следователя носит широкий и многогранный характер и проявляется в осуществлении как общепревентивной работы, ориентированной на неограниченный круг лиц, так и специальной деятельности, связанной с производством предварительного следствия по конкретным уголовным делам.

Данилкина В. М.[1],
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;

Басина А. С.[2],
слушатель 453 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СРОКОВ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ «ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ»

С 1833 г. в практической деятельности следователей стал активно использоваться такой термин как «раскрытие преступлений по горячим следам»[3], который подразумевает под собой скорейшее изобличение лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. После апробации выработанных в ходе расследования уголовных дел приемов и методов раскрытия и расследования преступлений «по горячим следам» на практике был создан отдельный криминалистический институт, в настоящее время носящий название «методика раскрытия и расследования преступлений по горячим следам».

Определяющим признаком структуры и содержания данной методики является фактор времени, но, прежде чем говорить о вопросах, касающихся сроков, за которые было изобличено виновное лицо, выполнены все необходимые следственные и процессуальные действия и оперативно-разыскные мероприятия, необходимо четко определить содержание понятий «раскрытие» и «расследование преступлений «по горячим следам».

Сразу же стоит отметить, что эти понятия не являются тождественными, и между ними существуют разительные отличия.

---

[1] © Данилкина В. М., 2020.
[2] © Басина А. С., 2020.

[3] Орлов Н. Краткое руководство к познанию правил для производства следствий с показанием приличных узаконинений. М., 1833. С. 4.

Под сущностной характеристикой расследования преступлений понимается деятельность специально уполномоченных должностных лиц государственных органов по получению сведений о действии или бездействии лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, установлению события и состава преступления, изобличению виновных в его совершении, принятию мер по возмещению причиненного преступлением ущерба, выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

В отношении же определения дефиниции «раскрытие преступления» споры среди ученых-криминалистов не утихают до сих пор. Это вызвано тем, что до сих пор не выработана общая точка зрения, которая позволила бы точно определить ее содержание.

В криминалистической науке существует три основных подхода к определению понятия «раскрытие преступления» и его взаимосвязи с расследованием.

Первая группа авторов считает, что установление лица, совершившего преступление, и вынесение постановления о предъявлении ему обвинения есть основание для отнесения преступления к числу раскрытых[1]. Под данным тезисом подразумевается, что, действительно, главная цель дознавателя, следователя, осуществляющего предварительное расследование, заключается в том, чтобы изобличить виновного и предъявить ему обвинение в максимально короткие сроки.

Таким образом, под раскрытием преступления целесообразно понимать деятельность дознавателя, следователя от момента обнаружения преступления и осуществления по нему процессуальных действий до установления виновного лица и предъявления ему обвинения.

Вторая группа ученых придерживается мнения И. П. Ищенко, которое заключается в том, что преступление предлагается считать раскрытым с момента окончания расследования и направления дела в суд (когда установлены все обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу)[2]. Сторонники данной позиции считают, что вынесение судом обвинительного приговора, а в случае вынесения оправдательного приговора после доследования и повторного судебного

---

[1] Криминалистика: современные проблемы, история и методология: научно-методическое пособие / Г. Н. Мухин, Д. В. Исютин-Федотков. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 218.

[2] Ищенко И. П. О криминалистике и не только. М.: Проспект, 2016. С. 210.

рассмотрения является окончаниям деятельности по раскрытию преступления. В данном случае расследование преступления является составной частью раскрытия преступления, а сам термин «раскрытие» имеет более широкое содержание.

Третья группа теоретиков ограничивает понятие «раскрытие» деятельностью по сбору информации не обо всех обстоятельствах, необходимых в соответствии с требованиями УПК РФ, а лишь тех данных, которые необходимы на первоначальном этапе расследования. К таким данным относится факт преступного события, данные о лице, его совершившем, и первичные обстоятельства, которыми сопровождалось совершение общественно опасного деяния.

Безусловно, наличие столь разных подходов к определению понятия и момента окончания деятельности по раскрытию преступлений требует их дальнейшего научного исследования.

Наиболее целесообразно считать преступление раскрытым с момента сбора необходимой информации, позволяющей по возбужденному уголовному делу осуществлять процессуальную деятельность в отношении конкретного лица, направленную на доказывание обстоятельств совершенного преступления, требуемых действующим законодательством.

Говоря о временных рамках раскрытия преступлений «по горячим следам», стоит отметить, что они так же неоднозначны, как и предыдущее теоретическое положение. В настоящее время нет единого мнения, как среди ученых, так и среди практиков, какое время требуется для признания преступления раскрытым «по горячим следам».

На сегодняшний день действует Приказ Генерального прокурора России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 20 февраля 2014 г.) «О едином учете преступлений», согласно которому если подозреваемый был установлен в течение 24 ч., то преступление считается раскрытым «по горячим следам», о чем делается соответствующая пометка в статистической карточке, заполняемой в соответствии с приложениями к вышеуказанному приказу.

Таким образом, указанный нормативный акт определяет срок раскрытия преступления «по горячим следам» как 24 ч. с момента обнаружения преступления. В данном случае можно согласиться с мнением криминалиста А. Р. Сысенко. Он полагает, что раскрытие преступления по «горячим следам» подразумевает деятельность органов

следствия и дознания по собиранию в предусмотренном законом порядке максимальной доказательственной информации о событии преступления и других обстоятельствах, имеющих значение по делу, в результате которой лицо, подозреваемое в совершении преступления, установлено в течение 24 ч. с момента обнаружения преступления или поступления о нем сообщения[1].

Стоит также отметить правильность данной позиции в том, что моментом, с которого начинается деятельность по раскрытию преступления, является не только момент обнаружения преступления, но и факт, когда о произошедшем общественно опасном деянии стало известно правоохранительным органам.

Не стоит забывать, что данные сроки – это сроки раскрытия преступления, а вовсе не расследования, так как на практике невозможно собрать все необходимые процессуальные документы и выполнить весь перечень следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, требуемых законом, за столь короткие сроки (за 24 ч.).

Следует отметить, что на практике и во многих научных работах по криминалистике разные по своему содержанию понятия «раскрытие преступлений» и «расследование преступлений» объединяются при рассмотрении особенностей работы сотрудников правоохранительных органов «по горячим следам». Е. А. Травкин в своих трудах указывает то, что под раскрытием и расследованием преступления «по горячим следам» понимают деятельность органов следствия и дознания по установлению в предусмотренном законом порядке максимальной доказательственной информации о событии преступления, лице, совершившем это деяние, и других обстоятельствах, имеющих значение по делу, в кратчайшие сроки с момента обнаружения преступления[2].

В практической деятельности органов внутренних дел принято считать, что преступление раскрыто «по горячим следам», если лицо, его совершившее, установлено в результате неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, проведенных, как правило, за трое суток с момента обнаружения преступления или

---

[1] Сысенко А. Р. Использование специальных знаний при расследовании преступлений по горячим следам : учебно-практическое пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2017. С. 12.

[2] Травкин Е. А. О совершенствовании взаимодействия в форме следственно-оперативных групп. М.: Проспект, 2015. С. 272.

поступления сообщения о нем. По отдельным, более трудоемким делам этот первоначальный этап расследования занимает 10-15 суток. Этой же позиции придерживается один из основоположников криминалистической методики раскрытия и расследования преступлений по горячим следам В. П. Лавров[1].

Подводя итог, следует сказать, что содержание понятия “раскрытие и расследование преступлений по «горячим следам»” можно разделить на две самостоятельные части, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями и временными рамками.

Представляется целесообразным определить временные рамки раскрытия преступления «по горячим следам» 24 ч. с момента обнаружения преступления или поступившего о нем сообщения в правоохранительные органы. Определять сроки расследования преступления «по горячим следам» периодом окончания производства неотложных следственных действий в отношении задержанного виновного лица в течение 3–15 дней в зависимости от сложности преступления.

[1] Криминалистика. Конспект лекций / В. П. Лавров [и др.]. Казань: КФУ, 2014. С. 175.

Емельянова Н. Ю.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Пучков А. Г.[2],
заместитель командира взвода 175 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРИНЦИП РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Принципы уголовного процесса представляют собой его основные начала, определяющие порядок его осуществления. Принципы являются основой любой отрасли права. Поскольку уголовный процесс определяет порядок расследования преступлений, а также порядок судебного разбирательства по уголовным делам, то принципы уголовного процесса устанавливают именно основы следственной и судебной деятельности при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Они характеризуют деятельность следствия и суда с точки зрения законности, обоснованности, справедливости, защиты прав и свобод граждан, обеспечения состязательности сторон и иных аспектов.

Для того чтобы обеспечить защиту прав граждан на расследование и рассмотрение уголовных дел в наиболее разумные сроки, УПК РФ установлен принцип разумного срока судопроизводства. Он определен в ст. 6.1 УПК РФ. Согласно данной статье уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок.

Само понятие разумного срока является в большей степени оценочным. «Между тем аргументы многих авторов убеждают в отсутствии оснований для отнесения данной нормы к числу принципов в

---

[1] © Емельянова Н. Ю., 2020.
[2] © Пучков А. Г., 2020.

силу субъективизма понятия «разумный». Представляется, нет оснований подвергать сомнению подобные тезисы. Для одних разумный срок будет включать период, предположим, два месяца, для других – два года. И при этом каждый представит свое обоснование. Первые станут утверждать о недопустимости нарушения прав человека чрезмерно долгим расследованием или рассмотрением уголовного дела, другие будут взывать к тщательности проведения всех необходимых действий и подготовки всех документов, что требует немалых временных затрат. Поэтому понятие «разумный срок», безусловно, является субъективным»[1].

Для того чтобы определить, какой срок является в данном конкретном случае расследования уголовного дела разумным, УПК РФ устанавливает некоторые общие критерии. Например, при определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что все отмеченные критерии, в том числе достаточность и эффективность действий, правовая и фактическая сложность дела являются также в большей степени оценочными, что позволяет на практике оправдать необходимость затягивания сроков уголовного судопроизводства фактически по любому делу. Таким образом, эффективно работающих инструментов по обеспечению разумных сроков судопроизводства на настоящий момент не имеется. Как отмечает Ю. С. Жариков, «упомянутая статья изменялась и дополнялась четыре раза, но так и не получила требуемых критериев разумности сроков. В результате таких изменений уголовно-

[1] Головинская И. В., Савельев И. И. О принципах и сроках в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2019. № 1. С. 112.

процессуальное законодательство становится все более громоздким и противоречивым»[1].

Фактическая возможность для ускорения рассмотрения дела имеется у участников процесса только в случае, предусмотренном ч. 6 ст. 6.1 УПК РФ. В случае если после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается и судебный процесс затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела.

Принцип разумного срока судопроизводства определяет, что обстоятельства, связанные с организацией работы суда, в том числе с заменой судьи, а также рассмотрение дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумного срока судопроизводства по делу. Таким образом, принцип разумного срока судопроизводства направлен на избежание ситуаций, когда в силу организационных моментов, высокой загрузки судов или в силу субъективных человеческих факторов разбирательство дела будет неоправданно затягиваться.

Заявление об ускорении рассмотрения дела рассматривается председателем суда в пятидневный срок со дня поступления заявления в суд. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное определение, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть указаны действия, которые следует осуществить для ускорения судебного разбирательства.

Если и эти меры не привели к ускорению рассмотрения дела, заинтересованное лицо может обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Между тем, в юридической литературе отмечается, что введение механизма защиты права на рассмотрение дела в разумный срок не решает проблемы нарушения процессуальных сроков судами, а лишь создает дополнительную нагрузку на судебную систему. Между тем отсутствие эффективности данного механизма защиты объясняется оценочностью критериев понятия разумного срока.

Как пишет Белякова А. В., «длительный или затяжной характер судопроизводства не является одним из основных гарантов получе-

---

[1] Жариков Ю. С. Современная стратегия развития уголовного судопроизводства в России // Современное право. 2018. № 7–8. С. 88.

ния компенсации за нарушение разумных сроков. Проблема данного механизма правового регулирования заключается: во-первых, в отсутствии четко установленных границ судейского усмотрения и отсутствии единообразия судебной практики по данной категории дел; во-вторых, оценочный характер критериев оценки разумности сроков судопроизводства»[1].

Таким образом, установление принципа разумного срока судопроизводства не всегда означает реальную защиту прав и реальное рассмотрение дела в установленные законом сроки. Проблема неоправданного увеличения сроков рассмотрения дела в российских судах существует повсеместно.

С одной стороны, рассматриваемые уголовные дела действительно могут отличаться повышенной сложностью. И это объясняет необходимость продления сроков уголовного судопроизводства. Но, с другой стороны, ввиду загруженности правоохранительных и судебных органов нередки случаи неоправданно долгого досудебного и судебного рассмотрения дела. В этих случаях принцип разумного срока судопроизводства остается, по сути, декларативным, поскольку на практике он не применяется. Безусловно, в случае нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства имеется возможность получения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Но фактически получить такое решение в свою пользу для участника уголовного процесса затруднительно, поскольку требует обращения в суд, доказывания факта нарушения разумного срока производства. В свою очередь оценочные критерии позволяют суду признать разумным фактически любой срок уголовного судопроизводства. Поэтому вопросы реализации данного принципа на практике нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Тем не менее, российское процессуальное законодательство основывается на нормах международного права и стремится соответствовать основным его положениям. Принципы уголовно-процессуального права образуют систему положений, на основании которых организуется деятельность суда и участников процесса. Соблюдение принципов гарантирует рассмотрение дел в соответствии с нормами законодательства с предоставлением равных возможностей для граждан по защите своих прав. Нарушение установленных принципов да-

---

[1] Белякова А. В. Механизмы судебной и внесудебной защиты права на судопроизводство в разумный срок : монография. М., 2016. С. 101.

ет безусловное основание считать вынесенное решение незаконным и должно повлечь за собой отмену решения. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства направлен на обеспечение права участников процесса на своевременное рассмотрение дела. Нередко в силу объективных причин (загрузка судов) рассмотрение дела, несмотря на установленный УПК РФ срок, затягивается. В этом случае права граждан на судебную защиту нарушаются. Для обеспечения эффективности судопроизводства был введен принцип разумного срока рассмотрения дела. Если гражданин считает, что сроки рассмотрения его дела слишком затянуты и этим нарушаются его права, то он может обратиться в том числе с требованием о компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства.

Золотухин Н. А.[1]**,**
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Кадатенко Е. П.[2]**,**
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ЯВНОМ ЗАТЯГИВАНИИ ОБВИНЯЕМЫМ И ЕГО ЗАЩИТНИКОМ ВРЕМЕНИ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В настоящее время ознакомление с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного следствия представляет собой одну из самых существенных правовых гарантий, направленных на обеспечение прав и законных интересов обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24). В том числе, уголовно-процессуальный закон содержит перечень прав участников уголовного судопроизводства, которые появляются у них непосредственно в процессе ознакомления с материалами уголовного дела, а также вытекающие из необходимости реализации этих прав обязанности следователя (ст.ст. 215–219 УПК РФ).

Следует отметить, что обеспечение обвиняемому и его защитнику права знакомиться по окончании предварительного следствия с материалами уголовного дела служит гарантией реализации обвиняемым права на защиту (ст. 45 Конституции Российской Федерации, ст. 16 УПК РФ). Так, согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ «обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела. Если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления с указанными материала-

---

[1] © Золотухин Н. А., 2020.
[2] © Кадатенко Е. П., 2020.

ми, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125 настоящего Кодекса, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела ...».

При этом законодатель не раскрывает, что следует понимать под выражением «явно затягивают время ознакомления», в том числе и не указаны возможные действия, которые могу свидетельствовать о явном затягивании ознакомления с материалами уголовного дела. Очевидно, что подобная категория относится к оценочной, но каким образом будет проходить такая оценка, кто устанавливает ту грань «явного затягивания» и «не явного затягивания»?

Думается, вывод о наличии или отсутствии злоупотребления при ознакомлении с материалами уголовного дела в значительной степени зависит от субъекта оценки и от конкретной ситуации. А субъектом оценки в этом случае выступает суд, который принимает законное, обоснованное и мотивированное решение (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Однако изначально оценивает поведение обвиняемого и защитника в процессе ознакомления с материалами уголовного дела именно следователь, который и будет обосновывать заявленное ходатайство перед судом о необходимости установления конкретных сроков ознакомления с материалами уголовного дела ввиду явного затягивания такого процесса. Следователь приходит к подобному выводу из совокупности факторов, начиная от поведения стороны защиты при ознакомлении с материалами уголовного дела и заканчивая взаимодействием с органами предварительного следствия на протяжении всего расследования уголовного дела. Следует отметить, что обвиняемый с защитником сознательно выбирают линию своего поведения, в том числе и в процессе расследования уголовного дела и, соответственно, понимают, какие последуют дальнейшие процессуальные действия со стороны следователя для окончания предварительного расследования.

Так, уголовно-процессуальный закон предусматривает срок, в течение которого материалы уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому, находящемуся под стражей, и его защитнику для ознакомления – не менее 30 суток до момента окончания предельного срока содержания под стражей. Таким образом, в случаях, когда ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела явно затягивается, следователь вынужден ходатайствовать перед руководителем следственного органа о продлении срока предварительного следствия в порядке, установленном ст. 162 УПК РФ, о продлении срока содержания под стражей в порядке ст. 109 УПК РФ.

Принимая решение о продлении срока содержания обвиняемого под стражей либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя, в случаях, когда обвиняемый и его защитник не ознакомились с материалами уголовного дела, суд должен руководствоваться правилами, предусмотренными ч.ч. 3–3.1 ст. 6.1 УПК РФ (учитываются правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, с одной стороны, а также достаточность и эффективность действий следователя, с другой). В том числе суд при установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела обязан проверять обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по объективным причинам; выяснять, в связи с какими обстоятельствами обвиняемый и его защитник не ознакомились с материалами уголовного дела в полном объеме; четко определить, не является ли это обстоятельство неэффективной организацией органами предварительного расследования процесса ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

Зачастую возникают разногласия между следователем и судом при определении степени затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемым и его защитником, а также сроке, который необходим стороне защиты для ознакомления с оставшимися материалами уголовного дела. В связи с отсутствием четких формулировок в уголовно-процессуальном законодательстве, судья при рассмотрении ходатайства следователя об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела исходит из своего мнения, а также представленного обоснования такого решения. В итоге по уголовным делам одной и той же категории, сложности и объема, суды принимают различные решения о сроках, необходимых стороне защиты для ознакомления с материалами уголовного дела.

Ввиду целого ряда установленных ст. 217 УПК РФ процессуальных гарантий (например, возможности выбора совместного или раздельного ознакомления обвиняемого и защитника, права на повторное обращение к любому тому уголовного дела, права на выписывание любых сведений в любом объеме, запрета на ограничение времени ознакомления и т. д.) следователи нередко становятся заложниками правовых злоупотреблений, допускаемых как обвиняемыми, так и защитниками. Причины такого поведения разнообразны: от возмож-

ности получения какой-либо правовой выгоды (например, ввиду предстоящего истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности) до банального «процессуального хулиганства», желания выразить свое пренебрежение к органам предварительного следствия и порядку уголовного судопроизводства. Казалось бы, процесс своевременного ознакомления с материалами уголовного дела, окончания предварительного следствия и направление уголовного дела в суд не должен порождать проблем, поскольку в рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу заинтересованы как органы предварительного следствия, так и обвиняемый и его защитник.

Однако на практике встречаются случаи, когда ознакомление с материалами небольшого по объему уголовного дела длится многие месяцы, даже годы. Недобросовестные представители стороны защиты пытаются «дотянуть» до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности; заставить уполномоченных должностных лиц изменить или отменить избранную меру пресечения в виде содержания под стражей, или же требуют от органов предварительного следствия исключить из объема обвинения какой-либо эпизод преступной деятельности (статью), угрожают затянуть процесс ознакомления с материалами уголовного дела, или же дезорганизовать работу должностных лиц.

Так, одним из вариантов решения обозначенной выше проблемы является изменение действующей редакции ч. 3. ст. 217 УПК РФ в целях придания конкретного правового смысла категории «явное затягивание». К примеру, А. Н. Игнатьев предлагает установить четкие законодательные критерии этого самого явного затягивания[1].

По мнения другого автора, в целях обеспечения производства предварительного расследования в разумный срок имеет смысл законодательно закрепить понятие «график ознакомления с материалами уголовного дела» и обозначить его четкую структуру[2].

---

[1] Игнатьев А. Н. Затягивание процесса ознакомления с материалами уголовного дела: отстаивание прав доверителя или процессуальное нарушение? // Пробелы в Российском законодательстве. 2012. № 2. С. 210–213.

[2] Нуриев И. Н. График ознакомления с материалами уголовного дела как средство обеспечения разумного срока предварительного расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 115–120.

Безусловно, рассмотренные варианты имеют свое право на существование. Поэтому, не умаляя обозначенные мнения, считаем, что процесс ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела может перестать быть конфликтным. Так, следователь, видя, что при классическом ознакомлении с материалами уголовного дела действия обвиняемого и его защитника попадают под критерий «явно затягивают время ознакомления», вместо обращения в суд для установления конкретного срока ознакомления с материалами уголовного дела, предоставляет обвиняемому и его защитнику электронный носитель информации с отсканированными материалами уголовного дела, поскольку следователь и так прибегает к копированию материалов уголовного дела в связи с заключением негласного соглашения между стороной защиты и стороной обвинения, дабы последние не препятствовали и не затягивали процесс ознакомления с материалами уголовного дела. Тем самым, обвиняемый и его защитник смогут подготовиться и выстроить свою линию защиты в суде, а следователь избежит возможных продлений сроков предварительного следствия, содержания под стражей. На наш взгляд, данное предложение будет являться одним из шагов к упрощению процедуры ознакомления с материалами уголовного дела и, как следствие, к сокращению срока предварительного расследования.

Клементьева Е. С.[1]**,**
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О МОМЕНТАХ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Уголовный процесс представлен в виде стадий, которые последовательно сменяют друг друга. Досудебное производство включает в себя стадию возбуждения уголовного дела и стадию предварительного расследования.

Как правило, начало и окончание стадии связывается с процессуальным действием, решением, оформленным в соответствии с уголовно-процессуальным законом. Если говорить о начале стадии возбуждения уголовного дела, то не вызывает сомнений, что стадия начинается с процессуально оформленного повода для возбуждения уголовного дела и заканчивается итоговыми решениями: о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела в виде постановления.

По общему мнению, изложенному в различных работах ученых-процессуалистов, предварительное расследование начинается с возбуждения уголовного дела. В ч. 1 ст. 156 УПК РФ отмечается, что предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем следователь, дознаватель, орган дознания выносит соответствующее постановление. В постановлении следователь, дознаватель также указывает о принятии им уголовного дела к своему производству. Таким образом, законодатель неразрывно связывает два процессуальных действия: возбуждение уголовного дела и принятие уголовного дела следователем к производству.

Однако, с точки зрения теории уголовного процесса, следует различать начало стадии предварительного расследования и деятельности.

Следственные и процессуальные действия по установлению обстоятельств совершения преступления, как правило, производятся после возбуждения уголовного дела, за исключением случаев, установленных ст. 144, 176, 178, 179, 195 УПК РФ.

---

[1] © Клементьева Е. С., 2020.

На наш взгляд, при рассмотрении вопроса о начале стадии предварительного расследования правильнее указывать в качестве процессуального действия, с которым связывается начало стадии предварительного расследования, решение следователя (дознавателя) о принятии дела к своему производству (ст. 156 УПК РФ).

Вызывает сомнение указание на то, что предварительное расследование начинается с возбуждения уголовного дела, так как постановление о возбуждении уголовного дела является окончанием данной стадии.

Если же говорить о предварительном расследовании как деятельности, то в этом случае возбуждение уголовного дела выступает как необходимое условие для начала предварительного расследования.

В связи с этим следует отличать начало предварительного расследования как стадии и как процессуальной деятельности.

Что касается окончания стадии предварительного расследования, то как в теории, так и на практике возникает достаточно спорных вопросов. Кроме этого, можно говорить о недостаточно полной регламентации законодателем возможных видов окончания предварительного расследования.

Как усматривается из ст. 158 УПК РФ, производство предварительного расследования оканчивается: по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, – в порядке, установленном гл. 29–31 УПК РФ; а по остальным уголовным делам – в порядке, установленном гл. 32 УПК РФ.

Сразу отметим, что в п. 2 ч. 1 ст. 158 УПК РФ нет ссылки на гл. 32.1, в которой предусмотрено окончание дознания в сокращенной форме составлением обвинительного постановления. Кроме того, в ст. 158 УПК РФ не раскрываются особенности, касающиеся прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, когда итоговое решение по окончании предварительного расследования по ходатайству следователя или дознавателя принимает суд.

Ст. 427 УПК РФ предусматривает возможность вынесения следователем (дознавателем) постановления о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 90 УК РФ, и итоговое решение стадии предварительного расследования принимается при участии суда, но на наш взгляд, говорить в этом случае об

отдельном виде окончании предварительного расследования нецелесообразно.

Таким образом, предварительное расследование, в зависимости от его формы, заканчивается либо обвинительным актом, либо обвинительным постановлением (для дознания), либо обвинительным заключением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для решения вопроса о применении принудительной меры медицинского характера (для предварительного следствия), и в обоих случаях возможно окончание в связи с принятием решения о прекращении уголовного дела, а также прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Сам момент окончания предварительного расследования в виде прекращения уголовного дела вопросов не вызывает. Как правило, после вынесения постановления, следователем процессуальные действия не производятся.

Иная ситуация возникает при окончании дознания обвинительным актом, после вынесения которого дознаватель выполняет ряд процессуальных действий – ознакомление обвиняемого и защитника с обвинительным актом и материалами уголовного дела, а также потерпевшего и его представителя в случае заявления ими ходатайства.

Производство процессуальных действий указывает на то, что в этом конкретном случае производство предварительного расследования еще не закончено. Далее ч. 4 ст. 225 УПК РФ указывает на необходимость утверждения обвинительного акта начальником органа дознания, что можно рассматривать как принятие решения, поскольку деятельность начальника органа дознания по утверждению обвинительного акта включает в себя изучение материалов уголовного дела, проверку законности собранных доказательств и обоснованность вынесения такого решения, по результатам чего он может как утвердить, так и не утвердить обвинительный акт.

Подобным образом регулируется окончание дознания в сокращенной форме (ст. 226.7 УПК РФ).

В такой ситуации, когда в теории уголовного процесса превалирует мнение, что стадия предварительного расследования заканчивается принятием итоговых решений, а согласно положениям УПК РФ после вынесении обвинительного акта, обвинительного постановления проводится ряд процессуальных действий, то возникает вопрос о моменте окончания дознания.

Обращаем внимание, что при направлении уголовного дела прокурору с обвинительным актом, обвинительным постановлением и обвинительным заключением, процессуальная деятельность продолжается. Положения гл. 31 УПК РФ «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением», ст. 226, 226.8 УПК РФ дают основания сделать вывод, что прокурор на данном этапе осуществляет процессуальную деятельность, которая ни в стадию предварительного расследования, ни в следующую за ней – подготовку к судебному разбирательству не входит.

В подтверждение этой позиции следует указать на появление новых возможностей для прокурора, указанных в ч. 2.1 ст. 221, ч. 2.1 ст. 226 УПК РФ.

Стадию уголовного процесса характеризует определенный круг участников, свои задачи. В этом случае возникает вопрос о необходимости выделения данного этапа судопроизводства в отдельную стадию. В частности, такого мнения придерживается представитель нижегородской процессуальной школы В. Т. Томин, который в рамках рассматриваемого вопроса предлагает перечень «стадий с изменениями, вызванными принятием УПК РФ:

1) возбуждение уголовного дела;

2) досудебное производство;

3) действия и решения прокурора по делу, поступившему к нему с обвинительным заключением»[1].

Таким образом, досудебное производство целесообразно представить в виде трех стадий: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование и действия и решения прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, либо с обвинительным актом, либо с обвинительным постановлением.

Рассматривая вопросы начала и окончания стадии предварительного расследования, необходимо обратить внимание на сроки данной стадии. Согласно ч. 2 ст. 162 УПК РФ в срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением и, как правило, составляет два месяца.

Часть 3 ст. 223 УПК РФ определяет, что дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела, таким обра-

---

[1] Уголовный процесс : проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М. : Юрайт, 2013. С. 80.

зом, момент окончания дознания в УПК РФ не определен и не связывается с каким-либо действием. Полагаем, что законодателю необходимо конкретизировать момент окончания дознания.

Вместе с тем, ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ определяет моменты начала и окончания дознания в сокращенной форме. Оно должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. В этот срок включается время со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением.

Подводя итог, можно сделать вывод, что при рассмотрении стадии предварительного расследования, необходимо четко определять ее начало, а именно – решение следователя (дознавателя) о принятии дела к своему производству; момент окончания должен быть обозначен и в уголовно-процессуальном законодательстве, и в теории уголовного процесса; а действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом, обвинительным постановлением, обвинительным заключением целесообразно выделить в отдельную стадию уголовного процесса.

Константинов К. В.[1]**,**
старший преподаватель кафедры
конституционного права и теории права
Юридического института
Иркутского государственного университета

НОРМАТИВНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В НОРМАХ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе представляет собой начальную стадию, на которой полномочные органы государства или должностные лица, получив сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, устанавливают наличие или отсутствие оснований для производства по уголовному делу и принимают решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

В свете сказанного чрезвычайную актуальность имеет проблема нормативного выражения права на доступ к правосудию в положениях уголовно-процессуального закона, которые регулируют начальную стадию уголовного процесса.

Порядок производства на стадии возбуждения уголовного дела установлен в ст.ст. 140–149 УПК РФ. В этих нормах предусмотрена система поводов и основание для возбуждения уголовного дела, требования, предъявляемые к заявлению о преступлении, явке с повинной, рапорту об обнаружении признаков преступления, порядок рассмотрения сообщения о преступлении, порядок возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела.

Отметим, что существенным фактором, нередко блокирующим доступ к правосудию, является нарушение существующего нормативного и организационно определенного порядка приема, регистрации и учета сообщений о преступлении. Поскольку УПК РФ не предусматривает порядок этих действий, то в разных правоохранительных органах, в компетенции которых входит их осуществление, приняты и действуют ведомственные нормативные акты. Так, к примеру, в органах внутренних дел в настоящее время действует приказ МВД России от 29 августа 2014 г. (в последующих редакциях) № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в

[1] © Константинов К. В., 2020.

территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях».

В Книге учета сообщений о происшествиях отражается следующая информация: дата и время поступления сообщения; фамилия, имя, отчество, должность и звание сотрудника, получившего сообщение; фамилия, имя, отчество, а также иные фактические данные заявителя; форма сообщения о происшествии; его краткое содержание; руководитель органа внутренних дел (прокурор), которому было доложено о происшествии; состав следственно-оперативной группы и время выезда на место происшествия; перечень изъятых с места происшествия предметов и документов; данные должностного лица, которому поручена проверка сообщения, его подпись, дата и время получения; срок, в который рассмотрены материалы (количество дней, данные должностного лица, продлившего срок проверки); результаты рассмотрения сообщения (номер уголовного дела и дата его возбуждения либо номер «отказного материала» и дата принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела и др.).

При регистрации сообщений о преступлениях на документе, зарегистрированном в КУСП, проставляется штамп о регистрации. После этого оперативный дежурный оформляет талон-уведомление и выдает его заявителю. Выдача талона-уведомления позволяет обеспечить возможность осуществления контроля за соблюдением требований о полноте регистрации заявлений о преступлениях, принятых от заявителя при его личном обращении в органы внутренних дел. Кроме того, талон-уведомление нередко используется заявителем при обжаловании действий и решений должностных лиц в случае, когда нарушаются сроки рассмотрения и принятия решения по заявлению.

Значение положения о выдаче заявителю документа о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия (талона-уведомления) сложно переоценить. Оно отсутствовало в УПК РСФСР, что, создавало благоприятную обстановку для укрывательства преступлений уполномоченными должностными лицами[1].

---

[1] Ольков С. Г. Уголовно-процессуальные правонарушения. Тюмень, ВШ МВД РФ, 1996. С. 127; Колдин С. В. Защита прав и законных интересов потерпевшего по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 93.

Очевидно, что регламентация в ведомственной Инструкции порядка приема, регистрации и учета сообщений о преступлении должна быть логичной, четкой и выполненной строго в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Одним их актуальных проблемных аспектов в рамках рассматриваемой темы является вопрос об участии заявителя в стадии возбуждения уголовного дела. По изученным нами уголовным делам в 58% случаях поводом для возбуждения уголовного дела было именно заявление о преступлении.

В ст. 141 УПК РФ определено, что заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде. Письменное заявление о преступлении должно быть подписано заявителем. Устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. Протокол должен содержать данные о заявителе, а также документах, удостоверяющих личность заявителя. В случае если заявитель не может лично присутствовать при составлении протокола, его заявление оформляется в порядке, установленном ст. 143 УПК РФ. Заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя.

Как представляется, ст. 141 УПК РФ достаточно четко устанавливает, требования, предъявляемые к заявлению о преступлении.

Однако укажем на некоторые проблемы, которые имеют место в связи с отдельными аспектами, не урегулированными в уголовно-процессуальном законе.

Прежде всего, отметим, что заявитель о преступлении имеет ряд процессуальных прав, что вытекает из анализа ст.ст. 141, 144, 146–148 УПК РФ.

Однако вызывает недоумение, почему законодатель не предусмотрел заявителя в качестве участника уголовного судопроизводства в главе II УПК РФ, ведь тем самым этот участник не обладает соответствующим и самостоятельным процессуальным положением, хотя как мы указали выше, имеет отдельные процессуальные права.

Кроме того, отметим, что в современный период наибольшей проблемой продолжает оставаться ситуация, которая нередко возникает в практике, когда по заявлению о преступлении принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, однако в дальнейшем вы-

ясняется, что такое решение не является законным. В этом случае нарушается доступ лица к правосудию.

Так, в ходе изучения уголовных дел было установлено, что в 47 % из них имелись постановления об отмене постановления об отказе возбуждения уголовного дела. Из них в различных сочетаниях прокурорами в качестве оснований для отмены указывались: нарушение требований законодательства (91 %); неполнота проверки сообщения о преступлении (74 %); отсутствие мотивировки решения (69 %).

С одной стороны, такая ситуация урегулирована законом, и в ст. 148 УПК РФ предусмотрен порядок отказа в возбуждении уголовного дела. Этот порядок в целом заключается в том, что при отсутствии основания для возбуждения уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Копия этого постановления в течение 24 ч. с момента вынесения направляется заявителю и прокурору. При этом заявителю разъясняется его право обжаловать данное постановление и порядок обжалования. Отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован прокурору, руководителю следственного органа или в суд в порядке, установленном ст. 124 и 125 УПК РФ.

Несмотря на имеющиеся в законе указанные положения, в практике его применения нередко возникают ситуации, когда затрудняется доступ личности к правосудию.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова в своих ежегодных докладах постоянно обращает внимание на такие факты.

Так, представляя Президенту Российской Федерации 10 июня 2019 г. ежегодный доклад, Т. Н. Москалькова отметила, что «значительное количество жалоб граждан, направляемых ей, связано с тем, что потерпевшие не могут добиться возбуждения уголовного дела. Есть случаи, когда на протяжении многих лет (два года, пять лет) проверяются обстоятельства по заявлению, отказывается в возбуждении уголовного дела, прокурор отменяет эти постановления. Тем не менее, следователь выполняет эти рекомендации, и когда возбуждается уголовное дело, доказательственная база оказывается потерянной. Если уголовное дело не возбуждается, потерпевший не может рассчитывать на сатисфакцию, возмещение вреда, поиск преступни-

ков, и это нарушает его конституционное право на доступ к правосудию»[1].

Также омбудсмен обратила внимание на достаточно распространенную практику «бездействия» дознавателей, следователей после отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, когда дополнительные проверочные действия не проводятся, а вновь вынесенные постановления фактически дублируют предыдущее. Изученные нами материалы уголовных дел подтверждают данную практику. Так, в 77 % дел повторное постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела выносилось по тем же основаниям и было идентично первому.

Так, к уполномоченному по правам человека в Российской Федерации обратился Б. с жалобой на бездействие следственных органов по его заявлению о совершенном преступлении. Заявитель указал, что в результате неоказания надлежащих медицинских услуг его недееспособному сыну-инвалиду во время лечения в ГКБ № 31 ДЗ г. Москвы последний скончался. По указанному факту заявитель обращался в Никулинский межрайонный следственный отдел, однако по результатам процессуальных проверок, следователем пять раз выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые после отмены надзирающим прокурором и проведения дополнительной проверки дублировали друг друга. После обращения Уполномоченного в Никулинскую межрайонную прокуратуру г. Москвы очередное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено как незаконное, а по результатам дополнительной проверки по факту смерти Б. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ[2].

В ходе опроса практических работников нами выяснялся вопрос, всегда ли при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела ими направляется уведомление заявителю. Большинство из них (82 %), ответили положительно. Однако при этом указали, что разъясняют право на обжалование данного постановления только путем указания о таком праве в самом уведомлении. И никто из опрошенных не уточнял у заявителей о факте получения ими уведомления о принятом решении.

---

[1] Российская газета. 2019. № 7883.

[2] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. // Российская газета. 2018. № 7544.

В связи с обозначенными проблемами, следует, по нашему мнению, дать однозначную оценку порядку производства процессуальных действий на рассматриваемой досудебной стадии уголовного процесса, поскольку уже очевидно, что существуют проблемы четкого нормативного выражения права на доступ к правосудию в соответствующих нормах главы VII УПК РФ, которая требует своего дальнейшего совершенствования.

Костина Л. Н.[1],
начальник кафедры психологии
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук, доцент

РОЛЬ ПСИХОЛОГА В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМ РАЗВИТИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

По результатам проведенного исследования сотрудники подразделений предварительного следствия МВД России подвержены возрастным и профессиональным кризисам, что вызвано их индивидуально-психологическими особенностями[2]. В качестве проявлений таких кризисов можно отметить нервно-психическую неустойчивость, дезадаптацию в стрессе. С этим связана актуальность обращения внимания на вопросы о роли психолога в профессионально-личностном развитии следователя

Поэтому в нормативных правовых документах, регламентирующих деятельность психологов органов внутренних дел, отмечается необходимость проведения мероприятий «… психологической работы, направленных на выявление сотрудников, находящихся в кризисном состоянии, психологическую коррекцию с сотрудниками, имеющими признаки нарушений психической адаптации или переутомления …»[3], а также всестороннее развитие личности сотрудников, в том числе навыков самообразования и саморазвития[4].

Подчеркнем и особую роль психолога органов внутренних дел МВД России – выступать в качестве проводника научных психологи-

---

[1] © Костина Л. Н., 2020.

[2] Костина Л. Н., Воронина А. С. Особенности психологической работы по профессионально-личностному развитию сотрудников предварительного следствия МВД России // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4 (18). С. 194.

[3] Приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации». П. 5.7, 5.8.

[4] Приказ МВД России от 10 августа 2012 г. № 777 «Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации». П. 9.3.

ческих знаний о работе с людьми: «…расширение знаний и понимание психологических характеристик поведения и деятельности людей; вооружение навыками психологической саморегуляции, самоуправления поведением; психологически эффективное общение с людьми при включенности в юридически значимые отношения; психологическое воздействие на конкретных людей и группы при решении оперативно-служебных задач и эффективная психологическая защита от негативных влияний»[1].

В рамках научного исследования также было выявлено, что в качестве психологических условий профессионально-личностного развития сотрудников подразделений предварительного следствия МВД России выступают: собственно-психологические условия в виде стажа (опыта работы), общих профессионально важных качеств и гендерно-специфических качеств, а также индивидуально-психологических особенностей личности; социально-психологические условия, связанные со статусом сотрудников в служебном коллективе; организационно-психологические условия в зависимости от стиля руководства.

Учитывая результаты исследования, была разработана модель психологических условий профессионально-личностного развития сотрудников подразделений предварительного следствия МВД России. Согласно этой теоретической модели психолог наряду с руководителем подразделения выполняет организующую роль, осуществляет мероприятия психологической работы, применяет комплекс методов в случае необходимости (или по запросу), оказывая помощь (сотруднику, руководителю или служебному коллективу) в обеспечении динамики/активизации профессионально-личностного развития сотрудника подразделений предварительного следствия. Создаваемые руководителем и психологом социально-психологические условия в виде благоприятного морально-психологического климата в служебном коллективе сотрудников подразделений предварительного следствия направлены на профессионально-личностное развитие следователя. Это достигается за счет обмена и обогащения профессиональным опытом в сплоченном служебном коллективе, а также поддерж-

[1] Трубочкин В. П. Психологическая культура в органах внутренних дел: проблема и концепция // Психология в управлении, политике и праве. М., 2003. С. 72–75.

ки следователей со стороны коллег в стремлении к дальнейшему профессионально-личностному развитию.

Условно психологическую работу можно представить в виде следующих направлений.

1. Работа психолога со следователем. Психолог осуществляет диагностику профессионально важных качеств следователя, психологическое консультирование сотрудников, проведение занятий в системе морально-психологической подготовки сотрудников, направленной на развитие профессионально важных психологических качеств. Данное направление включает применение психологического тренинга, где логически и последовательно необходимо использовать деловые игры и упражнения, направленные на осознание сотрудником себя как профессионала (общих и гендерно-специфических профессионально важных качеств и индивидуально-психологических особенностей) и необходимости дальнейшего развития в профессиональной деятельности, а также повышение профессионально-психологической устойчивости. Кроме того, целесообразно включение комплекса тренировочных упражнений и практических заданий, направленных на расширение психологической культуры и грамотное применение психологических технологий в расследовании уголовных дел.

2. Работа психолога со служебным коллективом. Психолог осуществляет просветительскую работу со служебным коллективом через проведение лекционных занятий, тренингов, деловых игр на занятиях по морально-психологической подготовке. Организует и проводит социально-психологические тренинги, социально-психологические обследования для формирования в служебных коллективах благоприятного психологического климата, а также разрабатывает предложения по их комплектованию с учетом индивидуально-психологических характеристик сотрудников.

3. Работа психолога с руководителем заключается в повышении его психолого-педагогической компетентности, совершенствовании стиля управления. Необходима также психологическая работа с руководителями подразделения по поддержанию и стимулированию процесса профессионально-личностного развития и саморазвития следователей через: создание в служебном коллективе комфортных условий для профессионально-личностного развития сотрудников, поддержку и оказание помощи сотрудникам в затруднительных ситуациях, обмен и обогащение профессиональным опытом, принятие и реализацию решений о повышении квалификации и др.

Таким образом, роль психолога заключается в том, что он «запускает» механизм профессионально-личностного развития следователя, оказывая целенаправленное воздействие на следователя, руководителя и служебный коллектив. В случае необходимости (возрастной или профессиональный кризисы, стресс, профессиональная деформация личности следователя и пр.) психолог оказывает индивидуальную помощь, корректирует и активизирует комплекс условий профессионально-личностного развития следователя. Процесс профессионально-личностного развития следователя является целенаправленным и комплексным, требующим проявления профессионализма со стороны психолога и руководителя, а также создания специальных комфортных ситуаций в служебном коллективе для активизации этого развития.

Маламагамедова А. Р.[1]**,**
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ УЧАСТИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

По данным статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2019 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 34,9 тыс. преступлений[2].

Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства в 2019 г. выросло на 6,3 % и составило 16,8 тыс. преступлений.

Помимо этого, можно отметить достаточно большое количество преступлений, которые так или иначе связаны с иностранными гражданами. Так, за 2019 г. зарегистрировано 963 факта организации незаконной миграции, 7443 факта фиктивной регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении, а также 43035 таких преступлений, как фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации[3].

Такие статистические данные свидетельствуют о необходимости уделить внимание уголовному судопроизводству, производимому в отношении иностранных граждан.

Современное уголовно-процессуальное законодательство не содержит отдельных норм, определяющих процессуальный статус иностранных граждан. Данный факт, в первую очередь, обусловлен принципом всеобщего равенства перед законом и судом, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к ре-

---

[1] © Маламагомедова А. Р., 2020.

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. [электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф.

[3] Там же.

лигии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ст. 19 УПК РФ).

В соответствии со ст. 3 УПК РФ, производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства на территории Российской Федерации, ведется в соответствии с УПК РФ. При этом участие иностранного гражданина в уголовном процессе требует соблюдения особых требований. В частности, многие иностранные граждане, участвующие в уголовном судопроизводстве, не владеют или владеют в недостаточной степени русским языком, в связи с чем по уголовному делу назначается переводчик.

Как правило, участие переводчика в ходе осуществления предварительного расследования по уголовному делу не вызывает сложностей у правоприменителей. Однако возможность его участия на этапе проверки сообщения о преступлении порождает ряд вопросов допустимости и даже целесообразности участия переводчика.

Так, например, Р. Д. Рахунов писал, что «естественно, что в стадии возбуждения уголовного дела переводчик не требуется. Если необходим перевод материалов перед решением вопроса о возбуждении дела, то деятельность переводчика не будет процессуальной»[1]. С данным мнением сложно согласиться, так как в отсутствие переводчика, при получении объяснения или производстве следственного действия (например, осмотра места происшествия), с участием лица, не владеющего русским языком, невозможно получить качественные доказательства, содержащие достоверные сведения.

Надлежащее получение и закрепление информации при рассмотрении сообщения о преступлении, имеет важное значение, так как эти данные не только являются основой для принятия решения о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела, но и впоследствие могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ допускает возможность использования сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, в качестве доказательств, при условии соблюдения требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законом к доказательствам. При участии в данных процессуальных действиях лица, не владеющего русским языком, без переводчика, получить доказательства, отвечающие

[1] Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С. 269.

требованиям относимости, допустимости и достоверности вряд ли возможно.

Е. А. Обидин справедливо отмечает, что при участии в проверочных действиях лиц, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, из-за языкового барьера ими не всегда может быть правильно оценено поведение должностных лиц, осуществляющих проверку, смысл и законность принятых решений. В свою очередь дознаватель или следователь могут неверно воспринять информацию, передаваемую такими лицами[1].

В юридической литературе встречается мнение, что толкования уголовно-процессуальных норм, регламентирующих участие переводчика в уголовном процессе, свидетельствует о том, что данное участие возможно лишь после возбуждения уголовного дела[2]. В связи с этим, необходимо проанализировать статьи УПК РФ.

Ст. 59 УПК РФ определяет переводчика как лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных УПК РФ, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве осуществляется на основании постановления дознавателя, следователя или судьи, а также определения суда.

Таким образом, ст. 59 УПК РФ допускает участие переводчика в уголовном судопроизводстве по постановлению следователя, при этом, п. 56 ст. 5 УПК РФ гласит, что уголовное судопроизводство – это досудебное и судебное производство по уголовному делу, а п. 9 данной статьи определяет досудебное производство по уголовному делу, как уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу.

Таким образом, формальное толкование рассматриваемых уголовно-процессуальных норм, позволяет сделать вывод, что УПК РФ допускает участие переводчика на стадии возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении.

---

[1] Обидин Е. А. Проблемные вопросы допуска переводчика к участию в деле // Инновации в государстве и праве России: материалы международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2008. С. 652.

[2] Обидина Л. Б. Участие переводчика в проверке сообщения о преступлении // Юридическая наука практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. С. 153.

Однако, ст. 18 УПК РФ, раскрывающая один из основополагающих принципов уголовного процесса, гласит, что участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном УПК РФ.

Таким образом, данная норма, предусматривает право лиц, воспользоваться услугами переводчика, только при производстве по уголовному делу. При этом ничего не говорится об этапе проверки сообщения о преступлении. По нашему мнению, это обстоятельство является определенным законодательным пробелом, который требует устранения. Данная уголовно-процессуальная норма является одним из принципов уголовного процесса, ему должны соответствовать иные уголовно-процессуальные нормы, а фактически мы усматриваем противоречие при их толковании, чего быть не должно.

В. Н. Бибило справедливо отмечал, что процессуальные начала, являются общими для всех стадий судопроизводства и находят на каждой из стадий свое специфическое выражение[1].

В то же время А. В. Гриненко, размышляя о проявлении принципов на стадии возбуждения уголовного дела, писал, что это в первую очередь определяется задачами, стоящими перед стадией, и характером процессуальной деятельности следователя по их выполнению[2].

При изучении практических материалов следственных подразделений ГУ МВД по Московской области в нескольких уголовных делах была выявлена одна типичная ситуация: при получении оперуполномоченным объяснения у лица, подозреваемого в совершении преступления и являющегося иностранным гражданином, переводчик не участвовал. При этом показания лица были изложены в высокохудожественном стиле и изобиловали юридической терминологией. Впоследствии же следователем было установлено, что данный граж-

---

[1] Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск : «Университетское», 1986. С. 46.

[2] Гриненко А. В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях : дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 205.

данин не владеет в достаточной степени русским языком, не может свободно говорить, читать и писать на русском языке, в связи с чем следователем было принято решение о назначении переводчика. Данный вывод следователя поставил под сомнение достоверность сведений, изложенных в объяснении. В данной ситуации материалы доследственной проверки, полученные с участием иностранного гражданина, не смогут быть использованы в качестве доказательств.

На вопрос, обращенный к сотрудникам следственных и оперативных подразделений, по какой причине они не привлекают переводчиков в рамках проверки сообщения о преступлении, многие пояснили, что квалифицированные специалисты, которые предоставляются организацией, с которой у МВД России заключен договор, отказываются являться до того, как уголовное дело будет возбуждено, так как получают оплату за перевод только в рамках возбужденного уголовного дела.

Н. А. Жукова и В. И. Кононцов также отмечали, что изучение практики выявляет здесь большое число нарушений. На данной стадии процесса они наиболее характерны для органов дознания, работники которых нередко получают объяснения от граждан иностранных государств без помощи переводчика, хотя иностранец нуждается в такой помощи. Подобные нарушения становятся особенно очевидными, когда в деле, где содержатся объяснения иностранца, полученные без переводчика, впоследствии появляются протоколы допроса того же лица, произведенные с помощью переводчика, привлеченного к участию в деле по ходатайству иностранца[1].

А. В. Гриненко, размышляя о природе принципов уголовного процесса и их реализации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, выявляет еще одну проблему, возникающую до возбуждения уголовного дела. Данная проблема связана с процедурой подачи заявления лицом, не владеющим русским языком. А. В. Гриненко отмечает важность процессуального закрепления механизма обеспечения права пользования родным языком при подаче заявлений о совершенном или готовящемся преступлении, а также отмечает практическую необходимость наличия в дежурных частях перечня прав заяви-

[1] Жукова Н. А., Кононцов В. И. Особенности возбуждения уголовных дел с участием иностранцев // Проблемы правоохранительной деятельности. 2011. С. 8.

телей, переведенных на наиболее распространенные иностранные или часто встречающиеся в определенной местности языки[1].

Л. Д. Обидина также обращает внимание на данное обстоятельство, отмечая, что если исходить из совокупности конституционных прав человека и гражданина в Российской Федерации, то заявитель имеет первоочередное право подать заявление о преступлении на родном языке либо на ином выбранном им языке общения (ст. 26 Конституции Российской Федерации), имеет право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ст. 24 Конституции Российской Федерации), а в ст. 62 Основного закона говорится, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в России правами наравне с гражданами России[2].

По нашему мнению, необходимо внесение изменений в российский уголовно-процессуальный закон, в частности в ст. 18, 141 и 144 УПК РФ, с целью закрепления процессуальной возможности подачи заявления лицом на языке, которым он владеет, а также с тем, чтобы обеспечить возможность участия переводчика на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и при проверке сообщения о преступлении.

---

[1] Гриненко А. В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 206.

[2] Обидина Л. Б. Участие переводчика в проверке сообщения о преступлении // Юридическая наука практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. С. 153.

Мартынов А. М.[1]**,**
следователь 5 отдела следственной части
Следственного управления УВД по ЦАО
ГУ МВД России по г. Москве

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ВРЕДА КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ УСЛОВИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Практически любое преступление наносит физический, моральный, имущественный вред, а также вред деловой репутации физическому или юридическому лицу. Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел, наряду с установлением всех обстоятельств совершенного преступления и расследования уголовного дела, является возмещение вреда, причиненного преступлением. Об этом свидетельствуют и позиции относительно данного вопроса, содержащиеся в нормах как международно-правовых актах, так и обозначенные в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Так, согласно содержанию ст. 4 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН, жертвы преступлений имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством[2].

Охрана прав потерпевших от преступлений, обеспечение им доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба гарантируется положениями ст. 46 и 52 Конституции Российской Федерации.

УПК РФ в ст. 6 в качестве первоочередного назначения уголовного судопроизводства определяет защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, что само собой подразумевает возмещение ущерба, причиненного преступлением.

---

[1] © Мартынов А. М., 2020.

[2] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).

Все это делает возмещение вреда, причиненного преступлением, важнейшим показателем, подтверждающим эффективность работы органов предварительного расследования. Несмотря на это, меры по восстановлению нарушенных конституционных прав, принимаемые органами предварительного следствия в системе МВД России, недостаточно эффективны. Об этом свидетельствуют показатели доли возмещенного ущерба по оконченным делам, который в 2018 г. хотя и вырос с 13,7% до 27,9%, но, несмотря на это остается значительно ниже, предусмотренного государственной программой Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», значение которого установлено в 40,1%[1].

На необходимость активизировать работу по возмещению вреда, причиненного преступлениями, повысить результативность досудебной деятельности, направленной на установление местонахождения, изъятие и возвращение потерпевшим похищенного имущества, расширить практику обнаружения и взыскания активов, находящихся за рубежом, с целью наложения ареста для обеспечения гражданского иска, указал и начальник Следственного департамента МВД России Александр Романов на подведении итогов работы органов предварительного следствия МВД России за первое полугодие 2018 г.[2]

Установлено, что основную долю возмещенного вреда в ходе производства предварительного расследования составляют денежные средства и имущество, которые подозреваемые и обвиняемые добровольно возместили. Так, сумма добровольно возмещенного вреда возросла в 2,3 раза (с 6,9 млрд руб. до 15,6 млрд руб.), в том числе по хищениям – в 1,5 раза (с 5,8 млрд руб. до 8,4 млрд руб.), по другим преступлениям – в 7,7 раза (с 903,9 млн руб. до 6,9 млрд руб.)[3].

---

[1] Письмо Следственного департамента МВД России о направлении обзора «О состоянии работы органов предварительного следствия в системе МВД России по возмещению ущерба, причиненного преступлениями». Исх. № 38/3960 от 05.03.2019.

[2] Александр Романов подвел итоги работы органов предварительного следствия МВД России в первом полугодии 2018 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации [официальный сайт] URL: https://мвд.рф. (дата обращения: 27.07.2019).

[3] Обзор Следственного департамента МВД России «О положительном опыте организации работы следственных подразделений МВД России по возмещению ущерба, причиненного преступлениями против собственности, в том числе «прошлых лет». Исх. : № 1/4321 от 4 февраля 2019 г.

Исходя из анализа практики прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с добровольным возмещением вреда, причиненного преступлением, можно сделать вывод, что добровольное возмещение причиненного преступлением вреда является неотъемлемым условием прекращения уголовного дела (уголовного преследования) при производстве предварительного расследования.

Развитие института возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями, должно быть связано с добровольными началами компенсационного характера, которые являются приоритетными направлениями в правоотношениях между должностным лицом, осуществляющим уголовное преследование, и причинившим вред.

Возможность возмещения вреда в уголовном процессе – важное средство защиты лиц, потерпевших от преступных посягательств. Это дополнительная, причем весьма ощутимая материально, гарантия обеспечения прав лиц, потерпевших от преступлений. Следует отметить, что потерпевшему и гражданскому истцу предоставляется возможность для защиты своих имущественных прав не только в суде, но и на предварительном следствии, чем обеспечивается наиболее быстрое восстановление нарушенных прав от преступных действий.

При этом, кроме перечисленных уголовно-процессуальным законом способов возмещения причиненного преступлением вреда, в судебно-следственной практике реализуется еще один – добровольное возмещение вреда. В правоприменительной практике добровольное возмещение вреда выражается в компенсации потерпевшему или его близким причиненных материальных потерь в денежной или иной форме либо непосредственно причинителем вреда, либо лицами, несущими по закону материальную ответственность за его действия.

Однако уголовно-процессуальная основа данной формы возмещения вреда в настоящее время отсутствует, что зачастую ставит правоприменителя в сложное положение и порождает неоднозначное толкование норм уголовно-процессуального закона. Между тем, применительно к освобождению от уголовной ответственности, например, в связи с примирением с потерпевшим Пленум Верховного Суда Российской Федерации[1] пояснил, что возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2013. 5 июля.

(ст.ст. 75–76.1 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия или одобрения) другими лицами, если само лицо не имеет реальной возможности для выполнения этих действий (например, в связи с заключением под стражу, отсутствием у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества). В случае совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 199 и 199.1 УК РФ, возмещение ущерба допускается и организацией, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с которой вменяется лицу (примечание 2 к ст. 199 УК РФ).

Полагаем, что заложенная Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в данные разъяснения идея должна использоваться и при толковании формулировки ст. 76.2 УК РФ. Как минимум при указанных в данном Постановлении обстоятельствах возместить ущерб или иным образом загладить причиненный преступлением вред может не только сам подозреваемый, обвиняемый, но и за него иное лицо.

Главное, чтобы это произошло добровольно, правомерно, по инициативе (с согласия) подозреваемого, обвиняемого. Обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, загладить вред в будущем вне зависимости от наличия у него объективной возможности для их выполнения не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности.

В настоящее время одной из проблем добровольного возмещения причиненного преступлением вреда является отказ потерпевшего от принятия какого-либо из его видов, поскольку он считает, что в данном случае лицо, причинившее вред преступлением, подкупает его, в связи с чем сможет избежать уголовной ответственности и наказания. Но следует принять во внимание, что данная форма возмещения вреда с уголовно-правовой точки зрения является лишь обстоятельством, смягчающим ответственность обвиняемого. И вместе с тем компенсирует убытки, понесенные потерпевшим от преступления.

В связи с изложенным, считаем, что потерпевшие не должны занимать принципиальную позицию, отказываясь от возмещения им вреда подозреваемым, обвиняемым в добровольном порядке, поскольку с юридической точки зрения обстоятельства добровольного возмещения вреда не могут являться ничем иным, кроме как заглаживанием вины подозреваемым, обвиняемым перед потерпевшим и не несет за собой никаких наказуемо-правовых последствий для потерпевшего.

Маслов Н. В.[1]**,**
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД В ПРИМЕНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

В настоящее время в законодательстве не определено понятие «специальные знания». Традиционно в юриспруденции понимается система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной отрасли знания, техники, искусства, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского процесса. Обычно к специальным не относят общеизвестные, а также юридические знания.

Специальные знания могут использоваться как в процессуальной форме, для применения в качестве доказательств, так и в непроцессуальной форме.

При использовании специальных знаний в процессуальной форме основной формой процессуального использования специальных знаний является судебная экспертиза. По заданию следователя, дознавателя, суда проводится судебная экспертиза, сущность которой состоит в анализе экспертом предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы: вещественных доказательств, и/или различных документов в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения вопроса по конкретному делу. По результатам исследования экспертом составляется заключение, являющееся согласно действующему законодательству одним из предусмотренных законом источников доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нем, признаются доказательствами.

Основным носителем специальных знаний, согласно УПК РФ (ст. 57), является эксперт. Также законодательство предусматривает и другой вид процессуального применения специальных знаний – привлечение специалиста к производству следственных и судебных действий (ст. 58, 168 УПК РФ), где специалист использует специаль-

---

[1] © Маслов Н. В., 2020.

ные знания и навыки для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств обнаружения и фиксации, и также оказывает помощь в постановке вопросов эксперту и дает разъяснения сторонам и суду по вопросам, входящим в дистанцию его профессиональной компетенции.

Сведения о фактических данных, установленных специалистом, и его разъяснения по данным фактам фиксируются в процессуальной форме, путем отражения показаний в протоколе следственного или судебного действия, и поэтому участие специалиста в следственных и судебных действиях является процессуальной формой применения специальных знаний.

Органы предварительного расследования, суд, обладая специальными знаниями и соответствующими научно-техническими средствами, для разрешения вопросов могут обойтись без помощи специалиста.

В УПК РФ указываются следующие случаи обязательного участия специалиста в процессуальных действиях:

1) участие педагога в допросе потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет (ч. 1 ст. 191), а по усмотрению следователя и при допросе потерпевших или свидетелей в возрасте от 14 до 18 лет (ч. 1 ст. 191);

2) участие судебного медика, а при невозможности его участия, необходимо участие иного специалиста в наружном осмотре трупа (ст. 178);

3) участие врача в освидетельствовании в необходимых случаях (ч. 4 ст. 179, ч. 2 ст. 290).

Необходимо отметить, что судебная экспертиза назначается независимо от того, обладают ли следователь, дознаватель, судья специальными знаниями в той или иной отрасли, поскольку фактические данные получены путем экспертного исследования и не могут быть отражены ни в каком-либо процессуальном документе, кроме заключения эксперта.

Вместе с тем, существует и непроцессуальная форма применения специальных знаний, например, справочная и консультационная деятельность специалиста до начала производства по делу. В этой форме применения специальных знаний специалист может оказывать помощь следователю, суду в подготовке для проведения следственных действий и материалов для экспертизы. К непроцессуальным формам применения специальных знаний возможно отнести и дачу специали-

стами консультаций адвокатам, так как, согласно п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

При осуществлении оперативно-разыскной деятельности органом дознания возможно участие специалиста в оперативно-разыскных мероприятиях (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») в качестве специалиста, обладающего научно-техническими средствами и специальными знаниями. Специалист может привлекаться к проведению исследования объектов, представляющих криминалистический интерес по поручению оперативного работника (п.п. 1.3.1; 3.2 «Наставления по работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел»), и привлечение специалиста к проведению аудиторских и ревизионных проверок.

Мозговая Д. А.[1],
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАКТИКИ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Порядок получения образцов для сравнительного исследования, его процессуальное оформление, обязанность по неприменению методов, опасных для жизни и здоровья или унижающих честь и достоинство человека, предусмотрены ст. 202 УПК РФ. Что касается процессуальной регламентации рассматриваемой нормы, то до настоящего времени ведется полемика по нескольким принципиально важным вопросам: во-первых, относить ли получение образцов для сравнительного исследования однозначно к следственному или процессуальному действию[2]; во-вторых, можно ли образцам, полученным при проведении оперативно-разыскного мероприятия и образцам, полученным процессуальным путем придавать одинаковый статус[3]; в-третьих, допустимость применения принудительных мер при получении образцов для сравнительного исследования[4].

Не меньшее количество вопросов возникает при получении образцов для сравнительного исследования и в тактическом аспекте. Как известно, ко всем образцам предъявляются следующие требования:

1. Образцы должны быть получены надлежащим лицом и в соответствии со специальными правилами.

---

[1] © Мозговая Д. А., 2020.

[2] Стельмах В. Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 78–85; Киян Ю. В. Следственное действие: понятие и система // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3 (92). С. 162.

[3] Саньков В. И. Изъятие образцов для сравнительного исследования – проблемные вопросы и возможные пути их решения // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сборник материалов международной научно-практической конференции, 2018. С. 325

[4] Арутюнов А. С. Некоторые проблемные вопросы получения образцов для сравнительного исследования // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 94–95.

2. Они должны быть достаточного количества и надлежащего качества.

3. Образцы должны быть сопоставимыми, т. е. максимально соответствовать исследуемому объекту по механизму их образования, цвету и другим признакам;

4. Несомненность их происхождения от конкретного объекта (проверяемых лиц).

Первый вопрос, который закономерно возникает: «Может ли следователь (дознаватель) поручить получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ) оперативному сотруднику»? Полагаем, что в тактическом плане это допустимо лишь в крайних случаях. В своем большинстве роль оперативного сотрудника может сводиться к обеспечению безопасности участников и предотвращению побега подозреваемого, обвиняемого. Сама же процедура получения и процессуальное оформление с описанием в протоколе должна проводиться следователем лично. Это позволят удостовериться в несомненности происхождения образцов, сразу же оценить их качество и сопоставимость с исследуемыми объектами. Кроме этого, следователь имеет возможность оценить поведение лица на всех этапах получения образцов, а также предупредить возможный отказ от их предоставления.

Соблюдение следователем (дознавателем) требования сопоставимости образцов исследуемому объекту представляет еще один важный вопрос. Получение сопоставимых образцов связано с владением информацией о механизме образования исследуемых объектов, следовательно, данному процессуальному действию должна предшествовать консультация специалиста при невозможности его участия непосредственно в ходе его проведения.

На практике следователи (дознаватели) чаще всего сталкиваются с трудностями при получении сопоставимых образцов почерка и речи. Можно выделить следующие распространенные ошибки:

1. Образцы отбираются вне зависимости от содержательной стороны письменной или речевой информации.

2. В протоколе не находят отражения сведения об условиях выполнения образцов.

3. Не соблюдаются рекомендации относительно количества образцов, например, встречаются уголовные дела, где экспериментальные образцы выполнены на двух, трех листах бумаги формата А4, на каждом из которых размещалось более 30 подписей.

Вышеперечисленные факторы закономерно негативно влияют на результаты экспертных исследований. Проведенный опрос показал, что 71% (78 следователей и дознавателей) среди недостатков, выявленных в процессе оценки заключений экспертов, указали на их вероятные выводы и 11 % респондентов отметили отказ эксперта от решения поставленных вопросов. Причиной этого являлись не только малая информативность признаков в исследуемых объектах, но и недостаточное количество или неудовлетворительное качество сравнительных образцов.

Изменить сложившуюся ситуацию, связанную с получением ненадлежащих образцов, на наш взгляд, возможно. Одной из мер может являться присутствие следователя (дознавателя) при производстве экспертизы (ст. 197 УПК РФ). Это позволило бы не только наглядно убедиться в правильности применяемых методов исследования, но и объективно оценить качество и полноту представленного на исследование материала, установить причины формулирования вероятных выводов. Справедливости ради, необходимо отметить, что на практике данная норма уголовно-процессуального законодательства не реализуется.

В заключение отметим, что тема получения образцов для сравнительного исследования как в процессуальном, так и криминалистическом аспектах содержит ряд важных дискуссионных вопросов. Одной из главенствующих задач с тактической точки зрения является обеспечение участия специалиста в каждом случае получения образцов для сравнительного исследования.

Попенков А. В.[1],
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

УЧАСТИЕ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО НА ЗАЩИТУ

Обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых является важным элементом правовой системы любого государства, в том числе и Российской Федерации. При этом не имеет значения, нуждается ли в такой защите гражданин или иностранец. Любому человеку уголовно-процессуальное законодательство гарантирует соблюдение его прав, включая право пользоваться услугами переводчика при незнании русского языка.

Согласно ч. 2 ст. 18 УПК РФ участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном кодексом.

Необходимость данной процессуальной нормы подтверждается статистическими данными, представленными ФКУ «ГИАЦ» МВД России, согласно которым увеличилось число преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории России.

Согласно статистике, количество преступлений в 2009 г. приравнивалось 58 тыс. В 2012 г. количество преступлений уменьшилось до 42,7 тыс., с 2013 г. наблюдался рост и к 2015 г. количество неправомерных действий приравнивалось к 48,2 тыс. С 2016 г., число преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России, снизился на 20%, опустившись в 2018 г. до 38,6 тыс.

Большая часть преступлений такого рода совершается гражданами стран СНГ (34,3 тыс., или 89 % в 2018 г.). Доля преступлений, совер-

---

[1] © Попенков А. В., 2020.

шенных иностранцами или лицами без гражданства, раскрытых в 2018 г. составила 3,5 %.

В 2018 г. возросло число преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, оно составило 15,8 тыс., что на 7,7 % больше, чем в 2017 г. (14,7 тыс.). Примерно таким же оно было в 2016 г. (15,7 тыс.)[1].

Рассматривая на практике процедуру участия переводчика в ходе расследования, можно прийти к выводу, что данная сфера также имеет немало проблем и трудностей, вызванных различными нюансами правоприменительной деятельности[2].

Так, в производстве СО ОМВД России по Обручевскому району г. Москвы[3] находилось уголовное дело о хищении на территории РУДН ноутбука, принадлежащего гражданину Н. В совершении данного преступления обвинялся гражданин Р., которому было необходимо обеспечить участие переводчика, так как Р. мог говорить только на бенгальском языке. Первой проблемой стал тот факт, что в Москве работают только три дипломированных переводчика, знающих этот язык. Второй трудностью стало то, что за услуги по устному и письменному переводу МВД России из бюджета было вынуждено выплатить 145 тыс. руб., при причиненном материальном ущербе в 12 тыс. руб., что более чем в десять раз меньше затрат государства на обеспечение права обвиняемого пользоваться услугами переводчика.

На практике не все проблемы имеют одинаковые варианты решения. К примеру, задержанные по уголовному делу в СО ОМВД России по району Коньково г. Москвы уроженцы Республики Молдова были

---

[1] По данным Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» число преступлений, совершенных иностранцами и лицами без гражданства, в расчете на 1000 человек, в 2009 г. приравнивалось к 48, а в 2013 г. к 21,3. Начиная с 2010 г., оно снижалось, исключение составил 2013 г., когда число преступлений, совершенных иностранцами и лицами без гражданства, повысилось до 46 на 1000 тыс. человек, совершивших преступления. В 2017 г. оно снизилось до 42, а в 2018 г. почти до 41. URL: http://www.demoscope.ru (дата обращения: 15.10.2019).

[2] Хмелев С. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

[3] Из материалов уголовного дела № 567451, расследованного в СУ УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве в 2017 г. // Аналитические данные контрольно-методического управления ГСУ ГУ МВД России по г. Москве за 2018 г.

обеспечены за государственный счет переводчиком с румынского языка, однако один из задержанных заявил в ходе допроса, что является гагаузом по национальности и не понимает переводчика. Переводчик в свою очередь сообщил следователю, что гагаузского языка как такового не существует, и он является наречием. Стоит отметить, что в процессе задержания и до начала следственных действий все четверо задержанных прекрасно изъяснялись на русском языке. Подобного рода заявления являются ни чем иным, как уловками, и служат цели затруднить производство по уголовному делу. Иногда этим приемом пользуются и граждане Российской Федерации – жители этнических республик (Дагестана, Чечни, Башкирии и т. д.). Правда, как правило, все эти граждане обучались в российских или советских школах и имеют аттестат с отметкой о знании русского языка и литературы, что в свою очередь ставит под сомнение их резко наступившую «безграмотность»[1].

Подводя итог, следует отметить, что вне зависимости от распространенности того или иного языка, стоимости услуг переводчика, количества необходимого перевода и его сложности государство обязано обеспечивать на практике право подозреваемого и обвиняемого говорить и писать на родном языке.

[1] Пушкарев В. В. Теоретические основы розыскной деятельности следователя по уголовным делам о серийных преступлениях // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2015. № 10. С. 215–218.

Посельская Л. Н.[1],
профессор кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ТАКТИКА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сложность современных задач раскрытия и расследования преступлений в сфере экономической деятельности органами предварительного следствия требует более детального изучения вопросов проверки исходной информации. Организация работы подразделений органов предварительного расследования наиболее зависима от правильного понимания взаимосвязи правовых и процессуальных требований обеспечения полноты и всесторонности исследования заявлений и сообщений о преступлениях.

Тактика проверки сообщений о преступлениях в сфере экономической деятельности по своей сущности представляет собой систему действий следователя, направленную не только на проверку имеющихся фактов или собирание дополнительной информации, но и установление достоверных фактов, касающихся проверяемого события.

В свою очередь, в научных трудах И. А. Возгрина отмечено, что необходимо исследовать такие реальности объективной действительности, как преступление и информация о преступлении и преступнике, отражение этой информации вовне в виде материальных и идеальных следов. Кроме этого, им подчеркнуто, что все эти элементы характеризуют наиболее важные закономерности организации расследования преступлений[2].

Исходную информацию об экономических преступлениях, поступающую в правоохранительные органы, условно можно подразделить на два вида. К первому виду относятся материалы, требующие предварительной проверки сведений о событии преступления. Как правило, такие материалы содержат недостаточную информацию о событии преступления, его признаках, либо информация носит двойствен-

---

[1] © Посельская Л. Н., 2020.

[2] Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб: Юридический центр «Пресс», 2003. С. 236–239.

ный характер между гражданско-правовыми и уголовно-правовыми правоотношениями.

Ко второму виду относятся материалы, не требующие тщательной предварительной проверки до возбуждения уголовного дела, так как содержат достаточную информацию о признаках преступления в материалах, представляемых государственными контролирующими органами. Соответственно, наше исследование направлено в основном на проверку информации, относящейся к первому виду. Проверка материалов имеет ряд особенностей.

В целом проверяется не бесспорная доказательственная информация, а та, которую Р. С. Белкин называл иной, но только достоверной информацией[1].

Условием целенаправленной проверки поступивших материалов по преступлениям в сфере экономической деятельности является установление источника происхождения информации, законность и обоснованность ее получения. Кроме этого, необходимо правильное определение направления и объема проверяемой информации. Сущность предварительной проверки состоит в анализе и оценке поступившей информации, а также ее сравнении с объективными материалами в виде документов на материальных и электронных носителях. Имеет значение выбор средств и методов проверки.

К средствам предварительной проверки сообщений об экономических преступлениях можно отнести апробированные практикой и часто применяемые при проверке заявлений и сообщений о преступлениях в сфере экономики: получение объяснений, истребование материалов у заявителя или организации, использование специальных знаний сведущих лиц при осуществлении проверочных мероприятий. Более того, имеются действия, прямо предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Это требование о передаче документов и материалов от организаций, государственных контролирующих органов и физических лиц, выявивших признаки преступления, а также требование о проведении документальных проверок, ревизий и экспертиз с привлечением специалистов.

При проведении предварительной проверки сообщений о преступлениях в сфере экономической деятельности в основном используются такие методы сбора информации, как: организация внезапных инвентаризаций (или иных проверок компетентными государственными

---

[1] Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. М., 1997. С. 301–312.

контролирующими органами), проверка наличия ценностей, сохранности объектов или документов, фигурирующих в событии. Считается эффективным организация ревизии финансовой и хозяйственной деятельности предприятий, учреждений, коммерческих структур. Возможно проведение аудиторских проверок; организация встречных проверок по вопросам взаимозачета, проведения бартерных, финансовых и хозяйственных операций; изучение организационно-правовых, иных нормативных материалов, регулирующих финансовую деятельность предприятия, учреждения; изучение особенностей документооборота, технологического процесса (для отдельных видов преступлений в сфере экономической деятельности), организационно-управленческого характера.

Вместе с тем, следует отметить, что на этапе предварительной проверки очень важно определить: какие документы и в каком объеме нужны, и где их можно получить. Это зависит от множества факторов: источника первоначальной информации, характера совершенного преступления, своевременности начатой предварительной проверки, особенности личности установленного (или предполагаемого) подозреваемого. Без участия специалиста в решении этих вопросов не обойтись. Причем перечень необходимых документов для расследования конкретного вида преступлений в сфере экономики можно отнести к условиям определения границ предварительной проверки.

Проверку по заявлениям и сообщениям о преступлениях в сфере экономической деятельности необходимо проводить в тех случаях, когда нет ясности в вопросе о наличии или отсутствии в действиях того или иного должностного лица признаков преступления.

Следователем, на этапе проверки материалов или сообщений о преступлениях в сфере экономической деятельности, должны отрабатываться три наиболее типичные версии: преступление имеет место при обстоятельствах, указанных в заявлении или сообщении; преступление носит неопределенный характер между преступлением и законной или недействительной сделкой, законными или незаконными финансовыми операциями, при этом заявитель добросовестно заблуждается; преступление совершено в результате неправомерных действий руководителя или учредителя (собственника) предприятия (организации).

Практически всегда по экономическим преступлениям проводятся специальные исследования. В большинстве случаев они носят предварительный характер и могут быть криминалистическими, экономи-

ческими, товароведческими и другими. Специальные исследования по отдельным видам преступлений могут свидетельствовать о факте преступных действий даже в том случае, если недостаточно прямых свидетельских показаний. Использование специальных знаний может осуществляться, кроме участия в проведении ревизий и документальных проверок, в виде производства предварительных исследований, проведения консультаций по вопросам исследуемого обстоятельства[1].

Однако, при всех положительных сторонах проведенного предварительного исследования, имеются и существенные недостатки, которые необходимо учитывать как при возбуждении уголовного дела, так и при его дальнейшем расследовании. В первую очередь, это отсутствие или недостаточность исходных сведений об объекте исследования; нечетко, а порой неграмотного сформулированные вопросы для предварительного исследования, либо формулировка вопросов не отражает целей, задач и возможностей исследования.

Не менее важной задачей проверки материалов по заявлениям и сообщениям об экономическом преступлении является решение вопроса о законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. Необходимо, чтобы уже из проверочных материалов были установлены: прямой умысел на совершение преступных действий в экономической или финансово-хозяйственной сфере; элементы способа преступления; роль и заинтересованность руководителя юридического лица в совершении преступных действий, и в чем они проявились.

Но при этом, на данном этапе не требуется установление полной информации о совершенном преступлении и его последствиях, это задача предварительного расследования. Результатом предварительной проверки заявлений и сообщений должно стать решение о достаточности данных, позволяющих принять решение о возбуждении уголовного дела.

---

[1] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. С. 125–148.

Прохорова Е. А.[1],
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОБ УНИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Вопросам юридической терминологии уделяется значительное внимание в современных научных изысканиях, в том числе в сфере уголовно-процессуального права. На страницах юридической печати верно отмечается, что «вряд ли можно считать оптимальным порядок законодательной техники, при котором к очевидности в искомых понятиях приходишь не в результате уяснения всех свойств (признаков) изначально определенного термина, а путем построения достаточно сложных логических конструкций»[2].

Язык закона должен быть максимально конкретным и доступным для понимания участникам уголовно-процессуальных правоотношений. Одним из направлений совершенствования уголовно-процессуального закона является унификация юридической терминологии, т. е. приведение ее к единообразию. Процесс унификации должен охватывать как понятийный аппарат самого УПК РФ, так и смежные понятия, применяемые в уголовном судопроизводстве, но определяемые нормами других законов, а также одноименные термины различных отраслей права.

Терминология уголовно-процессуального закона, прежде всего, должна отвечать требованию внутреннего, системного единства. Многообразие форм использования одних и тех же понятий, а также неопределенность их содержания препятствуют «возможности правильного и однозначного усвоения содержащейся в них информации»[3], а значит недопустимы.

---

[1] © Прохорова Е. А., 2020.

[2] Бобракова И. С. Терминология уголовно-процессуального права как элемент оптимального правотворчества // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 102.

[3] Прохорова Е. А. Терминология уголовно-процессуального закона // Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство (современное состояние и направления совершенствования): сборник трудов участников Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 13–14 апреля 2011 г.) / под ред. А. В. Гриненко. М.: МГОУ, 2011. С. 49.

Тем не менее, в тексте уголовно-процессуального закона встречаются несоответствия обозначенному выше требованию, например, отсутствие единообразия в использовании таких ключевых понятий, как следственные и судебные действия.

П. 32 ст. 5 УПК РФ, раскрывая содержание процессуального действия, относит к нему следственное, судебное или иное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законом. В данном понятии следственное действие указывается как однопорядковое с судебным и иным процессуальным действием, в силу чего логично предположить, что в анализируемой норме следственное действие обособляется от судебного по стадиям, на которых они производятся, по аналогии с системой уголовного судопроизводства как досудебного и судебного производства по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ). При этом не вполне вписывается в эту систему понятие «иные действия, предусмотренными УПК РФ», не относящиеся ни к следственным, ни к судебным, из чего следует вывод, что их выделение обусловлено иными критериями.

Согласно содержанию гл.гл. 24–27 УПК РФ, следственные действия традиционно понимаются как процессуальные действия, имеющие познавательный характер, направленные на собирание доказательств[1].

Вместе с тем, вытекающее из понятия «следственные действия» понятие «неотложные следственные действия» (п. 19 ст. 5 УПК РФ) делает акцент на первоочередности таких действий. Неотложные следственные действия образуют первоначальный этап расследования, производимый органом дознания по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях незамедлительного реагирования на факт обнаружения преступления. Соответственно, возникает вопрос, может ли быть включено в содержание данного этапа производство действий, не носящих познавательного характера, но способствующих обнаружению и фиксации следов преступления, а иногда и являющихся непременным условием незамедлительного закрепления, изъятия и исследования доказательств? Допустимо ли задержание лица по подозрению в соверше-

---

[1] Руководство по расследованию преступлений : учебное пособие / [А. В. Гриненко и др.]. М.: Норма; Инфра-М, 2002. С. 337; Кальницкий В. В. Следственные действия : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Омск : Омская академия МВД России, 2003. С. 4.

нии преступления и производство допроса подозреваемого? Анализ ст. 91 УПК РФ, наделяющей полномочием по осуществлению уголовно-процессуального задержания орган дознания, являющийся субъектом производства неотложных следственных действий, позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Положительный ответ может быть дан и на вопрос о возможности вынесения постановления о признании потерпевшим и допроса потерпевшего, поскольку ч. 1 ст. 42 УПК РФ требует незамедлительного принятия решения о признании потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела или получения данных о лице, которому преступлением причинен вред.

Таким образом, в нормах УПК РФ не всегда подразумевается познавательный характер как обязательный признак следственных действий.

Рассматривая сущность судебных действий, следует отметить, что в отдельных статьях УПК РФ (п. 5 ч. 1 ст. 74, ч. 1 ст. 240, ст. 275–290) отчетливо прослеживается их познавательный характер, то есть направленность на исследование доказательств. В то же время, в ст. 83 УПК РФ произошла замена используемого в п. 5 ч. 1 ст. 74 УПК РФ понятия «протоколы судебных действий» на «протоколы судебных заседаний», что позволяет предположить, что законодатель все-таки понимает под судебными действиями все действия, производимые в суде. Такой подход нашел отражение и в научных исследованиях, позволив авторам выделить судебные действия следственного характера, организационно-обеспечительные судебные действия и судебно-контрольные действия[1].

Изложенное означает необходимость унификации рассмотренных терминов на законодательном уровне путем введения соответствующих дефиниций в ст. 5 УПК РФ и последовательного использования их в других нормах уголовно-процессуального закона.

Не менее важна унификация юридической терминологии и в части соответствия используемых в УПК РФ понятий нормам других законов, определяющих данные термины, в частности, УК РФ.

Огромное количество споров вызывает содержание понятия «признаки преступления», используемое в УПК РФ при формулировании основания для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ).

---

[1] Александрова С. А. Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальный режим : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 7–8.

Понятие «признаки преступления» является уголовно-правовым, ст. 14 УК РФ к признакам преступления относит виновность, противоправность, общественную опасность и наказуемость деяния. Вместе с тем, применительно к установлению основания для возбуждения уголовного дела рассматриваемое понятие толкуется довольно свободно по отношению к его уголовно-правовому смыслу. Так, ряд ученых вполне обоснованно полагает возможным установление не всех перечисленных в ст. 14 УК РФ признаков, исключив, в частности, виновность, установление которой для стадии возбуждения уголовного дела является преждевременным[1]. Другие процессуалисты считают, что признаки преступления «определяются лишь через признаки конкретного состава преступления»[2], то есть «законодатель, не определившись в сути исследуемых явлений, упорно навязывает правоприменителям терминологическую абстракцию в виде формулы «признаки преступления», несмотря на то, что по смыслу закона речь явно идет именно о признаках конкретного состава деяния»[3].

Еще один термин, правильное понимание которого в сфере уголовно-процессуальных правоотношений представляется спорным при разрешении соответствующего вопроса присяжными заседателями, – виновность подсудимого. Категория «виновность» вытекает из регламентированного УК РФ понятия вины, а значит является правовой, в то время как присяжные заседатели ограничены решением только вопросов факта. Означает ли это, что в понятие «виновность» законодатель в УПК РФ вложил иной смысл, отличный от уголовного закона?

Представляется, что использование уголовно-правовых понятий в тексте уголовно-процессуального закона допустимо только в том значении, которое им придает уголовный закон, в связи с чем соответствующие понятия в УПК РФ должны быть пересмотрены, уточнены, а при необходимости даже заменены другими терминами.

Следующее направление унификации юридической терминологии должно коснуться одноименных понятий, имеющих неодинаковое содержание в разных видах судопроизводства.

---

[1] Григорьев В. Н., Прохорова Е. А. Возбуждение уголовного дела: старые проблемы, современные материалы, разные варианты решений // Вопросы правоведения. 2015. № 5. С. 115.

[2] Воскобитова Л. А. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы // Библиотека криминалиста. 2014. № 1(12). С. 58.

[3] Бобракова И. С. Указ. соч. С. 104.

Например, согласно ст. 75 УПК РФ, недопустимыми доказательствами в уголовном судопроизводстве признаются доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ.

В гражданском судопроизводстве определено понятие «допустимость доказательств», которое в соответствии со ст. 60 ГПК РФ означает, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами. При этом возникает вопрос, какой термин применять в случае, когда в гражданском процессе доказательства получены с нарушением закона? Ч. 2 ст. 55 ГПК РФ устанавливает, что такие доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда. В судах отсутствует определенность в данном вопросе, используются разные понятия - «недействительные», «ненадлежащие» доказательства и т. д.

Ст. 61 КоАП РФ важным условием признания доказательств допустимыми называет соответствие их требованиям, указанным в ст. 59 данного закона, в числе которых отсутствие нарушений федерального закона при их получении, а кроме того указывает, что обстоятельства административного дела, которые согласно закону должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими иными доказательствами.

Таким образом, мы видим три отличающиеся трактовки понятия «недопустимые доказательства» в трех видах судопроизводства, посредством которых осуществляется судебная власть в нашей стране.

Подобная ситуация, на наш взгляд, помимо неудобства для правоприменителя, в определенной степени препятствует реализации принципа единства судебной системы, ведет к отсутствию единообразия судебной практики и затрудняет доступ к правосудию.

В свете изложенного, приведение юридических терминов к единой форме и системе представляется важной задачей законотворческого процесса в Российской Федерации.

Сидоров Ю. В.[1]**,**
старший преподаватель кафедры
организации и обеспечения
раскрытия и расследования преступлений
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО КАК ГАРАНТИЯ ЕГО ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Привлечение в качестве обвиняемого, как правовой институт, активно развивался в советский период и продолжает совершенствоваться по настоящее время. Одним из основных векторов его развития остается право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, и защищаться от обвинения всеми не запрещенными законом способами. Динамичное развитие данного института неразрывно связано с демократизацией общества и государства, научно-техническим прогрессом во всех сферах жизнедеятельности человека.

Так, законодатель советского периода, сформулировав требования к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, указал, что в нем, кроме данных должностного лица, составившего постановление, фамилии, имени и отчества обвиняемого, времени и места, указываются другие обстоятельства совершения преступления, поскольку они известны следователю. Как видно, требования того времени носили общий характер и не содержали конкретных обстоятельств, которые необходимо установить следователю для принятия решения о предъявлении обвинения и вынесении соответствующего постановления.

Согласно действующему уголовно-процессуальному закону и мнению ряда процессуалистов, после процедуры предъявления обвинения следует немедленный допрос обвиняемого. Данное требование закона в первую очередь нацелено на реализацию права обвиняемого на защиту, выраженную в возражении против предъявленного обвинения, даче показаний по его существу, разъяснение которого возложено на следователя, и отказе от дачи показаний. Целями допроса в данном случае является не только выражение отношения обвиняемого к предъявленному обвинению, но и получение новых доказательств об обстоятельствах, известных исключительно самому обви-

[1] © Сидоров Ю. В., 2020.

няемому как участнику преступления. Немедленный допрос обвиняемого после предъявления первоначального обвинения ставит данного участника уголовного судопроизводства в затруднительную ситуацию, особенно в случае его недавнего задержания, избрания меры пресечения, несовершеннолетия, наличия психических заболеваний и отставании в психическом развитии (при отсутствии оснований для прекращения уголовного дела или применения принудительных мер медицинского характера), большого объема и специфики постановления о привлечении в качестве обвиняемого, нагруженного как юридической, так и специальной терминологией, которая зачастую требует не только осмысления, но и разъяснения специалистом (например, о преступлениях в сфере экономической деятельности). Как считает Газетдинов Н. И., требование о немедленном допросе не согласуется с принципами презумпции невиновности, обеспечения обвиняемому права на защиту и некорректно с точки зрения положения ст. 51 Конституции Российской Федерации и других прав, предоставляемых обвиняемому УПК РФ[1].

Аналогичное требование содержит положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой минимальным правом каждого обвиняемого в совершении преступления является право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты[2].

В не менее сложной ситуации оказывается следователь, которого современный законодатель обязывает после предъявления обвинения немедленно допросить обвиняемого. Вряд ли указанное обстоятельно служит налаживанию психологического контакта между следователем и обвиняемым и в полной мере соответствует назначению уголовного судопроизводства. В практической деятельности стороной защиты допускаются случаи злоупотребления правом на дачу показаний по существу в незначительной части измененного обвинения (например, в целях устранения технических ошибок, дополнения формулировок и оборотов, не влекущих изменение сущности обвинения и т. п.) Так, при несущественных корректировках в описательно-

---

[1] Газетдинов Н. И. Обеспечение прав обвиняемому при предъявлении обвинения // Адвокатская практика. 2007. № 6. С. 34–35.

[2] Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.). СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru (дата обращения: 05.12.2019).

мотивировочной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого последним и защитником фактически определяется удобное для них время для дачи показаний. Данное обстоятельство негативно влияет на эффективность и оперативность предварительного следствия и ограничивает тем самым права других участников уголовного судопроизводства. По нашему мнению, необходимо установить оптимальный срок для подготовки и дачи показаний обвиняемым по обновленной редакции обвинения, в связи с отсутствием каких-либо рамок в уголовно-процессуальном законодательстве. Безусловно, срок должен учитывать гарантированные законом права участников уголовного процесса.

По-прежнему остается актуальным вопрос о повторном допросе обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первоначальном допросе, который возможен лишь по просьбе самого обвиняемого. Исходя из положения закона, следователь не имеет полномочий на повторный допрос обвиняемого при отсутствии его просьбы, несмотря на продиктованную УПК РФ обязанность следователя устанавливать доказательства как оправдывающие обвиняемого, так и изобличающие его в совершении преступления и тем самым обеспечить возможность защищаться от обвинения. Представляется, что следователь должен иметь процессуальную возможность допросить обвиняемого даже в случае отказа последнего от дачи показаний при наличии необходимости проверки и оценки новых доказательств, полученных в ходе расследования уголовного дела.

Одним из важнейших элементов произведенного следственного действия является протокол, а в нашем случае допрос обвиняемого, который, как показывает практика, не всегда составляется с учетом требований закона. В ряде случаев следователи ограничиваются лишь записями от имени обвиняемого о согласии с текстом постановления и, наоборот, навязывании отказа от дачи показаний при несогласии с обвинением либо ссылаются на подтверждение показаний данных ранее в качестве подозреваемого, ведь речь идет о лице, обладающем другим процессуальным статусом и обширным кругом прав, в том числе дать показания по предъявленному обвинению, и являются отдельным видом доказательства. По нашему мнению, указанные факты неприемлемы и могут расцениваться как грубейшие нарушения права обвиняемого на защиту, ограничивающие его право высказать свою позицию относительно предъявленного обвинения.

Отдельно стоит остановиться на достоверности сведений, излагаемых в протоколах допросов обвиняемых, поскольку в ряде случаев показания обвиняемых излагаются в официально-деловом стиле с такими формулировками, как «имея умысел на хищение», «вступили в предварительный сговор», «действуя из корыстных побуждений». В большинстве случаев лица, привлекаемые в качестве обвиняемых, не имеют соответствующего образования для такого рода высказываний. Напрашивается закономерный вопрос: с какой целью следователь переписывает в протокол описательно-мотивировочную часть постановления о привлечения лица в качестве обвиняемого? То ли для экономии своего времени, то ли для «подгонки» показаний обвиняемого к предъявленному постановлению и создания «идеального» доказательства. Нам представляется, что нормы УПК РСФСР 1922 г.[1], регулировавшие порядок допроса обвиняемого и предоставлявшие последнему право собственноручного написания показаний, способствовали объективному изложению отношения последнего к предъявленному обвинению, отражали и пояснения обвиняемого без искажений, при этом не ограничивая возможности следователя задавать вопросы об обстоятельствах, подлежащих выяснению.

По нашему мнению, совершенствование норм уголовно-процессуального законодательства по рассмотренным вопросам способствовало бы полному и всестороннему расследованию уголовного дела, упорядочивало бы действия лиц, производящих расследование и осуществляющих функцию защиты, выступало бы дополнительным гарантом обеспечения прав и законных интересов обвиняемого.

[1] УПК РСФСР от 1 июля 1922 г. URL: http://docs.cntd.ru/document/901757376 (дата обращения: 04.12.2019).

Скороделова Е. И.[1]**,**
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Криминальная ситуация в России продолжает оставаться достаточно сложной и напряженной. На фоне снижения общего числа преступлений прослеживается тенденция к снижению раскрываемости по ключевым показателям, в частности, убийствам, террористическим актам, разбойным нападениям и другим преступлениям. В общем нераскрытым в стране остается каждое второе тяжкое и особо тяжкое преступление. За последние пять лет ежегодно не раскрывается от миллиона до полутора миллионов преступлений, в том числе около полумиллиона тяжких и особо тяжких.

Важнейшим средством борьбы с преступностью и обеспечения неотвратимости наказания лиц, совершивших преступления, является уголовный процесс. Одной из наиболее сложных проблем остается предоставление и использование в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-разыскной деятельности. В силу нормативных предписаний ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Вместе с тем, правомерное использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве предполагает учитывать помимо положений указанной статьи УПК РФ требования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и положения Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд[2].

---

[1] © Скороделова Е. И., 2020.

[2] Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

В частности, перечень оперативно-разыскных мероприятий, с помощью которых возможно выявление информации о преступлениях и лицах, к ним причастных, определен п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В соответствии с ч. 2 ст. 11 указанного нормативного правового акта результаты оперативно-разыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Равным образом в п. 20 указанной выше Инструкции закреплено правило, что представляемые для использования в доказывании по уголовным делам результаты оперативно-разыскной деятельности должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-разыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

Иными словами, результаты оперативно-разыскной деятельности, документально оформленные до возбуждения уголовного дела, на этапе направления их следователю в соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и п. 4 Инструкции доказательствами в уголовно-процессуальном смысле не являются, поскольку они не отвечают требованиям, предъявляемым к ним уголовно-процессуальным законодательством (ст. 74 УПК РФ).

Но при определенных условиях результаты оперативно-разыскной деятельности могут стать содержанием доказательств. Такими условиями В. И. Зажицкий со ссылкой на В. Я. Дорохова называет следующие:

1) сведения оперативно-разыскного характера должны иметь отношение к уголовному делу и устанавливать наличие и отсутствие события преступления, виновность обвиняемого и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела;

2) относящиеся к уголовному делу сведения должны быть допущены в уголовный процесс в установленной законом форме. Такие сведения могут быть получены только из законных источников (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), перечень которых является исчерпывающим;

3) вступление в уголовный процесс относящихся к уголовному делу сведений должно осуществляться в установленном законом порядке для каждого вида доказательств[1].

Понятие результатов оперативно-разыскной деятельности введено в текст УПК РФ (п. 36.1 ст. 5) Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ.

Есть основание полагать, что внесение этого дополнения в действующую редакцию уголовно-процессуального закона имеет достаточно большое значение как для правоприменителя, так и для теории уголовно-процессуального права, однако порядок использования в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-разыскной деятельности не претерпел каких-либо видимых изменений.

Законодателем, как и прежде, не учитывается происходящая в последние два десятилетия методологическая и нормативно-правовая эволюция оперативно-разыскной деятельности. Положение о том, что для более эффективного противостояния преступности, наряду с уголовно-процессуальными средствами, следует использовать возможности оперативно-разыскной деятельности, продолжает оставаться без должного внимания.

Использование оперативно-разыскной информации в уголовном процессе продолжает наталкиваться на неразрешимые противоречия. Например, использование в уголовном судопроизводстве оперативно-разыскной информации, не раскрывая источника ее получения.

Как писал Р. С. Белкин, «можно по-разному относиться к оперативно-разыскной деятельности (розыску, сыску) – любить, игнорировать, ненавидеть, – однако отрицать необходимость его существования нельзя. Сыск столь же древен, как уголовный процесс; он присущ государствам всех времен и народов»[2].

На наш взгляд, не вызывает никакого сомнения, что все преступления, подготавливаемые и совершаемые тайно, как правило, должны тайно раскрываться.

---

[1] Зажицкий В. И. Об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. 2010. № 7. С. 65.

[2] Белкин Р. С. Курс криминалистики М. : Юность, 1997, Т.1. С 185.

Справедливости ради следует отметить, что на необходимость детальной регламентации в УПК РФ процедуры использования оперативно-разыскных данных в уголовно-процессуальном доказывании указывалось еще на стадии его разработки[1], однако законодателем эти предложения поддержаны не были.

Аналогичные предложения вносились и в период действия УПК РСФСР 1960 г.[2]

Здесь уместно напомнить мнение Е. Б. Мизулиной, высказанное еще в 2001 г., на тот момент депутата Государственной Думы Российской Федерации, при презентации проекта УПК РФ в средствах массовой информации, которая в качестве особого достижения выделила то, что новый уголовно-процессуальный закон Российской Федерации теперь не является средством борьбы с преступностью, а выступает исключительно средством защиты человека и гражданина, при этом особо подчеркнув, что оперативно-разыскная деятельность отделена от предварительного расследования.

Действительно, проблема информационного взаимодействия между органами, занимающимися оперативно-разыскной деятельностью, и следственными подразделениями, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность, всегда стояла достаточно остро из-за недостаточно эффективного ее решения. Всевозможные ведомственные приказы, распоряжения и инструкции, приказы Генерального прокурора Российской Федерации должного результата не приносили и не приносят. Практически во всех органах внутренних дел взаимодействие сводится к выполнению оперативными работниками отдельных поручений следователей и крайне редкой реализацией оперативно-разыскных материалов.

По нашему мнению, низкая эффективность взаимодействия оперативных служб и органов предварительного следствия обусловлена в большей мере существующими субъективными факторами, выражающимися в укоренившихся представлениях о том, что средства и методы оперативно-разыскной деятельности находятся на порядок ниже, чем возможности уголовного процесса.

---

[1] Земскова А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-разыскной деятельности при расследовании преступлений : монография. Волгоград : ВА МВД России, 2002. С. 139–144.

[2] Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград : ВА МВД России, 2001. С. 103.

На наш взгляд, вновь заслуживает внимания идея, что оперативно-разыскная информация в ряде случаев может быть использована в уголовном процессе, в том числе и в качестве доказательств. Доброкачественность и правовая характеристика полученной оперативно-разыскным путем информации соизмерима с характеристикой уголовно-процессуальных доказательств, в связи с тем, что в рамках оперативно-разыскной деятельности имеют место и действуют правила оценки полученной информации с точки зрения ее законности, относимости и допустимости, что позволяет говорить о ее достоверности.

Возникает вопрос, позволяет ли сказанное выше утверждать, что в действующую редакцию Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» следует вернуть формулировку Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», согласно которой «результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в качестве доказательств». В связи с чем, «результаты оперативно-розыскной деятельности» должны быть включены в перечень допускаемых доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Как известно, по данному вопросу учеными-юристами высказывалось множество точек зрения, но все они сводились к тому, что использование результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств весьма затруднительно или вообще невозможно.

В частности, как полагают некоторые из них, в указанной формулировке ст. 89 УПК РФ «явно просматривается негативное отношение к использованию любых результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании»[1]. Стоит согласиться также и с тем, что причина этого кроется в недоверии законодателя к оперативно-разыскной деятельности и ее результатам в связи с отсутствием строгой регламентации процессуального порядка ее использования[2].

Материалы оперативной проверки не являются основанием для ограничения прав и законных интересов физических и юридических лиц.

---

[1] Зуев С. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. 2007. № 3. С. 95.

[2] Александров А. С. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса / А. С. Александров, А. А. Кухта, В. О. Терехин // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77.

Вместе с тем, по мнению А. А. Бессонова, понятие результатов оперативно-разыскной деятельности, данное в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, вполне соответствует определению доказательства по уголовному делу, содержащемуся в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. В этой связи разрешение проблемы, касающейся процедуры трансформации результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовно-процессуальные доказательства, с его точки зрения, видится в необходимости дополнения ч. 2 ст. 74 УПК РФ указанием на то, что в качестве доказательств допускаются материалы, содержащие результаты оперативно-разыскной деятельности. В свою очередь главу 10 УПК РФ целесообразно дополнить ст. 83.1 «Материалы, содержащие результаты оперативно-разыскной деятельности» следующего содержания: «Материалы, содержащие результаты оперативно-разыскной деятельности, допускаются в качестве доказательств, если они получены в соответствии с Федеральным законом об оперативно-разыскной деятельности»[1].

На наш взгляд, стоит прислушаться к мнению тех ученых, которые полагают, что оперативно-разыскная информация – это уже готовый информационный продукт, не нуждающийся во введении в уголовное судопроизводство, а нуждающийся в самостоятельном истолковании, то есть в допущении в уголовное судопроизводство в качестве доказательства.

По всей видимости, предложение об использовании оперативно-разыскной информации в качестве доказательств должно опираться на следующие исходные положения:

1. Уголовный процесс и оперативно-разыскная деятельность являются элементами единой целостной системы.

2. Взаимодействие указанных элементов представляет собой информационное взаимодействие и осуществляется на основе присущих этому взаимодействию принципов (соблюдения законности, конституционных прав и свобод граждан; комплексного использования сил и средств; персональной ответственности следователя, сотрудников и руководителей оперативных подразделений за проведение и результаты следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий; самостоятельность следователя в принятии решений, за исключением случаев, предусмотренных уголовно-процессуальным законодатель-

[1] Бессонов А. А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Уголовное право. 2016. № 2. С. 116–124.

ством, и сотрудников оперативных подразделений в выборе средств и методов оперативно-разыскной деятельности в рамках действующего законодательства; согласованность планирования следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий; непрерывность взаимодействия до принятия окончательного решения по уголовному делу).

3. Принципом построения, формы и способов информационного взаимодействия уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности выступает уголовно-процессуальное истолкование полученной оперативно-разыскной информации.

В данном случае оперативно-разыскная деятельность будет являться равноправным и обязательным элементом системы, противостоящей преступности и, в особенности, ее организованным формам, включать в себя положение о том, что правила допустимости оперативно-разыскной информации для уголовно-процессуального использования должны быть внутрисистемными. Оперативно-разыскная деятельность в рамках системы должна программироваться согласно уголовно-процессуальным целям. Поэтому для результатов оперативно-разыскной деятельности должен быть создан особый режим уголовно-процессуального использования, ввиду того, что общие положения уголовного процесса о допустимости доказательств не подходят к результатам оперативно-разыскной деятельности в связи с тем, что они формулировались для информации, поступающей из-за пределов системы.

Основной идеей является возможность предоставления полученной оперативно-разыскной информации с ограничением уголовно-процессуального правила о предоставлении последней не первоисточником, а источником, внушающим доверие, то есть оперативным сотрудником – куратором проведения оперативно-разыскного мероприятия (например, оперативного внедрения). При условии, что данное положение должно применяться на правах исключительного правила с подробной мотивацией невозможности рассекречивания первоисточника.

В то же время следует особо отметить, что воплощение этой идеи будет возможным лишь только в том случае, если оперативно-разыскная деятельность будет восприниматься как полноценная технология по производству достоверной информации, что требует принципиально нового подхода к уголовно-процессуальному использованию оперативно-разыскной информации в уголовном судопроизводстве. Такой подход к решению проблем использования результатов оперативно-разыскной деятельности, на наш взгляд, приведет к повышению раскрываемости преступлений и обеспечит неотвратимость

наказания за совершение преступных деяний. Однако такое использование результатов оперативно-разыскной деятельности при производстве расследования не должно приводить к сращиванию оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса.

Уголовное судопроизводство и оперативно-разыскная деятельность – это два вида государственной деятельности, которые имеют присущие только им и отличающие их друг от друга признаки и свойства. Именно поэтому создание истинно научных основ, определяющих единый подход к предоставлению и использованию в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-разыскной деятельности, должно обеспечить, на наш взгляд, законность, как в уголовном процессе, так и в оперативно-разыскной деятельности, и станет важной гарантией недопущения нарушений закона.

Угольникова Н. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Шибаева Ю. Н.[2],
курсант 372 взвода 3 С курса
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

БЕЗОПАСНОСТЬ УЧАСТНИКОВ КАК КРИТЕРИЙ ОГРАНИЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В современных условиях развития правового государства особую роль приобретает установление сбалансированного отношения между отдельными элементами уголовного процесса, регулирующими разнородные правоотношения. Таким элементом, в частности, является гласность в уголовном судопроизводстве.

По утверждению И. А. Попова, гласность уголовного процесса – это общее условие судебного разбирательства, возможность лиц, не являющихся участниками производства по конкретному уголовного делу, получать информацию о его расследовании и рассмотрении. Никто не может оказывать этому противодействие[3].

Несмотря на то, что в вышеуказанном определении гласности с первых слов идет указание на то, что это общее условие судебного разбирательства, многие правоведы до сих пор утверждают, что гласность – это принцип.

Поэтому, в литературе гласность рассматривается с точки зрения полемики о том, является она принципом или общим условием.

Возникает дискуссия: почему некоторые ученые приписывают гласности статус принципа?

---

[1] © Угольникова Н. В., 2020.

[2] © Шибаева Ю. Н., 2020.

[3] Попов И. А. Предмет и пределы гласности уголовного судопроизводства / И. А. Попов // Мировой судья. 2017. № 12. С. 21

Многие, обосновывая свою позицию, ссылаются на ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации, в ней говорится об открытом разбирательстве дел во всех судах. Но эта статья Конституции Российской Федерации не имеет названия, указывающего нам на то, что гласность – это принцип судебного разбирательства, данная статья лишь входит в гл. 7, закрепленную следующим образом «Судебная власть и прокуратура». Но и тут про принцип ничего не сказано.

Мы же придерживаемся той позиции, которую законодатель отражает в нормативно-правовых актах. На данный момент ни в одном законе Российской Федерации гласность не закреплена как принцип уголовного судопроизводства. Например, в УПК РФ есть две отдельные главы, одна из них имеет название «Принципы уголовного судопроизводства» (гл. 2 УПК РФ), другая «Общие условия судебного разбирательства» (гл. 35 УПК РФ). Гласность в УПК РФ закреплена в ст. 241, данная статья содержится в гл. 35 УПК РФ, законодатель тем самым дает куда более четкое разъяснение, указывающее на то, что гласность – это общее условие судебного разбирательства.

Возможно, в дальнейшем, на основе умозаключений правоведов, будут внесены поправки в уголовно-процессуальное законодательство, но на сегодняшний день труды ученых не являются источниками какого-либо права нашей страны, и все мы должны ссылаться только на те положения, которые отражены в действующих законах.

Право на гласное рассмотрение уголовных дел – одно из основных прав человека, характерное для демократического общества, т. е. общества, в котором признаются и гарантируются права человека. В уголовном процессе гласность имеет особое значение, поскольку участие независимых зрителей, представителей общественности, СМИ в дальнейшем может поспособствовать вынесению справедливого решения по существу дела.

Ограничения гласного проведения процессуальных процедур при производстве по уголовному делу может быть необходимо для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Так, например, ч. 2 ст. 241 УПК РФ указывает на возможность проведения закрытого судебного разбирательства. При этом должно быть вынесено соответствующее определение или постановление суда[1].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».

Закрытое судебное разбирательство проводится в случае, если:

1) в ходе разбирательства в суде по уголовному делу, может возникнуть ситуация при которой будет разглашена государственная или иная тайны, которая охраняется федеральным законом (например, коммерческая тайна охраняется Федеральным законом от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» и т. д.);

2) идет процесс рассмотрения уголовного дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста (возникает необходимость учитывать возрастные особенности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности);

3) рассматриваются уголовные дела о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и других преступлениях, если это может привести к разглашению интимных сведений из жизни лиц, участвующих в уголовном процессе либо сведений, которые бы унизили их достоинство и честь (создаются условия для реализации одного из принципов уголовного судопроизводства и учитываются требования моральных норм);

4) возникают случаи, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, а также их близких родственников, родственников и близких лиц (реализуется принцип обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина, в случае угрозы этим лицам убийством или уничтожением их имущества либо другими деяниями, которые несут в себе противоправный характер, суд должен принять в пределах своей компетенции необходимые меры для обеспечения безопасности таких лиц).

Стоит учитывать еще и тот факт, что некоторая информация может быть скрыта от участников уголовного судопроизводства:

1) сведения об анонимном свидетеле, жизни которого угрожает опасность. Здесь говорится о возможности проведения закрытых судебных заседаний по делам в целях обеспечения безопасности свидетелей и о заслушивании судом свидетельских показаний в отсутствие подсудимого (п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ);

2) если проводится судебное заседание в отношении подсудимого, с которым подписано соглашение о сотрудничестве. В интересах обеспечения безопасности участников судебного разбирательства (а именно, лиц, согласившихся на дальнейшее сотрудничество), их близких родственников, суд вправе решить вопрос о рассмотрении

уголовного дела в закрытом судебном заседании в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 241 УПК РФ[1];

3) для уменьшения психотравмирующего воздействия судебного процесса на психику несовершеннолетнего и обеспечения его суверенности при даче показаний закон допускает по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими 16 лет, разбирательство в закрытом заседании;

4) комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, предусмотрен УПК РФ и Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»;

5) в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ следователь при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, принимает в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц процессуальные меры безопасности, а также иные меры безопасности, предусмотренные нормативными актами Российской Федерации.

Следует также отметить проблемы неурегулированности некоторых вопросов действующим законодательством, либо конкуренцию и противоречие некоторых норм.

В первую очередь это сложность сохранения в тайне сведений о защищаемом лице в рамках производства по уголовному делу, отсутствие четких критериев реальности возникающих угроз в действующем законодательстве, неурегулированность в УПК РФ вопросов разграничения компетенции и ответственности следователя и сотрудника подразделения государственной защиты, и отсутствие ведомственного нормативного акта, регламентирующего их совместную деятельность.

Согласно ст. 21 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроиз-

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

водства» государственная защита осуществляется с соблюдением конфиденциальности сведений о защищаемом лице. Порядок защиты таких сведений устанавливается Правилами защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2007 г. № 134.

В соответствии с п. 2 данных Правил к сведениям, подлежащим защите, относятся не только сведения о защищаемом лице, но и в целом об осуществлении государственной защиты. Согласно п. 3 этих же Правил основанием для защиты таких сведений является решение об осуществлении государственной защиты путем применения мер безопасности, принимаемое следователем, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело. За разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 311 УК РФ.

Правила защиты сведений, в основном, касаются подразделений государственной защиты, действия же следователя по сохранению конфиденциальности сведений об осуществлении государственной защиты участников уголовного судопроизводства не регламентируются.

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено, что после подписания приговора суд возвращается в зал судебного заседания и председательствующий провозглашает приговор. Все, кто находится в зале судебного заседания, включая состав суда, заслушивают приговор стоя (ст. 310 УПК РФ).

Если уголовное дело рассматривалось в закрытом судебном заседании, то на основании постановления или определения суда могут оглашаться только вводная и резолютивная части приговора (ч. 7 ст. 241 УПК РФ). В данной ситуации суд разъясняет участникам уголовного судопроизводства порядок ознакомления с его текстом.

Таким образом, гласность (открытость) судебного разбирательства возможна благодаря тому, что все судебные процессы открытые и свободные для доступа всех желающих, за исключением определенных вышеуказанных ограничений.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что институт гласности способствует достижению целей и задач уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений, защите личности от незаконного привлечения к уголовной ответственности и предупреждению совершения преступлений в целом.

Фадеев П. В.[1],
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ЗАДЕРЖАННЫЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

В юридической литературе справедливо отмечается, что в правовой помощи нуждаются не только подозреваемый и обвиняемый, но и лица без определенного законом процессуального статуса и процессуального названия, в отношении которых, в том числе до возбуждения уголовного дела, применяются меры принуждения, осуществляются следственные и иные процессуальные действия, затрагивающие их права и свободы[2].

Как правило, таких лиц называют заподозренными[3] или задержанными[4]. В уголовном судопроизводстве после возбуждения уголовного дела их официально признают подозреваемыми. Однако понятие «задержанный» в уголовно-процессуальном законе не дается, оно, в отличие от подозреваемого, определяется только на основе анализа признаков последнего или положений уголовно-процессуального закона или решений суда[5].

На наш взгляд, задержанный отличается от подозреваемого по следующим признакам:

---

[1] © Фадеев П. В., 2020.

[2] Давлетов А. А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 61–67.

[3] Куценко С. М. Критерии соразмерности ограничения прав лица, заподозренного в совершении преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (54). С. 151–155.

[4] Руднев В. И. Статус задержанного как нового участника уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 130–137.

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27, ст. 2882.

– по статусу (задержанный не всегда может стать подозреваемым, если при проверке установлена непричастность данного лица к совершенному уголовно-наказуемому деянию);

– по степени ограничения прав (в отличие от подозреваемого, задержанный всегда подвергается ограничению свободы передвижения);

– по срокам ограничения прав (задержание применяется до судебного решения на срок не более 48 ч);

– по основаниям (предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством);

– по наличию дополнительных условий (задержание осуществляется при наличии установленных оснований, но только при условии, что за совершенное уголовно-наказуемое деяние может быть назначено наказание в виде лишения свободы).

Следует отметить, что в некоторых странах в уголовно-процессуальном законе задержанный является самостоятельным участником уголовного судопроизводства. Так, согласно ст. 62 УПК Латвийской Республики, задержанный – это «лицо, которое в установленном законом порядке подвергнуто краткосрочному задержанию, поскольку отдельные факты дают основание полагать, что оно совершило преступное деяние; задержанный в течение 48 ч должен быть признан подозреваемым или освобожден без каких-либо процессуальных ограничений»[1]. Анализ показывает, что задержанного характеризуют следующие признаки: установленный законом порядок задержания; наличие отдельных фактов, свидетельствующих о совершении преступного деяния; сроки задержания.

Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации, поясняя сущностные моменты задержания подозреваемого, ограничился указанием в п. 11 ст. 5 УПК РФ, что это «мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 ч с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления».

При этом содержание фактического задержания в уголовно-процессуальном законе не раскрывается. В п. 15 ст. 5 УПК РФ говорится о моменте фактического задержания, которым является момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

---

[1] Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики / под общ. ред. М. Шешукова. Рига, 2005. С. 32.

Неопределенность в уголовно-процессуальном законе понятий «задержанный», «задержание подозреваемого», «фактическое задержание», «фактическое лишение свободы передвижения», приводит к тому, что в юридической литературе моментом фактического задержания считают время доставления задержанного в орган дознания, к следователю[1] или составления протокола задержания, а не момент фактического лишения свободы передвижения[2]. При этом на практике временной интервал между фактическим и юридическим задержанием может измеряться не только часами, но и днями[3].

На наш взгляд, в целях конкретизации уголовно-процессуального закона, целесообразно, во-первых, установить содержание фактического задержания или фактического лишения свободы передвижения. В этом отношении представляет интерес понятие, предложенное в уголовно-процессуальном законе Республики Казахстан. Так, согласно п. 29 ст. 7 УПК Республики Казахстан, «фактическое задержание – ограничение свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы дознания и следствия (захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с момента с точностью до минуты, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур»[4].

Во-вторых, определить понятие задержания, с указанием его основных признаков. По мнению Д. А. Воронова, под задержанием «следует понимать кратковременное лишение свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, производимое в целях пресечения его сокрытия в период, необходимый для прибытия следовате-

---

[1] Цоколова О. Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3. С. 25–28.

[2] 400 ответов по применению УПК РФ: Комментарий / [Герасимов С. И. и др.]. М. : Экзамен, 2002. С. 12, 57.

[3] Панокин А. М. Задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4. С. 483–490.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz (дата обращения: 25.02.2019).

ля и обеспечения решения им вопросов о необходимости предварительного следствия и содержания лица под стражей»[1].

Так на основе вышесказанного можно выделить следующие характеристики:

1) задержанный – это физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления;

2) порядок задержания физического лица соответствует установленному законом;

3) наличие оснований и условий для фактического задержания;

4) задержание осуществляют органы дознания (обязательно присутствие дознавателя и следователя) на срок не более 48 ч до судебного решения;

5) статус задержанного действует с момента фактического задержания до момента вынесения соответствующего решения о признании задержанного лица подозреваемым (юридическое задержание) или не причастным к совершенному уголовно наказуемому деянию.

Представляется, что задержанный – это лицо, которое в установленном порядке и при наличии оснований подвергнуто уголовному преследованию и ограничению свободы передвижения до судебного решения на срок не более 48 ч в связи с проверкой на причастность к совершенному уголовно наказуемому деянию.

---

[1] Воронов Д. А. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, непосредственно после его доставления в орган дознания // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 141–147.

Федулова И. И.[1]**,**
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 144 УПК РФ (Ч. 1)

Вопросы, возникающие при осуществлении проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела, на сегодняшний день остаются предметом обсуждения среди ученых и правоприменителей. Так, весьма актуальным является вопрос о возможности проведения ряда следственных действий при рассмотрении сообщений о преступлении, перечень которых закреплен в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Позиции ученых-процессуалистов по данной теме различны. Некоторые из них отстаивают точку зрения о расширении перечня проверочных мероприятий за счет следственных действий[2]. Другие же кардинально выступают за упразднение проверки сообщения о преступлении, то есть стадии возбуждения уголовного дела в целом[3].

Следует отметить, что законодатель также уделяет внимание данному вопросу. Перечень проверочных мероприятий, осуществляемых на первоначальной стадии уголовного судопроизводства, закрепленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дополнен Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. В связи с этим, в данный момент в ходе проверки сообщения о преступлении можно проводить ряд таких следственных действий: получать образцы для сравнительного исследования, назначать и производить судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, а также осмотр документов, предметов, трупов и проводить освидетельствование.

Среди данного перечня, на наш взгляд, детального рассмотрения заслуживает вопрос о возможности назначать судебную экспертизу в ходе проверки сообщения о преступлении. Следует сказать, что производство данного следственного действия на стадии возбуждения

---

[1] © Федулова И. И., 2020.

[2] Багмет А. М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 28.

[3] Александров А. С. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 31. С. 103–104.

уголовного дела всегда вызывало определенные сложности в практической деятельности, особенно при назначении судебно-медицинской экспертизы.

Сложность ситуации заключается в том, что при назначении данной экспертизы для установления степени тяжести причиненного вреда здоровью пострадавшему, необходимо изъять медицинскую карту на его имя в медицинском учреждении, куда обращалось данное лицо. И здесь следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. В соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ только суд правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или охраняемую федеральным законом тайну. Таким образом, произвести изъятие медицинской карты на имя пострадавшего в медицинском учреждении можно только в ходе производства выемки по судебному решению.

Возникает вопрос, можно ли провести выемку до возбуждения уголовного дела. Некоторые авторы полагают, что данное следственное действие можно произвести до возбуждения уголовного дела, на основании того, что перечень проверочных действий, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ, а изъятие является составной частью выемки[1]. На наш взгляд, такое понимание термина «изъятие» недопустимо, так как «выемка» не является синонимом термина «изъятие». Выемка – это следственное действие, и нормы УПК РФ, регламентирующие порядок ее производства, содержат прямое указание на производство данного следственного действия в рамках предварительного расследования, то есть когда уголовное дело уже возбуждено. Поэтому выемку можно произвести только после возбуждения уголовного дела.

Однако, в практической деятельности ситуация при решении этого вопроса складывается иначе. Так, 90 % опрошенных нами в ходе анкетирования дознавателей и следователей по г. Москве и Московской

---

[1] Наумов А. М. Проблема выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2016. № 7. С. 10.

области подтвердили факт того, что в случае назначения судебно-медицинской экспертизы до возбуждения уголовного дела осуществляют изъятие медицинской карты на имя пострадавшего по запросу от своего лица или органа, в котором осуществляют свою служебную деятельность.

На наш взгляд, осуществлять изъятие медицинской карты на имя пострадавшего в медицинском учреждении по запросу лица, осуществляющему проверку сообщения о преступлении недопустимо, так как это противоречит закону. В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, допускается по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством. Предварительное расследование – это самостоятельная стадия уголовного процесса, и она производится только в рамках уголовного дела в форме предварительного следствия или дознания. Поэтому изъятие медицинской карты на имя пострадавшего из медицинского учреждения путем предъявления запроса лицом, осуществляющим проверку сообщения о преступлении, влечет за собой негативные правовые последствия.

Решение данной проблемы, на наш взгляд, может быть двояким. Во-первых, следует исключить из перечня проверочных мероприятий, закрепленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, назначение и производство экспертизы. Во-вторых, необходимо внести на законодательном уровне соответствующие корректировки в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которые позволят в рамках закона реализовать назначение и производство экспертизы на этапе проверки сообщения о преступлении без негативных последствий для правоприменителя. Либо внести изменения в п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и изложить эту норму следующим образом: «Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, допускается по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с решением вопроса о возбуждении уголовного дела, проведением расследования или судебным разбирательством».

Рассматривая проблему назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела, следует остановиться еще на одном важном вопросе, который касается правосубъектности участников уголовного судопроизводства. На этапе возбуждения уголовного дела нет таких участников уголовного судопроизводства, как потерпевший, подозре-

ваемый, свидетель, а такое следственное действие, как назначение и производство экспертизы, требует, чтобы у данных лиц были соответствующие права на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта. Эти права у данных участников имеются, но только после возбуждения уголовного дела. В соответствии с УПК РФ дознаватель либо следователь обязаны ознакомить потерпевшего и подозреваемого с постановлением о назначении экспертизы, а позже – с заключением эксперта. И тут возникает вопрос, каким образом должна осуществиться эта процедура в ходе проверки сообщения о преступлении, когда необходимо назначить какую-либо судебную экспертизу.

В практической деятельности дознаватели и следователи знакомят данных участников после возбуждения уголовного дела, так как существует процессуальный бланк ознакомления потерпевшего и подозреваемого с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта. Данный факт подтвержден результатами проведенного нами анкетирования среди дознавателей и следователей по г. Москве и Московской области. 100 % из них подтвердили, что при назначении экспертизы до возбуждения уголовного дела знакомят с соответствующим постановлением уже потерпевшего и подозреваемого после возбуждения уголовного дела.

Полагаем, что это нарушает права участников на этапе проверки сообщения о преступлении. Поэтому для решения этой проблемы предлагаем на законодательном уровне закрепить права участников проверки сообщения о преступлении при назначении судебной экспертизы либо определить конкретный статус этих лиц на этапе возбуждения уголовного дела.

Проведя анализ некоторых положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ, следует сказать, что затронуты не все проблемные вопросы, а только некоторые из них, относительно такого следственного действия, как назначение и производство судебной экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении. Сказанное позволяет сделать вывод, что данный вопрос требует законодательного урегулирования путем внесения соответствующих корректировок в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а также в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Химичев М. В.[1]**,**
студент юридического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова;

Шаров Д. В.[2]**,**
адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,
кандидат юридических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Источники уголовно-процессуального права – важнейший вопрос для регулирования уголовно-процессуальных отношений, но не такой однозначный, каким может показаться на первый взгляд. Камнем преткновения здесь является определение высшего звена в пирамиде данных источников.

Например, в учебнике по уголовному процессу под редакцией К. Ф. Гуценко[3] Конституция Российской Федерации стоит на первом месте, затем указаны нормы международных договоров Российской Федерации, затем УПК РФ и другие источники. В то же время профессор А. В. Гриненко[4] отдает первенство среди источников общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации.

Вместе с тем решение, хотя и косвенное, проблемы иерархии правовых актов, в том числе регламентирующих уголовно-процессуальные отношения, содержится в Конституции Российской Федерации[5].

---

[1] © Химичев М. В., 2020.
[2] © Шаров Д. В., 2020.

[3] Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало-М, 2004. С. 40.

[4] Гриненко А. В. Уголовный процесс : учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2012. С. 22–23.

[5] Химичева О. В., Шаров Д. В. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации как источники уголовно-процессуального права // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 71–75.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Следовательно, международные договоры России имеют верховенство над нормами федеральных конституционных и федеральных законов, а также подзаконными актами, однако данная норма не устанавливает их соотношения с Конституцией Российской Федерации.

В таком случае обратимся к ч. 1 ст. 15, где сказано «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации».

Такое неоднозначное нормативно-правовое закрепление иерархии источников и порождает дискуссию относительно места международных договоров нашей страны в системе ее законодательства. Действительно, «Конституция была принята уже более четверти века назад в условиях тяжелого внутриполитического кризиса»[1], хотя помещение на первое место в списке источников именно Конституции представляется логичным.

Тем не менее, в постсоветский период развития правовой системы нашей страны долгие годы общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры России фактически были главенствующим в иерархии нормативных актов. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, то применяются правила международного договора (ч. 3 ст. 1 УПК РФ). Некоторые статьи российского уголовного закона прямо устанавливают необходимость применения международного договора Российской Федерации, к примеру, согласно ст. 355 УК РФ: «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного

[1] Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 16.01.2020).

международным договором Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

В сфере уголовного судопроизводства приоритет выразился, в частности, в имплементации некоторых положений, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод в УПК РФ. Например, норма о разумном сроке судопроизводства (ст. 6^1) появилась в кодексе как раз под влиянием Европейской Конвенции.

Конвенция имеет важнейшее значение для защиты прав и основных свобод человека и гражданина, в том числе и с помощью Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Конвенция была ратифицирована нашей страной 30 марта 1998 г. соответствующим Федеральным законом, который также признавал ipso facto (автоматически) юрисдикцию ЕСПЧ. Поэтому Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 отмечено, что применение судами Европейской конвенции должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ[1].

Российская Федерация последовательно подтверждает свою приверженность ратифицированным международным договорам, в том числе и вышеуказанной Конвенции, в подавляющем большинстве случаев исполняя решения ЕСПЧ. Так, например, в Федеральном законе от 29 ноября 2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 гг.» (п. 6 ч. 1 ст. 21) предусмотрена сумма более 2 млрд руб. для выплаты компенсации истцам в соответствии с решениями ЕСПЧ.

Однако в последнее время в решениях ЕСПЧ стали проявляться тенденции выявления скрытого смысла норм этой конвенции, буквально не вытекающего из ее текста и, соответственно, не учтенного при ее ратификации Российской Федерацией. В качестве примеров можно привести решения ЕСПЧ по делу ЮКОСа[2] и по делу о доступе

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (в последующих редакциях) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 16.01.2020).

[2] Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. // Дело ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против Российской Федерации [OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia] (жалоба № 14902/04) (1 секция) // СПС «ГАРАНТ». URL : http://base.garant.ru/.

заключенных к выборам (Анчугов и Гладков против России)[1], признавшие нарушение российскими властями Европейской конвенции.

Такие решения ЕСПЧ ставят нашу страну перед неизбежным выбором: либо европейский путь частичной десуверенизации, либо выстраивание неких защитных механизмов, позволяющих оградить собственные конституционные ценности.

Первым шагом в направлении защиты основополагающих принципов и норм, закрепленных в Конституции Российской Федерации, стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П[2].

Из него следует принципиально важный вывод – в случае, если исполнение решения ЕСПЧ приведет к нарушению указанных принципов и норм, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать такого нарушения.

На основании указанного постановления были внесены поправки в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которым (п. 3.2 ст. 3) Конституционный Суд Российской Федерации по запросам соответствующих органов исполнительной власти, вправе разрешить вопрос о возможности или невозможности исполнения решения ЕСПЧ.

---

[1] Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и № 15162/05) (1 секция) // Система «ГАРАНТ». URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 16.01.2020).

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», п.п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч.ч. 1, 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1, 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч.ч. 1,4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «ГАРАНТ». URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 16.01.2020).

Данный подход уже реализован в Постановлении Конституционного Суда России от 19 апреля 2016 г. № 12-П[1], в котором исполнение постановления ЕСПЧ по указанному делу, а именно требование внести в российское законодательство изменения, позволяющие не ограничивать в избирательных правах ряд категорий осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда, в соответствии с ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, признано невозможным.

В другом решении, Постановлении Конституционного Суда России от 19 января 2017 г. № 1-П[2], обоснована невозможность исполнения решения ЕСПЧ в связи со следующим: «Именно существо деятельности ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» как юридического лица (а не только установленные в порядке уголовного преследования факты мошеннического поведения членов руководящих органов компании и некоторых ее акционеров и наличие на момент ликвидации неисполненных обязательств, в том числе перед бюджетом, на сумму, значительно превышающую размер присужденной компенсации, которые также привносят кумулятивный эффект в оценку возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г.) обусловливает несоответствие присуждения компенсации конституционным принципам равенства и справедливости и, следовательно, невозможность ее выплаты с точки зрения Конституции Российской Федерации».

Эти решения Конституционного Суда России вполне отвечают стратегическим целям защиты конституционного строя, суверените-

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ». URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 16.01.2020).

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против России в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ». URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 16.01.2020).

та, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, а также основных прав и свобод человека и гражданина.

Российская Федерация, неуклонно соблюдая общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, участницей которых является, тем не менее, стремится к обеспечению государственного суверенитета и невмешательства в свои внутренние дела: «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным»[1]. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, не утрачивая значения источника права, тем не менее, в интерпретации международных судебных органов не должны противоречить положениям Конституции Российской Федерации, из чего следует исходить как законодателю, так и правоприменителю.

Таким образом, в современной России ее Конституция имеет безусловный приоритет в иерархии законодательства, в том числе и регламентирующего уголовное судопроизводство. Как отвечает Президент Российской Федерации В. В. Путин, «пришло время внести в Основной закон страны некоторые изменения, которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве»[2].

---

[1] Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. // СПС «ГАРАНТ». URL :http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 16.01.2020).

[2] Там же.

Шуваева М. С.[1]**,**
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я Кикотя;

Белавин А. В.[2]**,**
кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АЛГОРИТМИЗАЦИИ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

На сегодняшний день борьба с преступлениями коррупционной направленности занимает первое место среди первоочередных задач стоящих перед правоохранительными органами.

На практике распространенными преступлениями коррупционной направленности являются дача и получение взятки (ст.ст. 290 и 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество (ст.ст. 291.1 и 291.2 УК РФ). Качество расследования данных преступлений зависит от понимания сущности перечисленных выше противоправных деяний, и от алгоритмизации собирания доказательственной информации на первоначальном этапе расследования.

Частная методика расследования дачи и получения взятки достаточно хорошо раскрыта в рамках криминалистической науки[3]. Вместе с тем, посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество в научной криминалистической литературе (как частные методики) освещены менее подробно, в отличие от перспективных исследований в уголовном праве и криминологии[4]. Выделим, что вопросы ал-

---

[1] © Шуваева М. С., 2020.

[2] © Белавин А. В., 2020.

[3] Криминалистика. Полный курс в 2 ч. Ч. 2: учебник для бакалавриата и специалитета / [В. В. Агафонов и др.]; под общ. ред. В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019; Агафонов В. В. Криминалистика: учебное пособие для среднего профессионального образования 8-е изд., перераб. и доп. / В. В. Агафонов, А. Г. Филиппов. М.: Юрайт, 2019.

[4] Голубых Н. В., Лепихин М. О. Совершенствование уголовного законодательства в области борьбы с коррупцией // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям и преступлениям в сфере экономики. Материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 141–148.

горитмизации собирания доказательственной информации на первоначальном этапе расследования дачи и получения взятки, а также посредничества во взяточничестве и мелкого взяточничества вовсе не нашли своего полного раскрытия в современной литературе.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД РФ, показатели раскрытия и расследования преступлений по ст.ст. 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ на протяжении последних 4 лет остаются стабильными. При анализе уголовных дел (проанализировано 72 уголовных дела) наблюдается совершенствование способов совершения взяточничества. Данное обстоятельство говорит о существовании некоторых проблем при расследовании взяточничества на первоначальном этапе.

Традиционными следственными действиями, для первоначального этапа расследования взяточничества остаются осмотр места происшествия и осмотр предметов. Одной из центральных проблем данных следственных действий является отсутствие алгоритма собирания доказательственной информации, который состоит из поэтапных действий по обнаружению, фиксации и изъятию следов и вещественных доказательств. На практике мало внимания уделяется описанию и упаковке денежных банкнот при даче или получении взятки, а равно при посредничестве взяточничеству.

При кажущейся простоте обнаружения, фиксации и изъятия, упаковки денежных средств, при проведении осмотра предмета или осмотра места происшествия, практические сотрудники допускают массу просчетов, а также бессистемно подходят к протоколированию выявленных объектов. При анализе уголовных дел нами выявлено:

1) наличие бессистемного описания обнаружения денежных средств;

2) наличие разных схем описания и разницы в терминологии, используемой для описания денежных средств;

3) отсутствие четкого алгоритма при описании упаковки денежных средств.

Следует констатировать, что в настоящее время у сотрудников следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов нет четкого единого представления о последовательности действий при обнаружении, описании упаковки денежных средств. Проведенное нами изучение протоколов следственных действий (было изучено 87 протоколов осмотров места происшествия и осмотров предметов) выявило, что при их составлении имеют место неверное

или неправильное описание способов выявления, а также общих и частных признаков денежных банкнот и их упаковки.

В связи с этим, во избежание ошибок при фиксации денежных банкнот (а именно их упаковки), нами предлагается следующий алгоритм собирания доказательственной информации при протокольном описании:

1) способ (визуальный или инструментальный) и место обнаружения денежных банкнот (с привязкой к двум неподвижным ориентирам);

2) наименование упаковки (пакет, сверток, конверт, коробка) и материал упаковки (бумага, картон, полимерная пленка). В протоколе возможно указание на отдельные свойства упаковки (например, эластичность);

3) размеры упаковки (длина и ширина);

4) цвет осматриваемого объекта. Цвет определяется исходя из альбома цветов или на вид с комбинацией оттенков (светлый, темный);

5) наличие перевязочного материала (шпагат, липкая пленка типа «скотч» и т. д.);

6) общие и частные характеристики реквизитов банкноты в упаковке: количество, номинал, номер и серия, водяные знаки, кипп-эффект, металлографическое изображение с повышенной рельефностью, фоновая печать, микроузор, совмещающиеся изображения, защитная нить, фоновая сетка, микротекст, голограмма;

7) перечень приемов, способов, а также криминалистических технических средств, применявшихся при изучении документа;

8) применяемые дополнительные способы фиксации (фотографирование, видеозапись);

9) способ изъятия и упаковки.

Алгоритмизация собирания доказательственной информации при протокольном описании, по нашему мнению позволит оптимизировать процесс заполнения процессуальных документов сотрудниками правоохранительных органов. Кроме того, применение предложенного алгоритма позволит исключить ошибки и приведет к уменьшению времени работы сотрудников следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, предусмотренных ст.ст. 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ.

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Абакумов Е. С.[1],
начальник отделения УЭБиПК МВД России
по Кабардино-Балкарской Республике,
адъюнкт Академии управления МВД России

УВЕДОМЛЕНИЕ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ

Своевременное и достаточное уведомление заинтересованных лиц является необходимым средством защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовно-процессуальных отношений, поскольку позволяет им предпринять необходимые меры. Современный мир предлагает новые способы передачи информации, которые в полной мере могут служить успешному решению задач уголовного судопроизводства.

Среди таких вариантов – электронная форма уведомления участников уголовного процесса. Предложение о возможности уведомления участников уголовного судопроизводства в электронной форме в полной мере соответствует современным тенденциям уголовного процесса – это его оптимизация, обеспечение процессуальной и финансовой экономии. При этом оно не только не препятствует выполнению назначения уголовного судопроизводства в деле защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовно-процессуальных отношений, но и способствует максимально быстрому уведомлению различных лиц, что, в свою очередь позволяет обеспечить быстроту реагирования и использования способов охраны прав граждан и их восстановления. Кроме того, в научной среде отмечается, что «необходимо учитывать современную информационную составляющую, высокую технологичность современного общества» и обеспечить «переход к электронной форме фиксации хода и результатов уголовного судопроизводства»[2].

---

[1] © Абакумов Е. С., 2020.

[2] Баранов А. М. Уголовный процесс России: закон и политика // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 25. С. 33–39.

В рамках статьи мы акцентируем внимание на использовании электронной формы уведомления некоторых участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Такой ракурс обусловлен следующими обстоятельствами. Лицо уведомляется об акте, который создает значимые правовые последствия, сопряженные с реализацией процессуальных прав. Участники уголовного процесса со стороны защиты лично или посредством делегирования осуществляют охрану своих прав, свобод и законных интересов или представляемых лиц. Эффективная и качественная реализация такой функции во многом обусловлена своевременностью получения информации, позволяющей определить законность и обоснованность решений и действий (бездействий) участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, и принять меры адекватного противодействия при возникновении сомнений в таких достоинствах актов следователя, дознавателя.

Обязанность следователя уведомить тех или иных лиц предусмотрена в нормах УПК РФ. Среди таких положений, например, уведомление о задержании подозреваемого (ст. 96), незамедлительное уведомление лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело (ч. 4 ст. 146), уведомление подозреваемого, обвиняемого и его защитника, гражданского ответчика или его представителя, о приостановлении предварительного следствия (ч. 1 ст. 209), уведомление обвиняемого об окончании предварительного следствия составлением обвинительного заключения (ч. 1 ст. 215). Полагаем, идея об использовании электронной формы уведомления может быть расширена и распространена на другие процессуальные акты.

Для участников уголовного судопроизводства со стороны защиты представляет интерес быстрое и достаточное получение информации в следующих случаях.

При задержании лица необходимо уведомить близких родственников, родственников или близких лиц. Информирование заключается в доведении до их сведения информации о факте задержания и месте нахождения лица (ч. 1 ст. 96 УПК РФ).

При возбуждении уголовного дела уведомляется лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). Лицо информируется о факте принятия такого решения.

При приостановлении предварительного следствия о принятом решении уведомляются гражданский ответчик или его представитель, которым необходимо разъяснить порядок обжалования данного ре-

шения, а также подозреваемый, обвиняемый и его защитник (ч. 1 ст. 209 УПК РФ).

При принятии решения о составлении обвинительного заключения об этом уведомляется обвиняемый (ч. 1 ст. 215 УПК РФ). Лицо информируется о том, что процесс производства по уголовному делу завершен и возникают соответствующие процессуальные возможности, например, ознакомиться с материалами уголовного дела.

Уведомление несет следующую процессуальную нагрузку: довести до сведения установленных в законе лиц, органов важную, краткую информацию, которая необходима для осуществления последующего комплекса действий, причем как следователем, так и участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты. Например, при назначении экспертизы у подозреваемого, обвиняемого, его защитника возникают процессуальные права в виде ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявления ходатайства и другие, или же возбуждение уголовного дела в отношении лица влечет возникновение права на обжалование такого решения. Уведомление в электронной форме о состоявшихся актах позволяет названным лицам инициировать реализацию своих процессуальных прав.

Уведомление подразумевает способ информирования, не идентичный направлению копии документа, поскольку ограничивает доступ иных лиц к информации, полученной по уголовному делу. Такой подход является своеобразным балансом между обязанностями следователя обеспечить сохранность информации и проинформировать заинтересованных лиц о состоявшемся акте.

Такие показатели, как небольшой объем информации, подлежащий передаче, определенное назначение этих сведений, задача быстрого доведения данных до заинтересованных лиц позволяют эффективно использовать электронную форму.

Выполнение требования закона о незамедлительности уведомления может быть в полной мере исполнено при обращении к электронной форме информирования.

Использование электронной формы уведомления должно быть сопряжено с соблюдением некоторых факторов, которые позволят обеспечить законность и обоснованность такого акта, своевременность направления и получения информации. В целом использование электронной формы процессуальных документов нуждается в разработке соответствующих стандартов. При этом ученые отмечают «от-

сутствие общепризнанного стандарта построения системы электронных документов, образующих уголовное дело. Несмотря на то, что технические решения данной проблемы уже имеют место на практике, они носят разобщенный характер и не связаны едиными стандартами представления и хранения информации»[1]. В рассматриваемом контексте среди необходимых факторов:

1) получение предварительного согласия адресата на использование электронной формы уведомления, что является необходимым требованием, при выборе способа информирования установленных в законе лиц;

2) уточнение и отражение в материалах уголовного дела характеристик технического устройства получателя, идентификационные параметры направляющего технического устройства, что обеспечит гарантированный доступ информации;

3) своевременность, полнота, адресат информирования, что позволит быстро довести до сведения заинтересованного лица необходимый объем информации;

4) подтверждение факта получения информации, что позволит определить решение задачи по уведомлению заинтересованного лица;

5) размещение этого документа в печатном формате в материалах уголовного дела, как подтверждение выполнения следователем своих обязанностей, как средство его защиты при возникновении конфликтной ситуации, подлежащей разрешению контрольно-надзорными органами.

Итак, решение задачи оптимизации уголовно-процессуальных процедур при сохранении цели охраны прав участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, лежит в плоскости использования электронной формы уведомления следователем заинтересованных лиц о состоявшемся акте. Правовое обеспечение такого предложения сопряжено с корректировкой уголовно-процессуального закона посредством введения тезиса о допустимости использования электронной формы уведомления лица.

---

[1] Халиуллина Л. Г. Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 75–79.

Большакова Я. С.[1]**,**
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«История уголовного процесса начинается господством в нем частного начала и полным совпадением его с процессом гражданским; усмотрение сторон и формализм разбирательства – его характерные черты», – отмечает И. Я. Фойницкий[2]. В свете этого, становление и правовое регулирование гражданского иска в уголовном судопроизводстве имеет глубокие исторические корни, уходящие к истокам возникновения государства и права.

В связи с этим, институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве испытывает на себе следы эволюции уголовного процесса в целом. Поэтому данный институт невозможно рассматривать в отрыве от развития частных начал. Прежде всего, необходимо рассмотреть предпосылки возникновения гражданского иска в уголовном процессе, выделив основные этапы его развития.

Период частно-искового или обвинительного уголовного процесса. Это период догосударственного развития общества, история которого начинается с господства частного права. Уголовное право и уголовный процесс в современном понимании отсутствовали, однако конфликты существовали и требовали своего разрешения. Преступление в рассматриваемом периоде носило частный характер, соответственно и восстановление нарушенных прав осуществлялось самостоятельно усилиями частных лиц, их семействами, родами и даже союзами родов (под гражданским истцом понимались не физические лица, а семья, род, община, где отдельный ее член не представлял собой полноправного участника правоотношений). Уголовное преследование осуществлялось в частном порядке в форме самосуда, где признавалось и обеспечивалось право мести. Истец-обвинитель сам привлекает к суду ответчика, ведет с ним на суде состязание, представляя суду уголовные доказательства.

---

[1] © Большакова Я. С., 2020.

[2] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб: Альфа, 1996. Т. I. С. 17.

Частный интерес и частная воля обвинителя позволяют сделать вывод, что исторически процедура возмещения вреда отвечает признакам гражданского процесса, где последствия соизмеряются лишь с величиной причиненного имущественного вреда.

В этой связи следует подержать позицию С. В. Познышева, который утверждает, что подобно древнеримскому, германскому, французскому и другим процессам древности, наш древнерусский уголовный процесс строился по типу гражданского процесса. До судебников у нас существовал один общий исковой судебный порядок, как для дел гражданских, так и уголовных[1].

В дополнение отметим точку зрения профессора Ф. Л. Морошкина: «Право живет в народных обычаях…»[2]. Примирительное право родового строя не дает возможности определить начальную точку возникновения норм о возмещении вреда. Можно лишь констатировать тот факт, что появлялись предпосылки к возникновению правил и порядка возмещения вреда.

Первое правовое регулирование начинается с появлением на Руси договоров. В X в. между русскими князьями и византийцами было заключено четыре договора: Олегом (907 г. и в 911 г.), Игорем (945 г.), Святославом (972 г.). Так, феодальная раздробленность была неизбежным этапом в развитии древнерусского государства, которое в результате постоянных усобиц русских князей распалось на двенадцать удельных княжеств. Несмотря на то, что каждый держал свою вотчину, существовала единая правовая система под куполом эпохального сборника правых норм – Русской правды. Данный документ усиленно защищал жизнь и имущественные права привилегированного класса. Необходимо отметить, что большинство наказаний по Русской Правде выражались в денежных платежах, часть из которых шла в возмещение вреда потерпевшему[3].

Сквозь древнюю форму обвинительного процесса пробивается процесс разыскной. В России этот период пришелся на эпоху Судебников. На этом этапе происходит централизация государственной вла-

---

[1] Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса: 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2016. С. 20.

[2] Морошкин Ф. Л. Об Уложении и последующем его развитии : Речь, произнес. в торжеств. собр. Моск. ун-та орд. Ф. Морошкиным 10 июня 1839. М.: Унив. тип., 1839. С. 16.

[3] Ст.ст. 35–36 Русской Правды в пространной редакции.

сти и ее укрепление. Разыскное судопроизводство рассматривается как самостоятельная отрасль государственного управления. Государство активизирует публичные начала, отодвигая назад частно-исковые. Уголовное преследование могло начаться без обвинителя. Губные старосты, не дожидаясь жалоб и обвинителей, сами обязаны были разыскивать и преследовать татей, разбойников и иных лихих людей[1]. Именно с развитием взгляда на преступление меняется тип уголовного процесса. Преступление, которое рассматривалось ранее как обида частного лица, теперь становится посягательством, направленным против правового порядка.

С принятием Иваном III Судебника (1497 г.) юрисдикция великого князя распространилась на всю территорию Московского государства, а правовая самостоятельность отдельных земель и уделов была ограничена. По Судебнику Ивана IV (1550 г.) дело начиналось по инициативе государства в лице должностных лиц – дьяков и избных старост. В отличие от «Русской Правды» Судебник 1497 г. признавал право обращения в суд всех, в том числе и холопов. Однако Судебники установили целый ряд судебных пошлин, в частности за подачу иска в суд (ст. 3 Судебника 1497 г., ст. 8 Судебника 1550 г.). Судебные пошлины были настолько высокие, что низшие слои населения едва ли могли обратиться в суд за помощью. В комментарии к ст. 8 Судебника 1497 г. отмечается, что «...совершившие татьбу, разбой или душегубство подлежали помимо возмещения материального ущерба истцу, наказанию по усмотрению судьи. ... Определяя порядок распоряжения его имуществом, часть которого шла в возмещение иска, а остальная в пользу судей, ст. 8 специально подчеркивает невозможность отмены смертной казни и передачи обвиняемого, при отсутствии у него имущества, истцу для отработки долга»[2].

Особая роль в развитии русского права принадлежит Соборному уложению 1649 г., которое просуществовало свыше двухсот лет. Согласно Уложению, размер присуждаемой истцу суммы определялся со слов разбойника на пытке. Если виновный не мог перечислить украденное, то взыскивалась сумма, равная четверти исковых требований (ст.ст. 24–25 гл. XXI Соборного Уложения 1649 г.)[3]. В ст. 22 Соборного

---

[1] Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. С. 25.

[2] Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. Т. 2. М., 1985. С. 68.

[3] Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 233.

Уложения содержалось общее положение об удовлетворении исков к тятям и разбойникам из их имущества. Если же его было недостаточно, оставшаяся часть иска распределялась на соучастников преступления.

В каких именно размерах подлежали иски удовлетворению сказано в ст.ст. 23–27, в соответствии с которыми иск удовлетворялся в том размере, который указывался преступником на пытке, или в размере одной трети предъявленной истцом претензии, если осужденный говорил на пытке, что не помнит количества украденного или награбленного. Если же наличного имущества разбойника было недостаточно для удовлетворения иска в указанных размерах, то иск удовлетворялся лишь частично[1].

Подводя итог, следует сказать, что за рассматриваемый период произошли значительные изменения в государственном и правовом развитии. Усиление законодательства XVII века связано с тем, что в юридические отношения проникло законодательное начало и юридические гарантии. Обычай уступает место судебной практике. Постепенное становление разыскного типа уголовного процесса, который оставался таковым в течение всего XVIII в. и первой половины XIX в. вплоть до реформы 1864 г., порождало усиление роли суда, в связи с чем изменяется и порядок взыскания вреда. Если раньше виновный обязывался компенсировать его потерпевшему, то теперь государство, поставив под охрану и защиту интересы частных лиц, стремилось посредством наказания в некоторых случаях также получить имущественное вознаграждение. По мере усложнения гражданских отношений появляются дела новые, более сложные, возмещение вреда выступает как составляющая уголовного наказания. Преступление становится публичным делом, ставящим в опасность не только интересы частных лиц, но и всего государства в целом. Существенным недостатком рассматриваемого типа процесса являлось отсутствие состязательных начал, так как обвиняемый не имел возможности противостоять стороне обвинения и являлся бесправным участником.

Ни обвинительный, ни разыскной типы процесса реально не существовали в чистом виде и не ограничивались строгими временными рамками, ибо каждый из типов содержал в себе элементы как розыска, так и состязательности.

---

[1] Законодательные памятники русского централизованного государства XV–XVII вв. Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. С. 363–364.

Бондаренко И. П.[1],
соискатель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Понятие «гарантия» достаточно обстоятельно разработано в науке, тем не менее, устоявшегося его понимания так и не достигнуто.

Во многом этому способствует тот факт, что термин «гарантия» нередко используется в законодательстве, в том числе, в наименованиях законодательных и иных нормативно-правовых актов[2], но ни в одном из них сам термин не раскрывается. Нормативных правовых актов, в которых использовалось бы понятие «правовые гарантии», нам обнаружить не удалось.

Если проанализировать научные исследования, то выяснится, что в теории права в определениях гарантий чаще всего используются слова «условия» и «средства».

По мнению О. В. Еременко, гарантии – это, в первую очередь, средства, а затем уже условия и способы, обеспечивающие что-либо[3].

О. В. Савенкова и Ю. Е. Туктаров, напротив, считают, что гарантия – это, прежде всего, социальное условие, обеспечивающее реальность вероятного явления, процесса[1].

---

[1] © Бондаренко И. П., 2020.

[2] Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-I «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33, ст. 1913; Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24, ст. 2253; Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. I), ст. 4595.

[3] Еременко О. В. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов заинтересованных лиц по неисковым производствам. Астрахань, 2009. С. 7.

В работах ученых-процессуалистов предлагаются следующие определения процессуальных гарантий:

– «… установленные законом средства и способы, содействующие успешному осуществлению правосудия, защите прав и законных интересов личности»[2];

– «… установленные уголовно-процессуальным законом способы и средства, обеспечивающие осуществление прав и обязанностей участников уголовного процесса»[3];

– «… содержащиеся в нормах права правовые средства, обеспечивающие всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность исполнять обязанности и использовать предоставленные права»[4];

– «… специальные правовые средства, обеспечивающие реализацию прав и законных интересов участников процесса, а равно выполнение ими своих обязанностей. Специальный характер этих средств заключается в том, что они позволяют управомоченному лицу принудительно защитить свое право или добиться выполнения кем-либо его обязанности, независимо от воли противостоящих ему субъектов»[5].

В ряде авторефератов диссертаций (Р. М. Евлоев, Ю. И. Лаврешин), научных статей (С. Ю. Францифорова, Г. В. Доста) и даже монографий (Н. П. Печников) непосредственно посвященных процессуальным гарантиям, обнаружить их определения нам не удалось.

О. В. Волколуп и Ю. Б. Чупилкин понятие уголовно-процессуальных гарантий формулируют несколько иначе, чем большинство указанных выше авторов, а именно как совокупность нормативно закрепленных в уголовно-процессуальном законе субъективных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, а также процессуальную форму (основания, порядок, условия) их реализации и выполнения[6].

---

[1] Савенкова О. В., Туктаров Ю. Е. Понятие и особенности гражданско-правовых гарантий // Правоведение. 1999. № 3. С. 84.

[2] Алексеев Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. Воронеж, 1980. С. 58.

[3] Вандышев В. В. Уголовный процесс : учебник. СПб, 2004. С. 44.

[4] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинская. М., 2000. С. 64.

[5] Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник. СПб, 2004. С. 28.

[6] Волколуп О. В., Чупилкин Ю. Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации. Краснодар, 2005. С. 13.

Э. Ф. Куцова в правах и обязанностях должностных лиц, органов и граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, видит сущность уголовно-процессуальных гарантий[1].

Другие ученые, напротив, утверждают, что наличие прав еще ничто не гарантирует, поскольку именно права являются объектом гарантий[2].

Отметим также, что представитель советской науки теории государства и права И. С. Самощенко в качестве гарантий рассматривал права, а также юридические санкции[3].

Таким образом, кроме «условий», «средств», «способов», используемых в качестве составляющих понятия правовых, в том числе процессуальных, гарантий, в нем указывается на права и обязанности участников уголовного процесса, на нормы уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальную деятельность.

Представляется, что в определении понятия процессуальных гарантий прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства целесообразно использовать все указанные выше понятия, однако следует определить, что, собственно, имеется в виду под условиями, средствами и способами.

Возьмем за основу мнение О. В. Еременко, что в философском аспекте условие есть относительно внешнее предмету многообразие объективного мира; среда, в которой пребывают и без которой не могут существовать предметы и явления.

Если условия благоприятны, то они называются гарантиями осуществления прав и подразделяются на внешние и внутренние, относящиеся к самим субъектам осуществления прав; правовые средства представляют собой такие институциональные образования (формы, установления), с помощью которых можно достичь поставленной цели, а именно: обеспечить реальные равные возможности для беспрепятственного осуществления личностью принадлежащих ей прав; способ – это действие или система действий, применяемые при осу-

---

[1] Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М., 1973. С. 127–128.

[2] Мартынчик Е. Г. Субъективные права обвиняемого и процессуальные гарантии // Советское государство и право. 1976. № 7. С. 92.

[3] Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 81.

ществлении чего-нибудь, конкретный путь, вариант применения средств[1].

Условия осуществления прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, как представляется, понимаемые в самом широком смысле, в основном выходят за рамки правовых явлений. Думается, что в значительной мере эти условия относятся к общесоциальным.

В советской теории государства и права, например, к общесоциальным гарантиям законности относили: экономические условия, имея в виду экономическую систему, основу которой составляла социалистическая собственность на средства производства, и «рост материальной обеспеченности масс, повышение материальной заинтересованности в результатах труда»; политическими гарантиями считались «… вся политическая система социалистического общества, социалистический демократизм …»; к идеологическим гарантиям относили марксистско-ленинскую идеологию[2].

В настоящее время при осуществлении прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства экономические условия вряд ли играют существенную роль, впрочем, не играли они такой роли и ранее. Политические условия в наше время обеспечиваются конституционным строем Российской Федерации как правового и демократического государства. Что касается идеологии, то согласно ч. 3 ст. 13 Конституции Российской Федерации никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, что не исключает существования правовой идеологии.

Правовая идеология обычно рассматривается, с одной стороны, в качестве элемента правовой системы, а с другой стороны, сама правовая идеология включает в себя ряд элементов.

Так, А. Ф. Байков утверждает, что традиционно к структурным элементам правовой идеологии относятся: понятия и представления о праве и правовых явлениях общества; юридические идеи, категории, направленные на раскрытие сущности и законов развития правовой жизни; теории и учения, характеризующие взятую в развитии право-

---

[1] Еременко О. В. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов заинтересованных лиц по неисковым производствам. Астрахань, 2009. С. 16–17.

[2] Теория государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М., 1985. С. 411–412.

вую систему; взгляды мировоззренческого порядка, господствующие юридические доктрины[1].

А. А. Беседин утверждает, что современная правовая система – это правовая система западного типа, она соответствует либеральному типу политической системы общества. Далее же он отмечает, что основными смыслообразующими идеями правовой идеологии выступают идеи порядка, справедливости[2].

Однако для западной, либеральной правовой идеологии характерно признание высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина, а вовсе не идеи порядка и справедливости. В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Именно в этом положении Конституции Российской Федерации выражается официальная правовая идеология современной России. Это касается и прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Одной из функций правовой идеологии является формирование правосознания в соответствии с содержанием правовой идеологии[3]. В сфере осуществления прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства существенное значение имеет профессиональное правосознание лиц, осуществляющих этот вид государственной деятельности.

Особенности профессионального правосознания этих лиц выражаются в знании ими принципов, норм и категорий права и морали (нравственности), профессиональном отношении к праву и к практике его реализации, к правоохранительным органам и собственному правовому поведению, профессиональных умениях, приемах и навыках применять право. Знания работников правоохранительных органов могут и должны быть ограничены правовыми и нравственными принципами, нормами и категориями[4].

---

[1] Байков А. Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 7–8.

[2] Беседин А. А. Правовая идеология как элемент правовой системы современного общества : дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

[3] Байков А. Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 8.

[4] Бондарев А. А. Профессиональное правосознание государственных и муниципальных служащих : дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 7.

Таким образом, одним из условий, гарантирующих соблюдение прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства является официальная конституционно провозглашенная правовая идеология, основанная на приоритете прав и свобод человека и гражданина в системе общественных ценностей, формирующая соответствующее данной идеологии правосознание лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Данные условия являются благоприятными лишь при минимизации деформации профессионального правосознания лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, одной из форм которой является обвинительный уклон. При этом правовая идеология в целом выходит за рамки правовых предписаний и коренится в правосознании указанных лиц.

Права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства обеспечиваются при помощи средств (правовых возможностей) и способов (вариант применения средств), которые, в отличие от условий, всегда закреплены в УПК РФ. Поэтому, в целом можно сказать, что процессуальные гарантии прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства отражены в нормах уголовно-процессуального закона, предусматривающих полномочия, права и обязанности как самих этих участников уголовного судопроизводства, так и других органов, должностных и иных лиц, реализуемые в надлежащей правовой процедуре.

Таким образом, процессуальные гарантии прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства – это закрепленные в нормах уголовно-процессуального законодательства средства и способы, состоящие в надлежащем процессуальном порядке (процессуальной форме) уголовно-процессуальной деятельности, реализуемые в условиях конституционно закрепленной правовой идеологии, основанной на приоритете прав и свобод человека и гражданина в системе общественных ценностей.

Венидиктов М. И.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

СУЩНОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

По сведениям генерального секретаря Организации Объединенных Наций, в современный период 258 млн человек (около 3,4 % всего населения планеты) являются мигрантами, т. е. постоянно живут в стране, отличной от страны их происхождения[2]. Миграционные процессы отличаются высокой положительной динамикой, что объясняется «демографическими тенденциями в сочетании с такими сильными факторами, как воздействие изменения климата»[3]. Так, согласно докладу Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (ООН) от 12 декабря 2017 г., количество международных мигрантов за последние семнадцать лет увеличилось на 49 %. При этом Российская Федерация остается одной из наиболее привлекательных стран для миграции: с 2000 г. количество проживающих в ней международных мигрантов практически не изменилось и сегодня составляет приблизительно 11,7 млн человек. С таким показателем Россия занимает четвертое место в мировом рейтинге, уступая лишь Соединенным Штатам Америки, Саудовской Аравии и Германии[4]. Безусловно, это подчеркивает актуальность рассмотрения сущностной составляющей незаконной миграции и организации незаконной миграции.

Одним из первых актов, в котором дано определение миграции, стала «Федеральная миграционная программа на 1998–2000 гг.» утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 ноября 1997 г. № 1414, где под миграцией понимается пе-

---

[1] © Венидиктов М. И., 2020.

[2] Реализация целей миграции на благо всех: доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций от 12 декабря 2017 г. A/72/643 // Официальный сайт ООН. URL: http:// www.un.org. (дата обращения 13.11.2019).

[3] Там же.

[4] Статистика миграции: откуда и куда переселяются люди // The World only. 2018. URL: https://theworldonly.org. (дата обращения 13.11.2019).

ремещение по различным причинам людей через границы тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного изменения места жительства.

В ст. 1 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (в последующих редакциях) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» под миграцией понимается перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства, связанные с их въездом в Российскую Федерацию, транзитным проездом через территорию Российской Федерации, передвижением по территории Российской Федерации при выборе и изменении места пребывания или жительства в пределах Российской Федерации либо выездом из Российской Федерации.

В данном определении миграции наиболее полно отражается сложный механизм миграционных процессов, о чем свидетельствует включение в процесс перемещения транзитного проезда. При этом, в отличие от ранее приведенных определений, мигранты получили индивидуальный признак – гражданство, без чего невозможно подвергнуть миграционные отношения какой-либо правовой регламентации. Появилась определенность с пространственными пределами миграции: единственной предполагаемой границей стала государственная граница государства, а не какие-либо административные или иные неопределенные территории. К числу важных особенностей рассматриваемого определения миграции нужно отнести тот факт, что собственные граждане не рассматриваются в качестве мигрантов.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. под незаконной миграцией понимается перемещение в Российскую Федерацию с нарушением законодательства России, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан (лиц без гражданства) на территории Российской Федерации и осуществление ими трудовой деятельности[1].

Следовательно, под незаконным мигрантом понимается иностранный гражданин (либо лицо без гражданства), который осуществил территориальное перемещение в Российскую Федерацию, и (или) пребывающий (проживающий) на ее территории с нарушением миграционного законодательства России.

---

[1] Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Президента России, 2016. URL: http://www.kremlin.ru.

Незаконная миграция представляет собой въезд, пребывание, проживание и (или) осуществление иностранным гражданином, либо лицом без гражданства трудовой деятельности на территории страны с нарушением действующего законодательства и установленного порядка, то есть без оформления соответствующих документов и разрешений, определенных российским законодательством, а также с использованием недействительных, поддельных, фиктивных документов или утративших юридическую силу в связи с истечением сроков их действия.

Таким образом, незаконная миграция – это многогранное явление, которое влияет на состояние криминогенной ситуации в стране. Незаконная миграция несет в себе риски возникновения межнациональной и межконфессиональной напряженности, способствует росту терроризма, экстремистских настроений, этнической организованной преступности, расширению рынка нелегальной рабочей силы и развитию «теневой» экономики[1].

Рассматривая, понятие «организации незаконной миграции», следует подчеркнуть, что организация незаконной миграции – преступление, предусмотренное ст. 322.1 УК РФ, согласно которой под организацией незаконной миграции понимается организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзита через территорию Российской Федерации. Термин «организация» в данном контексте является основополагающим.

В УК РФ понятие «организация» используется в двух основных формах:

– как организация банды или другого организованного преступного формирования (ст.ст. 208–210, 282.1, 282.2 УК РФ);

– как организация преступления.

Так, А. В. Бриллиантов и И. А. Клепицкий полагают, что организация незаконной миграции может быть осуществлена только путем действий, которые могут заключаться в создании группы, занимающейся обеспечением незаконной миграции, разработке способов и маршрутов незаконного въезда в Российскую Федерацию, подыска-

[1] Богданов А. В., Хазов Е. Н. Незаконная миграция как одна из причин создания и деятельности организованной преступности на территории современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 176–179.

нии лиц, желающих незаконно мигрировать, обеспечении их соответствующими документами, установлении незаконных контактов с лицами, осуществляющими контроль за порядком въезда на территорию страны и пребывания в ней, ведающими выдачей виз, и в совершении иных действий, направленных на обеспечение незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через ее территорию[1].

Наиболее полным выглядит понятие, приведенное в комментарии к УК РФ под редакцией Лебедева В. М., в отношении организатора: «Организация совершения преступления, равно как и создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), – это обучение соучастников преступным навыкам, разработка плана совершения преступления или преступной деятельности, распределение между ними ролей и т. п., с той лишь разницей, что второй вариант деятельности организатора обладает повышенной общественной опасностью»[2].

Таким образом, организация незаконной миграции – это деятельность организованных преступных групп по привлечению в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства в нарушение существующего законодательства для их использования как в нелегальной трудовой деятельности, направленной на получение материальной выгоды, так и совершения преступлений и иных правонарушений для дестабилизации социально-политической обстановки в России.

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / [А. В. Бриллиантов и др.]. М.: Проспект, 2010.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X-XII (постатейный). Т. 4 / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017.

Денщикова Е. А.[1]***,***
слушатель 352 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников полиции
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Клементьева Е. С.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя)

ПОЯВЛЕНИЕ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Суд с участием присяжных заседателей является особенной формой организации суда, которая заключается в том, что дело разрешается и рассматривается в судебном разбирательстве двумя раздельными судебными составам: с одной стороны – профессиональные судьи, а с другой – представители общественности.

Изначально суд присяжных был зарожден еще в Древней Греции, после чего возродился в Англии и пришел на смену обвинительному жюри в XIII – XIV вв. Рассматриваемый институт появился благодаря попыткам формирования нового правового общества, которое должно было сменить существующий в Англии феодальный строй. Идея новой формы судопроизводства включала принцип равенства судей и подсудимых, который выражался в том, что в судебных разбирательствах принимали участие независимые граждане, названные присяжными заседателями. На протяжении многих веков рассматриваемый институт совершенствовался на основе возникающей судебной практики и судебных прецедентов.

Следует отметить, что английскую судебную систему характеризует отсутствие единого центра, который бы руководил всеми судами, поэтому различные суды всегда находились в разном структурном и организационном положении относительно друг друга[2].

---

[1] © Денщикова Е. А., 2020.

[2] Осетрова И. Н. Особенности судопроизводства в российском и английском суде присяжных в конце XX – начале XXI века // Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 19.

Появление института присяжных позволило объединить всю судебную систему, которая стала подконтрольна обычным гражданам[1].

Участие присяжных заседателей в английском судопроизводстве окончательно закрепилось только в 1670 г., когда были утверждены правила судопроизводства с привлечением присяжных[2]. В Англии обвиняемый, отрицающий свою вину, имел право на рассмотрение дела судом присяжных, которое начинало реализовываться с момента, когда обвиняемый изъявил желание о привлечении присяжных. Если обвиняемый, совершивший преступление средней тяжести, давал согласие на рассмотрение дела с участием суда присяжных, то это означало, что он согласен с предъявленным ему обвинением, и обвинительный приговор выносился без проведения дальнейшего судебного разбирательства. Обвиняемый, который совершил тяжкое преступление, отказывался предстать перед судом присяжных, он подвергался «пытке брусьями». Подобная процедура была отменена лишь в 1772 г., когда молчание обвиняемого перестало рассматриваться как признание вины. И только в 1827 г. был принят закон, согласно которому молчание предполагалось отрицанием вины[3].

Под влиянием общественного мнения в XVIII – XIX в. пытки в судах постепенно были отменены и возникла уже противоположная крайность – допрос обвиняемого в суде присяжных и вовсе перестал проводиться, лишая при этом подсудимого права на защиту. Уже к концу XIX в. англосаксонская правовая система окончательно сформировалась и стала действовать с некоторыми различиями на территории всех государств, относящихся к Соединенному Королевству.

Считается, что англосаксонская правовая система стала основоположником классической модели суда присяжных. В России суд присяжных заседателей был впервые введен Судебной реформой 1864 г., и тут же стал «краеугольным» камнем всего уголовно-процессуального законодательства. Однако следует отметить, что рассматриваемый правовой институт является особым способом защиты конституционной гарантии гражданина на судебную защиту. Основная

---

[1] Праскова С. В. Теоретические основы гласности правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Российская академия правосудия, 2004. С. 43.

[2] Ларин А. М. Из истории суда присяжных в России. М., 1995. С. 9–10.

[3] Ильюхов А. А. Российская и зарубежная модели развития института присяжных заседателей. Исторический аспект // Журнал российского права. 2008. № 1 (133).

ценность суда присяжных – это независимость присяжных заседателей от государства, поскольку суд присяжных является формой реализацией принципа непосредственного участия граждан в правосудии, закрепленного в ст. 32 Конституции Российской Федерации. Так, анализируя статистические данные можно прийти к выводу, что присяжные заседатели практически в 80 раз чаще оправдывают, чем профессиональные судьи[1]. Кроме того, с началом «возрождения» суда присяжных в Российской Федерации, около 20 процентов обвиняемых ежегодно заявляют ходатайства о рассмотрении дел с участием присяжных заседателей, так как указанная процедура гарантирует конституционное право граждан на участие в правосудии[2].

Существующая ранее в английском судопроизводстве, модель предусматривала, что вынесенный вердикт присяжных заседателей лишь тогда будет являться основанием для вынесения приговора, когда он будет принят председательствующим судом и соответственно занесен в протокол. При этом судья не всегда обязан принимать вердикт присяжных – в праве судьи вернуть присяжных заседателей в совещательную комнату, если будет установлено, что вердикт присяжных противоречив или может быть воспринят двусмысленно. Аналогичные требования на сегодняшний день закреплены в ст. 345 УПК РФ, согласно которому председательствующий судья, усмотрев вердикт неясным или противоречивым, предлагает вернуться в совещательную комнату для уточнения вердикта.

С 2008 г. число дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, было сокращено. Причиной этого стало «изъятие» ряда статей из компетенции присяжных заседателей. К ним отнесли, например, рассмотрение уголовных дел о терроризме, диверсиях, массовых беспорядках и т. д., то есть преступлениях, относящихся к категории особо тяжких, посягающих на государственную власть Российской Федерации. С введением в 2013 г. апелляционной проверки приговоров значительно «сузилась» компетенции областных и приравненных к ним судов, что также привело к уменьшению количества дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей.

---

[1] Насонов А. И. О реформировании суда с участием присяжных заседателей // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Российская газета. 2005. № 3941.

Следующим шагом стало «отстранение» присяжных заседателей от участия в рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних, женщин и мужчин, достигших возраста 65 лет. Во многом данное решение обусловлено необходимостью повышения объективности присяжных заседателей при их участии в судебном производстве. Проводя анализ периодов существования суда присяжных в России, можно прийти к выводу, что за период его деятельности компетенция присяжных заседателей была снижена вдвое.

На наш взгляд, незначительное количество привлечения присяжных заседателей для рассмотрения уголовных дел на «районном уровне» является упущением уголовно-процессуального законодательства, поскольку решение задачи об установлении общественного контроля за деятельностью как правоохранительных, так и судебных органов на данном этапе находится на минимально низком уровне. Это является причиной для последующего рассмотрения ряда приговоров в апелляционном порядке, что «загружает» производство в судах второй инстанции, основной задачей которых выступает проверка законности и обоснованности уже вынесенных судебных решений.

Несомненно, суд присяжных обладает большим количеством как плюсов, так и минусов, основным из которых является наделение суда присяжных функцией коллегиальности, которая повышает и раскрывает многие преимущества уголовного судопроизводства, такие как состязательность стороны, уменьшение риска на ошибку, злоупотребление полномочиями.

Традиционно, основной ролью суда присяжных выступает обеспечение признания человека виновным в преступлении по решению представителей народа, таким же, равным подозреваемому людям. В Конституциях многих стран закреплено, что все люди равны перед законом, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина, независимо ни от каких социальных и иных факторов.

Поддерживая принципы конституционности, суд присяжных сегодня выступает как гарант равенства человека перед судом, повышая качество и достоверность расследования определенного уголовного дела. Особенности проявляются и в оценивании доказательств, в формировании и вынесении решения по конкретному делу.

Сегодня же в масштабах многих стран мира суд присяжных является достаточно эффективным и часто встречающимся институтом суда присяжных, обеспечивающим справедливое и многостороннее рассмотрение уголовных дел в суде.

Дубина Е. А.[1]**,**
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Прекращение уголовного дела в судебном заседании с применением меры уголовно-правового характера является одним из видов его прекращения по нереабилитирующим основаниям. К сожалению, на сегодняшний день прекращение уголовного дела в соответствии со ст. 76.2 УК РФ может являться опасным явлением, поскольку открывает возможность органам дознания либо предварительного следствия направлять в суд уголовные дела, не имеющие за собой судебной перспективы, в частности, по которым отсутствуют достаточные доказательства вины в инкримируемом преступлении. Данный факт связан непосредственно с тем, что фактические обстоятельства дела в судебном заседании не исследуются. К счастью, по смыслу закона, применение судебного штрафа является исключительным правом суда, а не его обязанностью, что подтверждается многочисленной судебной практикой, когда в применении судебного штрафа отказывалось, несмотря на наличие формальных оснований для этого.

Полномочие суда отказать в применении меры уголовно-правового характера, несмотря на наличие предусмотренных ст. 76.2 УК РФ оснований, не противоречит закону, поскольку направлено на достижение целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и, тем самым, защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

Долго обсуждался вопрос о возможности применения судебного штрафа по преступлениям, где фактически отсутствовал потерпевший,

---

[1] © Дубина Е. А., 2020.

то есть ущерб причинен непосредственно общественным отношениям, что создавало многочисленные трудности правоприменителю.

Данный вопрос решился после опубликования Верховным Судом Российской Федерации Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа 10 июля 2019 г., в котором отмечено, что закон не содержит запрета на возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при соблюдении предусмотренных ст. 76.2 УК РФ условий и в тех случаях, когда диспозиция соответствующей статьи УК РФ не предусматривает причинение ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления (преступления с формальным составом).

Однако, при принятии решения о применении судебного штрафа, суды должны в каждом отдельном случае решать, предпринял ли преступник достаточные меры, чтобы загладить причиненный преступлением вред. А вывод о возможности освобождения человека от наказания не может быть формальным: каждое решение по этому вопросу суд должен объяснить ссылкой на фактические обстоятельства дела. Не лишним будет указать, что размер судебного штрафа меньше, чем штрафа, назначаемого как наказание.

Судебный штраф, согласно ст. 104.5 УК РФ, не может быть больше половины от основного штрафа (если статьей УК РФ штраф предусматривается), либо в принципе не может быть больше 250 тыс. руб. (если санкцией статьи штраф не предусмотрен) – и это максимум.

Что касается формальных оснований для применения судебного штрафа, то для этого необходимо выполнения трех условий:

1) преступление совершается впервые;

2) преступление относится к категории небольшой либо средней тяжести;

3) лицо должно возместить ущерб либо иным образом загладить причиненный преступлением вред.

Однако на практике применяется еще условие, о котором в законе не упоминается. Это присутствие в судебном заседании потерпевшего и прокурора, а также указание в постановлении мнения последних относительно заявленного ходатайства на прекращение уголовного дела. При этом стоит отметить, что возражения прокурора или потерпевшего против возможности применения судебного штрафа суд

фактически может не принимать во внимание при принятии итогового решения.

Важную функцию при направлении в суд таких дел осуществляет и прокурорский надзор, но и здесь он ограничен. С согласия прокурора такие ходатайства поступают в суд, согласно ст. 446.2 УПК РФ, только по делам, направляемым органом дознания. Что касается органов следствия, дела с ходатайствами направляются в суд, минуя органы прокуратуры, в связи с чем данная категория дел фактически остается без должного контроля со стороны надзорного органа. Согласно ч. 3 ст. 446.2 УПК РФ, следователь не направляет копию постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа прокурору. В таком случае прокурор может высказать мнение о законности и обоснованности ходатайства следователя лишь в ходе судебного заседания.

В заключение полагаю, что нормы ст. 446.2 УПК РФ необходимо дополнить и возложить на органы предварительного следствия обязанность согласования ходатайств о прекращении уголовных дел в порядке ст. 76.2 УПК РФ с прокурором, что будет препятствовать коррупционным проявлениям, которые возможны ввиду наличия данного пробела в законодательстве.

Ендольцева А. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРОЦЕДУРНОСТЬ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Судебный контроль является неотъемлемой частью действующей уголовно-процессуальной системы. Преимущество судебного контроля, в отличие от других видов контроля и надзора, многие ученые (Л. А Воскобитова[2], П. А. Лупинская[3], О. В. Химичева[4]) видят в его процедуре.

По мнению Л. А. Воскобитовой, «процессуальная форма осуществления судебной власти обладает свойством нормативности – процедурностью»[5]. Присутствие данного свойства выражается в его законодательной регламентации, в результате соблюдения которой реализуются принципы уголовного судопроизводства.

Однако нельзя утверждать, что в УПК РФ данная регламентация соблюдена в полном объеме. Рассмотрим данный тезис на примере ст. 125 УПК РФ. Она регламентирует порядок рассмотрения жалоб и ходатайств, поступающих в установленном порядке в суд в ходе досудебного производства. В этом же порядке решается вопрос о рассмотрении отдельных категорий жалоб и об установлении судом определенного срока для ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела, но с учетом особенностей, предусмотренных ст. 125.1, ч. 3 ст. 217 УПК РФ. В данной уголовно-процессуальной норме (ст. 125 УПК РФ) предусмотрены: субъект рассмотрения жалобы или ходатайства; лица, его инициирующие;

---

[1] © Ендольцева А. А., 2020.

[2] Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 18.

[3] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2010. С. 29.

[4] Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 21.

[5] Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 18.

участники судебного заседания; сроки рассмотрения ходатайства; документы, необходимые для рассмотрения; последовательность процедуры; виды решений, направление копий постановления.

Однако судебный порядок рассмотрения жалоб требует более подробного регулирования, которое в настоящее время «восполняется» разъяснениями высших судебных инстанций. О том, что на производство по жалобе, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, распространяются общие условия судебного разбирательства, говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 (в последующих редакциях) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 1). Конституционный Суд Российской Федерации тоже обратил внимание на то, что в данном случае действуют положения о «непосредственности и устности исследования всех представленных сторонами доказательств, гласности, неизменности состава суда, равенства прав сторон, отложения и приостановления судебного разбирательства»[1].

По нашему мнению, помимо названных, на судебное заседание по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ должны распространяться и другие общие условия судебного разбирательства. В ходе каждого судебного заседания должен вестись протокол, который должен быть составлен в соответствии с положениями ч. 6 ст. 259 УПК РФ:

– он должен быть изготовлен и подписан судьей и секретарем судебного заседания, либо помощником судьи в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания;

– по ходатайству сторон им может быть предоставлена возможность ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления;

– ходатайство об ознакомлении с протоколом судебного заседания подается сторонами в письменном виде в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания;

– председательствующий обеспечивает сторонам возможность ознакомления с протоколом судебного заседания в течение 3 суток со дня получения ходатайства.

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2004 г. № 350-О «По жалобе гражданина Кузина С. П. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 402 УПК РФ» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 26.10.2019).

Отметим, что в 2018 г. в ст. 259 УПК РФ были внесены дополнения, согласно которым наряду с ведением протокола судебного заседания в традиционной форме (письменной) в судах первой и апелляционной инстанции должно осуществляться протоколирование с использованием средств аудиозаписи. Нельзя не согласиться с тем, что полная и объективная фиксация хода судебного заседания посредством аудиопротоколирования в случае нарушения прав и свобод участников уголовного процесса, а также нарушения порядка судебного заседания, позволит обнаружить такие нарушения и будет служить основанием для отмены или изменения решения суда. Аналогичную процедуру судебного заседания с использованием аудиопротоколирования целесообразно закрепить и при осуществлении судебного контроля за досудебной деятельностью следователя и дознавателя, что довольно активно применяется на практике при рассмотрении судом ходатайств следователя, дознавателя о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу, избрание в отношении него домашнего ареста, запрета определенных действий или залога.

Выделим признаки, присущие судебно-контрольной процедуре:

1) законность (данный порядок должен отвечать требованиям законодательства, что обеспечивается неукоснительным соблюдением Конституции Российской Федерации, международных договоров, ратифицированных в Российской Федерации, и непосредственно уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации);

2) цель – охрана прав, свобод и законных интересов личности. Нельзя не согласиться с мнением А. П. Гуськовой, подчеркивающей, что «одной из задач современной российской юридической и нормотворческой деятельности становится реальное обеспечение и защита прав и свобод человека. Следует отметить, что судебно-контрольная процедура должна отвечать этому»[1]. По нашему мнению, данная процедура не только должна отвечать названной цели, но и быть направленной на обеспечение прав и законных интересов личности;

3) детальная урегулированность (процедура должна быть многоаспектно законодательно проработана, включая регламентирование оснований для судебного контроля, роли каждого участника судебного

[1] Гуськова А. П. К вопросу о процессуальной форме уголовного судопроизводства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3. С. 14.

заседания, самого порядка судебного заседания, решений, принимаемых судом);

4) возможность верификации (должен быть законодательно предусмотрен механизм обжалования решений, принимаемых в рамках данной процедуры);

5) обеспечение реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, вовлеченных в процесс, и полномочий должностных лиц.

Также к процедурности предъявляются определенные требования:

1) доступность (информирование участников о порядке судебно-контрольной процедуры, предоставление возможности реализации прав, с ней связанных);

2) корреспонденция прав и законных интересов участников уголовного процесса, с одной стороны, и полномочий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, действовать определенным образом, с другой;

3) оперативность судебно-контрольной процедуры.

Обобщая изложенное, представляется возможным определить судебно-контрольную процедуру как установленный уголовно-процессуальным законом порядок проведения судебного заседания по рассмотрению и разрешению судом вопросов, затрагивающих конституционные права и свободы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, направленного на обеспечение прав и законных интересов данных участников, как в досудебном, так и в судебном производстве. Общие условия судебного разбирательства, регламентированные гл. 35 УПК РФ, должны быть едиными, независимо от предмета судебного заседания и этапа уголовного судопроизводства, на котором оно проводится, но с учетом своей специфики, и это должно быть закреплено самим законом. Судебно-контрольной процедуре присущи свои признаки, она должна отвечать определенным вышеназванным требованиям.

Керенцева Д. Д.[1]*,*
студентка 4 курса кафедры
юриспруденции, интеллектуальной собственности
и судебной экспертизы Московского
государственного технического университета
имени Н.Э. Баумана;
(научный руководитель – Ильяшевич Т. А.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя)

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В современном мире компьютерные технологии проникают во все сферы нашей жизни. С электронным форматом представления документов, личных и корпоративных данных, общением с использованием сети «Интернет» мы сталкиваемся практически ежедневно. Однако не всегда технологические возможности используются в общественно полезных целях. Любая информация, хранящаяся в вашем ноутбуке, планшете, электронном ящике, странице в социальной сети или облачном хранилище может стать объектом неправомерного посягательства, а электронные носители – орудием преступления, средством облегчения совершения указанных деяний. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не выделяет особую категорию доказательств – электронные доказательства, что создает ряд трудностей в их получении и последующей оценке.

Что же можно понимать под электронными доказательствами? Определение можно дать следующим образом: это любые сведения (файлы, документы, данные интернет-переписки и т. д.), представленные в электронной форме, на основании которых уполномоченные органы предварительного расследования и суда могут устанавливать наличие или отсутствие фактов, подлежащих доказыванию по уголовному делу[2]. Данная дефиниция позволяет сравнить электрон-

---

[1] © Керенцева Д. Д., 2020.

[2] Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4. С. 46–50.

ные доказательства с двумя уже закрепленными в УПК РФ категориями – вещественные доказательства и иные документы.

В современном мире материальность доказательства утрачивает свое первостепенное значение. Информация нематериальна, она не имеет физического выражения, однако при использовании специальных технических средств ее следы могут быть обнаружены. Важен не сам факт обнаружения последних, а их содержательное значение. В случае электронных носителей, с одной стороны, выполняется условие материальности вещественного доказательства, поскольку устройство – материальный объект, с другой – содержательная сторона, следы преступления, заключена именно в записанной на них информации, причем она объективна, поскольку содержится не в сознании человека, а независимо от него. Таким образом, электронные доказательства в определенном смысле можно назвать материальными, а, следовательно, вещественными. Предмет может выступить орудием совершения неправомерных действий либо средством облегчения их совершения, а также сохранить на себе следы преступления. К примеру, компьютерный вирус может стать средством кражи личных данных пользователя, что само по себе является преступлением, а также облегчить совершения другого преступления – мошенничества с использованием паролей и данных банковских карт пользователя. Электронную информацию, так же, как и обычную, можно украсть либо использовать без разрешения правообладателя, т. е. она может выступать не только орудием преступления, но и объектом преступного посягательства[1].

Итак, данные, представленные в электронной форме, можно назвать вещественным доказательством, поскольку они хранятся на определенных физических носителях: файлы можно хранить на специальных устройствах (компьютер, смартфон, жесткий диск и т. д.), история интернет-соединений и переписки остается непосредственно на устройстве, которое для этого использовалось, либо на сервере провайдера. Изъятие указанных объектов либо распечатка истории переписки и журнала интернет-соединений, их исследование и приобщение к материалам уголовного дела невозможно без просмотра записанных на них данных. Именно обнаруженные на устройстве файлы или их следы приобретут доказательственное значение, а сам

[1] Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 20 с.

носитель выступит в роли вещественного доказательства: на основании специальным образом исследованных файлов, сообщений будут сделаны выводы, которые позволят говорить об использовании электронных данных в качестве средства совершения преступления или о наличии сведений, имеющих значение для дела, а также следов преступления – всех тех признаков, что присущи вещественным доказательствам согласно ч. 1 ст. 81 УПК РФ. Таким образом, наибольшее доказательственное значение имеет содержательная сторона электронного доказательства. Говоря об электронных доказательствах как о предмете преступления, необходимо отметить, что они, как и любой другой объект материального мира, имеют свою принадлежность какому-либо лицу, либо могут быть предметом его имущественного или иного вещного права. В таком случае их отличие от классического вещественного доказательства лишь в особом способе закрепления и представления.

С другой стороны, ст. 84 УПК РФ допускает другой вид доказательства – иные документы, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств уголовного дела. При этом законодатель отмечает, что содержащиеся сведения могут быть зафиксированы как в письменном, так и в ином виде: материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации. Электронные доказательства полностью соответствуют указанным в настоящей статье требованиям. Однако ч. 4 ст. 84 УПК РФ указывает, что, если документ обладает признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, он признается вещественным доказательством. Как отмечалось выше, электронный документ вполне может быть признан вещественным доказательством, при этом он может существовать и как копия бумажного, и как оригинал, полученный непосредственно в электронной форме, что допускается для ряда бланков.

При установлении доказательственного значения электронной информации необходимо учитывать, что им являются не физические свойства материального носителя указанной информации, его состав, внешний вид и структура, а содержание данной информации. Поэтому целесообразно рассматривать не только сами материалы, а их следы. Российским ученым-криминалистом В. Б. Веховым сформулировано следующее определение цифровых следов: «Электронно-цифровой след – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном но-

сителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов. Эти следы являются материальными невидимыми следами. В основе механизма их образования лежат электромагнитные взаимодействия двух и более материальных объектов – объективных форм существования (представления) компьютерной информации»[1]. Утверждение очень важно для понимания сущности электронного доказательства и способа его создания и использования.

Поскольку электронные доказательства содержатся на специфических материальных носителях информации, работа с ними осуществляется в особом порядке. Обычно целесообразно привлечение специалиста в области компьютерной техники, наличие необходимого оборудования для считывания информации с физического носителя и программного обеспечения для ее отображения. Также в ряде случаев встает вопрос об установлении подлинности электронного документа. Кроме того, электронную информацию можно мгновенного перемещать на большие расстояния, и электронный документ, так же, как и традиционный, может быть объектом подлога. Электронные носители, содержащие доказательственную информацию, могут быть возвращены законному владельцу после осмотра и производства необходимых следственных действий, если это возможно без ущерба для доказывания. В случае невозможности их возврата, содержащаяся на них информация копируется по ходатайству законного владельца указанных данных при отсутствии угрозы их повреждения или утраты. Копирование информации не производится, если это может препятствовать расследованию преступления (п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Критерии допустимости электронных доказательств подразделяются на общие, присущие всех доказательствам, и специальные, вытекающие из свойств компьютерной информации. Примером общих критериев является собирание доказательств специально уполномоченным лицом, указанным в законе, участие определенных лиц (понятые, специалист), наличие достоверного источника фактов и т. д. Компьютерная экспертиза должна проводиться компетентным специалистом, осмотр сайта должен проводиться следователем, дознавателем, сотрудником органа дознания с участием специалиста и понятых, ход и результаты следственного действия должны быть зафиксированы в соответствующем протоколе[2]. Важно понимать, что элек-

---

[1] Вехов В. Б. Электронные доказательства… С. 46–50.

[2] Там же.

тронные доказательства легко могут быть подвергнуты изменениям и уничтожены. Поэтому своевременная и правильная фиксация с использованием специальных устройств особенно важна.

Таким образом, электронные доказательства на сегодняшний день стали полноправной частью уголовного процесса, однако все еще не получили законодательного закрепления. Поскольку все больше преступлений направлены на хищение электронной информации либо совершаются с использованием компьютерных технологий, электронные доказательства целесообразно рассматривать как особый вид доказательств, требующий соблюдения специальных правил при их получении, исследовании и оценке в силу специфических свойств, прежде всего, нематериальности электронной информации.

Использование сведений персональных страниц из социальных сетей, переписки по электронной почте, посредством мессенджеров, исследования электронного документооборота организаций, использование специализированных баз данных – все это не исключительные технологии, а объективная реальность, применяемая для установления вины лица в совершении преступления либо ее опровержения. Для единообразия судебной практики необходимо законодательное закрепление применения электронных доказательств в процессе производства по делу, выделить последние в отдельную категорию, установив, какое доказательство допустимо в уголовном процессе. Появление указанных норм в уголовном судопроизводстве сделает процесс применения электронных доказательств более единообразным.

Коновалова Е. А.[1]**,**
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ЛИЦ, ЗАКЛЮЧИВШИХ ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В 2009 г. УПК РФ был дополнен гл. 40.1, регламентирующей порядок досудебного соглашения о сотрудничестве. Вводя данный институт, законодатель предполагал, что будет более эффективно решен ряд задач уголовного судопроизводства, в том числе и такая задача как раскрытие групповых преступлений, выявление всех участников преступной группы, и как конечный результат - эффективное противодействие организованной преступности.

Важно отметить, что гл. 40.1 УПК РФ активно используется в правоприменительной практике. По данным судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации[2], за 2015 г. рассмотрено при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве 4543 уголовных дел, осуждено – 4134 человек, дела прекращены в отношении 479 лиц. За 2016 г. 4121 уголовных дел рассмотрено по существу, осуждено 3794 лиц, дела прекращены в отношении 491 лиц. В 2017 г. рассмотрено 4391 уголовных дел, осуждено 3968 лиц, дела прекращены в отношении 520 лиц. В 2018 г. рассмотрено 3997 уголовных дел, осуждено 3613 человека, дела прекращены в отношении 440 лиц. Наиболее распространенными составами преступления, при которых применялись положения главы, являются кражи, мошенничества, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Указанная глава с момента ее применения уже претерпевала неоднократные изменения (в 2010 и 2016 гг.), в том числе норм, сопряженных с гл. 40.1 УПК РФ. На протяжении 10 лет вопросы, связанные с досудебным соглашением о сотрудничестве, обсуждались в научных кругах, а практические работники органов предварительного следствия выявляли проблемы правоприменения института.

---

[1] © Коновалова Е. А., 2020.

[2] Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации [официальный сайт] URL: http://www.cdep.ru.

Основной проблемой рассматриваемого процессуального института, на наш взгляд, является проблема процессуального статуса сторон заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Часть 3 ст. 317.3 гл. 40.1 УПК РФ не требует, чтобы данное соглашение подписывалось всеми участниками процесса со стороны обвинения и защиты. Законодатель указывает только на то, что досудебное соглашение подписывают прокурор, подозреваемый или обвиняемый и его защитник.

Некоторые авторы, такие как И. В. Блинова-Сычкарь, С А. Дмитриенко, О. В. Кравцова высказывают позицию, что «после поступления ходатайства о заключении досудебного соглашения подозреваемого или обвиняемого с прокурором о сотрудничестве, следователь должен ознакомить с ним потерпевшего, гражданского истца и получить их согласие на применение особого порядка принятия судебного решения в отношении подозреваемого, обвиняемого. Согласие потерпевшего и гражданского истца на заключение соглашения подозреваемого и обвиняемого с прокурором следователь должен оформлять отдельным протоколом. В протоколе указанные участники данного процессуального действия имеют право отразить основания дачи ими согласия на заключение досудебного соглашения (возмещен ущерб, в каком объеме, достигнуто ли соглашение о возмещении ущерба, кем и в каком порядке, в какие сроки будут выполнены соответствующие действия и т. д.). При этом было бы логично, чтобы между потерпевшим и обвиняемым было заключено соглашение о возмещении ущерба, заверенная копия которого приобщалась бы к материалам уголовного дела»[1].

Позиция указанных авторов представляется нам спорной. Исходя из предлагаемой правовой позиции, учитываются права потерпевшего, в то время как интересы следователя как процессуального лица значительно сокращаются. Полагаем, что авторы предполагают возложить на следователя функцию, которая в итоге будет сведена к торгам о размере выплаченных потерпевшему денежных средств. Фактически, будет искажена сама суть досудебного соглашения о сотрудничестве, при которой интересы одного потерпевшего ставятся выше интересов государства и общества в целом.

---

[1] Блинова-Сычкарь И. В., Дмитриенко С. А., Кравцова О. В. Законные интересы потерпевшего в досудебном соглашении о сотрудничестве // Молодой ученый. 2014. № 3. С. 633–635.

Стоит отметить, что в настоящее время следователь необоснованно исключен законодателем из сторон заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а его роль фактически сведена к выполнению посреднических функций, с наличием возможности с согласия руководителя следственного органа заблокировать передачу ходатайства подозреваемого, обвиняемого прокурору.

Такие авторы, как А. А. Казаков, Д. С. Корешников занимают более радикальную позицию, предлагая наделить следователя правом заключения досудебного соглашения, ссылаясь на позицию О. В. Качаловой о том, что «содержание обязанностей подозреваемого, обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, сводится, прежде всего, к содействию в раскрытии и расследовании преступлений, т. е. реализации тех полномочий, которые напрямую возложены на лицо, в производстве которого находится уголовное дело»[1].

Важно отметить, что законодатель не установил какие-либо особые условия, при которых у прокурора возникала бы обязанность заключать досудебное соглашение о сотрудничестве. В конечном итоге, прокурор принимает решение на свое усмотрение, в основе которого лежит внутреннее убеждение и личная оценка возможности обвиняемого (подозреваемого) оказать реальное содействие на досудебной стадии производства по уголовному делу. Ни вышестоящий прокурор, ни суд не может принудить прокурора к заключению досудебного соглашения.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» ориентирует прокурора при принятии решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обращать внимание на возможность реального исполнения обязательств, указанных в заявленном ходатайстве. Прокурор также должен: истребовать при необходимости дополнительные сведения у инициаторов обращения; выяснять у подозреваемого (обвиняемого), какие конкретно действия он выполнит в целях

[1] Казаков А. А., Корешников Д. С. К вопросу о наделении следователя правом заключать досудебное соглашение о сотрудничестве в контексте разрешения проблем применения главы 40.1 УПК РФ // Российский следователь. 2017. № 10.

исполнения соглашения о сотрудничестве; проводить анализ перспективности сотрудничества правоохранительных органов с этим лицом.

Однако на прокурора никто не возложил обязанность по изучению материалов уголовного дела, материалов оперативно-разыскной деятельности, в связи с чем на практике он руководствуется документами, предоставленными следователем, а также полученной в ходе личных встреч информацией от следователя, обвиняемого (подозреваемого) и защитника.

Полагаем, что именно следователь является тем лицом, которое может обоснованно оценить доводы, изложенные в ходатайстве о заключении досудебного соглашения, перспективу заключения данного соглашения, а также значимость информации предоставляемой обвиняемым для уголовного дела. Вместе с тем, следователь не может оценить итоги выполнения досудебного соглашения и поддерживать обвинение в суде.

Представляется, что исходя из современных реалий, требуется усиление процессуальной самостоятельности и роли следователя при реализации положений главы 40.1 УПК РФ, что в итоге будет способствовать повышению уровня эффективности раскрытия и расследования преступлений. На наш взгляд необходимо сделать следователя стороной заключения досудебного соглашения, законодательно возложив на прокурора контроль за его исполнением, оставив за последним право вынести итоговое решение о выполнении взятых на себя обвиняемым обязательств.

В октябре 2018 г. УПК РФ был дополнен ст. 56.1, которая ввела нового участника уголовного процесса – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Интересно отметить, что законодатель в ст. 56.1 УПК РФ использует бланкетную норму с некоторыми изъятиями и отсылает к правам свидетеля. По замыслу законодателя, предлагается именовать свидетелем то лицо, с которым заключено соглашение о сотрудничестве. Представляется, что такой подход неудачен с точки зрения терминологического использования категории «свидетель».

Заметим, что законодатель формулирует основные понятия, используемые в тексте закона (ст. 5 УПК РФ). В ст. 56 УПК РФ сформулировано понятие свидетеля. Это лицо, «… которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи

показаний, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи». Бесспорно, лицо, с которым заключается соглашение о сотрудничестве, обладает информацией, которая может иметь значение для расследования преступления и разрешения уголовного дела по существу. Однако вряд ли будет справедливым считать его «свидетелем» в том смысле, как это предполагал законодатель, формулируя определение данного участника уголовного процесса в ст. 56 УПК РФ. Если это лицо и считать свидетелем, то он какой-то «*особый свидетель*». В практической деятельности происходит путаница и прежде всего при составлении процессуальных документов, где используется термин «свидетель». Полагаем, что вопрос о наименовании статуса лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, требует доработки. Будущий термин должен подчеркнуть особый статус данного лица в уголовном деле, не относящийся в полной мере по своему содержанию ни к правовому статусу свидетеля, ни к правовому статусу обвиняемого. Например, можно назвать: «обвиненный свидетель», «свидетель-соучастник», «особый свидетель». В данном случае мы не претендуем на исчерпывающее и итоговое определение этого участника, но обнаруживаем проблему в понятийном аппарате.

В тесном взаимодействии с вышесказанным находится и другая проблема – отсутствие в ст. 74 УПК РФ такого доказательства, как показания лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Определив статус этого лица как «свидетель», законодатель, видимо, посчитал излишним дополнять перечень источников доказательств. Вместе с тем, мы полагаем, что показания лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве имеют важное и самостоятельное значение при доказывании преступлений, совершенных организованными преступными группами, в связи с чем данные показания подлежат проверке и оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, на что было обращено внимание Конституционным Судом Российской Федерации[1]. На наш взгляд, необходимо добавить в ч. 2 ст. 74 УПК РФ пункт 2.1 «показания лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное про-

[1] Постановление Конституционного Суда России от 20 июля 2016 г, № 17-П «По делу о проверке конституционности положений ч.ч. 2, 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко».

изводство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» или «показания особого свидетеля».

Представляется, что на сегодняшний день есть необходимость ввести в УПК РФ емкого понятия, которое будет определять лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, определить права этого лица, отдельно от других участников процесса, а его показания добавить в перечень доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК РФ.

Мамонтова Д. О.[1]**,**
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПОНЯТИЕ БАЛАНСА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Социальная и правовая природа интереса исключает возможность его обособленного самостоятельного существования. Интерес не может быть реализован его носителем вне системы взаимоотношений, в рамках которой он действует. Более того, как правило, реализация всякого интереса одного субъекта связана с тем или иным воздействием на интересы другого (или других). В конце концов, именно конкуренция интересов является двигателем развития общественных отношений, определяющим фактором в достижении целей, ради которых субъекты в эти отношения вступают. При этом общая конкуренция интересов не исключает их совпадения или иных форм взаимосвязи в частных проявлениях. В связи с этим, важнейшим условием стабильности и эффективности любой системы взаимоотношений является обеспечение баланса интересов ее участников.

В уголовном судопроизводстве проблема обеспечения баланса интересов имеет особое значение, поскольку сама сущность процессуальной деятельности основывается на противопоставлении интересов различных участников процесса. Важно отметить, что это противопоставление не должно сводиться к процессуальной конкуренции сторон обвинения и защиты, основанной на закрепленном в ст. 15 УПК РФ принципе состязательности. Указанная проблема имеет более широкий охват, если учитывать набор функционала и содержание процессуального интереса каждого из участников процесса.

Примечательно, что в законодательных актах категория «баланс интересов» встречается крайне редко. Отсутствует она и в УПК РФ. Однако, если задаться соответствующей целью и проанализировать правовые нормы большинства действующих законов и подзаконных актов с точки зрения соотношения интересов участников регулируемых ими отношений, то проблема обеспечения их баланса находит в них свое отражение и без обозначения указанной дефиниции.

---

[1] © Мамонтова Д. О., 2020.

Так, в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации указано: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»; а ч. 1 ст. 19 устанавливает: «Все равны перед законом и судом». Очевидно, что даже в этих, взятых навскидку, примерах на поверхности лежит именно проблема баланса интересов субъектов правоотношений.

Содержание закладывающей основы уголовного судопроизводства ст. 6 УПК РФ, посвященной его назначению, является ярким подтверждением того, что обеспечение баланса интересов – это фундаментальная проблема уголовного процесса, хотя буквально об этом в тексте статьи не говорится.

В юридической науке понятие баланса интересов также находит широкое применение. В первую очередь это касается фундаментальной теоретической проблемы разделения права на частное и публичное. При этом вопросы обеспечения баланса частных и публичных интересов входят в число основных не только в теории права, но и, по сути, во всех его отраслях, включая уголовно-процессуальное право, о чем будет изложено нами ниже.

Конечно, наибольшую популярность понятие баланса интересов имеет в цивилистических отраслях, что, скорее всего, связано с более ярким проявлением в них принципов равенства и равноправия. В частности, А. Ф. Пьянкова считает, что «под балансом интересов следует понимать такое состояние правоотношения, в котором права и обязанности сторон соразмерны и стороны имеют равные возможности для реализации своих законных интересов»[1].

Ученый-конституционалист В. А. Мальцев утверждает, что «баланс интересов – узаконенное справедливое (с учетом приоритетов) соотношение конституционно-гарантированных прав и обязанностей сторон»[2].

В уголовно-процессуальной отрасли достаточно сложно отыскать работы, посвященные глубокому осмыслению понятия баланса интересов. На наш взгляд, связано это с тем, что с течением времени оно

---

[1] Пьянкова А. Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 117–130.

[2] Мальцев В. А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18. С. 6–9.

приобрело общеупотребительный характер, и его смысл в большинстве случаев связывался с двумя пересекающимися проблемами: обеспечения баланса интересов сторон уголовного судопроизводства и уже упоминавшегося нами ранее баланса частных и публичных интересов. Этим проблемам посвящено много работ, и дефиниция «баланс интересов» в них выступает как нечто очевидное и понятное, не требующее дополнительных разъяснений.

Например, Н. С. Бондарь и А. А. Джагарян пишут: «… в настоящее время ключевым является поиск конституционного баланса интересов участников уголовного судопроизводства в свете требований равенства и справедливости»[1].

Рассуждая об институте апелляционного обжалования, Л. В. Головко говорит о том, что он «позволяет соблюсти необходимый баланс частных и публичных интересов правосудия: граждане могут беспрепятственно реализовывать свое конституционное право на обжалование в суд действий и решений государственных органов и должностных лиц (ст. 46 Конституции Российской Федерации), а государство тем самым обеспечивает исполнение только правосудных (законных, обоснованных и справедливых) приговоров суда»[2].

Отметим, что вне зависимости от того, в какой правовой отрасли поднимается вопрос о балансе интересов участников правоотношений, это всегда имеет тесную связь с категориями справедливости, равенства, равноправия, правового равновесия.

Учитывая, что в переводе с французского «balance» означает «весы», большинство словарей рассматривают термин «баланс» через содержание синонима «равновесие»[3]. И именно понятие равновесия, с нашей точки зрения, выбивается из общего ряда вышеперечисленных схожих друг с другом понятий.

Говоря о балансе, мы, как правило, подразумеваем состояние равновесия между двумя (или более) изначально не равнонаделенными позициями. То есть обеспечение баланса предполагает создание таких

---

[1] Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию : монография. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2018. С. 91.

[2] Курс уголовного процесса / [А. А. Арутюнян и др.]; под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016. С. 572.

[3] Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М. : Эксмо, 2004. С. 27; Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М. : Книжный мир, 2000. С. 35; Васюкова И. А. Словарь иностранных слов. М. : АСТ-ПРЕСС, 1998. С. 98.

условий их сосуществования, при которых более слабая будет иметь сопоставимые возможности с возможностями более сильной за счет определенного компенсаторного механизма. Поэтому следует понимать, что баланс интересов – это не есть их равенство. В большей степени это такое их соотношение, при котором их значение является сопоставимым по возможностям.

Очевидно, что наиболее остро проблема баланса интересов проявляется в условиях их исходного дисбаланса, обусловленного, как правило, какими-либо объективными факторами.

К примеру, в частных правоотношениях стороны договора при обычном положении дел и добросовестном исполнении обязательств проблемой баланса своих интересов не обременены, и только в случае нарушения условий договора одной из сторон эта проблема встает в полный рост.

В обратном направлении ситуация развивается в уголовно-процессуальной сфере. Здесь изначально имеет место дисбаланс интересов участников уголовного судопроизводства, поскольку поводом для возникновения этих правоотношений служит факт совершения преступления, т. е. деяния, нарушающего юридическое равенство участников материальных уголовно-правовых отношений, вследствие чего в область процессуальных отношений они априори вступают с неравных позиций. Осложняется это включением в процесс третьего субъекта – государства, которое, будучи представителем интересов общества, должно восстановить паритет, нарушенный преступлением.

Именно процессуальная роль государства в лице его правоприменительных органов со сложной системой подчиненности предопределяет специфику обеспечения баланса интересов в уголовном судопроизводстве. Проблема сочетания функций обвинения, контроля и разрешения уголовного дела, возложенных на государство, имеет ключевое значение в этом вопросе. С одной стороны, выполнение функции обвинения призвано сразу уравнять положения потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) в уголовно-процессуальном споре, с другой – функции контроля и разрешения уголовного дела обеспечивают текущий и окончательный баланс интересов всех участников уголовного судопроизводства. При этом не следует забывать и про законодательные функции государства, посредством которых оно создает условия для равных возможностей реализации участниками процесса своих интересов.

Таким образом, на основе вышеизложенных размышлений представляется возможным сформулировать определение понятия, вынесенного в заголовок настоящей статьи, следующим образом: баланс процессуальных интересов в уголовном судопроизводстве – это такое соотношение процессуальных интересов участников уголовного процесса, при котором они могут в полной мере, не допуская злоупотреблений, пользоваться своими процессуальными правами, выполнять процессуальные обязанности и реализовывать процессуальные функции на основе принципов эквивалентности и соразмерности в целях справедливого и законного рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Михайлина Ю. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

СООТНОШЕНИЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИНЫМИ МЕРАМИ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Меры процессуального принуждения существенно ограничивают конституционные права и свободы подозреваемого или обвиняемого, а в некоторых случаях и иных участников уголовного процесса, поэтому требуют особых условий для применения. Особенно это касается мер пресечения.

Представляется, что за прошедшее время мера пресечения в виде запрета определенных действий нашла свое место в практической деятельности органов предварительного расследования и суда. Однако постепенно накапливаются вопросы, связанные с ее применением.

В настоящее время возможность установления запретов, регламентированных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, предусмотрена при применении трех мер пресечения: самого запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), залога (ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ) и домашнего ареста (ч. 7 ст. 107 УПК РФ). Остается актуальным вопрос, в чем же отличие запрета определенных действий от двух других мер пресечения: домашнего ареста и залога? Ограничения из примерно одного и того же их перечня могут быть установлены при применении трех названных мер пресечения.

Стоит отметить, что домашний арест и запрет определенных действий все чаще становятся альтернативой при рассмотрении судами ходатайств органов предварительного расследования об избрании подозреваемому или обвиняемому заключения под стражей, доказывая тем самым свою эффективность.

Запрет определенных действий является новой мерой пресечения для российского законодательства, в то время как домашний арест в российском уголовном процессе появился достаточно давно. Несмотря на процессуальную регламентацию, широкое применение домашний арест нашел только в настоящее время, но с введением запрета

[1] © Михайлина Ю. В., 2020.

определенных действий данные меры пресечения стали конкурировать между собой и с такой мерой как заключением под стражу.

В содержание запрета определенных действий как меры пресечения входит несколько запретов. Первый из них – запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый или обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Возможно применение и других запретов (их еще пять), установленных законодателем в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, как совместно с первым указанным запретом, так и без него.

Одновременно с введением ст. 105.1 УПК РФ изменилась и норма о мере пресечения в виде домашнего ареста. Ранее действующая редакция ч. 1 ст. 107 УПК РФ определяла домашний арест как полную либо частичную изоляцию от общества, то теперь домашний арест трактуется как изоляция от общества. При этом в рамках домашнего ареста суд также может установить запреты, предусмотренные в п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ: общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, пользоваться Интернетом и средствами связи[1].

Получается, что теперь домашний арест следует понимать как полную изоляцию от общества, а запрет определенных действий можно назвать частичной изоляцией. Однако практика использования домашнего ареста показала, что фактически невозможно полностью изолировать человека от общества в рамках данной меры пресечения. Например, суды в решениях об избрании домашнего ареста устанавливают определенное время для прогулок, приобретения продуктов питания и предметов личной гигиены и даже возможности осуществления рабочей деятельности. И если последнее из указанного перечня запретить просто, то исключить первые два положения практически невозможно, поскольку они связаны с естественными правами лица на охрану здоровья.

Поэтому, на наш взгляд, существенных отличий между домашним арестом и запретом, предусмотренным п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не имеется. По сути это одно и то же.

---

[1] Трунова Л. К. Домашний арест как мера пресечения // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 49–51; Багаутдинов Ф. Новая мера пресечения в УПК РФ – домашний арест // Законность. 2002. № 10. С. 14–16.

И. В. Головинская справедливо отмечает, что новая мера пресечения является «производной от содержания меры пресечения в виде домашнего ареста»[1].

Запрет определенных действий, по нашему мнению, занимает промежуточное положение между наименее и наиболее строгими мерами пресечения. Вместе с тем, запрет определенных действий считается более мягкой мерой пресечения по сравнению с домашним арестом, в связи с тем, что запрет определенных действий может быть выражен даже в одном из запретов, не связанном с п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а домашний арест в любом случае заключается в изоляции подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении.

Согласно ч. 10 ст. 109 УПК РФ, в срок содержания под стражей засчитывается время применения запрета определенных действий из расчета два дня применения запрета, связанного с выходом за пределы жилого помещения в определенные периоды времени, за один день содержания под стражей. Время нахождения лица под домашним арестом засчитывается из расчета один день содержания под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

Вместе с тем, применение домашнего ареста в количественном соотношении, скорее всего, будет снижаться из-за того, что запрет определенных действий удобнее применять в том числе потому, что не обязательно указывать сроки применения и продления запретов, за исключением, запрета на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, срок которого суд устанавливает и продлевает по правилам ст. 109 УПК РФ.

Например, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан[2] предусмотрено, что на подозреваемого или обвиняемого в случае избрания ему любой меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, в целях обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, членов их семей и близких родственников может быть, кроме прочих, возложена обязанность на не приближение к указанным участникам уголовного процесса (ст. 97 УПК РК).

При этом возложить ограничения и запреты суд может в рамках иных мер пресечения, а не в качестве самостоятельно применяемых.

---

[1] Головинская Н. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90–96.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [электронный ресурс]. URL: https//online.zakon.kz. (дата обращения: 18.10.2019).

В УПК РФ запрета на приближение к определенным лицам не содержится. На наш взгляд, имеет смысл внести изменения в п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, закрепив в виде запрета приближение к потерпевшим, свидетелям, членам их семей и близким родственникам на установленное расстояние, так же как в п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ предусмотрен запрет «находиться …. ближе установленного расстояния до определенных объектов».

С введением запрета определенных действий трансформировалась и мера пресечения в виде залога[1]. В ст. 106 УПК РФ появилась ч. 8.1, которая предусматривает возможность установить вместе с залогом и запретительные меры. При этом при избрании запрета в виде выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения залог применяется на определенный срок по правилам, относящимся к мере пресечения в виде запрета определенных действий, который может быть продлен в порядке ст. 109 УПК РФ. Это означает, что в практике появились две формы залога. Первая – залог без дополнительных запретов, устанавливаемый на весь период предварительного расследования, без необходимости продления срока его действия. Вторая – залог с запретом выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, устанавливаемый на срок по правилам ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ и продлеваемый в порядке ст. 109 УПК РФ.

Согласно ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ, на лиц, в отношении которых избран залог или домашний арест, допустимо возложение обязанностей по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Таким образом, законодатель не исключает возможность сочетания двух мер пресечения одновременно и одновременного их применения, что противоречит принципу альтернативности применения мер пресечения и приведет, как нам представляется, к еще большим проблемам в практике применения мер пресечения.

По данным пресс-службы ФСИН России за первый год применения ст. 105.1 УПК РФ запрет определенных действий применили к 944 лицам. Наиболее часто суды избирают запреты не покидать место жительство в определенные часы, общаться с определенными лицами. Реже суд назначает запрет находиться в определенных местах, пользоваться Интернетом или другими средствами связи.

---

[1] Квык А. В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 7. С. 34–35.

Ольшевский Е. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я Кикотя

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Говоря о становлении и развитии института доказательств в отечественной уголовно-процессуальной науке, нельзя не согласиться с мнением Н. С. Алексеева, что «учение о доказательствах является одной из важнейших частей уголовного процесса. Если под уголовным процессом понимается определенное движение уголовного дела, то принимаемые решения в уголовном судопроизводстве основываются на доказательствах…»[2].

Детальное изучение теоретических основ такого уголовно-процессуального института, как доказательства, приводит к выводу об отсутствии однозначной трактовки понятия «вещественное доказательство». Связано это с многогранностью самих объектов материального мира, которые могут выступать в качестве таковых.

В теории уголовного судопроизводства еще в начале XIX в. приводились различные их определения. Так, С. В. Познышев высказывал мнение, что «вещественными называются те доказательства по делу, которые состоят из внешних предметов. Эти предметы могут быть связаны с преступлениями тем, что например, служили объектами или были орудиями преступления, явились продуктами преступной деятельности и т. п.»[3].

Немного позднее С. И. Викторский утверждал, что «под вещественными доказательствами разумеются предметы материального мира, удостоверяющие какие-либо обстоятельства, подлежащие судебному исследованию, т. е. удостоверяющие или событие преступ-

---

[1] © Ольшевский Е. В., 2020.

[2] Советский уголовный процесс : учебник / [Н. С. Алексеев и др.]; под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1989. С. 122.

[3] Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 231.

ления, или отношение к этому событию известного лица (его виновность или невиновность)»[1].

В наши дни, характеризуя вещественные доказательства как любые объекты (предметы) материального мира, обладающие признаками или свойствами носителей доказательственной информации, полученные и приобщенные к уголовному делу в установленном законом порядке, следует сказать, что, по справедливому утверждению П. А. Лупинской, они представляют собой «материальные следы преступления, оставленные на предметах материального мира»[2].

В. Л. Будников под вещественными доказательствами понимает «совокупность источников доказательственной информации, основным носителем которой являются объекты материального мира – различные предметы (вещи), свойства или признаки которых имеют определенную связь с обстоятельствами расследуемого преступления»[3].

Отождествляя понятие вещественных доказательств с их материальной сущностью, Ю. П. Боруленков уточняет, что вещественными доказательствами являются «объекты материального мира, на которых отразились следы взаимодействия с иными материальными объектами или человеком»[4].

Аналогичную позицию высказывают В. Г. Глебова и Е. А. Зайцева, по мнению которых под вещественными доказательствами понимается «совокупность источников доказательственной информации основным носителем которой являются объекты материального мира»[5].

Вещественными доказательствами Р. С. Белкин в свое время называл «предметы, которые служили орудием преступления или сохранили на себе следы преступления или были объектами преступных действий, а также деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, и все другие предметы, которые могут служить средствами обнаружения преступления, установлению фактических обстоятельств

---

[1] Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1916. С. 154.

[2] Уголовный процесс: учебник / под ред. П. А. Лупинской. М. : Юристъ, 1995. С. 183.

[3] Уголовный процесс : учебник / под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. Волгоград : ВА МВД РФ, 2002. С. 147–149.

[4] Боруленков Ю. П. Специфика вещественных доказательств // Уголовный процесс. 2009. № 7. С. 17.

[5] Глебова В. Г., Зайцева Е. А. Уголовный процесс. М., 2006. С. 231.

дела, выявлению либо к опровержению обвинения или смягчению ответственности»[1].

Комментируя и поддерживая позицию Р. С. Белкина, в наши дни О. В. Савенко все же замечает, что «это утверждение сформулировано путем перечисления вещественных доказательств в том виде, в котором это было сделано в УПК РСФСР. В настоящее же время, после принятия УПК РФ, данный перечень несколько изменился, соответственно изменилась бы и указанная формулировка»[2].

По мнению же самой О. В. Савенко «когда следы преступления были обнаружены не в сознании людей, а на материальных носителях, а сведения устанавливаются самим следователем или иным должностным лицом при помощи органов чувств, а при необходимости – с использованием технических средств, данные доказательства называются вещественными»[3].

Данное мнение разделяет и развивает Е. Е. Гончарова, которая указывает, что «носителями сведений могут быть не только люди, ими могут быть и вещи, и предметы, и протоколы следственных и судебных действий, иные документы… Вещественные доказательства – любые сведения, носителями которых являются предметы, непосредственно имеющие значение для уголовного дела»[4].

Для сущности понятия «вещественное доказательство» характерно:

– наличие свойств и признаков вещественных объектов, на основании которых устанавливается предмет доказывания;

– возможность непосредственного восприятия следователем (дознавателем), прокурором и судом этих свойств и признаков;

– процессуальное закрепление фактических данных, полученных от вещественных объектов;

– вещественные доказательства не любые предметы, а лишь имеющие связь с действиями, относящимися к исследуемому событию.

---

[1] Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. Т. 3. М., 1977. С. 127.

[2] Савенко О. В. Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 27.

[3] Там же. С. 33.

[4] Гончарова Е. Е. Проблема понятия «вещественное доказательство» // Международная научно-практическая конференция «преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений»: сборник материалов. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2011. С. 65.

Говоря о содержании вещественных доказательств, небезосновательно утверждает Ю. В. Худякова, «существуют нормативное и различные доктринальные определения вещественных доказательств. В литературе ранее уже высказывалось мнение о необходимости выработки универсального подхода к вещественным доказательствам, который позволил бы устранить разрыв между содержанием вещественных доказательств и их процессуальной формой, а также учесть специфическую природу вещественных доказательств»[1].

В свою очередь В. Я. Дорохов отмечал, что «содержание и форма присуще всем вещам, процессам и явлениям объективного мира. В том числе и судебным доказательствам. Образуя определенное единство, они взаимообусловлены, но никогда не совпадают, не сливаются друг с другом»[2].

И здесь, говоря о важности разработки единого подхода к понятию и сущности вещественных доказательств в уголовно-процессуальной науке и их роли в процессе доказывания при расследовании преступлений, абсолютно верно утверждает М. А. Кочкина, отмечая, что «именно в вещественных доказательствах отражаются обстоятельства рассматриваемого дела»[3].

Мы также солидарны с позицией М. А. Кочкиной, так как посредством сбора, тщательного исследования и приобщения к уголовному делу вещественных доказательств следователь, дознаватель в процессе производства предварительного расследования, а суд (судья) в ходе рассмотрения дела по существу познает истинную картину произошедшего события и может принять обоснованное, мотивированное и законное решение.

Вещественными доказательствами в зависимости от конкретной следственной ситуации и категории совершенного уголовно наказуемого деяния могут выступать крайне разноплановые объекты окружающего мира.

Вещественные доказательства способны отражать в себе обстоятельства совершенного преступления. Посредством их сбора, тща-

---

[1] Худякова Ю. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 35.

[2] Дорохов В. Я. Природа вещественных доказательств / Советское государство и право. 1971. № 10. С. 109–110.

[3] Кочкина М. А. Оценка достаточности доказательств на этапе окончания предварительного расследования по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 71.

тельного исследования и приобщения к уголовному делу следователь, дознаватель в процессе производства предварительного расследования, а суд (судья) – в ходе рассмотрения дела по существу, познает истинную картину произошедшего события и может принять обоснованное, мотивированное и законное решение.

Таким образом, можно утверждать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, обновив элементный состав и содержание вещественных доказательств, все же не предоставляет нам четкого их определения.

В свою очередь, проект УПК РФ, в свое время внесенный на рассмотрение депутатами – членами Комитета Государственной Думы по законодательству и судебно-правовой реформе в ч. 1 ст. 78 определял, что «вещественными доказательствами признаются предметы, если есть основания полагать, что они служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий, а также деньги и иные ценности, и все другие предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности»[1].

Действующая редакция ст. 81 УПК РФ, как известно, также не содержит понятия вещественных доказательств, ограничиваясь лишь перечислением вышеуказанных объектов, которые могут выступать в роли таковых.

Таким образом, с целью выработки единого подхода к пониманию сущности вещественного доказательства предлагается внести изменения в действующий уголовно-процессуальный закон. Так, в частности, предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ п. 5.1, который изложить в следующей редакции: «Вещественные доказательства – любые сведения, носителями которых являются предметы, непосредственно имеющие значение для расследуемого уголовного дела, которые мо-

---

[1] Ст. 78 Проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, внесенного на рассмотрение депутатами-членами Комитета Государственной Думы по законодательству и судебно-правовой реформе // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работ Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сборник статей и материалов / под ред. Е. Б. Мизулиной, В. Н. Плигина. М. : Юристъ, 2006. С. 371.

гут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности, а также протоколы оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий и судебных заседаний в случае признания их таковыми в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Селиванов С. В.[1]**,**
соискатель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ О КОРРУПЦИОННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ, СОВЕРШЕННОМ ПРИ РАСПРЕДЕЛЕНИИ И РАСХОДОВАНИИ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Расследование коррупционных преступлений, совершенных при распределении и расходовании бюджетных средств, требует от следователя не только высокого профессионализма и юридической квалификации, но и знания экономических основ, понимания механизма функционирования различных отраслей экономики.

Целесообразно рассмотреть проверочные мероприятия, которые, как правило, проводятся в ходе доследственной проверки по заявлениям о коррупционном преступлении, совершенном при распределении и расходовании бюджетных средств. К таковым можно отнести следующие: получение объяснений, истребование и изъятие документов, исследование документов, производство документальных проверок, ревизий, а также оперативно-разыскные мероприятия, проводимые органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, на основе обязательного для исполнения письменного поручения следователя, дознавателя на стадии возбуждения уголовного дела.

Логично начать с объяснения, которое является процессуальным документом. При этом отметим, что получение объяснения при проверке сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении предусмотрено п. 3 ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

При получении объяснения у лица, которое вошло в сферу оперативного интереса по факту коррупционного преступления, совершенного при распределении и расходовании бюджетных средств, подлежат установлению следующие обстоятельства:

1) факт сговора между, как минимум, двумя субъектами коррупционного преступлениям (взяткодателем и взяткополучателем);

---

[1] © Селиванов С. В., 2020.

2) наличие посредников между взяткодателем, т. е. лицом, в интересах которого будут выделяться денежные средства из бюджета, и взяткополучателем, т. е. должностным лицом, в компетенцию которого входит выделение денежных средств из бюджета конкретного уровня;

3) требования нормативных правовых актов, регламентирующих законное и целевое выделение бюджетных средств из конкретного вида бюджета определенным получателям;

4) осуществление уполномоченным должностным лицом деятельности по распределению и расходованию бюджетных средств и установление конкретных фактов нарушения требований закона;

5) причинно-следственную связь между получением вознаграждения уполномоченным должностным лицом за последующую деятельность по выделению им денежных средств в адрес лица, от которого он получил вознаграждение;

6) первоначальная уголовно-правовая квалификация коррупционного деяния, совершенного должностным лицом, уполномоченным в силу служебного положения осуществлять деятельность по распределению бюджетных средств.

Подчеркнем, что для эффективности деятельности в данном направлении оперативному сотруднику и следователю необходимо знать не только нормативные правовые акты, на основе которых происходит распределение бюджетных средств различных уровней, но также и многие другие законодательные акты, регулирующие деятельность, связанную с порядком ведения бухгалтерского учета и отчетности, циркулирования денежной массы, правилами осуществления кассовых операций[1].

---

[1] Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» (с послед. изм. и доп.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 48, ст. 5369; приказ Минфина России от 29 июля 1998 г. № 34н «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» (с последующими изменениями и дополнениями) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. № 23; Порядок ведения кассовых операций в Российской Федерации, утв. решением Совета Директоров ЦБ РФ 22 сентября 1993 г. № 40 (с послед. изм. и доп.); Положение ЦБ РФ от 5 января 1998 г. № 14-П «О правилах организации наличного денежного обращения на территории Российской Федерации» (утв. ЦБ РФ 19 декабря 1997 г.) (с последующими изменениями и дополнениями) // Вестник Банка России. 1998. № 1.

Говоря об истребовании, изъятии, исследовании документов, следует отметить, что совершение рассматриваемой категории преступлений невозможно без сложного документооборота, при изучении которого могут быть выявлены признаки коррупционного преступления. При проверке любого из поводов к возбуждению уголовного дела (ч. 1 ст. 140 УПК РФ) по факту совершения указанных коррупционных преступлений оперативному сотруднику, дознавателю, следователю необходимо знать, что при определении нецелевого использования средств на предприятиях (учреждениях, организациях), которые финансируются за счет средств федерального бюджета, органам, проводящим проверки, необходимо определить у нижестоящих распорядителей бюджетных ассигнований наличие правомочия по распределению средств по кодам бюджетной классификации или прав по самостоятельному выбору направлений расходования в пределах полученных из федерального бюджета сумм финансирования[1]. Этот факт не может быть не зафиксирован документально. Поэтому истребование соответствующих документов, их изъятие и дальнейшее исследование приобретают важное доказательственное значение[2].

Говоря о таких проверочных мероприятиях, как производство документальных проверок и ревизий, следует указать на их особую значимость, так как в процессе их производства уже на стадии возбуждения уголовного дела могут быть достоверно установлены все обстоятельства совершенного преступления.

Особенность уголовных дел, связанных с коррупционными проявлениями в сфере распределения и расходования бюджетных средств, заключается также в том, что должностные лица, получающие определенное вознаграждение за нецелевое выделение денежных средств в адрес взяткодателей, хорошо знают, что выделяемые суммы на длительном пути своего следования от распорядителя до получателя плавно перетекают из безналичной формы в наличную, при этом постепенно исчезая, что способствует сокрытию первоначально совер-

---

[1] Лешина Т. Е. Предмет преступного посягательства нецелевого расходования бюджетных средств // Финансовое право. 2005. № 10. С. 21.

[2] Селиванов С. В. Актуальные вопросы расследования коррупционных преступлений, совершаемых при распределении и расходовании бюджетных средств, в современных условиях развития уголовного судопроизводства // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. Вып. 4. С. 159.

шенного коррупционного преступления (злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и др.).

В частности, в случаях расследования указанных коррупционных, посредством перевода денежных средств с расчетных счетов физических и юридических лиц осуществляется розыск похищенных денежных средств путем истребования в банках и иных кредитных организациях выписок по расчетным счетам. Однако, как показывает практика по значительному количеству таких уголовных дел, еще до момента их возбуждения деньги выведены за пределы России в оффшорные зоны.

Выявить и раскрыть такие сложные способы совершения коррупционных преступлений зачастую возможно только путем производства документальных проверок и ревизий.

Наиболее эффективной формой взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений, является исполнение поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий. Данная форма сотрудничества закреплена в законодательстве, регламентирующем уголовно-процессуальную и оперативно-разыскную деятельность (п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 4 ст. 157 УПК РФ, ч. 2 ст. 7 и п. 2 ст. 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Следует сказать, что оперативно-разыскные мероприятия по раскрытию и расследованию рассматриваемой категории преступлений осуществляют подразделения органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью, а также иные правоохранительные органы, имеющие подразделения по борьбе с коррупцией.

Следователь, дознаватель на основании ч. 1 ст. 144, п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ вправе поручать органам дознания проведение оперативно-разыскных мероприятий по расследуемому уголовному делу. Поручение должно содержать обоснования необходимости проведения оперативно-разыскных мероприятий, срок его выполнения составляет 10 суток.

Извечной проблемой в данном случае является срок исполнения поручения следователя и качество представленных материалов, что особенно актуально по рассматриваемой категории преступлений. Зачастую следователю приходится неоднократно обращаться либо к самому оперативному сотруднику, у которого находится на исполнении поручение, либо к его непосредственному руководителю с це-

лью ускорения процесса работы по направленному поручению. В данной связи считаем, что следователь сам может контролировать выполнение данных им поручений и в необходимых случаях через руководство оперативных подразделений «подгонять» нерадивых оперативников.

К разыскным мероприятиям и отдельным процессуальным действиям при направлении поручений следователя по данной категории преступлений относятся:

– выявление лиц, причастных к преступлению (соучастников);

– выявление свидетелей, располагающих криминалистически важными сведениями об обстоятельствах содеянного;

– сбор сведений о материальном достатке должностного лица и взяткодателя, их связях;

– проверка законности документов, послуживших основанием для удовлетворения противоправных интересов должностных лиц, полномочных распределять бюджетные средства;

– производство выемки и обыска;

– получение образцов для сравнительного исследования для производства, как правило, бюджетно-экономических, бюджетно-финансовых, судебно-бухгалтерских, судебно-экономических, почерковедческих экспертиз;

– допросы второстепенных свидетелей;

– производство контроля и записи переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Говоря о качестве материалов, получаемых следователями от оперативных подразделений по итогам работы в ходе исполнения поручения при расследовании указанной категории преступлений, следует привести данные социологического исследования, ярко характеризующие сложившуюся практику.

Так, на вопрос, соответствуют ли минимально необходимым требованиям документы, представляемые сотрудниками оперативных подразделений, полученные в ходе работы по поручению следователя при расследовании коррупционных преступлений, совершаемых при распределении и расходовании бюджетных средств, положительно ответили 45,8 % опрошенных, отрицательно – 54,2 % соответственно.

Для выхода из сложившейся ситуации следователям рекомендуется предоставлять в качестве приложений к направляемым ими пору-

чениям копии различных процессуальных документов, которые будут хорошим подспорьем оперативному сотруднику для качественного производства оперативно-разыскных мероприятий и отдельных процессуальных действий. В качестве таковых документов по делам данной категории относятся протоколы допросов, осмотров, задержаний, личного обыска и т. п.

Необходимо также отметить, что результаты качественно выполненных поручений могут быть в дальнейшем использованы следователем при принятии некоторых процессуальных решений (о задержании подозреваемых, избрании меры пресечения и т. д.), а также при выборе тактики проведения следственных действий (осмотра, выемки, обыска, допроса обвиняемых, свидетелей и др.).

Таким образом, одной из важных предпосылок успешного расследования коррупционных деяний, связанных с распределением и расходованием бюджетных средств, является своевременное и правильное решение вопроса о проведении предварительной проверки и возбуждении уголовного дела. Учитывая специфику данных преступлений, приходится констатировать, что зачастую первоначальные сведения не содержат данных, позволяющих немедленно решить вопрос о возбуждении уголовного дела. Прежде чем возбудить уголовное дело, следователю необходимо провести тщательную проверку изложенных в сообщении сведений, убедиться, насколько достоверны изложенные факты.

Ситчихина К. Л.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ

Принятый в 2001 г. УПК РФ закрепил правовой статус следователя как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Ст. 38 УПК РФ определяет следователя как должностное лицо, уполномоченное в пределах своей компетенции, предусмотренной законом, осуществлять предварительное следствие. П. 41 ст. 5 УПК РФ дополняет данное понятие возможностью следователя осуществлять также иные полномочия, предусмотренные законом. В п. 22 ст. 5 УПК РФ указывается, что обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом.

Однако мнения ученых о том, целесообразно ли отнесение следователя к субъектам со стороны обвинения, разделились.

С. А. Шейфер придерживается позиции, что следователь не должен выступать в уголовном процессе на стороне обвинения, так как он не может не испытывать состояния внутренней раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, субъектом уголовного преследования, обязанным собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства, а с другой – исследователем, вынужденным опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, не совместимые с обвинением[2].

А. М. Багмет считает, что следователь не относится к стороне обвинения, поскольку его основной процессуальной функцией является установление истины по уголовному делу[3]. Такая позиция находит свое подтверждение в ч. 2 ст. 6 УПК РФ, где уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уго-

---

[1] © Ситчихина К. Л., 2020.

[2] Шейфер С. А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 35.

[3] Багмет А. М. Следователь – судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2014. № 14. С. 8–9.

ловного преследования невиновных, а также в ст.ст. 145, 146, 147 и 148 УПК РФ, в которых следователь наделен правом как возбудить уголовное дело, так и отказать в его возбуждении. Тем самым ученые обращают внимание на два состязательных и взаимоисключающих аспекта в деятельности следователя.

Ряд авторов полагает, что следователь должен осуществлять только одну функцию – функцию расследования уголовного дела, которая подразумевает под собой сбор как обвинительных, так и оправдательных доказательств. Полагается, что в таком случае следователь может избежать опасности одностороннего, с обвинительным уклоном расследования уголовных дел, уделяя должное внимание оправдательным доказательствам. В. Д. Дармаева предлагает расширить функцию обвинения, указывая, что вся процессуальная деятельность должностных лиц или государственных органов, которые выступают на стороне обвинения, направлена не только и не столько на обоснование обвинительного тезиса, сколько на установление правовых оснований для рассмотрения дела судом, и сходит в рамки функции обвинения. Однако Конституционный Суд Российской Федерации придерживается мнения, что «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулирования обвинения и отстаивания его в суде»[1].

В настоящее время условия, в которых находятся органы предварительного следствия, не способствуют избавлению от обвинительного уклона при расследовании преступлений. В. М. Быков справедливо замечает, что авторы, отказывая следователю в том, чтобы быть стороной обвинения в уголовном процессе, не указывают, а кто же тогда будет выполнять процессуальную функцию обвинения вместо следователя, и кто будет собирать доказательства по уголовным делам или предъявлять обвинение?[2]

Интересна позиция С. М. Даровских, которая предлагает освободить следователя от обвинительной функции, придающей в настоящее время

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 г. № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности ч. 1 ст. 86 УПК РФ // Сейчас.ру: новости России и мира [электронный ресурс] URL: http://www.lawmix.ru/pprf/40074 (дата обращения: 08.02.2020).

[2] Быков В. М. Сторона обвинения в уголовном процессе России: монография. М.: Юрайт, 2019. С. 65.

обвинительный уклон его деятельности. Следователь не должен составлять обвинительное заключение и постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, это должно быть обязанностью прокурора[1].

Согласно ст. 73 УПК РФ, следователь обязан устанавливать событие преступления, виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер вреда, причиненного преступлением, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание и обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. На наш взгляд, все это указывает на то, что следователь обязан полно и всесторонне проводить расследование не только с целью привлечения лица к уголовной ответственности, но и для того, чтобы избежать привлечения невиновного лица к уголовной ответственности. Также следователь обязан прекращать уголовное преследование лиц, которые привлечены к уголовной ответственности ошибочно. То есть, нельзя говорить только об обвинительном уклоне в процессуальной деятельности следователя. Отнесение к стороне обвинения не препятствует следователю выполнять возложенные на него законом полномочия по расследованию уголовных дел[2].

Мнения тех авторов, которые предлагают обязанность предъявления обвинения и составления обвинительного заключения переложить на прокурора, подвергаются сомнению. На практике это решение может повлечь за собой нарушение принципа разумного срока уголовного судопроизводства, так как прокурору наверняка потребуется дополнительное время для ознакомления с материалами уголовного дела. Учитывая, что в некоторых случаях обвинение в ходе расследования уголовного дела иногда приходится изменять или дополнять, то данное предложение видится нелогичным.

Таким образом, законодательное отнесение следователя к стороне обвинения в настоящее время является предметом спора многих ученых и практиков. И поэтому, несомненно, возрастает роль научных фундаментальных исследований, направленных на его разрешение.

---

[1] Даровских С. М. Принцип состязательности в уголовном процессе России и механизм его реализации: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2001. С. 13.

[2] Стельмах В. Ю. Следователь как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 40.

Стацюк Д. Н.[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ ЛИЦА, С КОТОРЫМ ЗАКЛЮЧЕНО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Масштаб организованной преступности свидетельствует о том, что она распространяется по всему миру, проявляясь в различных преступных формах и проникая в различные сферы общества. Показания как доказательства в уголовном судопроизводстве являются одним из самых распространенных и востребованных видов доказательств при изобличении лиц, причастных к совершению преступления.

Существующие способы противодействия преступности и стимулирования в выявлении и их раскрытии стали недостаточно эффективными, что обусловило введение в отечественное судопроизводство нового правового института досудебного соглашения о сотрудничестве, итогом реализации которого в большинстве своем являются показания лица, изобличающие соучастников преступной деятельности, раскрытие и расследование дополнительных преступлений, совершенных иными лицами, розыске имущества и т. д.

Однако, с введением в уголовно-процессуальное законодательство нового института досудебного соглашения о сотрудничестве, законодатель не уделил достаточного внимания важным вопросам, касающимся юридической силы, роли и места показаний лиц, сотрудничающих лиц в системе доказательств уголовного судопроизводства.

Целью досудебного сотрудничества между сторонами защиты и обвинения являются достоверные показания в отношении членов преступных объединений и получение определенных преференций для сотрудничающего лица.

Ряд авторов отмечают такую цель досудебного соглашения о сотрудничестве, как расширение средств противодействия организованным и другим преступлениям и повышение эффективности их расследования, с этой целью допускается привлечение к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах[2].

---

[1] © Стацюк Д. Н., 2020.

[2] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: 6-е изд. / под ред. В. М. Лебедева и В. П. Божьева. М., 2010. С. 831.

Похожее мнение высказано Ю. К. Якимовичем: «Основная цель его – стимулировать членов преступной группы к прекращению преступной деятельности и сотрудничеству как с органами предварительного следствия, так и с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность»[1].

Также имеется «количественное обозначение цели, которое может преследовать три цели, которые в каждом конкретном случае присутствуют вместе либо порознь. Это содействие следствию: 1) в раскрытии и расследовании преступления; 2) изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления; 3) розыске имущества, добытого в результате преступления»[2].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что значение показаний лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, нельзя недооценивать, поскольку именно они закладываются в успешное раскрытие и расследование совершенных, а также готовящихся к совершению преступлений.

Так, по результатам 2018 г. органами предварительного следствия ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области было заключено 11 соглашений с участниками организованных преступных групп[3].

Основной формой, в которой выражается сотрудничество обвиняемых, является дача показаний относительно обстоятельств совершения преступлений и лиц, их совершивших.

В результате заключенных досудебных соглашений получены не только признательные показания о совершенных обвиняемым преступлениях, но и иная информация, имеющая значение для расследования уголовного дела общеуголовной, экономической направленности, а также преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Так, в результате сотрудничества были получены доказательства, которые позволили:

– изобличить новых соучастников преступлений;

– выявить новые эпизоды преступной деятельности;

---

[1] Якимович Ю. К. Соглашение о сотрудничестве – новый институт уголовно-процессуального права // Избранные труды. М., 2011. С. 727.

[2] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. 4-е изд. М., 2011. С. 433.

[3] Информационные материалы ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области 01.08.2019 исх. № б/22234.

– установить причастность отдельных лиц к совершению конкретных эпизодов в рамках уже расследуемого уголовного дела;

– получить сведения об организованности, сплоченности и распределении ролей обвиняемых, что в дальнейшем позволяет давать правильную уголовно-правовую оценку их действиям как совершенных в составе ОПГ, в том числе и банды или преступного сообщества;

– противодействовать фальсификации доказательств со стороны других участников преступной группы;

– получить подробные схемы планируемых преступлений и способов сбыта имущества, а также легализации имущества, добытого преступным путем;

– установить данные о наличии материальной и финансовой базы преступной группы.

Ко всему вышеперечисленному, все лица, с которыми были заключены досудебные соглашения о сотрудничестве, обязались активно способствовать раскрытию и расследованию преступлений, о которых они располагают информацией, принять меры к возмещению причиненного ущерба, а также подтвердить свои признательные показания в суде.

Вплоть до 30 октября 2018 г. показания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не имели процессуального закрепления и использовались либо как показания свидетеля, либо как показания обвиняемого, что не соответствовало действительности и решениям судов[1].

Однако, после введения нового участника «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ, представляется, что проблема процессуальной регламентации показаний лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, так и не нашла своего разрешения.

Наряду с достоинствами данного института нельзя не отметить имеющиеся со стороны обвиняемых злоупотребления правом заключения досудебных соглашений при отсутствии возможности и жела-

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений ч.ч. 2 и 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко».

ния исполнять принятые на себя обязательства, сообщать заведомо ложные и недостоверные сведения, и другие действия, не позволяющие эффективно реализовать цель данного правового института.

В этой связи органам предварительного следствия приходится обращать особое внимание на целесообразность заключения с обвиняемым досудебного соглашения, давать оценку действиям обвиняемого до поступления ходатайства о сотрудничестве, тщательно оценивать предоставляемые сведения и возможность их эффективного использования в расследовании.

При установлении недостоверности сведений, сообщенных обвиняемым, либо при отсутствии активных действий со стороны последнего, направленных на исполнение взятых на себя обязательств, следователь вынужден инициировать перед прокурором вопрос о прекращении действия досудебного соглашения.

По результатам анализа можно сделать вывод, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой эффективный правовой институт уголовного процесса, который направлен на борьбу с организованной преступностью, а также позволяет способствовать сокращению сроков расследования уголовных дел и их рассмотрение в суде, уменьшению сроков содержания обвиняемых под стражей и необходимой защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Топилина Т. А.[1],
аспирант Московского государственного
юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В настоящее время цифровые технологии в области юриспруденции развиваются в геометрической прогрессии. Активно создаются и продвигаются технологии по возможности подбора нормативно-правовой базы, судебной практики, оценки перспектив результата спора, составления и подачи процессуальных документов онлайн. Несмотря на возможности, предлагаемые цифровым миром праву, некоторые отрасли права сталкиваются с сопротивлением проникновения машинного интеллекта. Отторжение новых технологий сотрудниками правоохранительных органов вполне объяснимо и не должно требовать каких-либо серьезных теоретических исследований. Опыт использования цифровых технологий в сфере оказания государственных услуг свидетельствует, что для граждан данный способ взаимодействия с органами государственной власти представляется удачным. На данное время каких-либо действенных шагов по автоматизации процесса регистрации сообщений о преступлении в Российской Федерации не осуществлено[2]. Развитие цифровизации в уголовном процессе в первую очередь должно ориентироваться на потребности человека, а не на узкие ведомственные интересы.

В соответствии со ст. 52 Конституции Российской Федерации государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Вместе с тем, реализация доступа к правосудию потерпевшими по делам публичного обвинения невозможна без прохождения досудебных стадий. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование являются предпосылками для осуществления доступа к правосудию потерпевшими по делам публичного обвинения. Именно на данных стадиях уголовного про-

---

[1] © Топилина Т. А., 2020.

[2] Масленникова Л. Н., Собенин А. А. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. 2019. № 6. С. 13.

цесса формируются предпосылки для доступа к правосудию на судебных стадиях.

Одним из факторов, блокирующих доступ к правосудию потерпевшему, является укрытие сообщений о преступлении от регистрации. На рис. 1 представлена диаграмма нарушений законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, выявленных органами прокуратуры за 2011–2018 гг. Данная диаграмма свидетельствует о стабильном росте нарушений законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении[1].

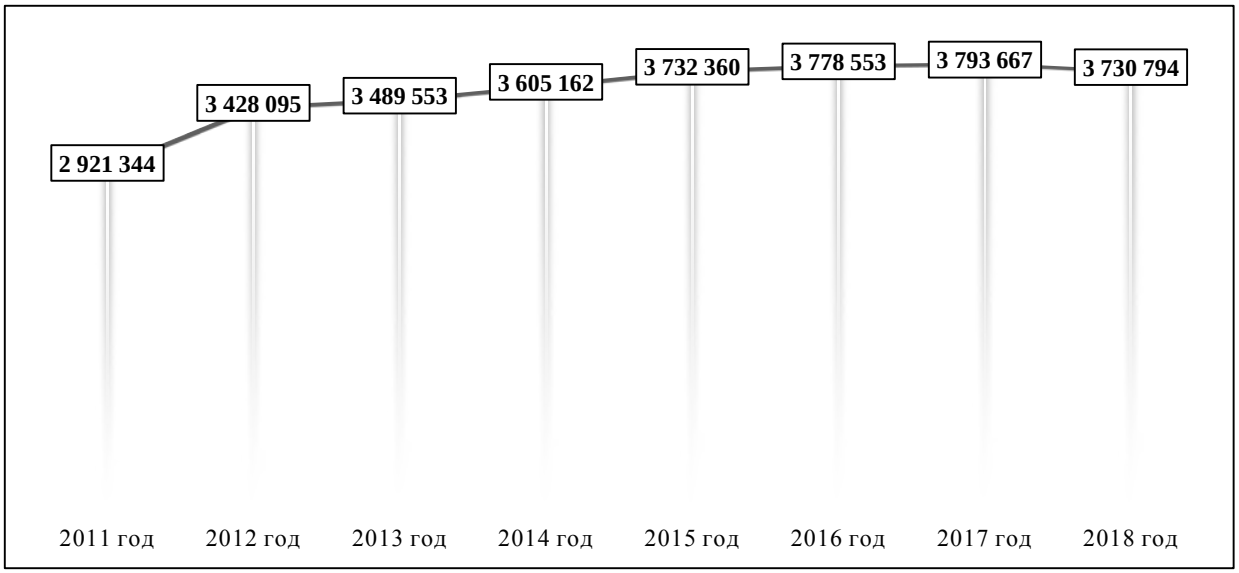

Рис. 1. Диаграмма нарушений законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, выявленных органами прокуратуры

В 2014 г. было рассмотрено 11762886 заявлений (сообщений) о преступлениях. Таким образом, по каждому третьему заявлению (сообщению) о преступлении было допущено нарушение закона. По неизвестным причинам с 2015 г. раздел «Сведения о результатах разрешения заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях в органах внутренних дел» в ежегодном статистическом сборнике о состоянии преступности в России был исключен, а потому получить реальные данные о нарушении закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении не представляется возможным.

---

[1] Диаграмма составлена автором на основании статистических данных об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2011–2018 гг. [электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru. (дата обращения: 04.09.2019).

Минимизировать количество нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении позволит организация деятельности правоохранительных органов в виртуальном пространстве за счет широкого использования информационно-коммуникационных технологий.

Положительным примером организации деятельности государственных органов в виртуальном пространстве служит практика зарубежных стран. В таких странах, как Великобритания, Австралия, Дания, Швейцария, Финляндия, Республика Сингапур, Новая Зеландия, США, Германия, Нидерланды, Норвегия, есть возможность подать заявление о преступлении онлайн через сайт полиции либо через портал государственных услуг.

Информационно-коммуникационные технологии предоставляют обширные возможности для подачи заявления о преступлении. Например, в Великобритании заявитель при подаче заявления о преступлении может указать место совершения преступного деяния на карте. Данная информация позволяет определить подследственность по территориальному критерию автоматически с последующей проверкой сотрудником правоохранительных органов. С помощью заранее заданных алгоритмов можно также предварительно определять подследственность по ведомственному критерию, исходя из данных о предполагаемом преступном деянии, сообщаемых заявителем. Заявитель также сообщает контактную информацию, личные данные, прикладывает доказательства, указывает на возможных свидетелей, лицо, которое, по его мнению, совершило данное преступление, описывает украденную вещь.

В Австралии действует целый комплекс возможностей подачи заявления о преступлении онлайн. Существует возможность подачи заявления о преступлении как на сайте, так и через мобильное приложение (SAPOL) как на IOS, так и на Android. С помощью приложения можно инициировать вызов экстренной службы. На сайте полиции также есть возможность отслеживать ход расследования преступления онлайн. Есть отдельный сайт, с помощью которого можно сообщить о киберпреступности.

При этом в Австралии существует уникальная возможность обращения в полицию заявителя с нарушением слуха и/или нарушением речи с помощью видеовызова через веб-сайт Национальной службы ретрансляции (NRS). По данным Росстата, общая численность инвалидов в Российской Федерации составляет 11,9 млн человек. Это

практически десятая часть населения страны, которая нуждается в дополнительной поддержке со стороны государства. Учитывая зависимость данной категории лиц от опекунов, попечителей, а также отсутствие физической возможности заявить о преступлении устно или письменно, обращение в полицию с помощью видеовызова через вебсайт порой может стать единственной возможностью обратиться за помощью.

В Дании, помимо возможности сообщить о преступлении через сайт полиции, а также через платформу Borger (аналог наших госуслуг), предусмотрено обязательное цифровое самообслуживание при подаче заявления о краже велосипеда. Согласно ст. 742A Закона об отправлении правосудия, заявление (anmeldelse) в соответствии с § 742, подп. 1, которое касается только кражи велосипедов и использования велосипедов, должно быть передано в полицию с использованием цифрового решения, предоставленного полицией (цифровое самообслуживание).

Интерес также предоставляет идентификация лица, подающего заявление о преступлении. Исходя из опыта зарубежных стран, данную идентификацию можно осуществить с помощью учетной записи на портале государственных услуг. Так, в Сингапуре идентификация заявителя осуществляется через учетную запись SingPass, которая является аналогом российской ЕСИА. В Германии заявитель предупреждается о том, что информация о его IP-адресе будет сохранена. В настоящий момент на многих порталах государственных и муниципальных услуг субъектов Российской Федерации идентификация лица осуществляется через авторизацию в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). В Финляндии идентификация заявителя возможна также через личный кабинет в банке.

Во Франции предусмотрена возможность предварительной подготовки заявления о преступлении (porter plainte), которую позднее можно подписать в полиции. На платформе предлагается заполнить данные о себе, описать фактические обстоятельства дела, время совершения преступления, размер вреда и своей адрес. Заявитель также предупреждается за заведомо ложный донос.

В Нидерландах и Норвегии на сайте полиции можно онлайн сообщить только о некоторых преступлениях. Например, о краже из кармана, велосипеда, о мошенничестве в Интернете.

Общие тенденции подачи заявления о преступлении в электронном виде, наблюдаемые в исследованных странах:

1) возможность подачи заявления о преступлении онлайн только в случаях, не требующих незамедлительного участия сотрудников правоохранительных органов;

2) идентификация заявителя осуществляется через национальные порталы государственных услуг;

3) заявитель предупреждается об ответственности за предоставление заведомо ложной информации с помощью проставления галочки в соответствующей графе онлайн;

4) заявителю предоставляется возможность приложить к заявлению доказательства, данные о возможном преступнике и иные сведения.

Возможность подачи заявления о преступлении в электронном виде не является панацеей от нарушения законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. Однако всестороннее развитие данного способа сообщения о преступлении в зарубежных странах свидетельствует о возможности устранить ряд преград для потерпевшего на пути к правосудию.

Трынко Д. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
преподаватель-методист
учебного отдела Тверского филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

МЕРЫ ПОПЕЧЕНИЯ О ДЕТЯХ, ОБ ИЖДИВЕНЦАХ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО И МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОХРАННОСТИ ЕГО ИМУЩЕСТВА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

В современном УПК РФ сосредоточены как самобытные нормы, присущие исключительно отечественному уголовному процессу, так и заимствованные у зарубежных стран, что обусловлено всемирной глобализацией и прогрессом.

Некоторые из них, на первый взгляд, кажутся перенятыми из заграничного опыта, однако, если проникнуть глубоко в почву нашей истории, изучить нормативные акты прошлых лет, можно с удивлением обнаружить, что прообраз таких законов гораздо ранее содержался в различных правовых источниках российского государства.

Речь идет о таком общем условии предварительного расследования как меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества, которое, безусловно, направлено на соблюдение прав участников уголовного судопроизводства. Нам хорошо известно, что большинство норм, направленных на гуманизацию, уважение к людям, заботу о них, соблюдение их свобод, появились в УПК РФ сравнительно недавно, а именно в период социально-экономических преобразований, и основывались, в том числе, на нормах международного права в области обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. Не вызывает сомнений тот факт, что забота государства о детях, об иждивенцах и имуществе подозреваемого (обвиняемого) основана как раз на признании этих самых норм. Однако прототип такой нор-

---

[1] © Трынко Д. С., 2020.

мы был введен законодателем в Устав уголовного судопроизводства еще во времена реформы великого царя Александра II в 1864 г. и звучал «Осужденные к ссылке женщины, у коих есть грудные дети, не разлучаются с ними, если сами не пожелают оставить их на попечении у своих мужей или родственников и отправляются на подводах по правилам Устава о ссыльных» (ст. 211). Как видно, еще во времена Российской империи законотворцы задумались именно над этим вопросом, а не о других важных институтах уголовного судопроизводства, таких как соединение, выделение уголовных дел, окончание предварительного расследования.

Сталкиваясь на практике с данной обязанностью следователя (дознавателя), у нас справедливо возник вопрос: каким образом законодатель надеялся качественно обеспечить права подозреваемого (обвиняемого) в данной области, основываясь на одной лишь статье в УПК РФ, не развив ее в другом локальном нормативном правовом акте? Другими словами, те три части ст. 160 УПК РФ явно не в полной мере раскрывают характер действий должностных лиц по принятию мер попечения о лицах, нуждающихся в уходе, а также о сохранности имущества подозреваемого (обвиняемого). Однако юридическую ответственность за следователем при невыполнении этих обязанностей законодатель, разумеется, закрепил (ст.ст. 1069, 1070 ГК РФ).

Если обратиться к ст. 38 УПК РФ «Полномочия следователя», то мы обнаруживаем п. 6 ч. 2, в которой имеется расплывчатая формулировка «осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом», под которую подпадает множество таких «полномочий», которые, на наш взгляд, выходят за рамки его истинных компетенций. Мы ни в коем случае не говорим о необходимости отказаться от выполнения мер попечения о детях, иждивенцах подозреваемого (обвиняемого), сохранности его имущества. Мы лишь считаем, что каждое должностное лицо должно выполнять свою работу, а принятие таких мер входит в обязанности уполномоченных органов в сфере опеки и попечительства. Ведь следователь (дознаватель) далеко не всегда заранее знает, каких лиц и когда именно ему придется задерживать и (или) арестовывать, зачастую это бывает спонтанно и действовать ему приходится оперативно. В этот момент он думает о том, какие доказательства собраны, изучает личность потенциального подозреваемого, подбирает оптимальную меру пресечения, исходя из характера совершенного преступления, его личности и других обстоятельств, установленных законом. В такой ситуации у него просто

нет времени и возможности заниматься «принятием мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого, сохранности его имущества». Мы согласны с тем, что следователь (дознаватель) обязаны установить факт наличия таких лиц, возможно, даже такую обязанность необходимо внести в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), о чем так же высказались А. В. Федулов и Д. Р. Нерсесян[1].

Однако на этом его полномочия по попечению о лицах, нуждающихся в уходе, на наш взгляд, должны быть завершены, ведь впереди его ждет колоссальный труд, направленный на квалифицированное и своевременное расследование уголовного дела. По причине скудного изложения законодателем характера действий следователя (дознавателя) по принятию мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого, сохранности его имущества, на практике должностные лица вынуждены применять правовые нормы по аналогии, опираясь на созданные в их подразделениях прецеденты, пользоваться автоматическим построением алгоритмов принятия решений, что негативно отражается на всей их служебной деятельности.

К примеру, в ходе расследования уголовного дела по факту тайного хищения чужого имущества, следователь Коршунов задержал в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ гражданку Иванову, у которой на иждивении находился малолетний ребенок. По-своему истолковав положения ст. 160 УПК РФ, следователь с согласия подозреваемой оставил ребенка его бабушке – матери Ивановой, в результате чего суд в после рассмотрения ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, вынес частное определение о нарушения закона, допущенного при производстве предварительного следствия, посчитав, что оставить ребенка на попечение родной бабушки следователь был не вправе, хотя ч. 4 ст. 5 УПК РФ относит к близким родственникам, в том числе, родителей[2]. Возможно, судья исходил из ее престарелого возраста и состояния здоровья, но где гарантия, что родной отец в состоянии принять на себя попечение о детях? Получается, что на следователя, кроме всего прочего,

---

[1] Федулов А. В., Нерсесян Д. Р. Преемственность юридической техники формирования порядка принятия следователем (дознавателем) мер попечения о детях и иждивенцах подозреваемого или обвиняемого // Юридическая техника. 2011. С. 503.

[2] Архив Заволжского суда г. Твери.

возлагаются полномочия по поиску таких лиц, которые по каким-то критериям подходят для этой роли, но что это за критерии, законодатель не указал.

Также, на наш взгляд, ст. 160 УПК РФ содержит неисчерпывающий перечень ситуаций, когда возникает необходимость в принятии мер попечения о лицах, нуждающихся в уходе, а также о сохранности имущества подозреваемого (обвиняемого). По нашему мнению, такими ситуациями являются помещение лица в медицинскую организацию для производства судебной экспертизы, избрание меры пресечения в виде домашнего ареста или запрета определенных действий. Это умозаключение сделано нами ввиду личного опыта, полученного в ходе расследования уголовного дела, когда к уголовной ответственности за организацию занятия проституцией другими лицами привлекались сутенеры Федоровы – супруги, имеющие на иждивении четверых малолетних детей. Учитывая обстоятельства совершения преступлений и их тяжесть, было принято решение о задержании Федоровых в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ, а также избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, для чего нами заранее были привлечены сотрудники подразделения по делам несовершеннолетних, которые во время обыска в жилище подозреваемых составили с Федоровой документы об изъятии детей, троих из которых направили в социальное учреждение, занимающееся воспитанием детей, а шестимесячного ребенка – в лечебное учреждение. После избрания в отношении Федоровой меры пресечения в виде домашнего ареста местные органы опеки и попечительства вернули ей детей, что, на наш взгляд, является неверным решением. По их мнению, оснований для дальнейшей изоляции детей от Федоровой не имелось. В то же время в своем постановлении суд перечислил запреты, обязательные для исполнения Федоровой, связанные, в том числе, с запрещением покидать пределы места жительства, пользоваться средствами мобильной связи, общаться с определенными лицами и т. д., которые в полной мере подозреваемой исполняться не могли, ввиду наличия на иждивении четверых малолетних детей. Ведь она, находясь в изоляции от общества, как следствие, не работая, добросовестно исполняя возложенные на нее запреты, не могла в полной мере исполнять свои материнские обязанности по воспитанию детей, т. е. те самые надлежащие меры попечения. По этой причине следствие ходатайствовало перед судом о разрешении Федоровой дополнительно покидать пределы жилого помещения (для прогулки, для посещения магазинов), и

находиться вне места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, в результате чего цель меры пресечения – установление объективной истины по уголовному делу, – достигнута не была. Подозреваемая Федорова нашла связь с другими фигурантами по уголовному делу, а также угрожала потерпевшим. Данным примером мы хотели еще раз подтвердить нашу мысль о том, что передача и дальнейшая судьба детей, иждивенцев, нуждающихся в уходе – это задача компетентных органов опеки и попечительства, а не органов предварительного расследования.

Таким образом, мы объективно полагаем, что современные нормы УПК РФ, регламентирующие меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого, по обеспечению сохранности его имущества, не дают должного эффекта и требуют дальнейшего совершенствования.

Черемисина Т. В.[1]**,**
научный сотрудник Научно-исследовательского
института Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации

СЛЕДОВАТЕЛИ ПОКОЛЕНИЯ Z – НОВЫЕ АКТОРЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В 2019 г. произошло, но осталось незамеченным уникальное событие, которое в будущем повлияет на развитие как правоохранительной системы в целом, так и следственных органов, в частности. В ряды следователей Следственного комитета России впервые вступили представители нового поколения – поколения «Z», обладающие собственными стереотипами поведения, ориентированного на цифровые технологии, и основанными на них представлениями об этике и положении следователя в социуме. Со временем, когда их станет большинство (а это произойдет в ближайшие 5–10 лет), характер уголовно-процессуальной деятельности преобразится до неузнаваемости. Чтобы понять, кто они такие – представители новой генерации, обратимся к теории и результатам проведенных нами исследований.

Для выявления отличительных особенностей новых следователей обратимся к достижениям социологии. Так, теория поколений разработана американскими социологами У. Штраусом и Н. Хау в конце 80-х гг. XX в. Поколение – это группа людей, рожденных в определенный временной период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, и имеющих похожие ценности. Ученые доказали, что каждая возрастная группа отличается моделями поведения, ценностями и отношением к ним, так как они развиваются в разных исторических периодах. В своей книге они изложили историю США как серию биографий сменявших друг друга поколений начиная с первых колонистов[2]. В России получила распространение адаптированная версия их теории под условным обозначением «XYZ».

Период 2019–2020 гг. является уникальным потому, что начиная с 2019 г. (год первого выпуска студентов Московской академии Следственного комитета России) впервые в истории в Следственном комитете работают представители сразу трех поколений «XYZ».

---

[1] © Черемисина Т. В., 2020.

[2] Howe, Neil; Strauss, William. Generations: The History of America’s Future, from 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company, 1991.

Так, представители поколения «X», рожденные в период с 1963 г. по 1981 г., присутствуют в рядах следователей Следственного комитета России в меньшинстве. На 31 декабря 2018 г. сотрудники Следственного комитета России в возрасте от 40 до 50 лет составляли 18,1 % от общего числа сотрудников ведомства. А следователи в возрасте от 40 до 50 лет составляли 6,8 % от общего числа следователей ведомства[1].

Следователи поколения «X» имеют ценный опыт работы в органах прокуратуры и других ведомствах, но, если применить к ним характеристику этого поколения, с трудом адаптируют свои методики к новым способам совершения преступлений в сфере экономики и информационных технологий, пользуются факсимильным аппаратом чаще, чем мессенджерами и камерой смартфона на осмотре места происшествия. Они ценят возможность выбора, технически грамотны, прагматичны, в работе, надеются на себя и придерживаются принципа равноправия полов.

Очевидно, что удельный вес представителей этого поколения в следственных органах с каждым годом будет уменьшаться по естественным причинам. При этом в силу выслуги руководящее звено следственных органов будет образовано преимущественно из представителей поколения «X».

Большинство сотрудников Следственного комитета России относится к поколению «Y». На 31 декабря 2018 г. следователи в возрасте от 30 до 40 лет составляют 42,4 % от общего числа следователей ведомства, до 30 лет – 49,9 %. Из общего количества сотрудников не достигло 40 лет 48,4 %, а 27,2 % сотрудников ведомства еще не достигли тридцатилетия[2]. Таким образом, поколение «Y» составляет 92,3 %, то есть абсолютное большинство ныне действующих следователей.

Они родились после 1981–1983 гг., вовлечены в эпоху цифровых технологий, но их детство прошло без смартфонов и Интернета. В отличие от своих предшественников, нацеленных на извлечение прибыли, «игреки» желают работать не только из-за стабильного дохода, им важны самореализация и гибкий график. Кроме того, они не готовы всю жизнь работать на одну компанию, легко меняют сферы деятельности. Выраженное личное качество – индивидуализм, иногда

---

[1] Материалы к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2018 г. и задачах на 2019 г.».

[2] Там же.

переходящий в эгоизм, а также инфантилизм[1]. Кроме того, 30-летние обладают выраженным чувством собственного достоинства и требуют уважительного отношения к себе со стороны руководства и представителей судебной системы. Негативно относятся к проявлениям высокомерия по отношению к ним со стороны судей и публичной критике в отношении к следователям, следственным органам и результатам их деятельности[2].

Поколение «Z» стало появляться на свет после 1995 г., и в 2019 г. его первые представители начали устраиваться на работу в следственные органы Следственного комитета России и другие следственные ведомства. Отличаются ли они от старших коллег? Когда они родились, родители создали им личный аккаунт в «Инстаграм», поэтому они не только не представляют жизни без Интернета и социальных сетей, а в отличие от «игреков», не знали жизни без них вообще. Они считают «селфи» на рабочем месте совершенно обычным делом. Им проще задать вопрос по квалификации преступления коллегам в групповом чате, чем найти ответ в УК РФ. То, что «игреки» считают новыми технологиями, для «зетов» – это повседневные гаджеты, они воспринимают их не как нечто новое, а как часть себя, без которой не смогут существовать. Они любят короткие видео и еще более короткие тексты, а последним предпочитают картинку. Используют социальные сети, а не электронную почту. Поэтому их может испугать перспектива на протяжении нескольких месяцев расследовать многоэпизодное уголовное дело или составлять обвинительное заключение, так как для этого потребуется вырваться из виртуальной реальности и надолго удерживать внимание на реальной действительности, к чему они не приспособлены.

Положительным моментом как цифровизации в целом, так и прихода на следствие представителей поколения «Z» может стать высокая скорость поиска новых источников доказательств, которой будут обладать новые следователи.

В период с сентября по ноябрь 2019 г. мы провели анкетирование следователей следственных органов Следственного комитета России, которых социологическая теория, приведенная выше, относит к представителям поколения «X». Результаты анкетирования отражены в табл. 1.

---

[1] Фуколова Ю. Иду на X. Как компания «Вымпелком» приручила «игреков». URL: https://www.kommersant.ru/doc/2483998.

[2] Черемисина Т. В Этические аспекты взаимодействия следователя и суда // Российский судья. 2019. № 7. С. 47.

Таблица 1

Результаты анкетирования представителей трех поколений

Вопросы анкеты	X (N=34)	Y (N=90)	Z (N=100)
1. Имеете ли Вы аккаунты в социальных сетях?	Да – 62 % Нет – 38 %	Да – 62 % Нет – 38 %	Да – 100 % Нет – 0 %
2. Сколько аккаунтов в социальных сетях (ВКонтакте, Инстаграм, Телеграм, Твиттер, Фейсбук, Одноклассники, Снэпчат и др.) Вы используете?	а) 1–2 – 62 % б) 3–4 – 38 % в) 5 и более – 0	а) 1–2 – 68,3% б) 3–4 – 27,9% в) 5 и более – 3,8%	а) 1–2 – 0 % б) 3–4 – 39 % в) 5 и более –12 %
3. Сколько раз в день Вы просматриваете социальные сети, обновляете ленты новостей в аккаунтах?	а) раз в несколько дней – 38 % б) 1–2 – 19 % в) 3–5 – 33,3 % г) постоянно нахожусь в режиме «онлайн» – 9,7 %	а) раз в несколько дней – 23,7 % б) 1–2 – 27,9 % в) 3–5 – 40,5 % г) постоянно нахожусь в режиме «онлайн» – 7,9 %	а) раз в несколько дней – 0% б) 1–2 – 19 % в) 3–5 – 28 % г) постоянно нахожусь в режиме «онлайн» – 43 %
4. Как Вы относитесь к тому, что некоторые сотрудники СК России указывают в социальных сетях место работы и размещают фотографии в форменном обмундировании, на рабочем месте и т. д.?	а) отрицательно. Считаю подобные действия неэтичными – 70,6 % б) нейтрально. Сам подобные фотографии не публикую, но не вижу в этом ничего плохого – 29,4 % в) положительно. Периодически выкладываю фото в форме в социальные сети, так как все мои друзья и так знают, что я следователь – 0 %	а) отрицательно. Считаю подобные действия неэтичными – 60 % б) нейтрально. Сам подобные фотографии не публикую, но не вижу в этом ничего плохого – 38,9 % в) положительно. Периодически выкладываю фото в форме в социальные сети, так как все мои друзья и так знают, что я следователь – 1,1 %	а) отрицательно. Считаю подобные действия неэтичными – 23 % б) нейтрально. Сам подобные фотографии не публикую, но не вижу в этом ничего плохого. – 69 % в) положительно. Периодически выкладываю фото в форме в социальные сети, так как все мои друзья знают, что я следователь – 8 %
5. Сколько лет вы планируете работать в одной организации (ведомстве)? Планируете ли в будущем сменить место работы?	а) Нет, предпочитаю передвигаться по карьерной лестнице в рамках одной организации – 91,2 % б) Не планирую задерживаться в одной организации более 5 лет, но для меня важно работать по специальности – 25,9 %	а) Нет, предпочитаю передвигаться по карьерной лестнице в рамках одной организации – 81,2 %; б) Не планирую задерживаться в одной организации более 5 лет, но для меня важно работать по специальности – 12,2 %;	а) Нет, предпочитаю передвигаться по карьерной лестнице в рамках одной организации – 69 %; б) Не планирую задерживаться в одной организации более 5 лет, но для меня важно работать по специальности – 7 %;

Вопросы анкеты	X (N=34)	Y (N=90)	Z (N=100)
	в) планирую попробовать себя в нескольких профессиях в разных организациях, чтобы сделать выбор или открыть собственное дело – 2,9 %	в) планирую попробовать себя в нескольких профессиях в разных организациях, чтобы сделать выбор или открыть собственное дело – 6,6%.	в) планирую попробовать себя в нескольких профессиях в разных организациях, чтобы сделать выбор или открыть собственное дело – 24 %.
6. Какой график работы Вы предпочитаете?	а) 5/2 – стандартная рабочая неделя – 70,6 % б) 2/2 или другой вариант сменного графика – 5,9 % в) предпочитаю не привязывать себя к сменам и графикам, и самостоятельно планировать нагрузку – 23,5 %	а) 5/2 – стандартная рабочая неделя – 64,4 % б) 2/2 или другой вариант сменного графика – 4,4 % в) предпочитаю не привязывать себя к сменам и графикам и самостоятельно планировать нагрузку – 31,2 %.	а) 5/2 – стандартная рабочая неделя – 78 % б) 2/2 или другой вариант сменного графика 7 % в) предпочитаю не привязывать себя к сменам и графикам, и самостоятельно планировать нагрузку – 15 %

Анализ анкет показал, что 38 % опрошенных следователей поколения «X» не имеют аккаунтов в соцсетях, в отличие от представителей новых поколений, которые считают социальные сети и Интернет частью своей жизни. Последние также более лояльно относятся к размещению сотрудниками собственных фото- и видеофайлов в социальных сетях, в отличие от сотрудников в возрасте от 40 лет.

При этом представители поколения «Z» не могут идентифицировать свою личность отдельно от Интернета и социальных сетей. Они чувствуют неудовлетворенность, если по каким-либо причинам (разрядился телефон, нет связи с оператором сети) не разместили фотоотчет о важном событии в своей жизни в «Инстаграм» или не записали видео. Жизнь уже не делится на личную (интимную) и публичную, и представители поколения «Z» не видят в этом ничего аморального.

В цифровую эпоху недостаток публичности люди склонны компенсировать демонстративным поведением и активностью в социальных сетях. Сегодняшние следователи еще вчера публиковали на своей странице в социальной сети фотографии из университета. Теперь же они транслируют себя в новом качестве и искренне недоумевают, почему не должны этого делать. А ведь информация, размещаемая следователями в социальных сетях, может быть использована иными лицами в целях дискредитации правоохранительных органов.

Черкасова Ю. А.[1],
слушатель факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

СТАТИСТ – НОВЫЙ УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Процессуальное положение участников уголовного судопроизводства занимало, занимает и будет занимать одно из ведущих мест в действующем законодательстве. Несомненно, каждый участник важен, так как решает определенные задачи при проведении следственного действия. Особое положение занимают иные участники уголовного судопроизводства, которые выполняют вспомогательную роль, однако без которых осуществление таких действий либо невозможно, так как их участие обязательно, либо нецелесообразно, так как это не может способствовать достижению более успешного результата. Действующее законодательство закрепляет перечень иных участников уголовного судопроизводства в гл. 8 УПК РФ: свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой.

По нашему мнению, вышеуказанный перечень должен содержать еще одного участника уголовного судопроизводства – статиста, который принимает участие в предъявлении для опознания (ч. 3 ст. 193 УПК РФ), и возможно, в других следственных действиях. Например, участие статистов целесообразно при проведении проверки показаний на месте, когда рассматриваемый участник может оказывать физическую помощь при воспроизводстве на месте обстановки и обстоятельств исследуемого события, при демонстрации определенных действий человека, показания которого проверяются (ч. 2 ст. 194 УПК РФ), при производстве следственного эксперимента, когда необходима физическая помощь для воспроизведения определенного действия, наступления ожидаемого события, выявления последовательности происшедшего события и механизм образования следов (ст. 181 УПК РФ) и др.

---

[1] © Черкасова Ю. А., 2020.

УПК РСФСР 1960 г. и действующий УПК РФ не содержат слова «статист», но данное понятие активно используется в научных публикациях. В то же время, в ч. 4 ст. 193 УПК РФ акцентировано внимание на том, что для реализации такого следственного действия, как «Предъявление для опознания», необходимы лица, которые имеют схожие признаки во внешности с опознаваемым. Это означает, что при производстве данного следственного действия участвует человек, который в настоящий момент не имеет процессуальных прав и обязанностей, но выполняет определенные задачи, вовлекаясь в сферу уголовного судопроизводства, и, по сути, участвует в уголовно-процессуальных отношениях.

Толковый словарь Д. Н. Ушакова содержит понятие «статист» (от греч. Statos – стоящий) – «лицо, исполняющее на сцене второстепенную, выходную роль без слов»[1]. В Толковом словаре С. И. Ожегова под статистом понимается: «человек, чье участие в каких-либо действиях ограничивается только присутствием»[2].

Одна из основных обязанностей следователя и дознавателя перед началом следственного действия – разъяснить права и обязанности каждому участнику. Однако по отношению к статистам выполнить это невозможно, так как в УПК РФ отсутствует перечень их прав и обязанностей. Проведенное нами интервьюирование[3] показало, что правоприменительная практика нашла, по нашему мнению, не вполне правомерный выход – применение аналогии закона: при разъяснении прав и обязанностей статиста использовать текст ст. 60 УПК РФ (права и обязанности понятого).

Следует отметить, что предназначения статиста и понятого схожи. Общим признаком для вышеуказанных участников является то, что они выполняют (помогают выполнить) «удостоверительное» предназначение, т. е. способствовать обеспечению достоверности получае-

---

[1] Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. Аделант. М., 2014. С. 539.

[2] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук, Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд. М., 1998. С. 519.

[3] Интервьюированию подверглись 52 дознавателя и следователя ОВД РФ из следующих субъектов Российской Федерации: г. Москва, Брянская, Владимировская, Калужская, Московская, Рязанская, Самарская, Смоленская, Тамбовская, Тверская и Тульская области, 47 (90 %) из которых указали, что поступили бы именно так.

мых доказательств в уголовном деле. Но наиболее наглядно отличие данных участников.

Роль понятого во всех следственных действиях пассивная, роль статиста может быть как активная, так и пассивная[1].

Хотя статист и понятой оказывают содействие правоохранительным органам, но понятой способствует обеспечению законности в проводимых следственных действиях, удостоверяя факт, содержание, ход и результат процессуального действия, а статист своими физическими действиями оказывает непосредственную помощь при осуществлении конкретного следственного действия.

Понятой может принимать участие как до возбуждения уголовного дела, так и по возбужденному уголовному делу. Статисты принимают участие в следственных действиях только по возбужденному уголовному делу.

Понятого, в случаях, указанных в ч. 3 ст. 170 УПК РФ, можно заменить использованием технических средств фиксации хода и результатов следственного действия. Без участия статиста в отдельных случаях невозможно производить следственное действие.

Иными словами, процессуальное положение таких лиц, как статисты, в настоящее время требует нормативно-правового закрепления. Несмотря на указанные выше сходства и отличия понятого и статиста, еще имеются принципиальные отличия в понятии, правах и обязанностях, а также в круге лиц, кто может быть данным участником уголовного судопроизводства. Так, статист – это незаинтересованное лицо, привлекаемое по уголовному делу следователем, дознавателем или судьей, с целью оказания дополнительной физической помощи при производстве следственных действий, а для участия в предъявлении для опознания, еще обладающее общими антропометрическими признаками с опознаваемым.

По нашему мнению, для участия в следственных действиях в качестве статиста не должны привлекаться следующие лица:

– участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники;

– сотрудники органов внутренних дел, а также сотрудники и работники иных правоохранительных органов, наделенные полномочи-

---

[1] Уханова Н. В. Организация и производство проверки показаний на месте. М. : Московский университет МВД России; Щит-М, 2007. С. 228–230.

ями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности, а также по осуществлению предварительного следствия;

– иные лица, права и интересы которых могут быть затронуты в связи с производством по уголовному делу;

– лица, с которыми ранее опознающий был знаком;

– лица, которые по физическому состоянию не могут способствовать выполнению задач, стоящих перед следственным действием.

Статист при участии в следственном действии должен обладать правами и обязанностями, в большей степени схожими с правами и обязанностями понятого, а именно тем, что указано в ч. 3 ст. 60 УПК РФ. Так, понятой и статист вправе:

– принимать участие в следственном действии, делать замечания, связанные с его проведением, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения лица, проводящего данное следственное действие, ограничивающие его права;

– знакомиться с протоколом следственного действия в производстве которого принимал участие.

По нашему мнению, в круг прав статиста должны также включены следующие:

– право на ознакомление с лицами, производящими и участвующими в данном следственном действии, а также с порядком и целью проводимого мероприятия;

– требовать материальное вознаграждение для покрытия расходов, связанных с участием в следственном действии;

– ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Статист обязан:

– являться по требованиям дознавателя, следователя и суда в указанное место;

– не нарушать процессуальный порядок проводимого следственного действия;

– выполнять законные требования следователя, дознавателя, суда;

– сообщить следователю, дознавателю или суду об отношениях с лицами, участвующими в уголовном деле.

В уголовном законодательстве должна быть норма о том, что статист также, как понятой и другие участники уголовного судопроизводства, может быть привлечен к уголовной ответственности за разглашение информации, связанной с осуществлением предварительно-

го расследования (если был заранее предупрежден), в соответствии со ст. 310 УК РФ.

В заключение следует сказать, что о статистах в литературе подробно рассмотрен криминалистический аспект. Вопросы их процессуального статуса в должной мере не исследованы, в первую очередь:

1) какие требования предъявляются к лицу;

2) кто не может быть статистом;

3) какие права и обязанности должен разъяснять дознаватель, следователь, суд статисту перед началом следственного действия;

4) какую ответственность несет статист в случае нарушения требований законодательства;

5) в каких следственных и иных процессуальных действиях необходимо участие статистов;

6) в каких случаях участие статистов возможно, а в каких обязательно;

7) как поступать правоприменителям, если получен результат следственного действия, который не ожидался (например, опознающий опознал не опознаваемого, а статиста);

8) какие иные правовые средства необходимы для надлежащего обеспечения прав и интересов статиста.

Отсутствие ответов на вышеуказанные вопросы в действующем законодательстве может повлечь нарушение законных прав и интересов человека, который не по своей воле вовлекается в уголовно-процессуальные отношения. Следовательно, положение статиста в действующем УПК РФ требует законодательного закрепления с созданием необходимых процессуальных гарантий, что должно привести к корректировке уголовно-процессуального, уголовного и иного законодательства.

Шураев А. А.[1]**,**
адъюнкт кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ИНТЕРНЕТ – ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Современное российское общество в настоящее время объективно переходит информационную стадию развития, подавляющее большинство проявлений которого создано не нами и в частности, не граждане нашей страны, в основном контролируют цели, принципы отбора содержания и само содержание, направление и интенсивность информационных потоков. Важной и почти основной составляющей образа жизни современного человека, а тем более учащегося, студента, являются информационно-коммуникационные технологии, а именно Интернет. Современная молодежь сутками сидит в Интернете, смотрит различные видеоролики, аудио и текстовый контент, созданный специалистами стран, которые официально считают Россию в лучшем случае оппонентом, которые официально ведут информационную борьбу с нами[2].

Практически каждый четвертый житель нашей страны «живет» в сети «Интернет». При этом есть основания полагать, что данные цифры несколько занижены, фактически процент людей, постоянно находящихся в сети «Интернет», намного больше. На сегодняшний день Интернет и социальные сети стали новым институтом социализации, работающим намного эффективнее, что традиционные институты: семья, школа и т. д.

Данной возможностью «противоправной» социализации не могли не воспользоваться различные экстремистские и террористические организации. С этой целью ими создаются различные тематические сайты, социальные сети, чаты, форумы и блоги. Практика показывает, что вербовщики активно используют социальные сети, такие как «ВКонтакте», «Одноклассники», а также различные мессенджеры, прежде всего «Telegram». Указанные ресурсы собирают вокруг себя

---

[1] © Шураев А. А., 2020.

[2] Каберник В. В. Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной и молодежной среде: сборник статей. М. : МГИМО-Университет, Институт экономических стратегий, 2017. С. 65.

сторонников радикальных идей, которые распространяют экстремистский контент, обсуждают различные аспекты осуществления террористической и экстремистской деятельности, а также осуществляют планирование, координацию и информационное освещение своих акций. Такой формат позволяет вербовщикам террористических и экстремистских организаций осуществлять первичный отбор потенциальных кандидатов, все дальнейшее общение с которыми осуществлять в приватном режиме, с помощью Интернет-переписок в секретных чатах. Кроме общения и вербовки в различных мессенджерах, экстремистские и террористические организации пытаются с помощью Интернета как можно шире осветить свои противоправные акции в целях пропаганды идей экстремизма и устрашения общества.

Наиболее эффективно на данном направление действует террористическая группировка ИГИЛ, которой удалось создать мощнейший медиахолдинг, производящий широкий перечень мультимедийной продукции (видеофильмов, агитационных роликов, аудиозаписей, проповедей и нашидов).

Ярким примером данной деятельности является выпущенный летом 2016 г. проигиловской хакерской группой «Объединенный киберхалифат» («United CyberCaliphate») пропагандистский видеоролик, в котором был размещен прямой призыв к совершению убийств «неверных» в качестве «мести за мусульман»: «О, львы-одиночки, разбросанные по всему миру. Убивайте крестоносцев, где бы вы их ни встретили. За их войну против Ислама и муджахидов. Убивайте их решительно. Убивайте их жестоко».

Для совершения одиночных атак сторонникам ИГИЛ было рекомендовано использовать любые доступные средства – ножи, топоры, автотранспортные средства, огнестрельное оружие и т. д. Данное видеообращение просмотрели тысячи граждан нашей страны, после чего было совершено несколько террористических актов: террористический акт на Джемикентском посту ГИБДД в Дагестане 15 февраля 2016 г., нападение на пост ДПС в Московской области 17 августа 2016 г., расстрел местным жителем из охотничьего оружия прихожан, выходивших из православной церкви 18 февраля 2018 г. в г. Кизляр Республики Дагестан. Позже в сети «Интернет» было опубликовано видео, на котором исполнитель теракта принес присягу («байат») лидеру запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» Абу Бакру Аль-Багдади. Опубликование видео свидетельствует о наличии коммуникации между членами террори-

стической или экстремистской организации и будущими исполнителями, коммуникация осуществляется дистанционно и одновременно является призывом для дальнейших террористических действий.

Кроме того, данной террористической организацией уделяется существенное внимание стимулированию своих сторонников к ведению индивидуальной пропаганды, которая позиционируется как одна из самых значимых форм джихада. В одном из видеобращений лидером «Исламского государства» говорится: «Братьям медиа-операторам ИГ: вы должны знать и быть убежденными в том факте, что ваша работа – это тоже джихад во имя Аллаха, и что вы, выполняя ее, являетесь муджахидами, следующими по пути Аллаха». Далее следует обсуждение критических аргументов против такой формы «джихада»: «Некоторые критикуют «медиа-операторов» за то, что они ведут словесный джихад, сидя на диванах в прекрасных домах. Наоборот, «медиа-операторы» находятся на передовой, в самом сердце войны, в самом пекле битвы. Плечом к плечу со своими братьями, они сражаются с врагами Аллаха в этом мире, высоко поднимая знамя джихада. Они преломляют хлеб свой с ними, повсюду сопровождают их, спят на голой земле рядом с ними. Не будет преувеличением сказать, что медиа-оператор – это мученик без «пояса шахида». Этот титул они заслужили».

Как справедливо резюмирует сам автор, «обещание активного, но не представляющего большого риска участия в джихаде оказалось исключительно привлекательной идеей для многих тысяч людей во всем мире». Именно она, в сочетании с мощной пропагандистской машиной террористической организации, позволила сформировать децентрализованную сеть распространения радикальной исламистской идеологии в глобальном масштабе, через сеть «Интернет».

Юркевич М. А.[1]*,*
аспирант кафедры уголовно-процессуального права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
юрист группы компаний «Крикунов и партнеры»

МОДИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В последнее десятилетие осуществляется интенсивное внедрение инновационных разработок в различные сферы деятельности государства и общества. Исключением не является и уголовное судопроизводство.

Реализация Федерального проекта «Цифровое государственное управление» по национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» ориентирует на поиск новых средств, призванных обеспечить быстрый доступ к правосудию из любого региона страны, а также способных наиболее точно установить обстоятельства произошедшего в целях, своевременного, быстрого и справедливого разрешения спора по поводу предъявленной уголовно-правовой претензии.

Достижению цели обеспечения доступа к правосудию, а также быстрому и качественному рассмотрению уголовных дел способствует появление у судов возможности использовать цифровые способы ведения процесса, к которым на сегодняшний день относятся: видео-конференц-связь, 3D-видеомоделирование и голографирование. И если первая технология получила более-менее широкое применение в российских судах, то последние две – новеллы, применяемые в процессе осуществления правосудия в западноевропейских государствах и США.

Видеоконференция (далее по тексту – ВКС) представляет собой компьютерную технологию, которая позволяет субъектам, находящимся на значительном расстоянии, видеть и слышать друг друга, обмениваться информацией в режиме реального времени.[2]

---

[1] © Юркевич М. А., 2020.

[2] Гусева Т. А. Электронное судопроизводство / Т. А. Гусева, А. Ю. Соловьева // Право и экономика. 2015. № 6. С. 66–71.

С технической точки зрения ВКС – это телекоммуникационная технология интерактивного участия 2 и более удаленных абонентов, при которой между ними происходит обмен аудио- и видеоинформацией в режиме реального времени[1]. Суть этой технологии состоит в том, что изображение на мониторе или телевизоре заменяет непосредственное присутствие лица в суде, рассматривающем дело[2].

В настоящий момент применение ВКС в уголовном судопроизводстве регламентировано следующими статьями: ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240, ч. 6.1 ст. 241, ст. 278.1, ч. 1 ст. 293, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13, ч. 2 и 2.1 ст. 399, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ.

Основным направлением применения ВКС на сегодняшний день является допрос лиц, находящихся за пределами зала судебного заседания (подсудимых, потерпевших или свидетелей), т. е. отдаленный допрос. Такое «общение» нельзя назвать полноценной видеоконференцией, поскольку в подобной форме организации отдаленного общения все участники, как правило, находятся в зале судебного заседания, в то время как только обвиняемый коммуницирует посредством видеотехнологий. При «подлинной» видеоконференции коммуникация всех участников должна осуществляться посредством видеосвязи, обеспечивающей полноценное участие в судебном заседании.

В качестве положительных аспектов внедрения данной технологии можно отметить: обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства посредством исключения реального контакта, например, между свидетелем, в отношении которого приняты меры безопасности, и подсудимым; уменьшение финансовых и временных затрат, связанных с конвоированием обвиняемого в зал судебного заседания; сокращение сроков рассмотрения уголовных дел.

Однако перечисленные «преимущества» являются таковыми лишь на первый взгляд, поскольку применение судом ВКС порождает проблему реализации процессуальных гарантий конституционных прав личности и конвенционных стандартов справедливого судебного разбирательства.

Поиск справедливого баланса между двумя указанными аспектами должен стать основным объектом внимания при решении вопроса

---

[1] Лейба А. Видеоконференцсвязь: недостатки и неполадки / А. Лейба // ЭЖ-Юрист. 2013. № 27. С. 2.

[2] Правосудие в современном мире : монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриева. М. : Норма; Инфра-М, 2012. С. 66.

о возможности использования данной технологии в уголовном судопроизводстве.

Еще более неоднозначна возможность применения судом 3D-моделирования. Такая технология уже более 10 лет применяется при расследовании и рассмотрении уголовных дел в США и Великобритании.

Однако в качестве эксперимента данная технология была применена в судебных стадиях процесса в рамках произнесения напутственного слова присяжным заседателям председательствующим судьей. Летом 2013 г. британское правительство представило программу реформирования системы уголовного правосудия под названием «Суд быстрый и неотвратимый» (от англ. «Swift and Sure Justice» – перевод автора), стержнем которой является максимальная цифровизация процесса.

Эксперимент был проведен в мировом суде Бирмингема – самом загруженном в стране и одним из самых загруженных судов в мире. В рамках рассмотрения одного из дел председательствующий судья вместо произнесения напутственного слова перед присяжными заседателями представил им подготовленные с помощью технологии 3D-видеомоделирования версии произошедшего, отстаиваемые стороной обвинения и стороной защиты. Подготовка 3D-моделей осуществлялась с учетом результатов судебного следствия, при участии обеих сторон.

Несомненно, что подобная наглядность и адаптивность подачи материала имеет свои плюсы, однако в качестве недостатков такого приема стоит отметить: наличие субъективного фактора, необходимость обладания особыми навыками использования программ моделирования у судьи и другие. Тем не менее, проведенный эксперимент был признан удачным, а применяемые при его проведении технологии решено внедрять в процесс рассмотрения дел на постоянной основе.

Таким образом, применение описанных цифровых технологий в судопроизводстве еще будет совершенствоваться, а поставленные вопросы получат процессуальное разрешение. Вместе с тем, широкое внедрение цифровых технологий добавит новые проблемы, пытаясь разрешить которые, необходимо гнаться не за процессуальной экономией, а за максимальной проработкой обеспеченности прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

РАЗДЕЛ IV. ПРОЕКТ «ПРОПАГАНДА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ»: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Авакян А. А.[1],
обучающийся факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации
Паскаль А. Н.[2],
обучающаяся факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации
Османова Н. В.[3],
доцент кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ И СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Подозреваемый и обвиняемый являются такими фигурами уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы находятся в наиболее уязвимом состоянии, поскольку в их отношении осуществляется публичное уголовное преследование. В этой связи надлежит обратить внимание на основополагающие конституционные права и свободы человека и гражданина. Помимо предусмотренных ст.ст. 48 и 49 Конституцией Российской Федерации права подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления на защиту и презумпции невиновности, нашедших свое отражение в ст.ст. 14 и 16 УПК РФ соответственно, следует обратиться к таким правам, которые в процессе уголовного судопроизводства нередко являются существенным образом затронуты. Как следует из абзаца третьего пункта 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября

[1] © Авакян А. А., 2020.
[2] © Паскаль А. Н., 2020.
[3] © Османова Н. В., 2020.

1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», «результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий»[1].

Таким образом, высшая судебная инстанция обращает внимание на необходимость строгого следования положениям ст. 89 УПК РФ в части касающейся возможности использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности только при их полном соответствии уголовно-процессуальному законодательству.

Данный вывод подтверждается и отраженной впоследствии правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации о недопустимости использования результатов оперативно-разыскных мероприятий в доказывании при отсутствии соответствующего судебного решения или копии такого решения в материалах уголовного дела[2].

Иллюстрацией к установленному законом порядку является следующий пример из следственно-судебной практики. Д. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ. Последний, будучи назначенным на должность начальника центра – врача ЦПД МСЧ МВД России по Ростовской области, являясь должностным лицом, действуя из корыстной заинтересованности получил от Л. через посредника К. взятку в виде денег.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2008 г. № 460-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Букреева Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями ст.ст. 5, 11 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и п. 13 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

Так, при проведении оперативно-разыскных мероприятий подразделениями собственной безопасности МВД России, осуществлявшими оперативное сопровождение расследования настоящего уголовного дела, было получено разрешение Ессентукского городского суда Ставропольского края на проведение оперативно-разыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров». Таким образом, органом дознания было получено разрешение у суда, вследствие чего результаты оперативно-разыскной деятельности были надлежащим образом предоставлены следователю, осмотрены, оценены, проверены и впоследствии положены в основу обвинения[1].

Надлежащее предоставление результатов оперативно-разыскной деятельности следователю заключается в строгом соблюдении норм федерального закона при следовании положениям межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд[2], конкретизирующей положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[3]. Исходя из требований данных нормативных правовых актов, следователю при оценке представленных органом дознания результатов оперативно-разыскной деятельности, ограничивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства, надлежит определить:

– представлено ли постановление, вынесенное руководителем соответствующего органа дознания, о проведении оперативно-разыскных мероприятий в соответствии с ч. 7 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;

---

[1] Уголовное дело № 11902600002000045 по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ. Из практики СО по Ворошиловскому району г. Ростов-на-Дону СУ СК России по Ростовской области.

[2] Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

[3] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

– представлено ли постановление о представлении результатов оперативно-разыскной деятельности следователю в соответствии с ч. 3 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;

– представлено ли постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, в соответствии со ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;

– представлены ли документы, составленные в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, совпадают ли они с предусмотренными вынесенным постановлением начальника органа дознания, совпадают ли их наименования в различных документах, и относятся ли к определенному в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» исчерпывающему перечню оперативно-разыскных мероприятий.

Особую значимость представляет вопрос проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан в случаях, не терпящих отлагательства. Следователю надлежит в данном случае оценивать материалы не только с точки зрения отечественного уголовно-процессуального законодательства, но и применять общепризнанные нормы и принципы международного права в их взаимосвязи. Постоянно следует помнить об оценке таких доказательств с точки зрения судебной перспективы их устойчивости в процессе обжалования или рассмотрения уголовного дела[1].

Так, ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод предусмотрено, что не вмешательство в частную жизнь допускается только в предусмотренных законом случаях в целях обеспечения интересов государственной безопасности[2]. И оценка таких обстоятельств на досудебной стадии возлагается на следователя. В связи с нарушением, по мнению заявителей, данной нормы боль-

---

[1] Багмет А. М. Следователь – судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2014. № 14. С. 8–9; Колоколов Н. А. Присяжные заседатели: факт и право // ЭЖ-Юрист. 2017. № 32. С. 3.

[2] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13.05.2004) вместе с «Протоколом № 1», (Подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

шое количество судебных решений, вынесенных в Российской Федерации, обжалуется в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). В соответствии с правовыми позициями указанной судебной инстанции, «экстренная процедура» производства оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конвенциональные права граждан, должна использоваться по возможности редко и только в надлежащим образом обоснованных случаях[1].

Европейский Суд указывает на недостаточный срок, в течение которого судья имеет возможность на ознакомление с доводами органа дознания о законности производства оперативно-разыскных мероприятий в случаях, не терпящих отлагательства: согласно правовой позиции ЕСПЧ, 48-часовой срок, предусмотренный Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», является недостаточным в контексте, в том числе, того, что «судья не имеет полномочий для оценки оправданности использования экстренной процедуры или решения, будет ли материал, полученный в течение предыдущих 48 часов, сохранен или уничтожен»[2]. Следователь при оценке результатов оперативно-разыскных мероприятий в ходе предварительного следствия такими узкими временными рамками не ограничен.

Немаловажным в процессе использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности является обратить внимание на неоднократно указанную Конституционным Судом Российской Федерации правовую позицию, согласно которой результаты оперативно-разыскных мероприятий являются сами по себе не доказательствами, а информацией о происхождении фактов, которые должны быть получены с соблюдением положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», надлежащим образом облечены в процессуальную форму и закреплены, что вытекает из положений ч. 1 ст. 49 и ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Феде-

---

[1] Постановление ЕСПЧ от 7 ноября 2017 г. «Дело Константин Москалев (Konstantin Moskalev) против Российской Федерации» (жалоба № 59589/10); Постановление ЕСПЧ от 7 ноября 2017 г. «Дело «Зубков и другие (Zubkov and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 29431/05 и две другие) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

[2] Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2015 г. «Дело «Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации» (жалоба № 47143/06) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

рации[1]. Надлежит отметить и существенное с точки зрения соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства положение о сохранении баланса между интересами обвиняемого и необходимостью гарантировать эффективность системы уголовного судопроизводства, отраженного в том числе и в правовых позициях ЕСПЧ[2].

Кроме того, Комитетом министров Совета Европы принята Рекомендация № CM/Rec(2017) 6 «О специальных методах расследования

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2010 г. № 1487-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клещ Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав ч. 1 ст. 75 и ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2012 г. № 1738-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ракова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав ч. 3 и 5 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ч. 3 ст. 56 и ч. 2 ст. 79 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2014 г. № 2557-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мязиной Марии Юрьевны на нарушение ее конституционных прав положениями ст. 6 и 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ст.ст. 170, 176, 177 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. 3 479-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андронова Максима Сергеевича на нарушение его конституционных прав ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 479-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андронова Максима Сергеевича на нарушение его конституционных прав ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 184-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никулина Валерия Юрьевича на нарушение его конституционных прав ст.ст. 7, 75 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

[2] Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 46926/09 «Бакрина против Российской Федерации» (вынесено и вступило в силу 17 мая 2016 г.). // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 10 (начало); Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 11 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

тяжких преступлений, включая террористические акты»[1]. В данном документе оперативно-разыскные мероприятия признаны «особыми методами расследования», которые применяются уполномоченными на то органами, не вызывая при этом подозрений у объекта расследования. На основании изложенного, следователь при осуществлении публичного уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления лица обязан руководствоваться принципом недопустимости использования в доказывании результатов оперативно-разыскных мероприятий, полученных с нарушением баланса публично-правовых интересов и законных интересов физического лица при перевесе этой чаши весов в сторону государства.

На сегодняшний день проблематика избранной нами темы исследования лежит не только в русле уголовно-процессуального дискурса, уходя в сторону теоретико-правовых вопросов и образовательным аспектам формирования профессионального правового сознания следователя. Так, научной школой Московской академии Следственного комитета Российской Федерации обращается внимание на развитие и трансформацию правового сознания следователя Следственного комитета России: с момента появления нового самостоятельного органа предварительного расследования следователи стали более профессионально подготовленными, применяя профессиональные знания, умения и навыки в процессе предварительного следствия в контексте достижения назначения уголовного судопроизводства и иных его принципов, которыми субъект доказывания руководствуется в процессе осуществления уголовного преследования. И зачастую не столько в контексте изобличения лица, виновного в совершении преступления (подчас при использовании методов, в которых цель оправдывает средства), сколько в защите личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования[2].

---

[1] Рекомендация № CM/Rec(2017)6 Комитета министров Совета Европы «О специальных методах расследования тяжких преступлений, включая террористические акты» (Принята 5 июля 2017 г.) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

[2] Багмет А. М., Цветков Ю. А. Кому мешает следственная власть? // Российский следователь. 2016. № 23. С. 3–9; Османова Н. В. Право следователя на отстаивание интересов следствия в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2019. № 5. С. 32–36; Боруленков Ю. П. Профессия следователь. Статья 2. Компетентность // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 32–36.

Уместным здесь будет привести образную цитату А. М. Багмета: «следователь – судья на досудебной стадии»[1]. Действительно, в процессе расследования уголовного дела следователь проверяет доказательства, сопоставляя их в совокупности, устанавливая источник их происхождения, оценивает каждое доказательство, будучи при этом наделенным возможностью признания доказательства недопустимым (ст.ст. 75, 87, 88 УПК РФ). Такой подход и такая высокая оценка процессуальной фигуры следователя в целом продолжает парадигму российского уголовного процесса[2], и вместе с тем, призывает следователя к постоянному и интенсивному улучшению, совершенствованию своих профессиональных знаний, умений и навыков, как с практической, так и с теоретической стороны, не забывая о морально-нравственном облике. В совокупности этих черт лежит правосознание современного следователя Следственного комитета России.

[1] Багмет А. М. Следователь – судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2014. № 14. С. 8–9.

[2] Цветков Ю. А. Конституционализация следственной деятельности: перспективы и преимущества // Российский следователь. 2019. № 3. С. 71–73.

Алимова А. А.[1]**,**
командир отделения 374 взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Ильяшевич Т. А.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя)

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Главным носителем информации по уголовному делу всегда являлась бумага. Следователь, осуществляя производство определенных следственных действий, фиксирует их ход и результаты в соответствующем письменном процессуальном документе – протоколе. Если в ходе следственного действия производилась фотосъемка, то к протоколу прилагается фото-таблица на бумажном носителе. Наличие большого количества эпизодов, следственных действий приводит к громоздкости уголовных дел, объем которых может составлять несколько томов.

Стоит также обратить внимание на основные свойства бумаги. Как правило, она легко может быть повреждена или уничтожена. Например, письменный процессуальный документ никак не защищен от воздействия огня. Имели место случаи поджога отдела полиции или возгорание происходило по техническим причинам, в результате чего сгорало само здание, а вместе с ним и огромные тома уголовных дел.

Поэтому важным шагом на пути к совершенствованию уголовного судопроизводства станет отказ от бумажных носителей и переход на новую, электронную форму уголовного дела.

На наш взгляд, одним из способов совершенствования уголовного судопроизводства является создание соответствующего электронного носителя, благодаря которому правоохранительные органы откажутся от бумажной формы уголовного дела. Данный цифровой носитель должен быть достаточно вместительным, чтобы на нем могли храниться все материалы уголовного дела, и удобным при применении

---

[1] © Алимова А. А., 2020.

его органами расследования для фиксации определенной информации при собирании доказательств.

Стоит отметить, что такое устройство должно быть заранее запрограммированно на формирование соответствующего уголовного дела, т. е. оно должно содержать все необходимые бланки и шаблоны процессуальных документов, что в свою очередь значительно сократит время расследования и тем самым облегчит работу следователя (дознавателя). Что касается фото-, видеоизображений, которые были получены в ходе расследования, то данный носитель должен иметь соответствующую функцию, с помощью которой можно будет прикрепить к документам все полученные сведения о доказательствах.

Сам процесс, конечно, требует урегулирования на законодательном уровне. В УПК РФ уже имеются определенные нормы, которые регулируют применение технических средств при расследовании уголовного дела. Например, ч. 6 ст. 164 УПК РФ говорит о том, что «при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств», также в ч. 2 ст. 166 УПК РФ указано, что «протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств».

Стоит отметить, что гл. 56 УПК РФ закрепляет основные положения о том, что обращаться в суд возможно посредством электронного документа, который обязательно должен быть подписан электронной подписью соответствующего лица, направившего данный документ. Также в данной главе отражено и то, что судебное решение тоже может быть оформлено посредством электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной подписью судьи.

Если рассматривать данный вопрос с практической стороны, то наиболее удобным способом применения электронной формы уголовного дела, на наш взгляд, станет создание определенного информационного портала, в котором будет содержаться вся информация по конкретному уголовному делу. Для того чтобы войти в данную систему, органам расследования необходимо выдать каждому участнику свой логин и пароль после того, как за ними будет закреплен их соответствующий статус. На главной странице будет размещена информация об уголовном деле в целом, а также личные данные должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело. К тому же необходимо выделить отдельное место на портале для нормативно-правовых актов, которые подлежат применению в дан-

ном деле. Это позволит участникам уголовного судопроизводства легко и быстро ознакомится с нормами законодательства.

Также необходимо создать соответствующие разделы, каждый из которых будет отвечать за ту или иную стадию уголовного судопроизводства. В каждом разделе соответственно будет находиться информация и материалы по данной стадии.

Отдельно для каждого участника на портале необходимо создать ссылку на «документы, предназначенные для вручения и ознакомления», где будет содержаться соответствующий пакет документов для конкретного участника. Помимо этого необходимо также создать такие графы, как «права, обязанности и ответственность участника уголовного судопроизводства», чтобы каждый участник мог ознакомиться с данными положениями.

Обмен всей информацией, подача заявлений или жалоб участниками уголовного судопроизводства также будет осуществляться в электронном виде. Поэтому необходимо установить соответствующие сроки, которые определяли бы, когда должна появиться в электронном виде та или иная информация.

Необходимо установить уголовную ответственность на случай передачи участниками уголовного судопроизводства своего логина и пароля посторонним лицам.

Если производство по уголовному делу связано с государственной тайной, или оно ведется в отношении несовершеннолетнего, целесообразно создать отдельный портал с особым режимом и дополнительной защитой от взлома и свободного доступа.

Таким образом, введение электронного уголовного дела значительно облегчит проверку материалов уголовного дела и работу правоохранительных органов в целом, улучшит доступ к необходимой процессуальной информации для всех участников уголовного судопроизводства, а также существенно сократит сроки самого уголовного процесса.

Стоит обратить внимание и на то, что, несмотря на множество различных достоинств электронного уголовного дела, есть и определенные недостатки.

Во-первых, могут возникнуть определенные трудности с системой защиты баз данных, так как в полной мере на сегодняшний день не представляется возможным защитить материалы уголовного дела от различных вирусов, запускаемых хакерами в систему, или соответствующих вредоносных программ.

Во-вторых, возникают определенные сложности с обеспечением информационной безопасности граждан. Ведь в сохраненные электронные документы, которые используются в уголовном деле, благодаря современным технологиям, возможно, внести извне какие-либо изменения. В связи с чем, возможно раскрытие персональных данных граждан, а также кража информации, составляющей коммерческую, служебную или государственную тайну. Поэтому данные вопросы естественно требуют дополнительной защищенности.

В-третьих, на данный момент не все места работы правоохранительных органов оснащены современными автоматизированными системами. Для того, чтобы решить данный вопрос, необходимо значительное количество финансов, это требует серьезных, довольно объемных затрат из бюджета[1].

Рассматривая в данной сфере богатый опыт зарубежных стран, стоит обратить внимание на то, что большинство из них уже применяют данную форму уголовного дела и вкладывают новые силы в ее дальнейшее развитие.

В Молдове с 2017 г. уголовные дела расследуются в электронном виде. С 1 июля 2017 г. для сотрудников прокуратуры Молдовы стало обязательным использование автоматизированной информационной системы «Уголовное преследование: Е-дело». Все работники прокуратуры должны ежедневно заносить в систему информацию о проделанной работе в рамках процедурных материалов и уголовных дел[2].

Положительный опыт данной правоохранительной реформы наблюдается во многих странах, но хотелось бы поподробнее остановиться на внедрении электронной формы в судебное производство таких стран, как США, Германия, Республика Казахстан.

В США все суды применяют систему «Управление делом / электронный реестр дел (CM / ECF)». Эта система позволяет федеральным судам взаимодействовать с населением и эффективно осуществлять управление своими соответствующими документами и делами. Данная программа открыла возможность сторонам, их представителям, используя Интернет, подавать документы непосредственно в

---

[1] Сарлыбаев В. А. Перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2 (13). С. 82–84.

[2] Зуев С. В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4. С. 6–12.

суд. В США также присутствует большое количество рекомендаций, учебно-методических материалов по использованию программ электронного правосудия, т. е. данные программы становятся доступными для людей, не имеющих в этой сфере профессиональных навыков[1].

Другим государством, где также широко применяется электронное правосудие, является Германия. Основной программой, которая обеспечивает электронное правосудие в Германии, является Электронный судебный и административный почтовый ящик (EGVP). Эта программа легко доступна и является бесплатной. Благодаря данной системе пользователи круглосуточно имеют доступ к информационным судебным ресурсам. Стоит отметить также, что германские суды имеют свои собственные интернет-сайты, которые наполнены необходимой информацией, а для людей с ограниченными способностями информация предоставляется в соответствующих видеоматериалах, где коммуникация осуществляется посредством жестов. Решения, принимаемые судами, также публикуются на официальных сайтах и доступны для всех граждан[2]. Исходя из вышеизложенного, отметим, что электронное правосудие в Германии, так же, как и в США, находится на высоком уровне развития, и основная цель страны – сделать его доступным для всего населения и для каждого человека.

Стоит обратить внимание также на развитие в данном направлении Республики Казахстан. В январе 2018 года была принята Инструкция о ведении уголовного производства в электронном формате[3]. Основные положения этой Инструкции закрепляют положения о действующей информационной системе «Единый реестр досудебных расследований» (ИС ЕРДР), которая имеет дополнительный элемент, так называемый модуль «Электронное уголовное дело» (модуль е-УД), предназначенный для организации ведения, отправления, получения и хранения электронного уголовного дела.

---

[1] Пастухов П. С. Электронный документооборот в уголовном процессе США // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4. С. 81–87.

[2] Муромская Ю. В., Батурина Н. А. Электронная форма судопроизводства за рубежом // Инновационная наука. 2019. № 4.

[3] Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате : Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 января 2018 г. № 16268 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: http:// adilet.zan.kz/rus (дата обращения: 29.12.2019).

В ИС ЕРДР автоматически до начала производства по уголовному делу формируются первоначальные основные документы, такие как: «Рапорт о регистрации КУИ», «Рапорт об обнаружении сведений об уголовном правонарушении», «Уведомление прокурора о начале досудебного расследования». Согласно положениям Инструкции, если принимается решение о ведении электронного уголовного дела, то данные рапорты автоматически вкладываются самой системой в материалы электронного уголовного дела и отражаются в ее описи. После того, как лицо, которому было поручено проводить досудебное расследование, примет дело в свое производство, в течение 24 часов в модуле е-УД составляется автоматическое уведомление соответствующему прокурору, также о принятом решении уведомляются подозреваемый, обвиняемый, их законные представители, защитник, частный обвинитель, гражданский ответчик, потерпевший, гражданский истец, их представители.

Одной из особенностей данной системы является то, что в последующем перейти с бумажного формата на электронный не допускается, за исключением случаев соединения уголовных дел. В свою очередь, обратное изменение электронного формата на бумажный согласно положениям, предусмотренным ч. 2 ст. 42-1 УПК Республики Казахстан, допускается только тогда, когда отсутствует возможность дальше вести уголовное судопроизводство в электронном формате[1]. К примеру, отсутствует доступ к основному модулю е-УД или выявлены какие-либо технические неисправности, тогда переход допускается, но необходимо, чтобы с момента появления такой ситуации прошло 24 часа.

В ИС ЕРДР содержатся шаблоны необходимых процессуальных документов, после заполнения, которых соответствующее должностное лицо и остальные участники уголовного процесса заверяют их электронной цифровой подписью или посредством планшета подписи, что также отражено в Инструкции.

Завершается производство по уголовному делу в электронной форме, согласно положениям Инструкции, тем, что электронное уго-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V [электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: http://adilet.zan.kz/rus (дата обращения: 29.12.2019).

ловное дело подлежит архивированию, т. е. автоматически сохраняется в модуле е-УД с определением соответствующего статуса.

Анализируя основные нормы законодательства зарубежных стран, можно сделать вывод, что применение электронной формы уголовного дела достаточно развито и находится на высоком уровне, но все же остались еще вопросы, требующие нормативного урегулирования.

Что же касается нашей страны то, в Российской Федерации предпринимаются попытки по созданию электронной формы уголовного дела, но на данный момент представляется возможном только в ходе судебного производства составить отдельные процессуальные документы в электронной форме. Несмотря на то, что на законодательном уровне закреплены основные требования к электронным документам, порядок и условия их подачи, внедрение практики применения электронных процессуальных документов в досудебное производство потребует дополнения и существенной переработки уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, процесс модернизации уголовного судопроизводства путем введения электронной формы уголовного дела неизбежен, необходимо его законодательно урегулировать, учитывая при этом опыт зарубежных стран и свои собственные национальные интересы.

Алонцева Е. Ю.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Порогин Г. С.[2],
курсант 173 учебного взвода
3 «О» курса факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

НЕОБХОДИМА ЛИ СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?

Государство, реагируя на совершаемые преступления, предпринимает все возможные меры для установления лиц, совершивших преступление, установления обстоятельств, способствующих совершению преступления, предупреждения и профилактике преступности. В этой деятельности одним из эффективных способов предупреждения преступности является непосредственное возбуждение уголовного дела, производство по нему расследования, судебное рассмотрение и, в конечном итоге, назначение наказания виновному. Этот конечный результат напрямую зависит от первоначального этапа уголовного судопроизводства, где становится известно о совершенном или готовящемся преступлении. Судопроизводство построено в соответствии с системой стадий и первоначальной стадией в этой системе является возбуждение уголовного дела.

Существующие в науке уголовного процесса дискуссии относительно данной стадии не смолкают уже длительный период времени и обусловлены целесообразностью этапа возбуждения уголовного дела. Имеют место различные подходы к пониманию данной проблемы. Ключевые аспекты, рассматриваемые учеными в существующей проблематике, касаются, отсутствия четкого круга участников на данном этапе и их статуса, необходимости изменения полномочий прокурора при проверке сообщений о преступлениях, проблем оценки и даль-

---

[1] © Алонцева Е. Ю., 2020.
[2] © Порогин Г. С., 2020.

нейшего использования доказательств, полученных на данном этапе и целесообразность всей стадии в целом.

Несмотря на то, что законодателем по данному вопросу внесен ряд изменений, свидетельствовавших о безосновательности предположений, согласно которым эта стадия будет упразднена, все эти проблемы в системе уголовно-процессуального права еще не решены, что сказывается на результатах деятельности правоохранительных органов.

Существующая полемика позволяет выделить основные точки зрения по проблеме необходимости существования стадии возбуждения уголовного дела.

Например, сторонники важности существования отдельного этапа, связанного с установлением начальных признаков совершенного преступления, среди которых Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткулин и другие ученые в области юриспруденции, полагают, что этот этап призван служить средством защиты лица от незаконного и необоснованного уголовного преследования, устанавливая тем самым дополнительные гарантии его прав[1].

Схожая с приведенной точкой зрения высказывалась и в более поздний период развития советской науки уголовного процесса. К примеру, в работах В. В. Шимановского утверждается, что «уголовное дело не зависит от начальной стадии советского уголовного процесса» и обосновывается суть стадии уголовного дела, а именно деятельности компетентных органов государственной власти, осуществляемой путем рассмотрения представленных заявлений и отчетов, а также оценки данных с целью установления законодательных условий для уголовного судопроизводства и принятия решения о возбуждении уголовного дела. В то же время автор этой работы указывает, что «акт возбуждения уголовного дела имеет большое политическое и процессуальное значение»[2]. Воспитательная и правовая значимость этого этапа отражается в своевременном и законном принятии решения о возбуждении уголовного дела, связанного с выдачей соответствующего процессуального документа – постановления о возбуждении уголовного дела, в сочетании с соблюдением установленного порядка, направленного на разоблачение виновного в совершении пре-

---

[1] Голенко А. Е. К вопросу о целесообразности стадии возбуждения уголовного дела // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XLI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6(41).

[2] Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве : теория и практика. М., 2016. С. 118.

ступления, установление обстоятельств преступления, в конце концов, целей и задач уголовного процесса.

Процессуальное значение этого этапа выражается в том, что после принятия решения о возбуждении уголовного дела уполномоченные субъекты имеют дополнительные процессуальные полномочия, реализация которых направлена на достижение вышеуказанных целей и задач. Правами и обязанностями наделяются и лицо, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении, и заявитель. Что также свидетельствует о возможности указанными субъектами воспользоваться тем комплексом прав, которые определят их правовой статус и позволят отстоять позицию, занимаемую ими в разрешаемом споре.

Вышеуказанная позиция во многом отражает современное состояние отечественного законодательства и современные взгляды в области уголовно-процессуальной науки. Так, по словам И. А. Насоновой, «возбуждение уголовного дела является существенной правовой гарантией против незаконного и необоснованного вовлечения лица в уголовный процесс»[1]. Следует согласиться с изложенной точкой зрения по тому основанию, что стадия возбуждения уголовного дела позволяет на первоначальном этапе разграничить правонарушение от нарушения уголовно-правового характера, наиболее полно и по свежим следам предпринять меры по установлению обстоятельств совершенного преступления и не допустить возбуждения уголовного дела без наличия повода и законного к тому основания. Существующий ведомственный, прокурорский надзор и судебный контроль на начальном этапе судопроизводства являются гарантией обеспечения принципа законности.

Таким образом, этап возбуждения уголовного дела является своеобразным «фильтром» данных, которые могут быть использованы в качестве основы для принятия решения о возбуждении уголовного дела и начале процесса уголовного преследования. Кроме того, ряд ученых обосновывают свою позицию, утверждая, что отказ от возбуждения уголовного дела как отдельного этапа, на котором осуществляется деятельность государственных органов и должностных лиц по установлению достаточных данных для возбуждения уголовного дела, может существенным образом ограничить гарантии реали-

---

[1] Мальцев В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. 2016. № 2. С. 102.

зации задачи уголовного судопроизводства по защите прав личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования, обвинения, осуждения и ограничения его прав и свобод[1].

Сторонники диаметрально противоположных суждений утверждают, что этот этап, по сути, является «субъективным барьером в деятельности прокуратуры», кроме того, практика правоприменения норм, регулирующих порядок проверки сообщений о преступлениях, создает впечатление «формальности составления документов на этапе получения сообщения о преступлении и проводимой по нему проверки». К сторонникам подобной позиции относится А. И. Макаркина, аналогичную точку зрения дает М. Л. Шифман, В. Я. Дорохов.

Допустимо полагать, что установление этапа проверки, предшествующего решению о возбуждении уголовного дела, было введено советским законодателем в 60-х гг. как ответ на репрессивный характер и методы воздействия следствия 20-30-х гг. XX в., действовавшего по принципу «сначала арестуй, потом разберись», а также благодаря политике десталинизации, направленной на повышение значимости личности и гарантий ее прав.

Если обобщить приведенные мнения правоведов, следует согласиться с выводом, что современная модель начального этапа уголовного судопроизводства, хотя на первый взгляд и направлена на обеспечение и защиту прав лиц, участвующих в этом этапе, но в то же время может служить процессуальным барьером для проведения предварительного следствия. Аналогичное видение проблемы отражено в работе «Стадия уголовного дела в бывшем Советском Союзе»[2], когда стадия возбуждения уголовного дела сопоставлена с «квази-следственным расследованием».

Эта точка зрения оправдана, однако, по нашему мнению, имеющие место проблемы законодательной регламентации, а также вопросы, возникающие в ходе применения норм уголовно-процессуального закона, регулирующих порядок проверки сообщений о преступлениях, устраняются путем разработки единого подхода к пониманию закона. Реализация вышесказанного возможна, например, при публикации обобщения практики применения закона.

---

[1] Мальцев В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. 2016. № 2. С. 102.

[2] Сергеев Б. М. Процессуальные о организационные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 11.

Также, наряду с возможными шагами по преодолению проблемной ситуации, высказывалось мнение, что «отказ от возбуждения дела и начало расследования с момента принятия материалов к его производству, сбор необходимых доказательств, связывающих конкретное лицо с целью совершения преступления (или получение их от оперативной службы) следователем, будет совершаться акт уголовного преследования в отношении конкретного лица»[1].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что вопрос о необходимости отмены этапа возбуждения уголовного дела по-прежнему остается дискуссионным. Можно предположить, что решение этого вопроса в пользу отказа от проверочных действий на законодательном уровне повысит уровень эффективности органов предварительного следствия, сократив время, необходимое для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела или его начале. Однако, как представляется нам, решение указанной проблемы возможно за счет введения строгого регулирования действий сотрудников органов, осуществляющих получение, регистрацию, проверку сообщения о преступлении, досудебное производство по уголовным делам, а также законодательных пробелов и коллизий правового регулирования, поскольку резкий отказ от проверочных действий и возможности разграничения административных и уголовных правонарушений, реформа учреждений уголовного правосудия может не только негативно сказаться на работе следственных органов по уголовным делам, но и повлечь за собой существенное нарушение прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, когда в каждом конкретном правоотношении по поводу деяния, имеющего признаки преступления, будет возбуждено уголовное дело.

[1] Калугин А. Г. Применение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности: практическое пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2017. С. 118.

Бабышева Д. А.[1]**,**
курсант 2 курса 282 взвода
2 У курса факультета подготовки сотрудников
полиции для подразделений по охране
общественного порядка
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Клементьева Е. С.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя)

ПРИНЦИП ПУБЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Тема принципов уголовного судопроизводства является актуальной для теории уголовного процесса. Можно говорить, что проблемы системы и содержания принципов вызывают постоянный интерес исследователей.

Нам представляется важным в связи с этим рассмотреть принцип публичности. В первую очередь, уточнить используемый глоссарий, чтобы избежать двойной трактовки и неправильного понимания рассматриваемой темы.

Начнем с самого понятия принципа. Под принципом понимается основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям[2]. В. Т. Томин и И. А. Зинченко выделяют понятие доктринального принципа отечественного уголовного процесса, под которым понимается: мировоззренческая идея максимальной для исследуемого уголовного процесса степени общности, проведенная в совокупности действующих в соответствующем судопроизводстве уголовно-процессуальных норм и практике их применения[3].

Что касается принципа публичности, то в уголовно-процессуальном праве этот принцип нормативно не закреплен. Полагаем, что сущность данного принципа представлена в ч. 2 ст. 21

---

[1] © Бабышева Д. А., 2020.

[2] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949–1992. С. 19.

[3] Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М. : Юрайт, 2013. С. 212.

УПК РФ, которая определяет: в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Кроме этого, данный принцип получил свое нормативное закрепление и в других правовых нормах УПК РФ, что, на наш взгляд, является пробелом в действующем законодательстве и нуждается в устранении. Для этого нужно предусмотреть отдельную статью в УПК РФ, в которой были бы изложены и закреплены все положения данного принципа.

Принцип публичности в уголовно-процессуальном праве означает, что законодательно уполномоченные органы и их должностные лица обязаны в установленных законом пределах их компетенции осуществлять все необходимые действия для возбуждения уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления или уже его совершившего.

На понятие публичности у авторов свое мнение, которые представляют его сущность по-разному.

Например, Н. А. Хузина выделила такое понятие: публичность – принцип правосудия, которому придают два значения: во-первых, это обращение к суду, требование закона вести процесс от имени и в интересах общества, государства, во-вторых, под публичностью нередко понимают преобладание общественных, государственных интересов над личными при поисках истины[1].

В. П. Малков считает, что применительно к уголовному судопроизводству, публичность – это только принцип процесса. Именно принцип публичности определяет процессуальный способ защиты публичного интереса, уже взятого под охрану уголовным законом[2]. Данный вывод является весьма важным и заслуживающим поддержки.

А. С. Барабаш и А. А. Брестер справедливо усматривают определяющую роль публичности в уголовном процессе, они полагают, что в ней заключается само «начало уголовного процесса»[3].

---

[1] Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. М., 1991.С. 161.

[2] Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1. С. 45.

[3] Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб, 2005. С. 68

Устоявшийся в науке взгляд на публичность как принцип уголовного судопроизводства нашел отражение в предлагавшихся в конце прошлого века проектах нового уголовно-процессуального законодательства. Например, в теоретической модели УПК СССР и РСФСР под редакцией профессора М. В. Савицкого публичность была закреплена в главе «Принципы уголовного процесса»[1].

Таким образом, к моменту принятия в 2001 г. УПК РФ публичность единогласно признавалась принципом отечественного уголовного судопроизводства.

В настоящее время законодатель решил отойти от этого подхода и определил иное место для данного принципа. Интересным представляется тот факт, что А. В. Смирнов еще до принятия УПК РФ предлагал не сводить публичность к принципу уголовного судопроизводства, по его мнению, «публичность» может рассматриваться лишь как типологическая характеристика вида процесса, т. е. как совокупный результат действия всех принципов публичного состязательного судопроизводства[2]. По мнению С. В. Горловой, публичность – вектор, направляющий существование и динамику современного уголовного процесса, который не следует сводить к принципу[3].

Существует мнение, что публичность – не обычный принцип уголовного судопроизводства, а более масштабное положение, а потому его надо отграничить от принципов, наделить собственным «именем» и закрепить в отдельной статье. Так, М. Т. Аширбекова отмечает, что принципы уголовного процесса имеют двухуровневую структуру. К первому она относит публичность, а ко второму – принципы, названные в гл. 2 УПК РФ. Обосновывая свою позицию, автор, с одной стороны, отмечает, что публичности присущи все признаки принципа, выделяемые наукой уголовно-процессуального права, а с другой стороны, утверждает, что публичность обладает такими качественными характеристиками, которые возвышают ее над обычными принципами уголовного судопроизводства[4].

---

[1] Теоретическая модель уголовно-процессуального законодательства СССР и РСФСР / под ред. В. М. Савицкого. М.,1990.

[2] Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб, 2000. С. 12.

[3] Горлова С. В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 10–11.

[4] Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства : понятие, содержание и пределы действия. С. 134.

Публичность выступает алгоритмом, который выстраивает все частицы в единую систему. Ведь публичностью руководствуются не только органы уголовного преследования, осуществляющие досудебное производство, но и суд, который обязан выносить законные, обоснованные и справедливые решения по уголовному делу, независимо от интереса сторон. Все-таки уточнение места и роли публичности имеет большое методологическое значение. Прежде всего, это позволяет выявить статическую структуру уголовного судопроизводства.

Итак, проанализировав все мнения авторов по поводу места принципа публичности в уголовно-процессуальном праве, полагаем, что необходимо законодательное закрепление этого принципа в отдельной норме.

Бельдеубаева Д. Р.[1]*,*
курсант факультета подготовки специалистов в области информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Саморока В. А., доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ФИНАНСИРОВАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Процессы экстремистского характера, происходящие в настоящее время как в мире в целом, так и в нашей стране, в силу недостаточно своевременного реагирования и принятия мер правоохранительных органов государств, перерастают в наиболее опасную форму – терроризм, крайнюю форму экстремизма, выражающуюся в совершении взрывов, поджогов и иных действий, создающих опасность для жизни и здоровья населения. Вследствие этого проблема противодействия финансированию экстремистской деятельности встает на первую ступень в ряду важнейших задач компетентных государственных органов. Перед ними встают такие вопросы, как обнаружение, документирование источников финансирования экстремизма, квалификация и доказывание финансирования экстремистской деятельности.

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ Уголовный кодекс России дополнили ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности».

Экстремизм и терроризм делают «слабым» любое государство. Одно из направлений борьбы с международным экстремизмом – блокирование «подпитывающих» его финансовых потоков[2]. Международное сотрудничество в сфере расследования и экстрадиции лиц, занимающихся финансированием таких деяний, судебного их пресле-

---

[1] © Бельдеубаева Д. Р., 2020.

[2] Борьба с финансированием терроризма [электронный ресурс] // Российская газета [официальный сайт]. URL: http://rg.ru/sujet/1135/index.html.

дования, не решает проблему полностью, о чем свидетельствуют легкие переводы денег из одной страны в другую, наличие оффшоров и банковских секретов в ряде стран. Продолжительное время недооценивалась необходимость предотвращения доступа преступных сообществ к финансовым ресурсам, хотя прекращение финансирования привело бы к подавлению роста преступности в этом русле.

Финансирование экстремизма и терроризма[1] осуществляется путем переводов денежных потоков через традиционные финансовые учреждения (коммерческие, сберегательные банки, пенсионные и инвестиционные фонды, финансовые и страховые компании и т. д.), привлечения размещений средств в нетрадиционные финансовые учреждения (валютные биржи, брокеры ценных бумаг или драгоценных металлов, организации, оказывающие услуги по обмену чеков на наличные деньги), использования «легальных» схем пожертвования верующих и нелегальных источников (доход от наркобизнеса и другой экономической преступности).

Одним из источников финансирования всех исламских группировок служат пожертвования верующих на благотворительные нужды – «закят» («зекат»), вносящиеся частными и юридическими лицами. Властями они юридически не регулируются и не подлежит налоговой, аудиторской проверке со стороны государства. Согласно нормам ислама, пожертвования необходимы для помощи бедным, нуждающимся, на богоугодные дела (строительство храмов, издание Корана)[2]. В действительности часть денежных средств, вероятно, перераспределяется радикальным исламистским организациям на джихад. В данном случае работает принцип «загрязнения чистых денег», а не «отмывания грязных».

Отмывание денег – это процесс, при котором доходы от преступной деятельности представляются законно полученными. По оценкам Всемирного банка, преступники отмывают от 2 до 4 трлн долларов ежегодно. К числу тех, кто стремится скрыть незаконные доходы от своих преступлений, относятся наркоторговцы, террористы, коррумпирован-

---

[1] Вахрушев Г. Е. Международно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма // Бизнес в законе. 2013. № 3. С. 66–67.

[2] Изложение начал мусульманского законоведения. СПб, 1850; М. : МНТПО «Адир»: репринтное изд., 1991. С. 84–91; Степанова Е. А. Исламистский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни // Индекс безопасности. 2007. № 1 (81). Т. 13. С. 2.

ные государственные должностные лица и организованные преступные группы. Введение незаконно полученных средств в поток законной торговли и финансов позволяет преступникам получать прибыль от своей незаконной деятельности, подрывает международную финансовую систему и подрывает доверие общественности к целостности этой системы. Некоторые преступники используют финансовую систему для поддержки террористов или террористических актов. Финансируют террористов и других преступников, используя формальные финансовые системы, новые способы оплаты, такие как Bitcoin и Ripple.

Финансирование терроризма имеет давние корни, но в настоящее время методы финансирования во многом развиваются через Интернет и развитие технологий цифровой экономики. Постоянное совершенствование возможностей Интернета не только открывает дополнительные перспективы для развития мирового сообщества, но и сопровождается возникновением ряда новых глобальных угроз.

Традиционные формы финансирования терроризма трансформируются с использованием современных цифровых технологий. Криптовалюты и виртуальные валюты, краудфандинг, фандрайзинг, социальные сети и телеграфные каналы активно используются террористическими организациями. В условиях цифровой экономики террористические акты могут оказывать влияние на деятельность правительства и финансы, стоимость ценных бумаг и инвестиционный климат, существенно снижать налоговые поступления, способствовать увеличению доли военных расходов в государственном бюджете и оказывать разрушительное воздействие на государство и общество в целом.

В законодательстве Российской Федерации не утверждена координация функционирования компетентных органов по противодействию финансированию экстремизма, а международные акты провозглашают недопустимость тех или иных действий в этой сфере и указывают на необходимость борьбы с ними, не конкретизируя ее средства. Для контроля и предотвращения экстремизма в государстве должна быть разработана программа противодействия его финансированию.

Антитеррористическая политика государства должна строиться на следующих основаниях:

1) обеспечение в полном объеме юридических прав для всех участников процессов, связанных с контролем над терроризмом;

2) контроль в условиях национальной и международной законности;

3) взаимодействие правоохранительных органов и специальных подразделений по предупреждению терроризма и борьбе с ним;

4) разработка и применение общих и специальных методов социального предупреждения террористических актов;

5) использование в предупреждении террористических актов и международного терроризма достижений юридических, гуманитарных, технических наук.

Можно добавить, что исчерпывающе меры предлагаются в Приложении к письму Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюцией 1373 (2001) о борьбе с терроризмом, от 28 декабря 2018 г. на имя Председателя Совета Безопасности, как дополнение к Мадридским руководящим принципам, принятым Комитетом 27 декабря 2018 г. Требуется лишь надлежащее закрепление данных положений во внутригосударственном праве[1].

Необходимо включить в наше процессуальное законодательство положения, предусматривающие оперативное сохранение цифровых данных в качестве самостоятельной меры, и установить особый правовой режим поиска и изъятия цифровых данных; рассмотреть возможность поощрения частных компаний к внедрению круглосуточно работающих механизмов взаимодействия с правоохранительными органами и установлению четких правил в отношении сохранения цифровых доказательств и касательно запросов на раскрытие информации в чрезвычайных ситуациях в соответствии с применимым законодательством; расширять возможности в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и совершенствовать экспертно-криминалистический потенциал органов уголовного правосудия и правоохранительных служб; использовать материалы социальных сетей, касающиеся терроризма, в качестве цифровых доказательств для целей проведения расследования и судебного преследования, обеспечивая при этом уважение прав человека и основных свобод и действуя в соответствии со своими обязанностями согласно внутреннему законодательству и применимому международному праву; расширять

---

[1] Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюцией 1373 (2001) о борьбе с терроризмом, от 28 декабря 2018 г. на имя Председателя Совета Безопасности, как дополнение к Мадридским руководящим принципам, принятым Комитетом 27 декабря 2018 г. // eSubscription to United Nation documents [электронный ресурс] URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2019/192.

сотрудничество между соответствующими следственными органами, в том числе между органами полиции, и сотрудничество с частным сектором, особенно с поставщиками услуг ИКТ, в деле сбора цифровых данных и доказательств по делам, связанным с терроризмом и иностранными боевиками-террористами; запрашивать и собирать электронные доказательства у соответствующих субъектов, в том числе на трансграничной основе, и рассмотреть возможность использования Практического руководства по направлению запросов в другие страны о предоставлении электронных доказательств, свидетельств и улик, разработанного Исполнительным директоратом, ЮНОДК и Международной ассоциацией прокуроров.

При осуществлении, в соответствии с внутренним законодательством и международным правом, усилий в целях активизации и ускорения своевременного обмена соответствующей оперативной информацией и данными финансовой разведки о действиях, перемещениях и схемах перемещения террористов или террористических сетей, включая иностранных боевиков-террористов, государствам-членам следует рассмотреть способы, позволяющие: a) обмениваться – при соблюдении требований внутреннего законодательства и международного права – соответствующими оперативными данными финансовой разведки через национальные, двусторонние и многосторонние механизмы; b) обеспечить, чтобы компетентные органы могли использовать данные финансовой разведки, которыми обмениваются подразделения такой разведки, и были в состоянии получать соответствующую финансовую информацию от частного сектора; c) проводить систематические финансовые расследования по всем делам о терроризме; d) активизировать сведение воедино и использование данных финансовой разведки в контексте дел о терроризме, в том числе посредством укрепления межучрежденческой координации и в рамках партнерских связей между государственным и частным секторами в целях сбора информации; e) расширять использование данных финансовой разведки и финансовой информации в качестве одного из инструментов для выявления сетей террористов, финансирующих их субъектов и сочувствующих им лиц; f) повысить качество информации о финансировании иностранных боевиков-террористов, в том числе возвращающихся и перемещающихся, и финансировании небольших террористических ячеек, а также о деятельности субъектов, занимающихся сбором средств для террористов, и их пособников во всех странах или территориях, которой подразделения финансовой

разведки обмениваются на международном уровне; g) повысить отслеживаемость и прозрачность финансовых операций, в том числе посредством обеспечения того, чтобы финансовые учреждения могли обмениваться информацией на национальном и международном уровнях в рамках одной и той же финансовой группы в целях управления рисками отмывания денег и финансирования терроризма и предоставления компетентным органам всеобъемлющей информации о преступных схемах, и путем выявления и регистрации нерегулируемых систем денежных переводов, а также оценки и устранения рисков, связанных с использованием наличных денежных средств, нерегулируемых систем денежных переводов (включая «хавалу») и других финансовых продуктов, включая предоплаченные карты; h) устранять потенциальные риски, связанные с использованием виртуальных активов и других анонимных средств совершения денежных или финансовых операций, и прогнозировать и, в надлежащих случаях, устранять опасность злоупотреблений новыми финансовыми инструментами для финансирования терроризма; i) продолжать проведение исследований и сбор информации в целях углубления знаний и более четкого понимания характера и масштабов возможных связей между террористами и лицами, участвующими в транснациональной организованной преступной деятельности; j) поддерживать инициативы и национальные механизмы для эффективного выявления и устранения связей между терроризмом и транснациональной организованной преступностью.

Богатырев Д. В.[1],
слушатель 152 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Григорьева Н. В.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Институт понятых имеет достаточно давнюю историю. Впервые привлечение понятых было предусмотрено в Соборном уложении 1649 г. и проводилось для исключения возможности фальсификации документов и злоупотреблений своими полномочиями со стороны судебных работников[2]. В дальнейшем институт понятых активно развивался и совершенствовался, что способствовало соблюдению принципа законности сотрудниками правоохранительных органов. И на сегодняшний момент мы имеем достаточно надежный и проверенный временем механизм фиксации проведения следственного действия. Кроме того, участие понятых предусматривается не только в рамках уголовного процесса. Так, например, личный досмотр вещей, находящихся при физическом лице, осуществляется в присутствии двух понятых (ст. 27.7 КоАП РФ), так же при осуществлении налогового контроля в некоторых случаях привлекаются понятые (ст. 98 Налогового кодекса Российской Федерации). Стоит учесть, что так широко институт понятых распространен только в России. Во многих странах он отсутствует вовсе. Так, например, в США, Великобритании, Франции подобные институты не имеют отражения в законе.

В целом главные функции понятых в уголовном процессе заключаются в следующем:

---

[1] © Богатырев Д. В., 2020.

[2] Семенцов В. А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России // Общество и право. 2014. С. 170–174.

1) фиксация следственного действия на предмет соблюдения законности;

2) возможность дополнительно подтвердить обстоятельства следственного действия (подтвердить записанное в протоколе);

3) придание убедительности сведениям, полученным в результате следственного действия.

Однако стоит отметить, что с развитием технологий понятые, как механизм фиксации, начинают теряют свою актуальность. Ведь намного проще, а иногда и надежнее, фиксировать процесс производства следственного действия с помощь фото, видео, и аудиофиксации. Но в этом также могут возникнуть проблемы. Так, например, подделать видеозапись проведения следственного действия хоть и весьма сложно, однако реально.

Сегодня люди, обсуждающие институт понятых, разделились на два лагеря. Одни активно поддерживают этот институт, сетуя на то, что он прошел проверку временем, а фиксация следственного действия глазами людей намного надежнее технических средств. Противники же считают, что понятые являются пережитком прошлого, который необходимо заменить на более современные и, по их мнению, надежные технические средства.

На данный момент ряд следственных действий, закрепленных УПК РФ, должен быть проведен с обязательным участием понятых, всего их четыре: обыск (ст. 182 УПК РФ), изъятие электронных носителей информации при выемке (ч. 3.1 ст. 183 УК РФ), личный обыск (ст. 184 УПК РФ) и предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ). Кроме обозначенных, для проведения отдельных следственных действий, понятые могут приглашаться по усмотрению следователя, к таковым относятся: осмотр (ст. 177 УПК РФ), осмотр трупа/эксгумация (ст. 178 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ), выемка (ст. 183 УПК РФ), осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений (ч. 5 ст. 185 УПК РФ), осмотр и прослушивание фонограммы контроля и записи переговоров (ч. 7 ст. 186 УПК РФ), проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). В случае принятия следователем решения о проведении следственного действия без участия понятых, ход и результаты следственного действия фиксируются с помощью технических средств в обязательном порядке. Стоит также отметить, что согласно ч. 3 ст. 167 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, или свидетель в силу физических недостатков или состояния здоро-

вья не может подписать протокол следственного действия, то ознакомление этого лица с текстом протокола производится в присутствии защитника, законного представителя, представителя или понятых, с целью подтверждения содержания протокола и факта невозможности его подписания.

Часть 2 ст. 170 УПК РФ гласит, что в остальных случаях следственные действия проводятся без участия понятых, если следователем не было принято иное решения. То есть формулировка статьи дает нам основания полагать, что по инициативе участников следственного действия, либо самого следователя, последним может быть принято решение об участии понятых в абсолютно любом следственном действии.

Часть 3 ст. 170 УПК РФ гласит, что следственные действия, в которых участие понятых является обязательным, в некоторых случаях могут проводиться без понятых. Такими случаями будут являться: проведение следственного действия в труднодоступной местности, отсутствие надлежащих средств сообщения, а также если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей. Стоит уделить внимание формулировке статьи, а именно термину «могут». То есть указанные выше обстоятельства не обязывают следователя проводить указанное действие без понятых, а лишь дают ему право исключить их участие.

Также стоит уделить внимание словосочетанию «труднодоступная местность», которое не имеет законодательного закрепления, а значит является оценочным. Так, например, труднодоступным местом можно назвать подвальные помещения, чердаки домов, лесопарковые зоны и т. д. Однако здесь следует сделать оговорку, что сам факт того, что если следователю и другим участникам следственного действия удалось попасть в такую местность, то возможность проведения следственного действия без участия понятых не должна исключаться.

То же самое касается и термина «надлежащие средства сообщения». Так, например, таким средством сообщения может являться мобильный телефон, который на сегодняшний день имеется почти у каждого человека.

Вопрос угрозы жизни и здоровья людей при производстве следственного действия предполагает, что такая угроза должна проявляться не только в отношении понятых. Опасность для жизни и здоровья любого человека, возникшая в ходе следственного действия, является поводом для отказа от его проведения. Кроме того, ст. 164

УПК РФ закрепляет общие правила производства следственного действия, и регламентирует недопустимость создания опасности для жизни и здоровья участвующих лиц.

Для того, чтобы рассмотреть институт понятых с различных сторон, считаем целесообразным выделить ряд положительных и отрицательных моментов этого института.

В целом, главными плюсами участия понятых являются:

– институт понятых прошел проверку временем;

– присутствие понятых обеспечивает соблюдение прав и свобод личности, а также соблюдение интересов правосудия;

– участие понятых обеспечивает фактическую невозможность фальсификации доказательств;

– наличие понятых определяет доказательство с точки зрения его достоверности.

А главными его недостатками будут являться:

– сам факт наличия института понятых указывает на недоверие государства к органам следствия и дознания;

– необеспечение безопасности понятых;

– незаинтересованность граждан в оказании помощи правоохранительным органам.

Стоит отдельно рассмотреть важнейшую проблему привлечения понятых. Зачастую процесс привлечения понятых занимает не один час. Причиной тому является недоверие и неуважение, проявляемое к правоохранительным органам со стороны граждан, а также нежелание человека тратить личное время и сталкиваться с бюрократией. Так, например, понятой, помимо участия в следственном действии, может быть вызван в суд, либо допрошен в качестве свидетеля. Все это занимает достаточно длительное время, однако не предусматривает каких-либо вознаграждений для понятого, а значит, его участие предусматривается исключительно на идеологических началах. Кроме того, подбор понятых усложняет еще и ограниченный круг лиц, которые могут привлекаться в качестве понятых. Так, ч. 2 ст. 60 УПК РФ определяет, что понятыми не могут быть: несовершеннолетние; участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники, работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

В связи с этим часто в качестве понятых привлекаются лица из низших слоев общества – алкоголики, наркоманы и прочие асоциальные элементы. Часто они требуют вознаграждение за содействие правоохранительным органам, и это вознаграждение поступает им за счет личных средств следователя, что, по нашему мнению, абсолютно недопустимо, потому как он не должен затрачивать личные средства, направленные на проведение следственного действия.

Кроме того, актуальной проблемой является крайне низкий уровень активности понятых в производстве следственного действия. Соглашаясь на участие в качестве понятого и на помощь следствию с неохотой, при полном отсутствии заинтересованности, такой человек будет относиться к своим обязанностям сугубо формально. В последующем под сомнение можно поставить способность такого понятого подтвердить ход и результаты следственного действия, в лучшем случае он вспомнит факт своего присутствия при его проведении.

Таким образом, следователю в процессе следственного действия придется постоянно отвлекаться от его проведения, обращаясь к понятым, дабы привлечь их внимание. Даже если понятой будет проявлять активность в ходе следственного действия, в некоторых случаях в этом ему будут мешать объективные обстоятельства. Так, например, участие понятых при осмотре места происшествия будет затруднено, если при проведении следственного действия будет находиться труп, либо следы крови, так как у многих людей подобное может вызвать сильнейшее отвращение, а иногда даже обмороки и истерику, что уже будет затруднять проведение следственного действия, а в некоторой мере и угрожать психическому здоровью понятого.

Иногда выполнению обязанностей понятого мешает сам следователь. Речь идет о ситуациях, когда понятые несвоевременно вводятся в процесс следственного действия, параллельно участвуют в нескольких следственных действиях, располагаются следователем в таком месте, откуда им будет невозможно либо затруднительно наблюдать за происходящим и т. д. Подобное происходит из-за юридической неграмотности лиц, привлекаемых в качестве понятых, и зачастую следователь, осуществляя подобное, преследует преступные цели скрыть некоторые «нежелательные» факты от их глаз.

Проблема привлечения понятых была актуальна всегда, и даже сегодня она не потеряла своей актуальности. В целях решения проблемы сотрудники полиции применяли различные, и при этом не всегда законные методы. Так, например, ранее существовала практика при-

влечения в качестве понятых так называемых «мертвых душ» – несуществующих людей. То есть в протокол вписывались несуществующие фамилии, а их подписи подделывались руками участников следственного действия. Сейчас таким методом сотрудники полиции почти не пользуются, однако изредка отдельные лица все же привлекаются к ответственности за такое деяние, так как оно является уголовно наказуемым.

Другой метод решения проблемы заключался в том, что у следователя имелся свой собственный «штат понятых», то есть некие лица, которые участвовали в следственном действии в качестве понятых по личной просьбе следователя, и зачастую делали это за вознаграждение. Сегодня следственная практика показывает, что участие одних и тех же понятых в различных следственных действиях является нарушением, потому и вышеуказанный метод использования понятых практически не применяется, за исключением случаев, когда у следователя существует достаточно широкий «штат понятых». Важно отметить, что при таком методе использования понятых существовала практика, когда понятые фактически не присутствовали при проведении следственного действия, однако подписывали протокол его проведении, и при вызове в суд подтверждали данные, установленные в ходе проведения следственного действия, опять же за вознаграждение со стороны следователя.

Подводя итоги, следует отметить, что институт понятых, несомненно, является эффективным механизмом фиксации следственного действия в уголовном процессе. Однако на сегодняшний день он начинает терять свою актуальность. Помимо того, что в связи с развитием технологий процесс следственного действия можно фиксировать без их участия, существуют также и традиционные проблемы института понятых, которые были рассмотрены выше. В связи с этим считаю важным выделить ряд предложений, которые по нашему мнению, способствовали бы укреплению и развитию института понятых, а также решению ряда проблем:

1) ввести денежное вознаграждение и социальные льготы для лиц, привлекаемых в качестве понятых;

2) построить процесс привлечения понятых по аналогии с судом присяжных, т. е. понятые будут назначаться;

3) создание так называемых «дежурных понятых», т. е. таких лиц, которые по сигналу сотрудника будут выдвигаться для участия в следственном действии в качестве понятого;

4) ввести обязательное применение технических средств для фиксации всех следственных действий, в том числе с участием понятых в целях надежности их проведения;

5) установление ответственности понятых за неисполнение своих обязанностей путем расширения ст. 60 УПК РФ. В настоящее время обязанности понятого предполагают только удостоверение своей подписью в протоколе следственного действия содержания и результатов указанных действий и мер, при которых он присутствовал. То есть указанная статья не обязывает понятого наблюдать за действиями следователя, зрительно фиксировать факты, которые будут выясняться в ходе проведения следственного действия и т. д. Однако здесь следует сделать оговорку, что на данный момент существует ответственность понятого за дачу ложных показаний, неявку в суд, а также за разглашение тайны следствия. У следователя должен быть механизм воздействия на понятого, если тот отказывается подчиняться следователю во время проведения следственного действия и зрительно фиксировать его проведение.

Мы считаем, что институт понятых проживет еще достаточное количество лет, прежде чем уступит свое место достижениям технического прогресса и канет в лету. Однако следует отдать ему должное – на протяжении многих лет он является неотъемлемой, а главное, эффективной частью уголовного процесса, суть его заключается в простоте и элементарности, а простота, в свою очередь – залог успеха.

Воронина Н. А.[1]**,**
курсант 464 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Семенкова Е. В.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУДЕ

В науке уголовного процесса проблематике, связанной с защитой прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, уделяется должное внимание, однако практика порождает новые проблемы, которые требуют своего разрешения[2].

В рамках данной статьи предлагаем рассмотреть наиболее актуальные вопросы ущемления прав потерпевших на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Одной из наиболее острых является проблема обеспечения защиты прав потерпевшего в момент отказа прокурора (государственного обвинителя) от содействия в поддержании обвинения или в случаях, когда он поменял обвинение в сторону смягчения, при этом лицо, потерпевшее от преступления, выступает против такой точки зрения государственного обвинителя. Уголовно-процессуальный закон не устанавливает осуществление права прокурора воздержаться от обвинения с точкой зрения потерпевшего. Следовательно, лицо, потерпевшее от преступления, не имеет процессуально закрепленной возможности оказать влияние на обязанность суда прекратить производство по делу.

---

[1] © Воронина Н. А., 2020.

[2] Рогов Н. С. Участие юридических лиц в уголовном процессе в качестве потерпевшего // Eurasian Advocacy. 2016. № 4 (23). С. 53; Комаров И. М. Юридическое лицо как потерпевшее от преступления в российском уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 146.

Некоторые ученые-процессуалисты отстаивают позицию о предоставлении потерпевшему права продолжить поддержание обвинения в случае отказа прокурора[1].

Соглашаясь с данной позицией, отметим, что существующий порядок приводит к нарушению правового положения потерпевшего, а именно нарушает его право на доступ к правосудию, так как сам пострадавший не имеет возможности поддержать иск.

Нормы, закрепленные в гл. 40.1 УПК РФ, не закрепляют положений, которые бы регламентировали учет мнения лица, пострадавшего от преступления, по вопросу рассмотрения дела в особом порядке. Данный факт приводит к появлению сторонников позиции, что особый порядок при досудебном соглашении приводит к нарушению прав потерпевших. Безусловно, принятие решения о заключении досудебного соглашения осуществляется без потерпевшего; а в суде предполагается установление реализации двух обязательных требований:

1) свобода волеизъявления предполагаемого соглашения;

2) обязательное выполнение обвиняемым обязательств, которые были на него возложены.

Однако стоит отметить, что обязанности, взятые на себя обвиняемым, представляют собой активную помощь органам, ведущим расследование по уголовному делу. В определенной степени мы разделяем мнение с некоторыми учеными-процессуалистами, указывающими на то, что обвиняемый может не в полном объеме осуществить реализацию взятых на себя обязательств, а это, в свою очередь, приводит к тому, что ущерб пострадавшему от преступных посягательств, не возмещается или возмещается не полностью[2].

Действительно, в ситуациях, когда лицо, потерпевшее от преступления, не добилось компенсации причиненного вреда, этот факт стоит расценивать, в какой-то степени, как ущемление гарантированных ему Конституцией Российской Федерации прав. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 г. № 7-П закреплено, что государство предоставляет потерпевшему

---

[1] Александров А. С. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3–11; Синенко С. А. К вопросу об обеспечении прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Право. 2018. № 3. С. 460–464.

[2] Иванов В. В. Обеспечение прав потерпевшего на стадии исполнения приговора // Вестник СамГУ. 2014. № 11/1 (122). С. 84–88.

возможность отстаивать, прежде всего, в суде, свои права и законные интересы[1]. Однако закон не закрепляет обязательное участие потерпевшего в суде при рассмотрении уголовного дела, в рамках которого подписано досудебное соглашение о сотрудничестве. Также в нормах УПК РФ не содержится требование об установлении волеизъявления самого потерпевшего на осуществление подобного разбирательства в суде.

Как показывает практика, «толчком» для участия лиц, потерпевших от преступления, в уголовном процессе является их заинтересованность в возмещении вреда. Стоит отметить, что одним из ряда обязательств, взятых на себя обвиняемым в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве, как раз выступает оказание помощи должностным лицам по розыску предметов, приобретенных незаконными способами. Предполагается расширительное толкование указанного выше положения, а именно обязательства обвиняемого должны включать в себя не только оказание помощи по поиску предметов, полученных в результате совершения преступления, но и принятии обвиняемым на себя мер, направленных на компенсацию вреда в полном объеме.

Следует, что при заявлении соответствующего ходатайства обвиняемым, прокурору следует настаивать не только на выполнении обязательств по розыску имущества, добытого преступным путем, но и на возмещении ущерба потерпевшему. Однако в указанной выше ситуации могут возникнуть некоторые проблемы с практической точки зрения, ведь сущность заключаемой сделки о сотрудничестве состоит в получении доказательственного подкрепления обвинения (доказательственной базы). Следовательно, обнаружение похищенного имущества имеет основной целью не возвращение его потерпевшему, а обнаружение вещественных доказательств по уголовному делу. В этом и кроется суть рассмотренной выше проблемы. Поэтому предлагаем наделить прокурора правом настаивать на включении в соглашение о сотрудничестве положений, связанных не только с отысканием имущества, но и с возмещением в полном объеме ущерба потерпевшему.

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2009 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений п. 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы ВОВ 1941–1945 гг.» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец.

Также предлагаем рассмотреть еще одну, не менее важную проблему, указывающую на неравенство предоставленных законом прав потерпевшему по сравнению с осужденными за преступление. Обратимся к ст. 389.19 УПК РФ, согласно положениям которой суд вправе проверить уголовное дело в отношении всех осужденных, а не только в отношении той категории, которая направила жалобу. Следует заметить, что суд не наделен правомочием, связанным с пересмотром решения в отношении всех потерпевших (по аналогии с осужденными). Это свидетельствует о том, что между статусом лица, совершившим преступление, и потерпевшим до сих пор имеется некая асимметрия, указывающая на отсутствие равновесия между их статусами. Из проведенного нами исследования следует, что это равенство отчасти имеет место на досудебных стадиях уголовного процесса, но на судебных стадиях ярко выражено процессуальное неравенство данных участников уголовного судопроизводства.

Полагаем, что внесение соответствующих изменений в нормы уголовно-процессуального законодательства существенным образом улучшит процессуальный статус потерпевшего, что в свою очередь, позволит в полной мере реализовывать потерпевшим свои права, гарантированные Конституцией Российской Федерации.

Исследование имеющихся в законодательстве проблем, обозначенных в рамках данной научной статьи, не означает их исчерпанность. Динамично развивающееся уголовно-процессуальное законодательство требует дальнейшего изучения со стороны ученых и практиков.

Грачева А. С.[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО, НА ПОПЕЧЕНИИ КОТОРОГО НАХОДЯТСЯ ДЕТИ ИЛИ ИЖДИВЕНЦЫ

Одной из процессуальных гарантий применения мер принуждения в отношении подозреваемого, обвиняемого, на попечение которого находятся дети или иждивенцы, является свойство допустимости доказательств, подтверждающих необходимость применения этих мер, выбора конкретной меры принуждения в зависимости от ряда важных обстоятельств.

Число ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу только за первое полугодие 2019 г. составило 53627, из них 47954 было удовлетворено судом. Ходатайств о применение мер пресечения в виде домашнего ареста – 3568, из них удовлетворено 3107, а ходатайств о применении залога – 44, удовлетворено 40[2].

Следовательно, можно выделить тенденцию активного применения заключения под стражу в отношении обвиняемых (подозреваемых). Применение мер процессуального принуждения, связанных с лишением или ограничением свободы, затрагивает не только конституционное право на свободу, но и другие конституционные права подозреваемого, обвиняемого, а также нередко конституционные права и интересы третьих лиц, в частности, его родственников. Поэтому уголовно-процессуальный закон предусматривает процессуальные гарантии, уменьшающие отрицательные последствия применения таких мер пресечения и принуждения, как для самого обвиняемого, так и для его родных.

Меры пресечения, ограничивающие свободу (заключение под стражу и домашний арест) применяются исключительно по судебному решению и только в том случае, когда применение более мягкой меры пресечения невозможно.

---

[1] © Грачева А. С., 2020.

[2] Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации [электронный ресурс] URL: http://www.cdep.ru (дата обращения:20.10.2019).

При рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу суду надлежит учитывать также обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (например, совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании, поведение лица после совершения преступления, в частности, явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда).

В связи с этим возникает вопрос: возможно ли применение мер процессуального принуждения в отношении подозреваемого или обвиняемого, на попечении которого находятся несовершеннолетние дети или иждивенцы?

Прямое указание на возможность применения попечительных мер правоохранительными органами содержится в ч. 1 ст. 160 УПК РФ, касающейся только задержания или заключения под стражу лица. Возникает противоречие, фактически суд должен применить более мягкую меру пресечения, однако в случае ее применения нет процессуальных гарантий обеспечивающих возможность передачи на попечение несовершеннолетних детей и (или) иждивенцев подозреваемого или обвиняемого, к которому применяется соответствующая мера. Об этом свидетельствует сложившаяся практика применения УПК РФ.

Так, в апелляционной жалобе Б. просит изменить приговор, проявить снисхождение, применить положения ст. 64 УК РФ, снизить срок наказания или назначить более мягкий вид наказания – исправительные или принудительные работы. Считает, что, вопреки мнению суда, его исправление возможно без реального лишения свободы, поскольку после совершения преступления он сам явился в полицию с повинной, чистосердечно признал свою вину и раскаялся, за время применения к нему подписки о невыезде и надлежащем поведении, в качестве меры пресечения, и домашнем аресте соблюдал установленные ограничения, на момент избрания меры пресечения в виде заключения под стражу зарекомендовал себя положительно; судом не было учтено нахождение на его иждивении престарелой матери,

имеющей тяжелые заболевания и нуждающейся в постоянном уходе[1]. Следовательно, Б., находясь под домашним арестом, фактически был лишен возможности на нормальное выполнение своих обязанностей по уходу за престарелой матерью, однако попечительные меры реализованы дознавателем (следователем) не были. Данный факт используется стороной защиты, как правило, лишь как обстоятельство, смягчающее наказание.

В науке уголовного процесса сложилось мнение о возможности применения ст. 160 УПК РФ по аналогии и к другим мерам пресечения[2].

Другой пример, Осужденный Р. и его защитник-адвокат С. заявляют, что суд при удовлетворении ходатайства о назначении меры пресечения в виде запрета определенных действий, а именно управления автомобилем, не учел активное сотрудничество Р. со следствием, в ходе которого он помог изобличить других соучастников преступлений, а также данные о его личности, связанные с нахождением у него на иждивении троих несовершеннолетних детей, двое из которых являются инвалидами первой группы, четверых несовершеннолетних детей супруги от первого брака, матери-пенсионера, неработающей жены[3]. Несмотря на наличие у Р. жены, которая может фактически осуществлять функции по воспитанию и заботе о несовершеннолетних детях и матери подозреваемого, единственным средством дохода семьи являлась его заработная плата, получаемая им в «Яндекс.Такси», в связи с запретом вождения Р. и его семья остались без денежного обеспечения. Подозреваемый не мог осуществлять попечительные функции в отношении своей семьи. Однако данное ходатайство судом удовлетворено не было, как и не были применены попечительные меры дознавателем, что является доказательством того, что нормы УПК РФ не применяются по аналогии.

Уголовно-процессуальная практика имеет случаи смягчения применяемых мер принуждения и пресечения по отдельным видам преступления. Верховный Суд Российской Федерации закрепил запрет

---

[1] Судебные и нормативные акты Российской Федерации [электронный ресурс] URL: https://sudact.ru (дата обращения: 01.01.2020).

[2] Федулов А. В., Нерсесян Д. Р. Преемственность юридической техники формирования порядка принятия следователем (дознавателем) мер попечения о детях и иждивенцах подозреваемого или обвиняемого // Юридическая техника. 2011. № 5.

[3] Судебные и нормативные акты Российской Федерации [электронный ресурс] URL: https://sudact.ru (дата обращения 01.10.2019).

избрания заключения под стражу лиц, подозреваемых в совершении преступлений в области предпринимательской деятельности[1]. В таком случае можно выступить с предложением о закреплении определенного перечня мер принуждения в отношении отдельной категории подозреваемых (обвиняемых), имеющих на попечении несовершеннолетних детей, других иждивенцев либо престарелых родителей, нуждающихся в постороннем уходе. Таких мер принуждения, назначение которых не будет нарушать возможность ухода и помощи за данными лицами подозреваемыми (обвиняемыми). Например, таких мер пресечения как подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, залог; или иных мер процессуального принуждения, как обязательство о явке, привод, наложение ареста на имущества.

Делая вывод, мы видим, что в общих условиях предварительного расследования содержится указание на возможность применения задержания и заключения под стражу подозреваемого, обвиняемого, на попечение которого находятся несовершеннолетние дети, иждивенцы. Применение остальных мер процессуального принуждения не предусматривает каких-либо дополнительных попечительных мер. Кроме того, в уголовно-процессуальном законодательстве нет никаких запретов по применению принуждения в отношении подозреваемых (обвиняемых), на попечении которых находятся несовершеннолетние дети или иждивенцы.

Подводя итоги сказанному, еще раз хочется подчеркнуть, что меры уголовно-процессуального принуждения допускаются только в строго ограниченных законом пределах, когда при наличии фактических и юридических условий возбуждается и ведется уголовное дело[2]. При этом лица, к которым применяются меры процессуального принуждения, обладают субъективными процессуальными правами, конкретно предусмотренными статьями УПК РФ.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «Консультант плюс» URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.10.2019).

[2] Копылова О. П. Меры принуждения в уголовном процессе : учебное пособие. Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. С. 100.

Григорьев Ю. Г.[1]**,**
обучающийся факультета подготовки
следователей Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации;

Куликова В. В.[2]**,**
обучающаяся факультета подготовки
следователей Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации
(научный руководитель – Османова Н. В.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В ЖИЛИЩЕ

«Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» – ст. 12 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948)[3].

Данная норма нашла отражение в ряде международных правовых документов: в их числе Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и Дополнительные протоколы к ней; Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.); Общие международные договоры: Конвенция о правовой помощи; Конвенция против пыток; Конвенция о статусе беженцев, а также Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI в. (принята на Десятом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупре-

---

[1] © Григорьев Ю. Г., 2020.

[2] © Куликова В. В., 2020.

[3] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru.

ждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, 10–17 апреля 2000 г.). Наряду с закреплением в данных международных актах принципа неприкосновенности жилища, государству предоставляется право на ограничение неприкосновенности жилища, а именно, согласно ч. 2 ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод государственные органы, в исключительных случаях, когда такое вмешательство предусмотрено законодательством «в интересах национальной безопасности и общественного спокойствия, экономического состояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц»[1].

Данный принцип был реципирован в российское законодательство, нашел отражение в основном законе страны. Так, в силу ст. 25 Конституции Российской Федерации «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Данный принцип стоит на стыке частных и публичных интересов, так как, с одной стороны, государству необходимо обеспечить сохранение общественного порядка и общественной безопасности, а с другой стороны, жилище является объектом особой правовой защиты, неприкосновенность которого гарантирована международным и российским законодательством.

Прежде чем непосредственно рассматривать данный вопрос, необходимо проанализировать понятийный аппарат. Целесообразно начать с практики применения международных актов.

Так, в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 18 ноября 2004 г. «Прокопович против России» под понятием «жилище» по смыслу ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. понимается место проживания, обуславливающееся сложившимися обстоятельствами, т. е. наличием продолжающихся связей с таким местом. Также в рассматриваемом Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) судебном заседании под «жилищем» был признан дом, в который приезжал заявитель в летнее время. Данный дом принадлежал не самому заявителю, а его родственнику. Таким образом, под «жилищем» ЕСПЧ признал допустимым понимать не только помещение, принадлежащее на правах

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод [электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» URL: http://www.consultant.ru.

собственности, но и такое здание, строение, дом, в котором лицо проживает продолжительный период времени (постановление от 28 ноября 1997 г. по делу «Ментеш и другие против Турции»). Также ЕСПЧ, исходя из положений ст. 8 Конвенции о защите прав и основных свобод человека, счел необходимым, но лишь в определенно сложившихся обстоятельствах, признавать уважение зарегистрированного офиса компании, отделений или иных деловых помещений (Постановление от 16 апреля 2002 г. по делу «Компания Colas Est» и другие против Франции»). Вышеизложенный анализ позволяет определить некоторые признаки, совокупность которых составляет понятие «жилище» – здание, дом, помещение, с которым лицо связывают продолжающиеся связи, т. е. проживание на определенном месте продолжительное количество времени.

Наряду с этим, под «жилищем» ЕСПЧ понимает также, в определенно сложившихся обстоятельствах, сооружение, постройку или место, также обусловленное продолжаемыми связями проживания. В Постановлении от 25 сентября 1996 г. по делу «Бакли против Соединенного Королевства» жилищем были признаны «фургоны, которые заявительница-цыганка разместила на принадлежащем ей участке земли и в которых проживала со своей семьей»[1].

Приведенные примеры международной практики позволяют проанализировать понятийный аппарат и прийти к выводу, что под жилищем понимается – здание, сооружение, постройка и иное место, в котором лицо проживает, а также, с которым лицо связывают обусловленные определенные обстоятельства, т. е. продолжительные связи проживания.

Правопреемственность, а также реципирование в сфере права является известным фактом. Так, сущность понятия «жилище» нашло свое отражение в российском законодательстве. Стоит отметить, что в международном праве отсутствуют официальное закрепление данного понятия, что обуславливается деликтностью международного права.

В свою же очередь, в нормах российского законодательства существует официальное закрепление нескольких понятий «жилище». Так, в соответствии с п. 10 ст. 5 УПК РФ под жилищем понимается «ин-

[1] Понятие «жилище» в законе, практике ЕСПЧ и литературе // Правовой центр «Логос». URL: http://logos-pravo.ru/articles/ponyatie-zhilishche-v-zakone-praktike-espch-i-literature.

дивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания»[1].

В отличие от норм уголовно-процессуального законодательства, нормами уголовного права понятие «жилище» трактуется более узко, в приложении ст. 139 УК РФ «под жилищем в статье, а также в других статьях настоящего Кодекса понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания»[2].

Если сравнить сложившиеся понятия «жилище» в российском и международном законодательстве, то можно прийти к выводу, что они схожи. Между тем, нормы уголовного права ограничивают трактовку данного понятия в части предназначения помещения, строения для проживания, когда как в уголовном процессе жилищем может признаваться любое помещение, строение, используемое для постоянного и временного проживания, хотя и не предназначенное и приспособленное для этого.

Ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве возможно на основании судебного решения, полученного в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ, либо с согласия проживающих в нем лиц. В досудебном производстве в жилище могут проводиться осмотр, обыск, выемка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент. При подготовке и проведении указанных следственных действий возникают некоторые проблемные вопросы правоприменения, которые связаны с неоднозначным толкованием уголовно-процессуального законодательства или пробелами в нем.

---

[1] Рязанова А. М. Понятие жилища как уголовно-процессуальная категория // NAUKA-RASTUDENT: электронный журнал. URL: http://nauka-rastudent.ru.

[2] Матвеев В. С. К вопросу об определении понятия «жилище» в уголовном праве [электронный ресурс] / В. С. Матвеев, М. А. Чиняева // Научная электронная библиотека «Киберленинка» URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-zhilische-v-ugolovnom-prave.

Следственный осмотр проводится в целях, на основаниях и в порядке, предусмотренном ст.ст. 176–178 УПК РФ. Законодатель выделяет следственное действие – осмотр жилища, однако в жилище могут проводиться и осмотр места происшествия, предметов и документов, трупа. Порядок производства осмотра жилища детально регламентирован в ст. 177 УПК РФ, где указано, что такой осмотр проводится только на основании согласия проживающих в нем лиц (Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» указал на то, что согласия только одного или нескольких проживающих лиц недостаточно, необходимо согласие всех) либо на основании судебного решения. Порядок производства иных следственных осмотров в жилище детально не регламентирован, законодателем не указана необходимость получения согласия проживающих лиц или судебного решения на проведение таких осмотров, что позволяет некоторым правоприменителям ошибочно прийти к выводу, что их можно произвести лишь на основании решения должностного лица.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 24 декабря 2013 г. № 2027-О фактически указал на необходимость применения порядка производства осмотра жилища при осмотре места происшествия в жилище[1]. Суд в вынесенном решении об отказе в принятии к рассмотрению жалобы о нарушении конституционных прав заявителя Левченко при производстве в его жилище осмотра места происшествия без его согласия сослался на положения ч. 5 ст. 177 УПК РФ.

Таким образом, учитывая, что порядок производства отдельных видов следственных осмотров в жилище детально не регламентирован, а необоснованное ограничение неприкосновенности жилища не допускается, правоприменителю при производстве таких осмотров до внесения соответствующих изменений в УПК РФ следует руководствоваться положениями ст.ст. 165, 177 УПК РФ, устанавливающих

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. № 2027-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Левченко Евгения Константиновича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165, статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru (дата обращения 01.07.2020).

получение согласия на осмотр жилища со стороны проживающих в нем лиц либо суда.

Кроме того, имеется ряд следственных действий, производство которых в жилище вообще не предусмотрено УПК РФ (к таким следственным действиям относятся проверка показаний на месте, следственный эксперимент), однако их производство допустимо в правоприменительной деятельности правоохранительных органов. Так, если интересующее следствие событие произошло в жилище, а после дачи показаний подозреваемым, обвиняемым появляется необходимость в их проверке на месте – жилище, закон не обязывает получать согласия кого-либо на ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища. В связи с вышеуказанным возникает необходимость в правовой регламентации данного вопроса, а именно введения в УПК РФ специальной нормы, устанавливающей особенности производства следственных действий в жилище, которая бы позволяла беспрепятственно производить данное следственное действие при обстоятельствах, не терпящих отлагательства, а также в иных обстоятельствах с согласия проживающих в нем лиц либо на основании судебного решения.

Еще одним проблемным аспектом является производство следственного действия в жилище лица, которое длительное время отсутствует или умерло. Трудности заключаются в определении круга лиц, у которых необходимо получить разрешение на производство следственного действия в жилище. В случае, если лицо умерло, а иные лица в данном жилище не проживают, то существует ли необходимость в получении согласия у лиц, которые связаны с данным жилищем правами собственности? Данный вопрос УПК РФ не регламентирован, что в следственной практике вызывает ряд проблем.

Наряду с данным вопросом, возникает другой: необходимо ли удовлетворять жалобы лиц, заявивших о неправомерности производства следственных действий, в рассматриваемом случае, если ходатайствующий – это лицо, связанное с данным жилищем отношениями собственности или является близким родственником умершего лица?

С целью разрешения данных вопросов необходимым считаем внести дополнения в УПК РФ, регулирующие такие ситуации, а именно в случае, если умершее лицо являлось не единственным лицом, связанным с жилищем отношениями собственности, при отсутствии обстоятельств, не терпящих отлагательств, и наличии возможности непосредственного контакта с такими лицами должностным лицам

необходимо получить разрешение родственников на производство следственного действия в жилище. В случае, если следователь не имеет реальной возможности запросить разрешения у таких лиц, то такое лицо должно выйти с соответствующим ходатайством в суд.

Актуальной является проблема получения согласия проживающих лиц, длительное время отсутствующих на месте. На практике сложилась следующая ситуация. С целью соблюдения принципа разумных сроков предварительного расследования сотрудники органов предварительного расследования, без производства действий, направленных на розыск таких лиц, сразу же направляют ходатайство в суд, с целью получения разрешения на производство следственного действия в жилище без согласия проживающих.

Но не будут ли данные процессуальные действия характеризоваться как ограничивающие конституционные права человека, т. е. незаконными? Так, в соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ предусматривается производство осмотра жилища либо с согласия проживающего, либо на основании судебного решения, но необходимость ходатайства в суд возникает тогда, когда проживающее лицо выражает отказ на производство следственных действий в его жилище. Также предусмотрен порядок производства осмотра в жилище в случае наличия обстоятельств, не терпящих отлагательств, в такой ситуации необходимо ссылаться на ст. 165 УПК РФ. Но стоит отметить, что право выходить с ходатайством в суд с целью производства следственного действия без согласия проживающих, предусмотрено в случаях, когда такие лица непосредственно выразили свое несогласие, а не при обстоятельствах их отсутствия. То есть отсутствующее лицо никак не может выразить свое несогласие или же согласие по поводу производства следственного действия в его жилище. Следовательно, оснований, предусмотренных в ч. 5 ст. 177 УПК РФ, для вынесения ходатайства о производстве осмотра жилища при наличии несогласия проживающих, не имеется.

На наш взгляд, в следственной практике, когда необходимо произвести следственное действие в жилище лиц, которые продолжительное время отсутствуют на месте, что подтверждается объективными данными, необходимо получать судебное согласие на производство следственного действия в порядке ст. 165 УПК РФ.

Одним из самых распространенных следственных действий, ограничивающих конституционные права и интересы лиц, участвующих в предварительном расследовании, являются обыск и выемка. Порядок

производства данных следственных действий регламентирован ст.ст. 182, 183 УПК РФ. В ходе производства обыска или выемки следователь, дознаватель непосредственно ограничивают конституционные права лиц на неприкосновенность жилища. Посредством вынесения постановления и разрешения суда проживающее лицо ограничивается в своих правах, следователь, дознаватель и иные участники следственного действия вправе без согласия лица осуществлять необходимые действия, направленные на отыскание, обнаружение, изъятие предметов и документов, представляющих интерес следствия.

Данные следственные действия напрямую ограничивают права и свободы граждан, законность их производства не только регламентируется уголовно-процессуальным законодательством, но и находит свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»[1]. Вся полнота ответственности производства данного следственного действия возлагается на следователя, дознавателя, а в случае, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что доказательства получены с нарушением требований УПК РФ, то такие доказательства в соответствии со ст.ст. 75, 235 УПК РФ могут быть признаны недопустимыми, а, следовательно, разрушают линию обвинения по уголовному делу. В связи с вышеуказанным необходимо обратить внимание следователей, дознавателей на неукоснительное соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства при производстве обыска и выемки в жилище.

Таким образом, усматривается необходимость правовой регламентации отдельных следственных действий, ограничивающих конституционные права и законные интересы лиц на неприкосновенность жилища. Такая необходимость выражается в соблюдении принципов законности в процессе уголовного судопроизводства, являющейся одной из основополагающих категорий уголовного судопроизводства.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

Доровских В. О.[1],
курсант 282 взвода 2 «У» курса
факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране
общественного порядка
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Клементьева Е. С.,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя)

ОХРАНА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В наше время появляется и развивается все больше правовых систем, которые непосредственно взаимодействуют между собой, невзирая на территориальные и межнациональные отличия. На принципы уголовного судопроизводства начали обращать внимание относительно недавно, и до настоящего времени эта проблема остается актуальной. Внимание на принцип уголовного судопроизводства охрану прав и свобод человека и гражданина обратились в 70-х гг. XX в. В науке уголовно-процессуального права всегда уделялось значительный интерес проблемам охраны прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве[2].

В УПК РФ принцип охраны прав и свобод человека и гражданина закреплен в ст. 11. Органы и должностные лица согласно своей компетенции должны не только указать участнику уголовного судопроизводства о наличии у него прав, а также разъяснить ему содержание данных прав и то, как он может их реализовать. Процессуальный статус всех участников меняется на каждой стадии в ходе уголовного судопроизводства, соответственно, разъяснение прав и гарантий необходимо на каждой стадии.

---

[1] © Доровских В. О., 2020.

[2] Сероштан В. В. Декларация прав участника уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 46

Сравнение принципа охраны прав и свобод участников уголовного судопроизводства в странах зарубежья и России поможет совершенствовать меры, которые принимаются в различных государствах, через изучение возникающих вопросов, с которыми встречались ранее эти страны в ходе становления и развития законодательства об охране прав участников уголовного судопроизводства.

Наиболее удачный опыт в развитии этих норм сложился в тех странах, где право активно развивалось еще с давних времен. К ним причисляются страны такой правовой системы, как англо-саксонская, а именно: Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Канада.

Чтобы аргументировать успешность закрепления прав и свобод, обратимся к законодательству США, где с 1971 г. функционирует программа, касающаяся защиты участников уголовного судопроизводства, а именно – свидетелей. За то время, что она существует в США, через нее прошли около 19000 человек. Из числа тех лиц примерно 7000 проживают под именами, которые являются вымышленными. Эти люди получили новые имена, возможность получения нового образования, чтобы работать по профессии, им была оказана помощь в трудоустройстве. Ни один из 19000 свидетелей не был убит[1].

Но чтобы достичь такого успеха в уголовном судопроизводстве в США, который существует сейчас, потребовалось достаточно много времени. В США основными нормативно-правовыми актами, которые закрепляют положение участников уголовного судопроизводства, выступают «Билль о правах жертв преступлений», Федеральный закон «О защите жертв и свидетелей преступлений», а также другие законы и подзаконные акты. Данные нормативно-правовые акты предписывают следить за тем, чтобы к жертвам преступлений было уважительное и справедливое отношение, охрана, защита и разъяснение их прав и свобод, обеспечение их безопасности и предоставление им медицинской, информационной и иной помощи, которые предусмотрены законодательством. В отдельных штатах также разрешен телефонный звонок в правоохранительные органы. Как свидетельствует аналитическая информация, то примерно в 10 % совершенных убийств мотивом служит то, чтобы люди перестали верить в способность правоохранительных органов государства защищать их.

---

[1] Захаров А. В., Косых Т. Г. Институт защиты свидетелей в России и его сущность // XIV Державинские чтения : материалы общероссийской научной конференции. М. : Институт права, 2009. С. 23.

Относительно недавно в законодательстве США количество прав обвиняемых было значительно больше, чем количество прав жертв. Но из-за значительного увеличения количества преступлений законодатели в Соединенных Штатах Америки уравняли в правах жертву и обвиняемого в преступлении.

В законодательстве США у потерпевшего существуют некоторые преимущества, которые непосредственно обеспечивают гарантию его безопасности и защиту его персональных данных. Помимо того, потерпевший имеет законное право на заявления, которые не закреплены присягой. Также, этот участник уголовного судопроизводства после того, как его проконсультирует прокурор, может осуществить заявление, в котором будет изложение его точки зрения о совершенном против него или его родственников преступлении, но данное заявление может быть сделано исключительно на этапе вынесения приговора.

Кроме того, для реализации принципа защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства в США очень активно выступает служба таких должностных лиц, которые получили название «маршалы». Маршалы реализовывали защиту и охрану прав и свобод потерпевших и свидетелей преступлений, проводили с ними различные консультации юридического и психологического характера, старались оказать помощь в дальнейшем трудоустройстве, поиске места жительства, профессии и т. д.

Что касается такого государства, как Великобритания, то там принцип охраны прав и свобод участников уголовного судопроизводства был закреплен в таком нормативно-правовом акте, как «Хартия жертв преступлений» 1990 г.[1] В данном законе зафиксированы права и обязанности не только потерпевших лиц, но и правоохранительных органов. До создания и вступления в законное действие этого нормативно-правового акта, в Великобритании осуществляли уголовное судопроизводство в соответствии с Циркуляром для служебного пользования. В этом документе устанавливались меры для подъема степени результативности при обращении с жертвами преступлений, при расследовании их заявлений, компенсировании ущерба, который был им причинен, в кратчайшие сроки и предупреждение, в том числе пресечение преступлений. Эти нормативно-правовые акты являлись одними из первых источников по исполнению такого принципа уголовного судопроизводства, как охрана прав и свобод человека и

[1] Хартия жертв (The Charter of Victims of Crimes) / пер. с англ. М., 1992.

гражданина. Работа правоохранительных органов по соблюдению данного принципа сформировала определенные результаты и опыт.

Что касается правовой программы, относящейся к защите прав и свобод участников уголовного судопроизводства в Канаде, то организовывалась и развивалась она постепенно в течение нескольких лет. Канадская программа была принята в 1984 г. До создания настоящей программы в Канаде принцип защиты прав и свобод был закреплен в приказах Канадской конной королевской полиции (КППП). Но этого было мало для абсолютного исполнения, так многие положения не были включены в состав компетенции данного органа. Эти пробелы стали сигналом о том, что есть необходимость в принятии нового нормативно-правового акта. Новый закон представил Генеральный прокурор 23 марта 1995 г. от имени Правительства Великобритании на рассмотрение Палаты общин. Акт программы защиты свидетеля был принят Парламентом и вступил в законную силу 20 июня 1996 г.[1]

«В соответствии с принятым Актом Программы защиты свидетеля лицо, подлежащее защите, подписывает соглашение защиты со Специальным уполномоченным, прописывая в нем права и обязанности обеих сторон. Причем данное соглашение индивидуально и составляется для каждого в отдельности, с учетом особенностей каждого уголовного дела»[2].

Хотелось бы отметить, что основной целью англо-саксонской правовой системы уголовного судопроизводства является справедливое отношение к потерпевшему лицу, а также, оказание ему моральной поддержки. Чтобы реализовать эту цель организовываются особые места, где осуществляется работа с жертвами преступлений до того, как начнут разбирательство по данному делу, чтобы они получили защиту от угроз, которые возможны со стороны обвиняемого, в том числе, чтобы был возмещен ущерб жертве преступления.

Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве имеет огромное значение. На основе уже имеющегося опыта по регулированию данного принципа в зарубежных странах, необходимо принять меры по усовершенствованию и повышению эффективности некоторых правовых программ в России.

---

[1] Ширитов А. Б. Возможности интеграции зарубежного опыта в законодательство Российской Федерации в сфере защиты свидетелей // Российский следователь. 2007. № 21. С. 37–40.

[2] Там же. С. 37.

Емельянова Н. Ю.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Борисов И. А.[2],
курсант 175 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Институт доказательств занимает особое место среди норм доказательственного права и в самом уголовном процессе. От того, насколько грамотно и профессионально субъекты доказывания умеют работать с доказательствами, зависит не только установление истины по конкретному уголовному делу, что, как следует помнить, является целью уголовного судопроизводства, но и показатели раскрываемости преступлений в стране, что также немаловажно.

Доказывание включает в себя собирание доказательств: их обнаружение или истребование, или принятие и закрепление (фиксацию), а также их проверку, оценку и использование (которые осуществляются только по отношению к уже собранным доказательствам). При учете положений ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, а также ч. 5 ст. 235 УПК РФ использование доказательств, по мнению многих ученых, должно выделяться в рамках самостоятельного этапа. Все предшествующие ему этапы доказывания не имеют собственного значения без того, чтобы собранные, проверенные и оцененные доказательства не будут положены в основу процессуального решения, т. е. надлежащим образом использованы. Однако и использование доказательств не имеет смысла без существования предыдущих этапов доказывания. Все этапы процесса доказывания находятся в неразрывной связи между собой, протекают в единстве, имеют место на всех стадиях процесса в тех процессуальных формах, которые необходимы для задач конкретной стадии и определенного для нее порядка производства. По мнению многих ученых, процесс доказывания вообще не может быть разделен на какие-либо отдельные этапы, поскольку чаще всего они взаимно переплетены, в том числе и по времени.

---

[1] © Емельянова Н. Ю., 2020.
[2] © Борисов И. А., 2020.

В науке и практике были выработаны конкретные правила, с учетом которых необходимо исследовать каждое из доказательств в той или иной классификационной группе. Классификация доказательств возможна по различным основаниям, например, в зависимости от того, из какого источника получены фактические данные (личные и вещественные; первоначальные и производные), относятся ли полученные сведения к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания, или к другим, которые подтверждают или отрицают эти обстоятельства (прямые и косвенные), каким образом они соотносятся с лицом, подвергаемым уголовному преследованию (обвинительные и оправдательные).

Использование признаков, которые положены в основу классификации доказательств и правил собирания, проверки и оценки каждого вида доказательств, способствует формированию достоверных выводов по уголовному делу как во время предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве. Вина лица, совершившего преступление, должна быть полностью и неоспоримо доказана для того, чтобы суд мог правомерно применить к нему уголовное наказание. Таким образом, основным значением применения доказательств в качестве самостоятельного элемента процесса доказывания выступает его направленность на обоснование процессуальных решений. Однако нередко использование доказательств достаточно трудно отделимо от оценки достаточности доказательств для принятия какого-либо решения, что еще раз говорит о тесной взаимосвязи всех элементов процесса доказывания.

Все виды доказательств равнозначны и должны быть обязательно отражены в процессуальных документах. Об этом говорит и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» поясняя, что обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление должны включать в себя перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и перечень доказательств, представленных стороной защиты[1]. Ссылки лишь на вид доказательства недостаточно – необходимо приведение краткого содержания самих доказательств, что согласуется с ч. 1 ст. 74 УПК РФ, где законодатель дает определение понятию доказательств.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» № 1 (ред. от 01.06.2017) // Российская газета. 2004. № 60.

Доказывание в уголовном процессе является разновидностью познания человеком объективной действительности. Оно реализуется в соответствии с общими закономерностями, которые присущи познавательной деятельности во всех областях теории и практики[1]. Доказывание обстоятельств дела входит в процесс познания обстоятельств дела, так как доказывание, имея некоторые отличия от познания, реализуется только процессуальным способом, только определенными в законе участниками уголовного процесса; доказывание имеет «адресата», т. е. в результате должно достичь цели разрешения дела по существу. Доказывание подчинено логическим правилам, которые в принципе действуют при познании любых явлений объективного мира[2].

Доказывание, как уже упоминалось, является одним из наиболее важных процессов в уголовном судопроизводстве, который фактически осуществляется практически на всех его стадиях. Оно осуществляется для установления не всех, но, чаще всего, только таких обстоятельств, на основе которых есть возможность принять решение по делу и ответит на вопрос об уголовной ответственности конкретного лица[3].

Целью доказывания в уголовном судопроизводство является установление конкретных, перечисленных в законодательстве обстоятельств. Таким образом, предмет доказывания заранее обозначен и ограничен законом. Доказыванию подлежат только обстоятельства, имеющие отношение к преступлению и позволяющие верно разрешить уголовное дело. Обстоятельства, подлежащие установлению по каждому уголовному делу, называют предметом доказывания. Значение предмета доказывания состоит в направлении деятельности соответствующих правоохранительных органов на получение юридически значимых сведений по делу, в результате чего процесс доказывания получает определенные границы, рамки. Следователь должен целенаправленно устанавливать четко очерченный круг обстоятельств, которые имеют правовое значение и дадут возможность разрешить дело по существу[4].

---

[1] Григорьев В. Н. Уголовный процесс : учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. М.: Эксмо, 2005. 832 с.

[2] Корнакова С. В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания // Известия БГУ. 2006. № 6.

[3] Антонова Э. Ю. Доказывание как вид познания и его теоретическое и практическое значение // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 209–213.

[4] Шаров Д. В. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11.

По своему содержанию процесс доказывания складывается из нескольких элементов (которые зачастую называют этапами), которые неразрывно связаны между собой[1]. Российская юридическая наука традиционно определяет несколько элементов доказывания: собирание доказательств, их закрепление, проверка и оценка. В процессуальной литературе эти элементы нередко называют этапами[2].

Таким образом, можно сказать, что доказывание является единственным процессуальным способом установления и удостоверения обстоятельств, которые имеют значение для дела, и становятся способом установления истины по уголовному делу. Выяснение необходимых для расследования дела обстоятельств с помощью их непосредственного их познания в уголовном процессе имеет довольно ограниченные пределы, что также отражается и в предмете и пределах доказывания. Нередко можно непосредственно видеть причиненный преступлением ущерб, обстановку, в которой совершалось преступное деяние. Однако сам процесс совершения преступления правоохранительные органы не могут воспринимать непосредственно. Таким образом, доказательства становятся необходимыми средствами установления истины. Доказывание, которое представляет собой центр уголовно-процессуальной деятельности, в качестве одного из наиболее важных элементов включает в себя собирание доказательств: их обнаружение или истребование, или принятие и закрепление (фиксацию). Значение данного элемента определяется тем, что все последующие операции с доказательствами (их проверка, оценка и использование) осуществляются только по отношению к уже собранным доказательствам.

---

[1] Гришанкова Е. С. Понятие и содержание процесса доказывания в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 4 (76). (Серия: Право).

[2] Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Понятие процесса доказывания. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб, 2004. С. 179.

Заливин А. Н.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Фионина А. А.[2]**,**
курсант 471 учебного взвода 3 «Д» курса
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ И НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ

Правовой анализ положений ст.ст. 40, 40.2 УПК РФ позволяет утверждать, что органом дознания законодатель именует не только органы внутренних дел и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции[3] и др., но и некоторых должностных лиц (начальника органа военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации; командира воинской части, соединения; начальника военного учреждения и др.).

В случае наделения статусом органа дознания должностного лица, возглавлять его вряд ли кто-либо может, кроме него самого. Поэтому, когда органом дознания является должностное лицо, его статус включает в себя не только полномочия органа дознания, но и некоторые права, обязанности, ответственность начальника подразделения дознания.

Согласно ч. 3 ст. 40.2 УПК РФ, в органах внутренних дел Российской Федерации полномочия начальника органа дознания осуществляют также заместители начальника полиции. Подразделение полиции возглавляет начальник полиции. Соответственно, его заместитель в соответствии с п. 17 ст. 5 УПК РФ не только обладает полномочиями начальника органа дознания, он таковым является.

---

[1] © Заливин А. Н., 2020.
[2] © Фионина А. А., 2020.
[3] Далее для краткости – «подразделение полиции».

Органом внутренних дел, не являющимся подразделением полиции, руководит начальник этого органа. Важно отметить, что в этом случае начальником полиции (структурного подразделения органа внутренних дел) является не он сам, а его заместитель, у которого имеются свои заместители. Именно последним, дополнительно ч. 3 ст. 40.2 УПК РФ и предоставляет право осуществлять полномочия начальника органа дознания.

Согласно ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания по отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, обладает полномочиями начальника подразделения дознания, предусмотренными ст. 40.1 УПК РФ. Поэтому изменение статуса начальника подразделения дознания влияет на формирование правового положения начальника органа дознания.

В связи с этим, следует сказать и о правах начальника подразделения дознания. После внесения изменений в п. 1 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ, начальник подразделения дознания вправе «проверять материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве дознавателя».

«Проверить» означает «удостовериться в правильности» чего-нибудь или же «подвергнуть испытанию для выяснения свойств, качеств» чего-нибудь[1].

Соответственно, проверку, о которой идет речь в современной редакции п. 1 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ, можно определить как мыслительно-логический процесс, осуществляемый начальником подразделения дознания в целях установления законности, всесторонности, полноты и объективности осуществляемой дознавателем процессуальной деятельности, посредством ознакомления и рассмотрения собранных и оформленных дознавателем документов, предметов, материалов и др., которые в своей совокупности составляют «материалы проверки сообщения о преступлении» и (или) «материалы уголовного дела».

Как материалы проверки сообщения о преступлении, так и материалы уголовного дела могут быть в производстве не только дознавателя. Уголовно-процессуальное производство может осуществлять созданная из дознавателей, входящих в штат подразделения дознания, группа дознавателей. Полагаем, что начальник подразделения

---

[1] Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцовой. 24 изд., испр. М.: Оникс, 2007. С. 784.

дознания, несмотря на то, что в законе такая возможность прямо не указана, вправе также проверять материалы, полученные при проверке сообщения о преступлении, и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве данной группы дознавателей.

Еще одна возможность, наличие которой возникает по аналогии с правилом, закрепленным в п. 1 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ. Думается, что начальник подразделения дознания имеет полномочия проверять материалы любого осуществляемого подчиненным ему дознавателем уголовно-процессуального производства.

По нашему мнению, виды таковых не ограничиваются проверкой сообщения о преступлении и (или) материалами уголовного дела, находящегося в производстве дознавателя.

Когда органу дознания следователем дается поручение о производстве процессуальных действий, выполняет таковое конкретный дознаватель. В искомой ситуации, у дознавателя имеется материал исполнения поручения, который затем от имени органа дознания будет направлен следователю, поручение которого выполнялось. Полагаем, что и такого рода материалы начальник подразделения дознания вправе проверить, когда они получены и сформированы подчиненным ему дознавателем. Считаем, что указанный вывод совершенно логичен и в полной мере отвечает общей идее совершенствования вышеуказанных статей УПК РФ.

Зимников Е. Ю.[1]***,***
курсант 3 курса 171 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Жамкова О. Е.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Конституция Российской Федерации, провозглашая Российскую Федерацию правовым демократическим государством и декларируя в качестве основной цели государства создание условий, направленных на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека и гражданина, закрепляет, что семья, материнство и детство являются объектами особой правовой охраны, которая осуществляется в том числе с применением уголовно-правовых мер. В свою очередь, приведенные конституционно-правовые нормы предопределяют приоритетный характер государственной политики, направленной на обеспечение здорового физического, духовного и нравственного развития несовершеннолетних и их защиты от всех форм злоупотреблений, в том числе и от их вовлечения в совершение преступлений. В то же время объективной тенденцией последнего десятилетия следует признать рост количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, причем значительную долю в их общем объеме составляют тяжкие насильственные преступления. Ежегодно на территории Российской Федерации регистрируется более 40 тыс. деяний, совершенных несовершеннолетними.

Согласно ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации «детство» находится под защитой государства. Несовершеннолетним с точки зрения уголовно-процессуального законодательства считается лицо, не достигшее на момент совершения преступления восемнадца-

[1] © Зимников Е. Ю., 2020.

тилетнего возраста. Лицо считается достигшим соответствующего возраста с ноля часов дня, следующего за его днем рождения.

Следует отметить, что действующий УПК РФ устанавливает определенные особенности процессуальной формы производства по делам в отношении несовершеннолетних. В законе получили свое закрепление определенные процедуры, связанные с возрастом лица, которые касаются возможности ограничения лица в его дееспособности, определяющие обязанности родителей и лиц их заменяющих по присмотру за детьми. Предусмотрены также дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, которые определяют правовой статус несовершеннолетних на различных стадиях уголовного судопроизводства и в рамках разных уголовно-процессуальных институтов. Учитывая это, следователь (дознаватель) обязан с должной ответственностью подходить к вопросу ограничения их прав. Имеют свою специфику меры принуждения, применяемые к несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому), в частности, задержание.

Задержание подозреваемого представляет собой меру процессуального принуждения и основание для того, чтобы признать лицо подозреваемым. Задержание – это мера, дающая возможность кратковременно лишить лицо права свободно передвигаться для выяснения имеющих значение обстоятельств в случае, если он подозревается в совершении преступления. Оно возможно только на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и является краткосрочным.

УПК РФ предусматривает специальные правила, регулирующие порядок, основания и условия задержания несовершеннолетних, т. е. лиц, не достигших восемнадцатилетия, которые закреплены в ст. 423 УПК РФ. Основным критерием задержания несовершеннолетнего по-прежнему является возраст задержанного.

Поскольку по основаниям ст. 91 УПК РФ несовершеннолетний может быть задержан, а в определенных случаях в отношении данного специального субъекта может быть избрана такая мера пресечения, как заключение под стражу, данные действия могут осуществляться только при наличии на то законных и обоснованных обстоятельств.

Следует отметить, что существует определенная проблема при использовании термина «задержание несовершеннолетнего подозреваемого». Современный закон, содержащий уголовно-процессуальные нормы, закрепляет различные процедуры, результатом которых становится появление в уголовном деле подозреваемого до задержания. Во-первых, в отношении него может быть возбуждено уголовное де-

ло. Во-вторых, к нему может быть применена мера пресечения по правилам ст. 100 УПК РФ до предъявления обвинения. В-третьих, он может быть уведомлен о подозрении в совершении преступления. Соответственно, иные лица формально уголовно-процессуальным статусом подозреваемого не обладают.

В связи с этим и возникает сомнение в возможности буквального понимания словосочетания «задержание несовершеннолетнего подозреваемого». Получается, что законодатель применяет данный термин, не понимая в соответствующем контексте конкретного человека, наделенного определенными правами, а лишь говорит о том, в отношении кого будет применяться данная мера принуждения. Такого субъекта уголовно-процессуальных отношений можно называть «лицо, подозреваемое в совершении преступления», «задержанный» или «лицо, заподозренное в совершении преступления» и др. Но в любом случае это не «подозреваемый» с точки зрения ст. 46 УПК РФ. В противном случае круг несовершеннолетних, попадающих под норму ч. 1 ст. 423 УПК РФ, будет резко и необоснованно сужен и будет включать только тех, кто на момент выявления фактических оснований для задержания уже имел статус подозреваемого.

Задержание несовершеннолетнего подозреваемого осуществляется в соответствии с общим порядком. Орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, если имеется одно из следующих оснований:

1) если лицо было обнаружено непосредственно при совершении преступления, или если это произошло сразу после его совершения;

2) если будут установлены лица, потерпевшие или очевидцы, которые укажут, что именно данное лицо совершило преступление;

3) если в месте, где проживает лицо, на его одежде или при нем будет обнаружено что-либо, свидетельствующее о преступлении;

4) если в распоряжении органов и должностных лиц будут иные основания подозревать лицо в совершении преступления.

Действующие уголовно-процессуальные нормы устанавливают следующие правила задержания несовершеннолетних:

1) после доставления к следователю (дознавателю) в течение 3 ч должен быть составлен протокол задержания;

2) следователь (дознаватель) обязаны незамедлительно уведомить законных представителей несовершеннолетнего (родителей, опекунов, попечителей, усыновителей) о задержании лица;

3) в обязательном порядке в течение 12 ч с момента фактического задержания в письменной форме уведомляется прокурор[1];

4) если задержанный является несовершеннолетним, участие защитника с момента фактического задержания является обязательным;

5) все несовершеннолетние подозреваемые обязательно должны быть допрошены в течение 24 ч с момента фактического задержания. Продолжительность допроса совершеннолетнего подозреваемого составляет восемь часов, а продолжительность допроса несовершеннолетнего не может превышать двух часов без перерыва и четырех часов в общей сложности. Если несовершеннолетний не достиг 16 лет, в допросе должен принимать участие педагог или психолог;

6) при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр в порядке ст. 105 УПК РФ.

Следует отметить, что на несовершеннолетнего подозреваемого не распространяется положение ч. 4 ст. 96 УПК РФ, которая гласит, что в интересах предварительного расследования может не проводиться уведомление близких родственников, родственников или близких лиц лица о его задержании, если это необходимо для сохранения тайны задержания в интересах следствия. Информация о задержании несовершеннолетнего немедленно сообщается его законным представителям.

Если провести аналогию с Пекинскими правилами 1985 г., там присутствует одна поправка, которая гласит, что в случае невозможности немедленного уведомления, родители или опекун будут уведомлены, как только это станет возможным[2]. Так как общепризнанные нормы и принципы являются частью законодательства Российской Федерации, предлагается изменить ч. 3 ст. 423 УПК РФ.

Таким образом, задержание как мера процессуального принуждения, применяемая к несовершеннолетнему, имеет специфику, наличие которой обуславливается самим процессуальным статусом несовершеннолетнего и особенностями процессуальной формы судопроизводства в отношении несовершеннолетних, установленными УПК РФ.

---

[1] Жук О. Д. Методика прокурорского надзора за законностью задержания подозреваемых и содержания их в ИВС // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 171.

[2] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru.

Зубайров И. Д.[1]**,**
слушатель 1072 взвода 3 «С» курса
факультета подготовки иностранных специалистов
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Алонцева Е. Ю.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА ПО УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПО УПК РФ И УПК ТАДЖИКИСТАНА)

В современном мире глобальных угроз со стороны национальной, международной преступности, в свете нарушения прав и свобод личности, одним из важнейших видов деятельности государства является деятельность прокурора по осуществлению уголовного преследования.

Понятие уголовного преследования дано в ст. 5 УПК РФ, в которой под ним понимается процессуальная деятельность стороны обвинения по изобличению подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В ст. 6 УПК Республики Таджикистан оно сравнительно шире и перечисляет конкретных участников стороны обвинения, к которым отнесен и прокурор. Уголовное преследование – это тоже процессуальная деятельность, целью которой является установление деяния, запрещенного уголовным законом, привлечение лица в качестве обвиняемого и назначение наказания (ст. 6 УПК Республики Таджикистан).

Таким образом, прокурор является одним из важнейших участников уголовного судопроизводства, осуществляющим от имени государства уголовное преследование.

Перечень участников уголовного судопроизводства установлен законом. В соответствии со ст. 6 УПК Республики Таджикистан участники судебного разбирательства – органы и лица, осуществляющие уголовное преследование и поддержку обвинения, а также лица, за-

---

[1] © Зубайров И. Д. 2020.

щищающие себя, свои права и интересы при обвинении. В их число входят прокурор, государственный обвинитель, потерпевший – частный обвинитель, гражданский истец, законные представители и их представители, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их законные представители, защитники, гражданский ответчик, законный представитель и его представитель[1]. К иным лицам, участвующим в уголовном процессе, отнесены эксперт, специалист, свидетель, понятой, переводчик.

УПК РФ содержит иное понятие участников уголовного судопроизводства, к ним законодателем отнесены все лица, принимающие участие в уголовном судопроизводстве (п. ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Участники классифицируются в зависимости от выполняемой ими процессуальной функции в соответствии с принципом состязательности сторон.

Данный принцип установлен законодательством обоих государств, и его содержание совпадает (ст. 15 УПК РФ и ст. 20 УПК Республики Таджикистан). Исходя из указанного деления на функции, одним из участников уголовного судопроизводства, относящихся к стороне обвинения, является прокурор. Рассмотрение понятия, уточнение его процессуального статуса представляется интересным по той причине, что на основе сравнения уголовно-процессуального законодательства двух государств, возможно совершенствовать положения уголовно-процессуального закона, регламентирующие полномочия прокурора.

Функция уголовного преследования у прокурора не единственная. Прокурор является тем должностным лицом, который наделен двумя основными функциями в уголовном процессе – уголовное преследование и надзор (ст. 37 УПК РФ и ст. 36 УПК Республики Таджикистан). В рамках настоящей статьи остановимся на одной из функций прокурора – уголовное преследование.

Так, прокурор от имени государства вправе осуществлять уголовное преследование на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства, имея определенные законом полномочия. Полномочия сосредоточены не только в статьях, определяющих понятие и полномочия прокурора (ст. 37 УПК РФ и ст. 36 УПК Республики Та-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. // Информационные системы «Параграф» [официальный сайт] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304

джикистан), но и в иных статьях уголовно-процессуального законодательства.

Анализ положений закона позволяет выделить основные из них по УПК Республики Таджикистан:

1) прокурор вправе лично принимать сообщение о преступлении, регистрировать, проводить по нему проверку и принимать решение (ст. 145 УПК Республики Таджикистан);

2) возбуждать уголовное дело, применять меры пресечения и проводить расследование по уголовному делу (ст.ст. 146,147 УПК Республики Таджикистан);

3) по окончании предварительного следствия утвердить обвинительное заключение, принимать решение о мере пресечения на данном этапе, за исключением ареста и домашнего ареста (ст.ст. 248, 249 УПК Республики Таджикистан);

4) прокурор обладает правом поддержать обвинения в суде в качестве государственного обвинителя (ст. 279 УПК Республики Таджикистан).

Полномочия прокурора относительно уголовных дел, расследуемых в форме дознания, не конкретны: так, прокурор вправе возбуждать уголовные дела, по которым предварительное следствие необязательно, давать письменные указания, дознавателю, направлять уголовное дело в суд (ст.ст. 153,154 УПК Республики Таджикистан).

УПК РФ также устанавливает обязанность прокурора по осуществлению уголовного преследования, в соответствии с которой у него имеется ряд полномочий:

1) Поручать проверку по поступившему сообщению о преступлении из средств массовой информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ);

2) В случае установления признаков преступления составлять постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для осуществления уголовного преследования (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

3) Давать дознавателю письменные указания о направлении хода расследования и выполнении процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

4) Давать согласие дознавателю в тех случаях, когда он обращается в суд с ходатайством о производстве некоторых процессуальных действий (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

5) Принимать участие в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайства дознавателя и следователя (п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

6) Рассматривать соответствующее ходатайство и заключать досудебное соглашение о сотрудничестве (п. 5.2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

7) Утверждать обвинительное заключение по уголовному делу, поступившему от следователя, обвинительный акт, обвинительное постановление, по уголовному делу, поступившему от дознавателя (ст. 227 и др. УПК РФ);

8) Участвовать в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по существу в качестве государственного обвинителя (ст. 246 УПК РФ).

Таким образом, полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования по УПК РФ и УПК Республики Таджикистан существенным образом отличаются. По уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан прокурор наиболее полно осуществляет уголовное преследование в досудебном производстве, в связи с тем, что наделен полномочиями по проверке сообщения о преступлении, возбуждению уголовного дела, производству расследования самостоятельно. Тогда как по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации прокурор в досудебном производстве напрямую не вправе участвовать в расследовании уголовного дела, его полномочия в большей степени имеют надзорный характер. Вопрос, как правильно определить баланс между правом прокурора самостоятельно возбуждать уголовное дело и проводить расследование, либо иметь только опосредованное участие в уголовном преследовании на этапе досудебного производства, является дискуссионным и в юридической литературе не нашел единого разрешения.

В процессе изучения и сравнения законодательства России и Таджикистана можно сформулировать следующие выводы. Стало очевидно, что полномочия прокурора относительно утверждения итоговых процессуальных документов по уголовным делам, расследуемым органом дознания, должны быть дополнены с учетом примера законодательства Российской Федерации. Так, в УПК Республики Таджикистан они не конкретны. Утверждение итогового решения дознавателя в случае окончания расследования для дальнейшего направления уголовного дела в суд относится к деятельности по уголовному преследованию. В связи с чем, следует полагать, что глава 19 УПК Республики Таджикистан, регламентирующая производство дознания нуждается в уточнении процедуры окончания расследования.

Иноземцев А. В.[1],
слушатель 156 учебного взвода 5 «О» курса
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Соломатина А. Г.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ АУДИО- И ВИДЕОФИКСАЦИИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ДОПРАШИВАЕМЫХ ЛИЦ

Допрос – это весьма сложный, психологически напряженный, а также многообразный, в зависимости от применяемых приемов и методов, процесс, направленный на взаимодействие допрашиваемого и допрашивающего.

С целью обеспечения полноты и качества фиксации визуальной, речевой и иной акустической информации в ходе допроса на предварительном следствии необходимо использовать возможности современных систем цифровой видеозаписи.

Анализируя особенности обеспечения прав допрашиваемых лиц при производстве допроса следует отметить, что в действующем УПК РФ не нашли свое законодательное отражение случаи, при которых обязательным являлось бы применение определенных средств, предназначенных для фиксации. Вместе с тем, в литературе можно найти упоминания о большом количестве случаев, при которых во время производства допроса использовались аудио-, а также видеозаписи. При чем в конкретных случаях это являлось необходимым. Так, в частности, к последним можно отнести:

– видеофиксация при даче показаний лицами несовершеннолетнего возраста, а в частности, лиц малолетнего возраста;

– видеофиксация при даче показаний лицами, в отношении которых имеются сомнения касаемо их непосредственной психической полноценности;

---

[1] © Иноземцев А. В., 2020.

– видеофиксация при даче показаний лицами, которые, в свою очередь, находятся в конкретный момент в достаточно опасном для своего здоровья и жизни состояния в силу определенных обстоятельств (угроз со стороны преступников и т. д.);

– видеофиксация при даче показаний по делам об изнасиловании;

– видеофиксация при даче показаний, которые даются при непосредственном участии переводчика лицом, которое не владеет русским языком;

– видеофиксация при даче показаний лицами, у которых имеются физические недостатки (к примеру, нарушена речь при ДЦП);

– видеофиксация при даче показаний лицами, которые не смогут в силу определенных обстоятельств заведомо либо же вероятно прибыть в зал судебного заседания[1].

Приведя данный перечень, следует отметить, что в каждом отдельно взятом случае видеозапись является обязательной в связи с определенными причинами. Так, к примеру, использование технических средств, предоставляющих возможность фиксации при производстве допросов лиц несовершеннолетнего возраста, а также, собственно, малолетних лиц, прежде всего, обусловлена определенной спецификой их возраста, а также психологического развития. В данном случае речь идет о словарном запасе, а также об определенных речевых особенностях детей, фантазировании. Как следствие, разобраться в показаниях, которые были даны детьми в процессе производства допроса, можно только в результате проведения в таком случае последующего детального их анализа. При этом, такой анализ гораздо упростит наличие аудио- либо же видеозаписи самого допроса[2].

Во время допроса лиц несовершеннолетнего возраста возможно запечатлеть не только смысловую, но также отдельно и интонационную, эмоциональную нагрузку допрашиваемого лица, а также образную информацию, которую последний доносит[3].

---

[1] Миленин Ю. Н. Особенности производства допроса с применением технических средств фиксации информации // Наука и практика. 2015. № 1 (62). С. 61–62.

[2] Куксова Т. В. Криминалистическая видеозапись при допросе несовершеннолетних. Рязань : Академия ФСИН России. 2014. С. 155.

[3] Перепелкин В. И. Некоторые проблемы фиксации доказательственной информации при допросе. Чебоксары : Изд-во Чувашского университета, 2013. С. 350–351.

По мнению автора, закрепление в положениях УПК РФ случаев, когда могут обязательно применяться аудио-, а также видеозаписи с целью фиксации уголовного процесса и результатов производства допроса, впоследствии будет способствовать защите прав лиц, которые являются подозреваемыми, обвиняемыми, признаны потерпевшими, свидетелей. Кроме того, такое предложение в целом будем способствовать оптимизации всего уголовного судопроизводства[1].

Также необходимо учитывать то обстоятельство, что для аудио-, а также видеозаписи, если сравнивать с другими техническими средствами, которые используются в уголовном процессе, характерны специфические особенности с точки зрения их возможностей технического характера, содержания результатов после их применения, значения для процесса доказывания и правовой оценки. По этой причине сам порядок применения указанных средств фиксации нуждается в детальной нормативно-правовой регламентации, нежели просто упоминание о возможности их применения (ч. 6 ст. 164 УПК РФ)[2], в том числе при производстве допроса (ч. 4 ст. 189 УПК РФ).

Достаточно большую степень наглядности всегда несет видеозапись производства допроса, который осуществляется с использованием следующих тактических приемов: демонстрация следователем вещественных доказательств, которые изобличают виновное лицо, или воспроизведение допрашиваемым лицом по карте пути следования, или же отображение на рисунке определенного расположения объектов (сооружений) на местности и пр. Такого рода тактические приемы производства допроса являются наиболее эффективными для восстановления в памяти лица, которое допрашивается, событий, произошедших много лет назад[3].

Вместе с тем, при производстве допроса лица, имеющего физические недостатки, к примеру, с дефектами речи или глухонемого лица,

---

[1] Маевский С. С. Тактика проведения отдельных следственных действий с участием защитника с учетом складывающихся следственных ситуаций. М. : 2010. С. 18–19.

[2] Миленин Ю. Н. Особенности производства допроса с применением технических средств фиксации информации // ОЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. № 1 (62). С. 61–63.[3] Морозова Н. В. Некоторые вопросы использования видеозаписи при производстве допроса. Наука и практика. 2015. № 1 (62). С. 64–65.

[3] Морозова Н. В. Некоторые вопросы использования видеозаписи при производстве допроса. Наука и практика. 2015. № 1 (62). С. 64–65.

обязательным является участие переводчика, который владеет языком жестов. Такие показания – наиболее наглядны как при просмотре видеозаписи, так и при возникновении сомнений. В последнем случае есть возможность осуществить проверку правильности и полноты перевода, а также устранить уже допущенные неточности[1].

К еще одному виду допроса, при производстве которого применение видеозаписи сможет обеспечить положительный результат, следует отнести допрос лица с аномалиями, имеющими место в психическом развитии. Так, посредством видеозаписи специалист, работающий в области как психологии, так и психиатрии, сможет дать заключение о личности такого допрашиваемого лица. Помимо этого, видеозапись производства допроса станет необходимым материалом, применяемым экспертом при проведении психолого-психиатрической экспертизы лица, которое симулирует психическое заболевание. Таким образом, изучение видеозаписи производства допроса даст возможность проследить психофизиологические реакции лица на задаваемые ему вопросы о произошедшем преступном событии, а также, непосредственно, особенности поведения со стороны допрашиваемого[2].

Таким образом, следует сделать вывод, что целесообразным является использование возможности современных систем цифровой видеофиксации, целью которой выступает обеспечение полноты, а также качества фиксации визуальной, речевой и другой акустической информации в процессе допроса.

Применение цифровых технологий аудио- и видеофиксации при производстве допросов на стадии предварительного расследования позволит в ходе судебного следствия исследовать максимально полную и объективную информацию, полученную в процессе расследования преступления. У прокурора, осуществляющего поддержание государственного обвинения, появляется также возможность сопровождать процесс предъявления материалов уголовного дела в суде демонстрацией видеозаписей допросов, что окажет положительное влияние на ход исследования судом доказательств, собранных на стадии предварительного расследования.

---

[1] Коровин Н. К. Криминалистическая видеозапись при производстве допроса по уголовным делам отдельных категорий. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. С. 157.

[2] Шушпанов С. В. Видеосъемка как обязательный способ фиксации допроса // Сборник материалов криминалистических чтений. 2015. № 11. С. 70.

Ионов Д. В.[1]**,**
курсант 3 курса 274 взвода 3 «У» курса
факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного
порядка Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Клементьева Е. С.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя)

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В современном мире нет такой области в человеческой жизни, где абсолютно не требуется применение того или иного права, отсутствие знаний в данной сфере может привести к серьезным ошибкам, вследствие которых возникнет необходимость в отстаивании своих прав. Именно с целью предоставления качественной профессиональной юридической помощи в России, а также и в других зарубежных странах имеется такой институт как адвокатура, выступающий гарантом в данной области.

В Федеральном Законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»[2] под «адвокатской деятельностью» понимается квалифицированная профессиональная помощь, которая осуществляется лицами, имеющими юридическое образование и получившими статус адвоката в установленном законом порядке.

Ст. 48 Конституции Российской Федерации и ст. 16 УПК РФ обязывают государство обеспечить подозреваемого (обвиняемого) правом на защиту – это же является одним из принципов уголовного судопроизводства. Содержание этого обязательства включает право лица, привлекаемого к уголовной ответственности, пользоваться помощью адвоката-защитника. В ряде случаев, предусмотренных ст. 51 УПК РФ, участие защитника обязательно. В качестве защитника, как правило, и в целом, выступают адвокаты.

---

[1] © Ионов Д. В., 2020.

[2] Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

Основной задачей адвоката в уголовном состязательном процессе является обеспечение реализации своим подопечным возможности защищаться всеми не запрещенными законом способами[1].

Особое значение имеет такой вопрос работы адвоката, как его участие в процессе доказывания уголовных дел[2]. Адвокат-защитник выступает самостоятельным субъектом доказывания, он уполномочен собирать доказательства, однако проверка и оценка доказательств остается прерогативой стороны обвинения.

Л. А. Позднякова обращает внимание на то, что субъектом собирания доказательств остался Следственный комитет при Прокуратуре России, отделы органа внутренних дел, органы прокуратуры, а защитник в этом может лишь оказывать им содействие[3]. Неравенство противоборствующих сторон очевидно, в этом и состоит главная проблема принципа состязательности.

В Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в отличие от УПК РФ, вообще отсутствуют какие-либо положения, касающиеся собирания адвокатом доказательств.

Одним из действенных способов сбора доказательств, направленных на оказание квалифицированной юридической помощи, является адвокатский запрос.

Срок ответа на адвокатский запрос устанавливается статьей 6 Федерального закона об адвокатской деятельности и составляет 30 дней. Полагаем, что указанный срок является слишком длительным и может привести к затягиванию принятия решения по делу.

По нашему мнению, данный срок необходимо сократить до 10 суток. В противном случае затягивание ответа по запросу может отрицательно влиять на реализацию конституционного права гражданина на защиту. Тем самым, многие организации и должностные лица нарушают установленные законодательством сроки и даже вовсе не отвечают на адвокатские запросы, ввиду того, что в настоящее время

---

[1] Калачева Е. Н. Роль адвокатуры в совершенствовании видов адвокатской деятельности // Адвокатская практика. 2011. № 6. С. 26.

[2] Владимиров В. В. Защитник в уголовном процессе // Постулат. 2019. № 3. С. 15.

[3] Позднякова Л. А. Уголовный процесс: нравственные начала. М. : СГУ, 2016. С. 31.

существует лишь административная ответственность за это деяние, установленная в статье 5.39 КоАП РФ.

Наличие лишь административной ответственности не решает в полной мере указанную проблему и не способствует изменению сложившейся ситуации, связанной с игнорированием адвокатских запросов. Ситуацию следует изменить, детально и максимально проработав механизм осуществления права адвоката на собирание доказательств и внеся соответствующие изменения в статью 86 УПК РФ. Данный шаг позволит улучшить и модернизировать уголовный процесс, усилив в нем важность и роль института защиты.

Правовые пробелы в российском уголовно-процессуальном законе не позволяют адвокату-защитнику на практике получить необходимый результат от реализации своего права на обжалование решений по уголовному делу.

Отсутствие в УПК РФ сроков, которые бы предписывали судам первой инстанции направлять обжалуемый материал, дают им возможность направлять его тогда, когда это необходимо[1].

Так, Кузьминским районным судом г. Москвы по ходатайству следователя 6 ноября 2015 г. вынесено постановление, которым суд ограничил обвиняемого К.В.И. в ознакомлении с материалами уголовного дела, установив срок 10 суток, т. е. до 16 ноября 2015 г. включительно. Обвиняемый К.В.И. и его защитник-адвокат Х.Д.К., не согласившись с вышеуказанным постановлением, подали апелляционную жалобу, в которой просили отменить обжалуемое решение. Апелляционная жалоба обвиняемым была подана 12 ноября 2015 г. Согласно корреспонденции, она поступила в Кузьминский районный суд 25 ноября 2015 г. Однако обжалуемый материал поступил в апелляционную инстанцию только лишь 20 февраля 2016 г., а решение было вынесено 14 марта 2016 года. Апелляционный суд пришел к выводу, что апелляционные жалобы по изложенным в них доводам удовлетворению не подлежат[2].

Полагаем, что к иному выводу апелляционный суд прийти не мог, поскольку уголовное дело, в рамках которого обжаловалось постановление Кузьминского районного суда, 15 января 2016 г. поступило

---

[1] Магомадова Э. И. Особенности правовых действий защитника в уголовном процессе // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». СПб, 2019. С. 400.

[2] Постановление суда апелляционной инстанции Московского городского суда от 14 марта 2016 г. // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/.

в Дорогомиловский районный суд г. Москвы для рассмотрения по существу и 29 января 2016 г. по нему состоялось предварительное слушание[1].

В случае признания незаконным постановления Кузьминского районного суда об установлении ограничения ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого К.В.И., Дорогомиловскому районному суду пришлось бы рассмотреть вопрос о возвращении дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Таким образом, реализация адвокатом-защитником принципа, обеспечивающего право на обжалование, зависит от предоставления со стороны государства возможности реализации принципа обеспечения права на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом.

Защитник должен быть свободен от любого давления, особенно со стороны правоохранительных органов. На практике существует огромное количество ситуаций, когда дело в отношении адвоката возбуждается исключительно для отстранения его от какого-либо процесса, в котором адвокат выступает в качестве защитника.

Следователь, который проводит следственные действия, а также руководитель следственного органа субъекта Российской Федерации, дающий согласие на возбуждение уголовного дела против адвоката, по закону, находятся на одной, противоположной от адвоката, стороне обвинения. Поэтому мы считаем, что у них (руководителя следственного органа субъекта Российской Федерации и следователя) существует возможность злоупотребить своими правами, возбуждая уголовное дело без законных оснований для облегчения работы следователя по иному уголовному делу, где этот адвокат является защитником.

Получается что лицо, наделенное полномочиями осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, при неправильном раскрытии преступления, при заведомо ложном обвинении лица в совершении преступления, ставит крест на его карьере (в нашем случае карьере адвоката), а может, и на его жизни. В связи с этим, думаем, что необходимо в УПК РФ закрепить возможность возбуждать уголовное дело в отношении адвоката только с разрешения квалификационной комиссии адвокатов.

---

[1] Уголовное дело от 15 января 2016 г. № 01-0062/2016. Дорогомиловский районный суд г. Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru.

Считаем, следует согласиться с мнением, что необходимо закрепить такую гарантию, как неисключение адвоката из процесса в случае, если против него возбуждается уголовное дело, а также предоставить адвокату возможность участия в процессах, где он уже выступает защитником, если против него возбуждено уголовное дело, или же вообще вынесен приговор суда[1].

Данные гарантии, по нашему мнению, помогут адвокату продолжить осуществлять защиту граждан, несмотря на возбуждение в отношении него уголовного дела, что будет косвенно добавлять уважение общества к адвокатуре, которая сейчас, в связи с некоторыми событиями, по нашему мнению, занимает довольно шаткое положение в обществе. Также данные гарантии будут противодействовать фабрикации против адвокатов уголовных дел с целью исключениях их из процесса, в которых они выступают в качестве защитников.

Таким образом, полагаем, что целесообразно более точно законодательно регламентировать вопросы участия защитника в уголовном судопроизводстве.

[1] Чуприков Р. А. Адвокат как специальный субъект уголовной ответственности [электронный ресурс] // Адвокатская палата Красноярского края. URL: https://www.krasadvpalata.ru/pyblikacii/51.html (дата обращения 01.07. 2020).

Кадатенко Е. П.[1]*,*
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Комлева Т. М.[2]*,*
курсант 771 учебного взвода 3 курса
факультета подготовки специалистов
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ЗАТЯГИВАНИЕ ВРЕМЕНИ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В рамках производства по уголовному делу одним из этапов предварительного расследования выступает ознакомление с материалами уголовного дела. Конституция Российской Федерации (ст. 24) закрепляет обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы. В том числе, нормы уголовно-процессуального законодательства (п. 12 ч. 2 ст. 42, п. 12 ч. 4 ст. 44, ч. 3 ст. 45, п. 12 ч. 4 ст. 47, п. 7 ч. 1 ст. 53, п. 9 ч. 2 ст. 54 и ч. 2 ст. 55 УПК РФ) предоставляют право любому заинтересованному участнику уголовного судопроизводства по завершении предварительного расследования на ознакомление с материалами уголовного дела. Как отмечается в литературе, подобная возможность, с одной стороны, позволяет подготовиться к реализации своих процессуальных функций в последующем судебном разбирательстве, а с другой – добиться полного и объективного установления всех обстоятельств уголовного дела посредством заявления обоснованных ходатайств[3].

Следует отметить, что важность реализации вышеуказанного права нельзя переоценить, ведь на этапе ознакомления с материалами

---

[1] © Кадатенко Е. П., 2020.

[2] © Комлева Т. М., 2020.

[3] Якубович Н. А. Окончание предварительного следствия. М. : Юрид. лит., 1962. С. 30.

уголовного дела заинтересованным участникам уголовного процесса предоставляется возможность изучить, оценить и проанализировать все собранные по уголовному делу доказательства, в том числе появляется возможность осуществить проверку всесторонности, объективности, а, следовательно, и полноты хода и результатов предварительного расследования. Иначе говоря, ознакомление с материалами уголовного дела – это процесс трудоемкий, выраженный в анализе, оценке, сопоставлении и преобразовании информации для выстраивания или же корректировки линии защиты. Данное процессуальное действие требует значительных временных затрат и концентрации.

Необходимо подчеркнуть, что обеспечение обвиняемому и его защитнику права знакомиться по окончании предварительного следствия с материалами уголовного дела служит гарантией реализации обвиняемым права на защиту (ст. 45 Конституции Российской Федерации, ст. 16 УПК РФ). Ст. 217 УПК РФ разъясняет порядок и условия реализации вышеуказанного права.

Так, согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ «обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела. Если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления с указанными материалами, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125 настоящего Кодекса, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела...».

Однако, УПК РФ не содержит конкретные сроки ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, обозначая лишь разумный срок длительности данного процессуального действия.

В том числе законодатель не раскрывает само понятие «явное затягивание времени ознакомления», и не указывает возможные действия, которые могу свидетельствовать о явном затягивании ознакомления с материалами уголовного дела. Очевидно, что подобная категория относится к оценочной, но каким образом будет проходить такая оценка, кто устанавливает ту грань «явного затягивания» и «не явного затягивания», непонятно.

Думается, что затягивание времени ознакомлении с материалами уголовного дела говорит о намеренном промедлении обвиняемого и его защитника, необоснованном промедлении в действии, которое реально можно выполнить быстрее. Изначально оценивает поведение обвиняемого и защитника в процессе ознакомления с материалами

уголовного дела именно следователь на основе своего внутреннего убеждения и с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела и его сложности (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Проблема заключается в том, что не всегда это может быть объективно и отражать всей действительности сложившейся ситуации. Хотелось бы отметить, что на практике немало случаев, когда суд признает наличие необоснованного и намеренного затягивания времени ознакомления обвиняемым и его защитником с материалами уголовного дела.

Так, например, при расследовании уголовного дела в г. Краснодаре обвиняемый Н.И.А. и его защитник 18 марта 2015 г. уведомлены об окончании срока предварительного следствия в надлежащей форме (л.д. 58–59). 21 марта 2015 г. в период времени с 11 ч 35 мин до 14 ч 15 мин обвиняемый ознакомился с 1 томом настоящего уголовного дела, состоящего из 255 листов (л.д. 61). 22 марта 2015 г. обвиняемый в 14 ч 30 мин отказался выйти из камеры изолятора временного содержания <...> для ознакомления с материалами уголовного дела (л.д. 68). 23 марта в 8 ч 20 мин материалы уголовного дела предоставлены для дальнейшего ознакомления обвиняемому, который без объяснения причин отказался выходить из камеры изолятора временного содержания (л.д. 69). Согласно журналу медицинских осмотров лиц, содержащихся в ИВС, 22 и 23 марта 2015 г. у Н.И.А. жалоб на здоровье не было (л.д. 62–66). Исходя из вышесказанного, суд установил постановление следователя об установлении срока для ознакомления обвиняемого Н.И.А. и его защитников с материалами уголовного дела законным[1].

Затягивание сроков ознакомления с материалами дела со стороны обвиняемого и его защитника может преследовать несколько целей: «дотянуть» до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности; заставить уполномоченных должностных лиц изменить или отменить избранную меру пресечения в виде заключения под стражу; заставить органы предварительного следствия исключить из объема обвинения какой-либо эпизод преступной деятельности (статью); дезорганизовать работу должностных лиц.

Так, отметим, что УПК РФ предусматривает срок, в течение которого материалы уголовного дела должны быть предъявлены обвиня-

---

[1] Постановление № 22-2619/15 22К-2619/2015 от 13 мая 2015 г. по делу № 22К-2619/2015 [электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 25.02.2020).

емому, находящемуся под стражей, и его защитнику для ознакомления – не менее 30 суток до момента окончания предельного срока содержания под стражей. Таким образом, в случаях, когда ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела явно затягивается, следователь вынужден ходатайствовать перед руководителем следственного органа о продлении срока предварительного следствия в порядке, установленном ст. 162 УПК РФ, о продлении срока содержания под стражей в порядке ст. 109 УПК РФ.

Однако, Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание судов на то, что необходимость ознакомления (продолжения ознакомления) с материалами уголовного дела не может быть единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей как в отношении обвиняемого, не ознакомившегося с материалами уголовного дела, так и в отношении других обвиняемых по делу, полностью ознакомившихся с указанными материалами. Каждое решение суда о продлении срока содержания обвиняемого под стражей должно обосновываться не одними лишь ссылками на продолжающееся ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела, а фактическими данными, подтверждающими необходимость сохранения этой меры пресечения[1].

Характерным примером может служить рассмотрение Московским областным судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей в отношении гр-на Б. Суд пришел к выводу о ненадлежащей организации ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, так как за три месяца с момента предшествующего продления срока содержания под стражей, которое производилось для этих же целей, следователь посетил обвиняемого только два раза. Тем самым, с учетом этих обстоятельств, а также ненасильственного характера инкриминируемого Б. деяния, наличия у него двоих несовершеннолетних детей суд счел возможным изменить ему меру пресечения с заключения под стражу на домашний арест[2].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (п. 23).

[2] Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г.).

Таким образом, на практике зачастую возникают разногласия между следователем и судом при определении степени затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемым и его защитником. Судья при рассмотрении ходатайства следователя об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела, а также продления сроков содержания под стражей исходит из своего мнения, а также представленных доводов такого решения, что, как мы видим, не всегда бывает обоснованным.

Подводя итог, следует сказать, что для возможности исключения практики затягивания сроков ознакомления с материалами уголовного дела необходимо определить условия и порядок отнесения временных промежутков к «явному затягиванию сроков ознакомления с материалами уголовного дела», а также определения разумных сроков ознакомления с материалами уголовного дела. Думается, что применять какой-либо коэффициент расчета времени ознакомления будет не совсем корректным, поскольку вопрос об адекватности времени и возможностей защиты должен оцениваться с учетом обстоятельств каждого конкретного уголовного дела.

Канарейкина К. И.[1]**,**
курсант 462 учебного взвода 4 «Д» курса
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Маламагамедова А. Р.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук)

КОНТРОЛЬ И ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ: ОСОБЕННОСТИ И НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Тайна телефонных переговоров относится к одному из основных прав и свобод человека и гражданина. Данное право закреплено в Конституции Российской Федерации и может быть ограничено лишь на основании соответствующего судебного решения.

В настоящее время, в целях установления истины по уголовному делу должностные лица достаточно часто осуществляют контроль и запись телефонных и иных переговоров (далее – «контроль и запись»), применяя при этом современные технические средства. Техническое оснащение подразделений имеет немалое значение для достижения эффективности предварительного расследования. Особую значимость контроль и запись приобретают при противодействии организованной преступности.

Результаты этого следственного действия имеют первостепенное значение для раскрытия преступления, определения местопребывания и привлечения к ответственности лица, виновного в совершении преступления. Основными гарантами успешной борьбы с организованной преступностью является баланс применения технических средств, сбора данных и строгого соблюдения прав и свобод человека и гражданина практическими работниками[2].

Анализ практики правоприменения свидетельствует, что контроль и запись телефонных переговоров производятся, как правило, по двум основаниям:

---

[1] © Канарейкина К. И. 2020.

[2] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2016. С. 34.

1) для собирания доказательств о виновности подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, чьи телефонные и иные переговоры будут прослушиваться;

2) в целях обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц.

Согласно ч. 5 ст. 186 УПК РФ производство контроля и записи может быть установлено на срок до шести месяцев. Однако, если надобность в данном следственном действии отпадает, то следователь должен вынести новое постановление о прекращении его производства до истечения указанного срока, но не позднее окончания предварительного следствия по уголовному делу.

К. И. Попов отмечает, что информация, полученная следователем в процессе контроля и записи телефонных и иных переговоров, помогает ему понять мотивацию поведения подозреваемого при даче ложных показаний (угроза, шантаж, подкуп и т. д.), получить значимые сведения о роли подозреваемого в преступной группе, его связях, убедиться в достоверности показаний[1].

Признав необходимым и обоснованным проведение контроля и записи переговоров, следователь обращается в суд с соответствующим постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о его проведении. Исключением, не требующим судебной регламентации данного процессуального действия, является факт письменного заявление потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников и близких лиц, о проведении в отношении последних контроля и записи, при наличии угрозы совершения в отношении них преступных действий.

Сведения, которые получены следователем или дознавателем в процессе контроля и записи телефонных и иных переговоров, помогают им понять причину поведения лица при даче им заведомо ложных показаний, получить значимую информацию о его роли в преступной группе или в преступном сообществе, его связях, удостовериться в достоверности показаний и т. д.

Следует указать, что необходимыми основаниями проведения контроля и записи являются возбужденное уголовное дело и установление категорий преступлений – средней тяжести, тяжких и особо тяжких. При этом, несмотря на то, что контроль и запись является одним из

---

[1] Попов К. И. Использование в доказывании результатов контроля и записи переговоров // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1 (2). С. 137.

процессуальных действий, осуществляемых только в рамках возбужденного уголовного дела, оно очень сходно с оперативно-разыскным мероприятием – «прослушивание телефонных переговоров». В. И. Шаров отмечает, что в данном случае «двойственность» доведена до крайности, так как максимально сближает следственное действие с аналогичным оперативно-розыскным мероприятием[1].

В литературе можно встретить разные мнения, следует ли контроль и запись переговоров относить к «следственным действиям». Данные разногласия, в первую очередь обусловлены отсутствием законодательного закрепления определения «следственного действия».

Контроль и запись переговоров является особенным процессуальным действием, так как оно проводится не самим следователем, а по его поручению специальным подразделением, уполномоченным осуществлять технические мероприятия.

В. Н. Григорьев, А. В. Победкин и В. Н. Яшин отмечают, что признание контроля и записи переговоров «следственным действием» разрушает систему следственных действий и логику построения процессуальных средств доказывания. В связи с этим, они справедливо говорят о необходимости приведения следственных действий в строгую систему, подчиняющуюся одной логике[2].

Об этом писал и профессор С. А. Шейфер, справедливо заключая, что «следственными» должны признаваться только те действия, которые проводятся самим следователем, в результате чего добываются доказательства, как результат непосредственного восприятия информации. Иная трактовка следственного действия, по его мнению, «размывает это понятие и позволяет считать следственным действием любой канал поступления в уголовный процесс доказательственной информации»[3].

Мы не подвергаем сомнению позицию столь авторитетных ученых, однако полагаем, что фактическое толкование современного уголовно-процессуального законодательства все же позволяет нам называть контроль и запись переговоров «следственным действием».

---

[1] Шаров В. И. Контроль и запись переговоров как следственное действие и как оперативно-розыскное мероприятие // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. С. 178.

[2] Григорьев В. Н. Уголовный процесс : учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. М. : Эксмо, 2005. С. 438.

[3] Шейфер С. А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 68.

В подтверждение своей позиции приведем положения ч. 1 ст. 165 УПК РФ, которая гласит, что в случаях, предусмотренных п.п. 4–9, 10.1, 11 и 12 ч. 2 ст. 29 настоящего Кодекса, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель – с согласия прокурора, возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносится постановление». При этом, п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ относит к исключительной компетенции суда принятие решения о контроле и записи телефонных и иных переговоров. Помимо этого, п. 2 ч. 3 ст. 186 УПК РФ, регламентирующий проведение контроля и записи телефонных и иных переговоров, гласит, что в ходатайстве следователя о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров помимо прочего указываются: «основания, по которым производится данное следственное действие». Таким образом, УПК РФ неоднократно применяет понятие «следственное действие» относительно контроля и записи переговоров, в связи с чем мы полагаем допустимым называть контроль и запись переговоров следственным действием, несмотря на то, что его специфическая природа идет вразрез с глубинным осмыслением данной категории. Мы поддерживаем мнение ученых, которые неоднократно отмечали, что в УПК РФ должно быть включено определение понятия «следственное действие» для устранения разногласий в данном вопросе.

Одной из проблем, возникающих при анализе рассматриваемого процессуального действия, является вопрос о том, что именно следует считать «иными переговорами», которые также могут быть подвергнуты контролю и, соответственно, записаны. Мнения ученых по данному вопросу расходятся. Так, некоторые ученые полагают, что «иными переговорами» могут быть признаны любые беседы, осуществляемые в ходе взаимодействия лиц, даже при отсутствии технических средств связи[1].

Мы, в свою очередь, разделяем точку зрения ученых, которые считают, что контроль и запись телефонных и иных переговоров может применяться только относительно переговоров, которые проводятся при помощи технических средств. Об этом, например, пишут

---

[1] Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., Спарк, 2002. С. 386; Шаталов А. С. Контроль и запись переговоров на предварительном следствии: правовые основания, тактические условия, технология проведения // Право. 2009. № 3. С. 63.

В. Н. Григорьев, А. В. Победкин и В. Н. Яшин, которые отмечают, что «разговор, происходящий при непосредственном контакте собеседников, с помощью контроля и записи переговоров фиксироваться не может. Для решения этой задачи необходимо использовать возможности оперативно-розыскной деятельности»[1]

К такому выводу нас приводит анализ уголовно-процессуальных норм, которые содержат такие категории как «контроль», «переговоры», «средства коммуникации». По нашему мнению, используя формулировку «иные переговоры», законодатель стремился проявить своего рода «дальновидность», с тем, чтобы контроль и запись могли быть применены не только относительно «телефонных» переговоров, но и таких переговоров, которые, возможно, в будущем будут осуществляться не посредством телефонов, а с помощью иных технических средств связи.

[1] Григорьев В. Н. Уголовный процесс … С. 438.

Касаткина О. И.[1]**,**
слушатель факультета подготовки сотрудников
полиции для подразделений по охране
общественного порядка
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Тутынин И. Б.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕЮДИЦИИ В ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДА: МЕТОДЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Преюдиция в уголовном процессе – доказательное правило, устанавливающее основания и порядок использования в процессе доказывания органом дознания, следователем, прокурором, судом фактов, установленных судебными актами, которыми дело решено по сути, и не требующих повторного доказывания. Реализуемая в рамках уголовного процесса, она разграничивается на преюдицию в уголовном процессе и уголовно-процессуальную преюдицию, т. е. преюдицию именно уголовно-процессуальных решений.

В первую очередь необходимо определить соотношение между преюдициальными фактами и предметом доказывания по уголовному делу. В настоящее время УПК РФ не решает вопрос о месте в предмете доказывания преюдициальных фактов. В научной литературе нет устоявшегося подхода к этой проблеме. Некоторые ученые считают, что они должны исключаться из предмета доказывания[2].

Примечательны случаи в части применения преюдиции, когда при рассмотрении уголовных дел, выделенных в отдельное производство в отношении соучастника, могут быть использованы факты, установленные в ранее вынесенном решении в отношении соучастников.

---

[1] © Касаткина О. И. 2020.

[2] Левченко О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование : дис. … д-ра юрид. наук. Астрахань, 2004. С. 310.

При этом следует учитывать следующие положения. Поскольку в предмет доказывания по уголовному делу входит выявление доказательств вины обвиняемого, а не других лиц, дело в отношении которых не рассматривается, деятельность органов следствия и суда по установлению преступления, совершенного обвиняемым, принципиально отличается от их деятельности по установлению вины лиц, дело по которым не передано в суд. Речь идет о разнице целей и задач этой деятельности, ее содержания и объема, юридических последствий. Разница целей в том, что представленные в дело доказательства служат для достижения основной задачи уголовного судопроизводства – справедливо наказать виновного. Действия же соучастников преступления расцениваются лишь для установления виновности лица, так как действия обвиняемого устанавливаются путем всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств преступления. Действия же лиц, дела по которым не переданы в судебные органы, устанавливаются только при условии, что они связаны с действиями обвиняемого и лишь в тех пределах, в которых это имеет значение для квалификации преступления, определения степени участия и вины обвиняемого, иных существенных обстоятельств.

Юридические последствия обвинительного приговора после вступления его в законную силу касаются только подсудимого, который признан виновным в совершении преступления и не распространяются на лиц (соучастников), в отношении которых уголовное дело еще не рассматривалось судом.

События преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления) могут быть использованы в практике органов предварительного расследования, суда, так как они являются объективным явлением, их установление не зависит от того, относительно какого из соучастников рассматривалось дело. Для упрощения уголовного судопроизводства в приговоре можно указывать, что преступление совершено в соучастии с лицом, дело в отношении которого выделено в отдельное производство. Именно поэтому данные обстоятельства, имеющие значение для установления события преступления, при рассмотрении выделенного дела могут быть положены в основу решения суда без доказательства, поскольку установлены вступившим в силу приговором и считаются истинными[1].

---

[1] Барщевский М. Ю. Оговор в особом порядке // Российская газета: Неделя. 2012. № 235. С. 8.

Что касается такого элемента предмета доказывания, как виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления, то этот элемент предмета доказывания не может быть установлен с помощью преюдициальных фактов. Рассмотрение дела в судебном заседании производится только в отношении подсудимых и только в пределах предъявленного им обвинения.

Соответственно, при рассмотрении уголовного дела суд не может заранее высказать суждение о виновности или невиновности лиц, которые не принимали участие в судебном процессе. Если преступление, по поводу которого ведется рассмотрение дела, совершено в соучастии с лицами, дела в отношении которых выделены в отдельное производство, то в приговоре суд может лишь указать, что преступление совершено подсудимым в соучастии с лицами, в отношении которых дело выделено в отдельное производство.

Если подсудимый признается виновным в совершении преступления в соучастии с лицом, в отношении которого уголовное дело закрыто, то в приговоре могут быть описаны действия соучастников с обязательным указанием на данный факт и основания закрытия. Виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления при выявлении соучастника должны доказываться посредством совокупности доказательств, к которым не может относиться приговор по связанному уголовному делу[1].

Достаточно часто на практике возникает вопрос относительно возможности использования показаний лица, которое было признано виновным по обвинению в преступлении при соблюдении процедуры принятия решения в особом порядке. Уголовно-процессуальное законодательство однозначно исключает возможность использования таких показаний в качестве доказательств по другому уголовному делу без его тщательной и всесторонней проверки[2].

Особенность законодательного регулирования по данному вопросу такова, что она исключает возможность прямого использования об-

---

[1] Сироткина Т. Г., Тутынин И. Б. Некоторые проблемы реализации принципа презумпции невиновности // Уголовное судопроизводство: стратегия развития: материалы второй всероссийской научно-практической конференции / под ред. О. В. Химичевой. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 192–195.

[2] Головкова, А. Ю. К вопросу о предмете доказывания в конституционном судебном процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. № 3. С. 66–71. (Серия 5: Юриспруденция).

стоятельств, которые установлены вступившим в законную силу решением суда, при новом производстве по другому уголовному делу. Недопустимо в качестве обоснования судебного решения по уголовному делу использовать без проверки обстоятельства, которые установлены судом в особом порядке.

В качестве примера можно привести определение Верховного Суда Республики Хакасия. Судом был сделан вывод, что: «приговор подлежит отмене, так как из содержания приговора следует, что суд первой инстанции принял в качестве доказательства вины Ф.И.О. приговор Усть-Абаканского районного суда Республики Хакасия от 23 июля 2014 г. Однако названный приговор судом постановлен в порядке, предусмотренном ст. 317.7 УПК РФ, поскольку Ф.И.О. заключил досудебное соглашение о сотрудничестве. Таким образом, обстоятельства, установленные приговором от 23 июля 2014 г., не могли быть приняты судом без дополнительной проверки, а сам приговор не может являться доказательством по уголовному делу»[1].

Возникающие в практической деятельности проблемы использования обстоятельств, установленных в решениях арбитражных судов и судов общей юрисдикции по гражданским делам, в общем своем виде сводятся к необходимости преодоления «просуженных» и вошедших в окончательное решение суда обстоятельств. Злоумышленники, используя диспозитивность в вопросах доказывания при производстве в порядке АПК РФ и ГПК РФ с помощью судебных механизмов пытаются обеспечить себе защиту от возможного уголовного преступления. Это, как правило, реализуется через использование сфальсифицированных доказательств или операции с диспозитивными механизмами признания тех или иных фактов доказанными.

Если в решении суда в качестве обстоятельств дела указываются обстоятельства, признанные сторонами и не исследованные в дальнейшем судом, то их не следует принимать без дополнительной проверки. Закон обязывает принимать без проверки только те доказательства, которые установлены окончательным решением суда по гражданскому делу. Поскольку такие обстоятельства признаются судом, но не установлены в ходе судейского исследования, то считаться установленными в решении суда они не могут.

---

[1] Постановление Президиума Верховного Суда Республики Хакасия № 44у-25/2017 от 30 марта 2017 г. [электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 04.02.2020).

Отражение таких обстоятельств в тексте решения суда необходимо с тем, чтобы появилась возможность их дальнейшего использования в рассуждениях и вынесении конечного судебного акта. Такие обстоятельства не должны признаваться без дополнительной проверки со стороны субъектов, указанных в ст. 90 УПК РФ. Между тем, если в ходе проверки данных обстоятельств субъекты расследования придут к выводу о наличии таковых в действительности, они не вправе оценивать их иначе, чем они были оценены в решении суда, вступившем в законную силу и принятом в порядке арбитражного или гражданского судопроизводства.

Согласно правилам, установленным процессуальным законом, при формировании мотивировочной части судебного решения орган правосудия описывает исследованные доказательства, выражает свое мнение относительно их достоверности, а после, завершая логическую цепочку, обозначает выводы о фактах, которые были установлены в ходе исследования этих доказательств. Эти три различных действия в своем сложении создают мотивировочную часть судебного решения. При изучении судебного решения бывает сложно определить, где идет описание представленных участниками доказательств, а где находится вывод об их достоверности и фактах, установленных с помощью таких доказательств. Это создает определенные сложности для четкого определения фактов, которые не требовали бы дальнейшего доказывания в уголовном процессе. В этой связи актуальным будет поиск критерия, исходя из которого будет возможно признание либо отказ в признании преюдициальным обстоятельства, установленного судом в мотивировочной части судебного акта.

Заочные решения и судебные приказы также не могут быть использованы в качестве преюдициальных судебных актов, поскольку неучастие сторон в рассматриваемом иске ставит под сомнение способность отраженных в решении суда по гражданскому делу обстоятельств быть использованными в уголовном процессе в качестве преюдициальных.

Поэтому необходимо отметить, что возникающие практические вопросы по поводу применения законодательных положений о преюдиции во многом являются следствием относительной сложности данного правового явления при явно недостаточном урегулировании в законе. Уточнение законодательных формул, их конкретизация, позволит существенно облегчить решение уголовно-правовых задач со стороны правоприменителя.

Коваль С. М.[1]**,**
слушатель 353 учебного взвода 5 «С1» курса
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Золотухин Н. А.,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя)

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Изменения в наше российское законодательство вносятся достаточно регулярно, что говорит о его постоянной динамике. Не обходят стороной и изменения, касающиеся уголовно-процессуального права, поскольку именно эта отрасль права непосредственно затрагивает вопросы обеспечения прав и законных интересов граждан в Российской Федерации. Последнему достаточно много внимания уделяется со стороны государства, ведь международный опыт показывает, что, находясь в комфортных условиях для жизни, человек меньше стремится совершить противоправных деяний, в том числе и преступлений. Если все же случается, что он отошел от так называемой «нормы поведения», дальнейшие меры не должны носить однозначно репрессивный характер, а наоборот, должны служить поводом для его скорейшей реабилитации[2].

В том числе и с этой целью 18 апреля 2018 г. в УПК РФ были внесены изменения Федеральным законом № 72-ФЗ, который ввел новую меру пресечения в виде запрета определенных действий, которая по сути стала альтернативой заключению под стражу и домашнему аресту в отношение подозреваемых и обвиняемых.

Следовательно, государство должно обеспечивать множество вариантов для суда при решении вопроса, касающегося избрания мер уголовно-процессуального принуждения, а не только ставить себе цель на этапе предварительного расследования заключить лицо под

---

[1] © Коваль С. М. 2020.

[2] Ендольцева А. В. Уголовный процесс : учебное пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018. С. 150.

стражу. А вместе с этим не стоит забывать и про гуманистические начала уголовного процесса.

Теперь непосредственно перейдем к анализу данной меры пресечения. Согласно ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ запрет определенных действий – это мера пресечения, которая заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УК РФ, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов.

Непосредственно перечень запретов приведен в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, который включает в себя следующее:

1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и сеть «Интернет»;

6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В рамках расследования по уголовному делу указанные выше меры могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого когда угодно.

Подозреваемый или обвиняемый, может быть подвергнут судом всем запретам или же некоторым из них. Список данных ограничений отражает прописанные в прошлой редакции УПК РФ положения относительно домашнего ареста. Если до этого суд, избирая домашний арест как меру пресечения, имел право по своему усмотрению накладывать те запреты, которые сейчас содержатся в п. 1, п.п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, то после введения данной нормы запреты перестают вытекать из домашнего ареста, и применяются теперь как отдельная мера пресечения, которая не приводит к полной изоляции человека от общества. Проанализировав судебную практику Верховного Суда Российской Федерации, мы заметили, что заключение под стражу чаще всего применяется на практике.

Поэтому введение данной нормы, во-первых, является новой попыткой законодателя усовершенствовать меры пресечения, и создать достойную альтернативу домашнему аресту.

Во-вторых, введение данной нормы связано с приведением в действие общепризнанных принципов и норм международного права, ратифицированных Российской Федерацией. Это вытекает из конвенции Организации Объединенных Наций от 14 декабря 1990 г., по Минимальным стандартным правилам ООН в отношении мер, не связанных с изоляцией от общества (тюремным заключением), или подругому «Токийские правила», где сказано, что заключение под стражу есть крайняя мера, в связи с чем более мягкие меры пресечения должны применяться как можно чаще. Поэтому оформление внутреннего законодательства в соответствии с международными стандартами в области правосудия, приведет к сокращению количества обращений наших граждан в ЕСПЧ по причине нарушения условий содержания под стражей[1].

В-третьих, преимущество запрета определенных действий позволит улучшить судебное толкование уголовно-процессуальных норм. И при составлении и дальнейшем вынесении постановления об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий суд наиболее развернуто будет аргументировать свою правовую позицию, исходя не только из сведений, которые характеризуют лицо с положительной или с отрицательной стороны, а также фактических обстоятельств и других факторов, но и при этом будут учитываться основания, по которым иные меры уголовно-процессуального принуждения не стоит применять. В совокупности это позволит сформировать единую судебную практику применения ст. 105.1 УПК РФ.

Еще одно положительное обстоятельство заключается в том, что запрет определенных действий позволит предупредить совершение новых преступлений в сфере безопасности дорожного движения. Норма ч. 5 ст. 105.1 УПК РФ позволяет, возлагать запрет на подозреваемого или обвиняемого управлять автомобилем или иным транспортным средством, и плюс ко всему у лица изымается водительское удостоверение до того момента, пока данный запрет не будет отменен. Води-

---

[1] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила): приняты Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. [электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций URL: https://www.un.org (дата обращения: 25.02.2019).

тельское удостоверение будет храниться при материалах уголовного дела. Поэтому мы считаем, что лишение подозреваемого или обвиняемого права управлять транспортным средством на определенный промежуток времени способствует предупредительному влиянию на психологию нарушителя[1].

И наконец, пятым положительным фактором служит то, что запрет определенных действий позволит возложить на подозреваемого или обвиняемого искать средства для существования самолично, а не жить за счет государства. Ведь лица, содержащиеся под стражей в СИЗО, обеспечиваются питанием, медицинскими и прочими услугами за счет средств федерального бюджета. Поэтому вырученные средства теперь могут расходоваться на другие сферы жизни общества. Немаловажным стоить отметить также и то, что новая мера пресечения способствует тому, что социальные связи лица не утрачиваются, а поддерживаются на том же уровне, подозреваемый или обвиняемый остаются членами привычного для себя социума. По нашему мнению, именно в этом, в значительной мере, проявляется с положительной стороны большая гуманизация данной меры пресечения.

Теперь коснемся тех недостатков, которые имеются во введенной уголовно-процессуальной норме. Если присмотреться повнимательнее, то мы можем увидеть, что в статье отсутствует индивидуальный порядок ее применения поскольку в ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ и ч. 7 ст. 107 УПК РФ законодатель разрешает использовать запрет определенных действий совместно с домашним арестом и залогом. Фактически это означает применение одновременно двух мер пресечения, что, по нашему мнению, противоречит принципу альтернативности, так как каждая из имеющихся мер пресечения назначается только при наличии конкретных обстоятельств ее применения. В связи с чем большая вариативность мер пресечения создаст неактуальность вынесения постановления о запрете определенных действий правоприменителями поскольку суд будет иметь возможность, помимо имеющихся мер, наложить более строгие, такие как залог и домашний арест.

На наш взгляд еще одним недостатком является проблема реализации и применения новой меры пресечения, связанная с тем, что ст. 105.1 УПК РФ не предоставляет возможности подозреваемому или обвиняемому пользоваться услугами своего адвоката или закон-

---

[1] Квык А. В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 7. С. 34–40.

ного представителя, в тех случаях, когда судом избрано ограничение выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения или запрет пользоваться средствами связи[1]. Мы можем усмотреть здесь нарушение ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации, в части касающейся получения подозреваемым или обвиняемым квалифицированной юридической помощи, что является существенным упущением со стороны законодателя. Однако вместе с этим лицо не ограничивается в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи или сотрудников. Поэтому законодательный пробел на наш взгляд, необходимо восполнить.

Еще одним минусом новой меры пресечения является отсутствие технических средств, позволяющих обеспечить абсолютный контроль за исполнением конкретной меры. Работники ФСИН, используя в своей деятельности контроль за исполнением наказания с помощью аудиовизуальных, электронных и иных технических средств, не имеют специальных на то возможностей, чтобы идентифицировать тот круг лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещено общаться. Наряду с этим запрет нахождения в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, становится лишь юридической фикцией, так как это вызовет затруднения в определении расстояния до объектов.

Последним недостатком запрета определенных действий выступает то, что не имеется определенных гарантий эффективного достижения целей данной меры пресечения. Допустим, если мы проведем параллель с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняемого, то можем отметить, что частичное ограничение человека от общества позволило обеспечить надлежащим образом исполнение наложенных судом дополнительных ограничений. Так, к примеру, проживание лица в одном и том же жилом помещении и невозможность его покинуть без разрешения контролирующих органов позволило значительно облегчить работу данных органов.

Поэтому обоснованы и опасения, что находящиеся ранее в ч. 7 ст. 107 УПК РФ самостоятельные меры пресечения могут вызвать трудности в реализации полномочий сотрудниками ФСИН, посколь-

---

[1] Калиновский К. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 9.

ку не имеется привязки запретов к конкретному месту, что увеличит границы контроля за их исполнением[1].

Мы можем констатировать тот факт, что данная мера пресечения была введена законодателем совершенно недавно, судебная практика как таковая еще не сформировалась, в общем доступе отсутствует, но несмотря на это уже имеется резонансное преступление, совершенное тремя сестрами Хачатурян. Оно достаточно широко было предано огласке в СМИ и сети «Интернет», когда три сестры договорившись между собой, расправились со своим ненавистным отцом.

Именно им была заменен домашний арест на запрет определенных действий. Фактически на всех троих наложен одинаковый запрет. Во-первых, им нельзя покидать свой дом с 21.00 до 7.00, во-вторых, отправлять и получать любую почтовую корреспонденции, в-третьих использовать все виды связи, включая Интернет, в-четвертых, общаться с любыми лицами кроме адвокатов, в-пятых, давать комментарии в СМИ. В виде исключения разрешено звонить в «скорую», МЧС. Кроме того, разрешены звонки следователю. Все они живут отдельно. Младшая – с матерью в Москве на съемной квартире, а средняя и старшая – в Московской области, в одном поселке, на одной улице, но в разных домах. Между собой общаться им запрещено. Именно это и является главным запретом суда. Они могут общаться с родными, но только с разрешения следователя. Так указано в постановлении суда.

В заключении хотелось бы отметить, что запрет определенных действий – новая мера пресечения в УПК РФ, которая находится только на первоначальном этапе своего многократного применения, а также в связи с этим формирования судебной практики ее использования. Мы попытались отразить те преимущества и недостатки, которые имеются на данный момент, и предложили свое видение разрешения проблемных вопросов, описанных выше. Хотелось бы верить, что данная мера пресечения будет способствовать формированию более мягкого правового статуса подозреваемого или обвиняемого на досудебных стадиях уголовного производства и продолжит тенденцию к гуманизации права в Российской Федерации.

---

[1] Малеина М. Н. Запрет на приближение и (или) установление других контактов нарушителя с потерпевшим гражданином как способ защиты личных неимущественных прав // Законодательство. 2012. № 2. С. 29–32.

Комаров М. А.[1]**,**
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор)

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Развитие информационных технологий не просто изменило наше общество, но и внесло существенные коррективы во все сферы государственной деятельности. С появлением смартфонов, ноутбуков и других технических устройств, повсеместным использованием сети «Интернет» и электронного документооборота, отрицать это уже невозможно. Однако в российский уголовный процесс «блага цифровизации» не так быстро и легко внедряются, как хотелось бы. И этому есть вполне аргументированные объяснения. К примеру, сдерживающими факторами, не позволяющими моментально перейти на электронный документооборот, являются: необходимость существенного обновления нормативно-правовой базы; дополнительное финансирование; привлечение новых квалифицированных кадров и переобучение старых с целью обеспечения сохранности полученной информации, содержащей сведения о персональных данных участников уголовного судопроизводства, банковской тайне и пр.

Вряд ли можно утверждать, что для отечественного уголовного судопроизводства информационные технологии, в том числе электронный документооборот – это миф. По мнению некоторых ученых, несмотря на возникающие трудности, уголовно-процессуальный закон уже показывает определенный прогресс в этом вопросе[2]. Анализ отдельных норм УПК РФ позволяет и нам сделать подобный вывод, для чего озвучим некоторые из них.

---

[1] © Комаров М. А., 2020.

[2] Ищенко П. П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica (Русский закон). 2019. № 12 // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru.

Так, в ч. 4 ст. 81 УПК РФ указывается, что изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы, включая электронные носители информации, и документы подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты.

Ст. 81.1 УПК РФ раскрывает порядок признания предметов и документов, в том числе электронных носителей информации, вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики.

В п. 5 ч. 2 и ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ описывается порядок хранения вещественных доказательств – электронных носителей информации, а в ч. 2 ст. 84 УПК РФ речь идет о признании документами материалов, содержащих сведения, как в письменном, так и в ином виде: фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, и иных носителей информации.

Ст. 164.1 УПК РФ раскрывает особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий.

Ч. 7 ст. 185 УПК РФ позволяет следователю по решению суда проводить осмотр и выемку сведений, при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях.

Контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) тоже являются прямым свидетельством использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве.

Ч. 5 и 8 ст. 166, ч. 3 ст. 180, ч. 4 ст. 189 УПК РФ указывают на значимость применения технических средств (в том числе электронных носителей информации) в уголовном процессе при производстве следственных действий.

Согласно ч. 4 ст. 240 УПК РФ свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференц-связи.

В ч. 2 ст. 474 УПК РФ говорится о возможности выполнения процессуальных документов не только типографским, но электронным или иным способом, а в ст. 474.1 УПК РФ раскрывает порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем, этого пока недостаточно, чтобы уголовно-процессуальная сфера не отставала от научно-технического прогресса

и современных требований жизни. Целесообразно внесение и ряда других изменений в УПК РФ. Особенно это касается перевода на электронную основу процессуальных действий и решений по уголовному делу, что потребует законодательного закрепления не каких-то отдельных элементов, а полноценного электронного документооборота – электронного уголовного дела, что позволило бы:

– создать единое информационное пространство обмена информацией между правоохранительными и судебными органами;

– упростить и ускорить деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц, связанную с возбуждением уголовных дел, предварительным расследованием и рассмотрением их в суде;

– избежать фальсификацию доказательств по уголовному делу, сделав доказательственную базу более «прозрачной»;

– сэкономить материальные ресурсы, связанные с производством по уголовному делу.

Интересен в этой связи пример, приведенный на новостном портале «Вечерний Волгоград.ру» в статье «Самое большое уголовное дело весит тонну» Так, самая объемная доказательная база по одному из уголовных дел, расследовавшемуся в Волгоградской области, составляла порядка тысячи томов. В общей сложности это более 250 тыс. страниц с описанием допросов, результатов экспертиз и прочими этапами предварительного следствия и суда. Любопытно, если принять во внимание вес одной бумажной страницы – примерно пять граммов, то совокупный вес всех томов уголовного дела составит более тонны[1].

Кроме того, нам видится актуальным необходимость создания специального программного обеспечения, которое предоставило бы следователю или дознавателю возможность выявлять и фиксировать в автоматическом режиме по ранее заданным критериям схожие признаки совершения преступлений и определенные особенности (номера мобильных телефонов, паспортные данные и пр.). Это избавило бы их от необходимости давать поручения, отправлять запросы и истребовать справки, иные документы в рамках расследования по уголовному делу и значительно сэкономило бы затраты человеческих ресурсов.

---

[1] Самое большое уголовное дело весит тонну // Вечерний Волгоград [электронный ресурс] URL: http://vv-34.ru/samoe-bolshoe-ugolovnoe-delo-vesit-tonnu.html (дата обращения 01.07.2020).

Комлева Т. В.[1]**,**
курсант 771 учебного взвода 3 курса
факультета подготовки специалистов
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Кадатенко Е. П.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОДЛЕНИИ СРОКОВ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Конституция Российской Федерации провозгласила права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, тем самым обязав государство обеспечивать защиту указанных прав и свобод (ст.ст. 17, 45, 46). Однако, в случае нарушения установленных законом норм, Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также иные действующие на территории Российской Федерации нормативные правовые акты допускают возможность ограничения гарантированных прав.

Проблема соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в том числе недопущение их незаконного и необоснованного ограничения, является насущной в уголовно-процессуальной деятельности. Так, еще дореволюционные правоведы, такие как П. И. Люблинский, И. В. Михайловский, И. Я. Фойницкий и другие, отмечали, что «лишением благ» может заниматься только суд»[2]. Отметим, что при досудебном производстве по уголовному делу одной из мер процессуального принуждения выступает мера пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ). При этом данная мера, подразумевающая ограничение свободы, должна быть оправдана публичными интересами, которые были затронуты в результате преступной деятельности. Выступая самой строгой мерой пресечения из предусмотренных ст. 98 УПК РФ, заключение под стражу применяется при нали-

---

[1] © Комлева Т. В., 2020.

[2] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб, 1996. С. 360.

чии установленных в законе оснований от имени государства и реализуется государственными органами, тем самым создавая условия для осуществления производства по уголовному делу. Суть данной меры пресечения состоит в том, чтобы изолировать подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения более мягкой меры пресечения, от общества на время предварительного расследования.

УПК РФ (ст. 109) включает в себя сроки содержания под стражей, а также процессуальный порядок их продления. Сроки содержания под стражей зависят, прежде всего, от тяжести совершенного преступления, а также от иных обстоятельств, предусмотренных п.п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство. Законодатель прямо предусматривает необходимость обосновывать заявленное ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, предоставляя материалы, доказывающие правомерность изоляции уголовно преследуемого лица от общества.

Как известно, содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца (ч. 1 ст. 109 УПК РФ). Однако законодатель предусматривает основания, при наличии которых возможно продлить срок содержания под стражей свыше двух месяцев. А также, в исключительных случаях, в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, срок содержания под стражей возможно продлить и до 18 месяцев. Дальнейшее продление срока не допускается, и обвиняемый, содержащийся под стражей, подлежит немедленному освобождению, за исключением случаев предусмотренных п. 1 ч. 8 и ч. 8.1–8.3 ст. 109 УПК РФ.

Рассмотрим один обозначенный законодателем случай – возможность превышения предельного срока содержания под стражей при производстве предварительного следствия в связи с необходимостью окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Так, материалы оконченного расследованием уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее, чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей в 6, 12 и 18 месяцев с учетом тяжести расследуемого преступления (ч. 5 ст. 109

УПК РФ). При этом, если после окончания предварительного следствия сроки для предъявления материалов данного уголовного дела обвиняемому и его защитнику, предусмотренные УПК РФ (как обозначено нами выше – 30 суток), были соблюдены, однако 30 суток для ознакомления с материалами уголовного дела им оказалось недостаточно, то следователь вправе возбудить ходатайство о продлении этого срока перед судом. Однако процедура осложнена тем, что в своем постановлении о продлении срока содержания под стражей на срок, необходимый для окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, следователь указывает дату, до которой продлевается срок содержания под стражей. Суд вправе продлить содержание под стражей на меньший срок, чем указано в постановлении о возбуждении ходатайства, если посчитает его достаточным для выполнения объема следственных и иных процессуальных действий, приведенных в этом постановлении. То есть, следователь заранее должен «предугадать» конечный срок ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, учитывая при этом всю сложность расследуемого дела, количество томов, возможные препятствия со стороны обвиняемого. Тем самым, процесс ознакомления с материалами уголовного дела может затянуться на продолжительный срок. При этом законодатель указывает, что продление срока содержания под стражей в указанном нами случае допускается судьей каждый раз не более чем на три месяца (п. а ч. 8 ст. 109 УПК РФ).

Не следует забывать, что наравне с продлением сроков содержания обвиняемого под стражей следователь вынужден ходатайствовать перед руководителем следственного органа о продлении срока предварительного следствия в порядке, установленном ст. 162 УПК РФ.

Таким образом, есть основание утверждать, что закон не содержит предельных временных рамок содержания обвиняемого под стражей в случае окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, однако это не должно противоречить разумному сроку уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что законодатель устанавливает дополнительные требования, которые регламентируют возможность продления сроков содержания под стражей. Так, Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были установлены требования к оформлению ходатайства о продлении

срока содержания под стражей. Целью введения изменений в уголовно-процессуальное законодательство является уточнение и дополнение статей УПК РФ, касающихся вопросов продления сроков содержания под стражей. Внесенные изменения усложняют процедуру продления срока содержания под стражей, тем самым обеспечивают возможность обвиняемому более полно реализовать предусмотренные Конституцией Российской Федерации права. Это выражено в том, что органы предварительного расследования в ходатайстве обязаны указать сведения о следственных и иных процессуальных действиях, произведенных в период после избрания меры пресечения или последнего продления срока содержания под стражей, а также основания и мотивы дальнейшего продления срока содержания под стражей. В том числе, необходимо указать причины, по которым следственные или иные процессуальные действия не были произведены в установленные ранее сроки содержания обвиняемого под стражей. Важно, чтобы вышеуказанная «необходимость» отвечала основополагающим принципам уголовного судопроизводства, таким как законность при производстве по уголовному делу, разумный срок уголовного судопроизводства, а также принципам справедливости и соразмерности при вынесении соответствующего судебного решения.

Заметим, что защитник обвиняемого при рассмотрении в судебном заседании ходатайства о продлении срока содержания под стражей приводит свои доводы, которыми подкрепляет отсутствие необходимости в продлении данной меры пресечения.

Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в апелляционном порядке с учетом особенностей, предусмотренных ст. 389.3 УПК РФ, в течение трех суток со дня его вынесения.

Суд апелляционной инстанции принимает решение по жалобе или представлению не позднее, чем через трое суток со дня их поступления. Решение суда апелляционной инстанции об отмене постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит немедленному исполнению. Решение суда апелляционной инстанции может быть обжаловано в кассационном порядке по правилам, установленным гл. 47.1 УПК РФ.

Так, например, в одном из уголовных дел мотивом продления срока содержания под стражей следствие сформулировало как «лицо может скрыться за границей», но при этом данное лицо не имело ни заграничного паспорта, ни вида на жительство в иностранном госу-

дарстве[1]. Возникает вопрос о правомерности принятия решения о продлении сроков содержания. Из этого следует, что не всегда положительная характеристика, грамотное построение линии защиты может убедить суд в изменении меры пресечения в виде заключения под стражей на более мягкую меру пресечения.

Обратимся к статистике о рассмотрении ходатайств о продлении сроков содержания под стражей.

Так, за 2018 г. московские суды практически не отказывали органам предварительного следствия в продлении сроков содержания под стражей: из 32357 ходатайств о продлении срока содержания под стражей московские суды удовлетворили 31997, т. е. 99 %. На 11,8 % уменьшилось количество рассмотренных судьями районных судов ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В 2018 г. таких ходатайств рассмотрено 10459, из них удовлетворено 9544. Продлять аресты по сравнению с аналогичным периодом прошлого года стали чаще на 4,3 %. При этом число удовлетворенных ходатайств следственных органов составляет 91 % для помещения под стражу и 99 % для продления ареста. В регионах уровень несколько ниже – 89 % и 98 % соответственно[2].

Подводя итог, необходимо отметить, что мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого в совершении преступления имеет много нюансов по причине того, что происходит ограничение прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Что, в свою очередь, влечет ряд обязательных признаков и обстоятельств, которые необходимо учесть при заключении лица под стражу, а также продлении сроков содержания под стражей. Таким образом, следует обратить внимание на то, что мера пресечения в виде заключения под стражу не должна перевоплощаться в разновидность наказания, поскольку каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49 Конституции Российской Федерации, ст. 14 УПК РФ).

---

[1] Официальный сайт Московского городского суда [электронный ресурс] URL: https://www.mosgorsud.ru. (дата обращения: 20.12.2019).

[2] Подведены итоги работы московских судов в сфере уголовного судопроизводства // Официальный сайт Московского городского суда [электронный ресурс] URL: https://www.mosgorsud.ru/ (дата обращения: 20.01.2020).

Крашенинников Д. М.[1]*,*
слушатель факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Емельянова Н. Ю.[2]*,*
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку» – именно так звучит предусмотренная УПК РФ присяга присяжных заседателей, на которых государством возлагается важная и ответственная задача по предрешению дальнейшей судьбы лица, находящегося на скамье подсудимых. Существует множество дискуссий среди общественности, юристов и законодателей о необходимости и целесообразности института присяжных заседателей в правовой системе нашего государства с учетом опыта идеализированных присяжных заседателей в зарубежных странах и особенностей менталитета российского общества.

Исторические особенности становления данного института показывают, что государство всячески делегирует гражданам право на отправление правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации), закрепляя при этом также возможность подсудимого воспользоваться правом на рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей (ч. 2 ст. 47 Конституции Российской Федерации).

По сути содержания института присяжных заседателей в отечественном судопроизводстве, присяжные являются «судьями факта»,

---

[1] © Крашенинников Д. М., 2020.
[2] © Емельянова Н. Ю., 2020.

оценивающими справедливо фактически совершенное или несовершенное деяние, а также виновность или невиновность подсудимого (ч. 1 ст. 339 УПК РФ).

Законодатель, привлекая к правосудию народных судей, создал утопическую модель, которая формально и в большинстве случаев оправдывает свое предназначение, но при определенных условиях противоречит общепринятым условиям осуществления беспристрастного и объективного правосудия.

Связано это с тем, что в некоторых регионах (приоритетно южных) нашей необъятной страны просто невозможно исполнить все надлежащие требования к присяжным заседателям, оправдательный вердикт которых, к слову, является «обязательным для председательствующего и влечет вынесение оправдательного приговора» (ч. 1 ст. 348 УПК РФ). Обусловлена особенность следующими фактами.

Во-первых, Российская Федерация является многонациональным государством, в котором численность населения отдельных наций сильно варьируется, поэтому наиболее эффективно судебные разбирательства с участием присяжных заседателей проходят либо в крупных городах, где существенно уменьшается вероятность своеобразного давления на принятие решения и активного участия присяжного заседателя, либо в городах, где присутствует большое количество не ассимилированных наций, сохранивших свою индивидуальность и независимость. Взяв за основу южные города, в которых практически все население знает друг друга «через несколько рукопожатий», можно представить удручающую картину. Присяжный заседатель может подвергнуться общественному, а в данном случае и кровнородственному, осуждению, внеся вклад в объективное осуждение подсудимого и в то же время чьего-либо родственника.

Во-вторых, мало кто из числа избранных присяжных заседателей воспринимает этот вид оплачиваемой трудовой деятельности как гражданский долг, и уж тем более наибольшая часть присяжных не пытается искренне заинтересоваться в сущности рассматриваемого уголовного дела, особенно когда это дело носит «рядовой» характер. Менталитет россиян уже давно приобрел закрытый тип: люди стремятся в некотором роде ограничивать контакты с обществом, укрепляя и поддерживая эгоистичную стабильность и не желая помогать другим. А если и находятся своеобразные альтруисты, то подавляющее большинство не воспринимает их благих намерений в объективном рассмотрении уголовного дела и отыскания истины.

В-третьих, ни для кого не секрет, что государство недостаточно обеспечивает защиту присяжных заседателей, участвующих в судебном разбирательстве, от внешнего влияния, например, криминальных или заинтересованных групп населения, которые могут повлиять на исход дела[1]. Законодатель обязывает «судей факта» не обсуждать с кем-либо и не разглашать обстоятельства рассматриваемого уголовного дела (ч. 2 ст. 333 УПК РФ), однако это, опять же, не исключает коррупционной составляющей, согласно которой даже один «подкупленный» присяжный заседателей, обладающий авторитетом и навыком убеждения окружающих, способен так аргументировать виновность или невиновность подсудимого, что чаша весов Фемиды принудительно склонится вовсе не в справедливую сторону.

В-четвертых, само правовое положение судей предусматривает, что судья вправе безосновательно повлиять на состав присяжных заседателей или вовсе распустить неугодный ему состав присяжных. Это происходит повсеместно в практической деятельности, когда судья понимает пагубность ситуации или видит разногласие между «необходимым» судебным решением и вердиктом.

В-пятых, огромную роль играет временной фактор. Судебные тяжбы порой длятся месяцами, а то и годами, в зависимости от эпизодичности, сложности уголовного дела и иных обстоятельств, от чего морально и физически неподготовленные присяжные заседатели устают и теряют интерес, что влияет на объективность вердикта.

Следует с осторожностью и индивидуальным подходом допускать присяжных заседателей к судебному разбирательству в отдельных регионах Российской Федерации. В некоторых случаях производство с участием присяжных заседателей – единственный способ подсудимого добиться справедливого решения, и при малейшей возможности подсудимый пользуется такой возможностью. Доверяя свою дальнейшую судьбу простым обывателям с неизвестными мыслями, идеями и стремлениями, подсудимый подвергается неоправданному риску. Институт присяжных заседателей в Российской Федерации – еще не устоявшаяся система уголовно-процессуальных отношений, но стремящаяся интегрировать зарубежный опыт и развиваться.

---

[1] Дудко Н. А., Камнев А. С. К вопросу об устранении ошибок коллегии присяжных заседателей при осуждении невиновного// Известия Алтайского государственного университета. ВАК, 2016 // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru.

Криволап Ю. И.[1],
слушатель 3 курса
факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Ендольцева А. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦА, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Обеспечение прав лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, является частью обеспечения прав и свобод личности, предусмотренных Конституцией Российской Федерации.

Законодатель в гл. 40.1 УПК РФ определил порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, однако остался ряд неясностей, что, на наш взгляд, не позволяет в должной мере обеспечить реализацию прав и законных интересов лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовному делу.

Первым вопросом, требующим решения, как указывают авторы, является единоличное право следователя отказать в удовлетворении ходатайства подозреваемого, обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве без уведомления прокурора[2].

Полагаем, что это во многом ущемляет права виновного в совершении преступления лица, так как о его желании сотрудничать со следствием не будет ничего известно руководителю следственного органа, если постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства не будет обжаловано руководителю следственного органа, к тому же не будет поставлен в известность и сам прокурор, с которым, согласно закону, и заключается соглашение. Тут негативную роль может сыграть «человеческий фактор», т. е. субъективная оцен-

---

[1] © Криволап Ю. И., 2020.

[2] Минулин Р. М. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3(21). С. 55–65.

ка следователя является решающим основанием заключения или отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Не следует забывать и о проблеме регулирования порядка обжалования отказа следователя в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Закон не регламентирует права подозреваемого, обвиняемого на повторное заявление данного ходатайства[1], что ставит под вопрос возможность лица заявлять данное ходатайство неоднократно.

Следующей проблемой является отсутствие в ст.ст. 46 и 47 УПК РФ положений, регламентирующих право подозреваемого, обвиняемого на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Не возложена обязанность разъяснять подозреваемому или обвиняемому данное право и на следователя, что, несомненно, тоже нужно поправить.

Кроме того, полагаем, что необходимо на законодательном уровне закрепить форму досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуального документа, основанного на доверии (подозреваемый или обвиняемый содействует органам, осуществляющим уголовное преследование, а те, в свою очередь, удостоверяют это перед судом, учитывающим позитивное поведение виновного при назначении наказания).

В данном документе, помимо условий заключения данного соглашения, должен быть предусмотрен порядок реализации этих условий, а также указание для подозреваемого или обвиняемого правовых последствий их несоблюдения. Такое содержание данного документа могло бы выступать своеобразной гарантией, во-первых, для следователя, поскольку он мог быть убежден в правдивости действий и намерений лица, заключившего данное соглашение, а, во-вторых, для подозреваемого или обвиняемого это было бы гарантией смягчения ему наказания в пределах, установленных законом.

Коснемся еще одного вопроса. Подозреваемый или обвиняемый может бояться заявить ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве, так как не хочет подвергать опасности себя или своих родственников, а также близких лиц. Для защиты подозреваемого или обвиняемого применяется, как правило, сокрытие данных об этом ли-

---

[1] Лошкобанова Я. В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 103.

це. При этом возникает обязанность следователя не разглашать никаких сведений о нем. На наш взгляд, такие меры являются недостаточными, так как данные о личности лица, заключившего данного соглашение, могут стать известны другим участникам уголовного судопроизводства при проведении каких-либо следственных или судебных действий, что и позволит определить их источник. Подозреваемый или обвиняемый, совместно с его близкими родственниками и близкими лицами должен находиться под защитой государства не только в процессе производства по уголовному делу, но и в последующем. Для подозреваемого или обвиняемого существенной гарантией этого была бы ситуация, когда условия обеспечения его личной безопасности и безопасности близких ему лиц, а также сами меры безопасности были заранее обговорены со следователем и прокурором и внесены в данное соглашение.

После заключения досудебного соглашения о сотрудничестве начинается этап практической реализации самого соглашения. При этом неясно: вправе ли подозреваемый или обвиняемый отказаться от участия в следственных действиях, если они не были названы в соглашении. Этот вопрос, по нашему мнению, требует разрешения.

Мы согласны с авторами, которые говорят о том, что «в случаях, когда возникает необходимость привлечь подозреваемого или обвиняемого к следственным действиям, на которые не распространялось досудебное соглашение о сотрудничестве, следователь обязан руководствоваться принципом презумпции невиновности, согласно которому виновный вправе не доказывать свою невиновность и имеет право отказаться от участия в доказывании»[1]. Поэтому подозреваемый или обвиняемый участвует в этих следственных действиях лишь на добровольной основе, а его отказ не может рассматриваться следователем и прокурором как отказ от выполнения условий соглашения.

В настоящий период в вопросе обеспечения должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, прав и законных интересов лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, имеются пробелы, которые должны быть устранены путем дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

---

[1] Лошкобанова Я. В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 114–115.

Маламагамедова А. Р.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;

Кузнецова А. Д.[2],
курсант 4 «Д» курса 462 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

О ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

На протяжении всего времени существования процесса отстаивания и восстановления нарушенных прав в ходе уголовного судопроизводства, в качестве подтверждения или опровержения тех или иных фактов, лицами использовались доказательства.

Представления о доказательствах, их видах, формах, способах закрепления – совершенствовались с течением времени и развитием уголовного процесса.

Профессор С. А. Шейфер отмечал, что представление о доказательстве, прежде чем сформироваться в современном виде, менялось на протяжении длительного исторического периода[3].

Д. А. Лопаткин отмечает, что эффективному внедрению вещественных доказательств в процессе доказывания способствуют достижения наук в самых различных областях знаний[4].

На сегодняшний день, ст. 74 УПК РФ закрепляет, что доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказы-

---

[1] © Маламагомедова А. Р., 2020.

[2] © Кузнецова А. Д., 2020.

[3] Шейфер С. А. Доказательства как предмет научной дискуссии // Вестник Омского университета. 2008. № 1 (14). С. 12. (Серия «Право»).

[4] Лопаткин Д. А. Вещественные доказательства: Процессуальные и криминалистические аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 22.

ванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятия «вещественных доказательств», но дает перечень предметов, которые могут быть признаны таковыми. К ним относятся предметы:

1) служившие орудиями преступления. Ими могут выступать любые материальные объекты, которые были специально изготовлены, приспособлены или найдены на месте преступления, используемые для подготовки или совершения преступления, а также для сокрытия его следов;

2) сохранившие на себе следы преступления – материальные объекты, на которых отобразилось воздействие события преступления;

3) на которые были направлены преступные действия;

4) имущество, деньги и иные ценности, которые были получены в результате преступного посягательства. Это, например, наличные деньги, изделия из драгоценных металлов и камней и иные ценные вещи, которые были получены при сбыте похищенного имущества или как результат иной преступной деятельности;

5) иные предметы и документы, которые могут служить средствами обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Например, предметы, оставленные преступником на месте преступления.

В уголовно-процессуальном праве понятие и сущность вещественного доказательства связаны с выявлением специфических черт, которые характеризуют данный вид доказательств.

Характеристика предметов (их внешний вид, признаки, особенности, место обнаружения, групповая и видовая принадлежность и т. д.) может быть положена в основу подтверждения или опровержения обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу.

С. А. Шейфер обращал внимание на то, что «следы – это еще не доказательства, ибо в своем первозданном виде они не могут быть использованы субъектом доказывания для аргументирования промежуточных и конечных выводов. Чтобы это произошло, следы должны быть восприняты им и отражены в материалах дела. В ходе этой деятельности осуществляется, если можно так выразиться, «вторичное отражение» события – на этот раз в сознании следователя или судьи, а затем и в материалах дела, превращение следов в процессуальные средства установления истины. Именно в процессе восприятия следо-

вателем и судом и отражения в материалах дела следов события и формируется доказательство в уголовно-процессуальном смысле»[1].

Для того, чтобы информация воспринималась человеком, необходима возможность ее считывания с материального объекта, это и является главным отличием вещественных доказательств от других видов доказательств, так как в последних информация воспринимается человеком уже в готовом виде.

С точки зрения уголовно-процессуального права выделяется понятие «формирование доказательств», которое выражается в снятии отраженной в процессе преступления информации с материального объекта, т. е. с источника доказательства.

Доказательство не является вещью, а представляет собой свойство данной вещи, так как предметы, являющиеся источниками доказательств, должны обладать свойствами и содержать сведения, которые играют роль в раскрытии и расследовании преступления.

А. В. Коршунов отмечает, что в силу теории «двойного отражения» совершенное преступление «отражается» как в сознании людей, так и в материальном мире. Следователь затем повторно с помощью процессуальных действий отражает эти «следы» в материалах уголовного дела. Поэтому вещественным доказательством будет признан не сам след, а его слепок, копия, отрезок дактилоскопической пленки и т. д.[2]

Можно сделать вывод, что уполномоченным должностным лицом может быть принято решение о признании вещественными доказательствами совершенно различных предметов. Важно учитывать, что каждое вещественное доказательство (так же, как иные доказательства) подлежит оценке на предмет его соответствия требованиям допустимости, относимости, достоверности и – в совокупности с иными доказательствами – достаточности. Предмет необходимо процессуально правильно оформить, чтобы он приобрел статус вещественного доказательства, данный порядок установлен ч. 2 ст. 81 УПК РФ.

С. А. Шейфер обращал внимание на то, что «само событие, отражаясь в окружающей обстановке, порождает в ней непосредственные и опосредованные отпечатки – следы события. Это его первичное отражение, объективная основа будущих доказательств. Сами доказа-

---

[1] Шейфер С. А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Самара : Самарский университет, 1986. 172 с.

[2] Коршунов А. В. Вопросы хранения и уничтожения вещественных доказательств – наркотических средств // Пролог: журнал о праве. 2019. С. 34.

тельства формируются в процессе вторичного отторжения, в результате восприятия следов следователем или судом и закрепления их в материалах дела»[1].

Вещественные доказательства обладают собственной формой и содержанием. Содержанием является информация, которую необходимо получить, изучив предмет, выступающий в качестве доказательства, т. е. получить сведения о материальном объекте, необходимые для установления различных обстоятельств, играющих ключевую роль для расследования уголовного дела. Однако материальный объект, который изъят в отрыве от присущих ему состояний, может потерять свое доказательственное значение, так как он не будет содержать достаточную необходимую информацию.

Д. А. Лопаткин отмечает, что роль вещественных доказательств как познавательных средств в процессе доказывания обусловлена тем, что они были участниками расследуемого события, подвергались какому-то видоизменению, перемещению или были созданы преступными действиями[2].

Вещественное доказательство представляет собой сложную гносеологическую структуру и считается таковым при наличии определенной совокупности компонентов:

явления, следов, отображения, физического, химического состояния или его изменения, возникшего в результате правового события;

самого предмета – носителя этих изменений, изъятого из обстановки;

процессуальной фиксации процесса нахождения, изъятия, приобщения и описания признаков предмета.

Вещественное доказательство – это не просто предмет, а целая тройственная система: предмет – доказательственный факт (факты) – субъект доказывания, к тому же правовая система, которая требует соблюдения соответственной процессуальной формы, предусмотренной законодательством.

Рассматривая роль вещественных доказательств в процессе доказывания по уголовному делу, следует отметить, что данная разновидность доказательств способствует выяснению различных событий и

---

[1] Шейфер С. А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1981. С. 12.

[2] Лопаткин Д. А. Вещественные доказательства : процессуальные и криминалистические аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 24.

фактов. Так, изучение вещественных доказательств, их анализ может дать лицу, осуществляющему предварительное расследование, информацию о количестве лиц, причастных к совершению преступления, о том, каким образом лица прибыли на место преступления и как с данного места скрылись. Помимо этого, вещественные доказательства могут многое «рассказать» о личности преступника, о его особенностях, приметах, порой даже профессиональной принадлежности.

Зачастую, являясь безмолвными свидетелями преступного деяния, вещественные доказательства могут стать отправной точкой к установлению истины по уголовному делу.

Н. А. Попова выделяет важные особенности вещественных доказательств, отмечая, что для того, чтобы быть признаными таковыми, предметы, обладая многочисленными физическими свойствами, должны быть наделены такими из них, которые находятся в объективных связях с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу, неотделимы от предметов (следуют за ними), и доступны непосредственному восприятию в процессе осмотра предмета[1].

В большинстве случаев предметы являются источниками косвенных доказательств, но иногда они могут быть источниками сведений, прямо доказывающими факт совершения преступления конкретным лицом, например, записка преступника о признании в совершении преступления.

В уголовно-процессуальном законодательстве содержится перечень средств доказывания, с помощью которых можно устанавливать фактические данные, используемые в качестве судебных доказательств, к ним также относятся вещественные доказательства. Вещественные доказательства все чаще подлежат специальному исследованию, так как благодаря развитию таких наук, как медицина, физика, химия и многие другие, расширилась возможность исследования вещественных доказательств и их использования для раскрытия преступлений.

В настоящее время многие судебные эксперты не представляют свою деятельность без технических средств исследования вещественных доказательств, и это положительно влияет на обоснованность их заключений. Вещественные доказательства являются надежными и

---

[1] Попова Н. А. Вещественные доказательства в уголовном процессе // Вестник Тамбовского университета. 2007. Вып. 1. № 45. С. 73. (Серия: Гуманитарные науки).

долговременными средствами доказывания, но лишь при строгом выполнении требований закона о собирании, проверке, оценке, процессуальном оформлении и хранении.

Важно отметить, что вещественное доказательство – это своего рода процессуальный статус предмета, которым его наделяет следователь (дознаватель) своим постановлением. Только после осмотра, изучения признаков предмета, на основании ст. 81 УПК РФ, может быть вынесено постановление о признании предмета вещественным доказательством. В обоснование обвинения по уголовному делу в качестве вещественных доказательств могут быть положены лишь те доказательства, по которым такое процессуальное решение принято.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что вещественные доказательства имеют большое значение для расследования и раскрытия уголовных дел. Они выступают носителем и источником информации, которая сохраняется длительное время. Ценность и значимость вещественного доказательства трудно переценить, так как это – конкретный объект материального мира. В отличие, например, от показаний участников уголовного дела, которые зависят от субъективного восприятия лицами объективной реальности, вещественные доказательства сами по себе «объективны» и «беспристрастны». Здесь, в свою очередь, важна правильная профессиональная оценка данных материальных объектов уполномоченными должностными лицами.

Николаева О. В.[1],
слушатель 155 учебного взвода 5 «О» курса
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Соломатина А. Г.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

К ВОПРОСУ О ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ВЕРДИКТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ качественными характеристиками определений суда, постановлений судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны стать законность, обоснованность и мотивированность. В приведенном законодательном перечне процессуальных решений вердикт присяжных и приговор отсутствуют. Согласно же ст. 297 УПК РФ требованиями, предъявляемыми к приговору, являются законность, обоснованность и справедливость.

Представляет научный интерес возможность рассмотреть вердикт присяжных заседателей с точки зрения таких оценочных категорий, как «законность» и «обоснованность». Следует отметить, что данные категории применительно к вынесенным решениям рассматриваются достаточно часто в теории уголовно-процессуальной деятельности. Дается им оценка и в практической деятельности.

В настоящей статье будет предпринята попытка исследовать данные категории, касающиеся вердикта, на примере законности и обоснованности приговора суда. Мы считаем, что требования, предъявляемые к вердикту суда присяжных и приговору суда должны быть схожими, так как все они отвечают на один вопрос правосудия – о виновности или невиновности подсудимого.

Формула принципа законности гласит, что нормы закона должны неукоснительно соблюдаться и исполняться всеми без исключения. По мнению уважаемого профессора В. Т. Томина, содержание прин-

---

[1] © Николаева О. В., 2020.

ципа законности в уголовном судопроизводстве во многом детерминировано общеправовым принципом законности и заключается, во-первых, в наличии оптимального количества процессуальных норм, во-вторых, в их скрупулезном соблюдении[1].

Неукоснительное соблюдение закона базируется на осознании необходимости уважения закона, на стремлении разрешить любой правовой спор по «букве» и «духу» закона, т. е. по совести и справедливости.

Так, М. С. Строгович отмечал, что только справедливое применение права соответствует законности, что законы могут быть источниками нарушений законности, если они противоречат Конституции[2].

Ч. 2 ст. 297 УПК РФ гласит, что приговор суда будет считаться законным, обоснованным и справедливым только в том случае, если он основан на правильном применении уголовного закона и постановлен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального кодекса.

Вместе с тем, данная норма раскрывает суть не в полной мере и является единственной, отражающей такие понятия. Данный факт свидетельствует о пробелах в законе, которые необходимо восполнить с помощью научного инструментария.

Одни ученые анализируют рассматриваемые понятия в разрезе общеправового принципа законности, который в императивной форме указывает на неукоснительное, обязательное, строгое соблюдение и исполнение Конституции Российской Федерации, норм международного права и отечественного законодательства.

Из понятия вердикта присяжных заседателей, которое закреплено в ст. 5 УПК РФ, также следует, что вердикт – это решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей.

Как нам уже известно, данная форма судопроизводства, а именно с участием присяжных заседателей, отражает ее главную суть – судопроизводство с участием «народного элемента», поэтому присяжные заседатели не имеют права при вынесении вердикта ссылаться и руководствоваться нормами материального и процессуального права.

Присяжные заседатели, «представители народа», не решают вопросы права, а лишь устанавливают факт наличия самого события пре-

---

[1] Томин В. Т. Принципы советского уголовного процесса: практикум по советскому уголовному процессу. Горький: ГВШ МВД СССР, 1988. Вып. 1. С. 23.

[2] Строгович М. С. Избранные труды. Т.1. М., 1990. С. 115–117, 131.

ступления. Для принятия такого решения не требуются специальные юридические познания, необходимо ответить на поставленный вопрос с позиций имеющегося жизненного опыта, совести, гуманности, справедливости. По мнению Л. Е. Владимирова, «…присяжный должен дать свой вердикт согласно представленным доказательствам (a true verdict according to the evidence, как говорит английская формула), но, хотя доказательства в сказанных случаях все доказывают вину, им не следует, однако, верить в виду сильной неправдоподобности обвинения. Присяжный, в этом случае, должен решить дело так, как он решил бы такой вопрос в обыкновенной жизни»[1].

Получается, что решение суда присяжных не может противоречить положениям уголовного права, в силу того, что представители народа высказываются о виновности или невиновности подсудимого, то есть отвечают на вопрос факта.

Из рассуждений следует, что вопрос о законности вердикта присяжных и его соответствии положениям уголовного права не совсем корректен. Принцип законности в уголовном судопроизводстве требует неукоснительного соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства.

Изучив материалы уголовных дел с участием суда присяжных, можно сделать вывод, что основанием отмены приговоров являются не только следственные и судебные ошибки, но и допущенные нарушения закона присяжными заседателями. Понятие обоснованности вердикта также вызывает определенные трудности. В толковом словаре Ожегова «обоснованность», «обоснованный» означает «подтвержденный фактами, серьезными доводами, убедительный»[2].

В научной доктрине общепризнанно, что приговор считается обоснованным только в случае, когда суд базируется на доказательствах уголовного дела, полученных как в ходе предварительного расследования, так и в судебном заседании, анализирует состав преступления и его квалифицирующие признаки, назначает наказание лицу, признанному виновным, с учетом всех обстоятельств, имеющихся в уголовном деле, либо оправдывает его в случае признания подсудимого невиновным.

---

[1] Владимиров Л. Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. Харьков, 1973. С. 103–104.

[2] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп. / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

По мнению А. В. Буниной, «под обоснованностью приговора надлежит понимать, во-первых, указание в приговоре на те доказательства, на которых суд обосновывает свои выводы о виновности или невиновности подсудимого и, во-вторых, указание в приговоре на основания, в силу которых суд признает одни доказательства достоверными и принимает их, а другие доказательства – недостоверными и отвергает их»[1].

Как справедливо отмечается некоторыми авторами, текст приговора должен убеждать в невозможности иного итогового решения, придя к выводу о доказанности или недоказанности обвинения[2]. Данное высказывание справедливо и в отношении вердикта присяжных заседателей. Присяжные своим решением должны убедить суд в виновности или невиновности подсудимого и в том, что другой вывод по делу невозможен.

Норма ст. 332 УПК РФ закрепляет положения присяги присяжных заседателей, которые выносят вердикт по своему внутреннему убеждению и совести, опираясь только на доказательства, которые рассмотрены и исследованы в их присутствии. При этом им запрещено оправдывать виновных или осуждать невиновных. Относительно доказательственной базы по делу – они должны «принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства». Основным критерием виновности (невиновности) подсудимого выступает суммированное мнение присяжных заседателей, основанное «на внутреннем убеждении и совести» и выраженное в вердикте, а не обстоятельства дела.

Следовательно, вердикт будет обоснованным только в том случае, если изложенные в нем ответы на вопросы соответствуют фактическим обстоятельствам дела и подтверждены достаточной совокупностью согласованных между собой достоверных доказательств, полно, всесторонне и объективно исследованных в судебном следствии в присутствии присяжных, проведенном в соответствии с процедурой, предусмотренной для него уголовно-процессуальным законом.

В соответствии с ч. 1 ст. 348 УПК РФ оправдательный вердикт обязателен для председательствующего и влечет за собой постановление им оправдательного приговора. Обвинительный вердикт обязателен

---

[1] Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия: его свойства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 17.

[2] Тарасов А. А., Шарипова А. Р. Судейское усмотрение и мотивированность приговора // Вестник СамГУ. 2014. № 1/2 (122). С. 206–211.

для председательствующего, если он не препятствует постановлению оправдательного приговора. Но если председательствующий признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления, а также что обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора ввиду того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления, то он выносит постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания.

В указанном законом случае решение присяжных вызывает сомнение председательствующего. Он в рамках своих дискреционных полномочий анализирует вердикт относительно собственных выводов об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела. При обнаружении необоснованных расхождений, председательствующий вступает в противоречие с коллегией присяжных – выносит оправдательный приговор либо постановление об ее роспуске. Следует отметить, что постановление не подлежит обжалованию в апелляционном порядке.

Данное положение введено в действие с принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», в соответствии с которым процедура пересмотра судебных решений по уголовным делам подверглась существенным изменениям, включая и те, которые были предметом рассмотрения в суде с участием коллегии присяжных заседателей. Этот факт вызвал новую волну интереса ученых и практиков к особенностям правового регулирования процесса пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных[1].

Так, В. А. Давыдов считает, что «приговоры, постановленные на основании вердикта коллегии присяжных заседателей – не предмет производства в апелляции, а предмет производства в суде кассационной инстанции»[2]. В. Д. Потапов утверждает, что «явной ошибкой

---

[1] Бородинова Т. Г. О специфике пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49).

[2] Давыдов В. А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения // Уголовный процесс. 2012. № 11. С. 44–51.

уголовно-процессуального законодательства является включение в предмет апелляционной проверки тех актов суда, которые постановлены с участием коллегии присяжных заседателей, в особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК), с учетом досудебного соглашения обвиняемого о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК)»[1].

Мнение ученых подтверждает Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» обратил внимание судов на то, что, исходя из положений ст. 389.27 УПК РФ приговоры, постановленные судом с участием коллегии присяжных заседателей, не подлежат пересмотру в суде апелляционной инстанции, в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Доказательства, относящиеся к фактическим обстоятельствам предъявленного лицу обвинения, судом апелляционной инстанции не проверяются.

Вынесение вердикта – это сложный многогранный процесс. В нормах УПК РФ не регламентированы такие категории как законность и обоснованность. Вердикт присяжных заседателей – это решение о виновности или не виновности подсудимого, которое выносится на основании исследованных в их присутствии доказательствах, а также их внутреннего убеждения, совести и жизненного опыта.

О необоснованности вердикта свидетельствуют сомнения председательствующего по поводу того, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления, а также, что обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора, так как не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления. В результате чего происходит роспуск коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания в порядке ч. 4, 5 ст. 348 УПК РФ.

---

[1] Владимиров Л. Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. М. : Изд-во СГУ, 2009. 236 с.

Панфилов П. О.[1]**,**
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ)

Решение проблем эффективности уголовного судопроизводства, качественного обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, реализации его назначения связаны не только с высокой юридической техникой закона и точной правовой регламентацией, неукоснительным соблюдением закона при правоприменении, но и с уровнем подготовки кадров органов предварительного расследования. В связи с этим особую актуальность приобретает работа по совершенствованию методик преподавания с целью повышения эффективности образовательного процесса.

Для стимулирования познавательной деятельности обучающихся, повышения их интереса к объекту исследования, представляется необходимым применение инновационных методик преподавания с применением современных цифровых технологий. При этом традиционные методики проведения практических занятий не утратили актуальность. Представляется, что совмещение методик (традиционных и инновационных), их умелое сочетание может привести к более высоким результатам обучения, нежели использование только инновационных или только традиционных.

Дидактическая игра – это метод обучения, предполагающий создание ситуаций, характеризующихся включением обучаемого в необычный игровой контекст. Создание этого игрового контекста можно обеспечить посредством проведения занятия в формате интеллектуальных игр.

Представляется, что проведение практических занятий в форме интеллектуальных игр позволяет наиболее полно приблизить обучающихся к реальной практической ситуации.

---

[1] © Панфилов П. О., 2020.

Интеллектуальная игра – вид игры, основывающийся на применении обучающимися своего интеллекта, знаний, сочетающий индивидуальное и коллективное выполнение заданий, требующих применения продуктивного мышления в условиях ограниченного времени. Такая же ситуация складывается и на практике в ходе правоприменительной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Так, следственный отдел, отдел уголовного розыска, юридический отдел – это коллектив людей, который решает общие задачи, однако отдельные уголовные дела, материалы проверки или судебные дела поручаются конкретному должностному лицу или группе лиц, которые должны, применив свои практические и теоретические знания, профессиональный и жизненный опыт, опираясь на весь арсенал имеющихся, в том числе и людских, ресурсов, раскрыть уголовное дело, принять решение по материалу проверки, собрать аргументы для суда в условиях ограниченного времени и, как правило, в стрессовой ситуации соперничества, конфликта с обвиняемым, второй стороной в правовом споре, группой юристов.

При этом, если при классическом (традиционном) построении практическое занятие, как правило, характеризуется низкой степенью вовлеченности всей аудитории в процесс решения задачи (одна задача, которую решает один обучающийся), то в формате интеллектуальных игр возможно задействовать всю аудиторию. Таким образом, происходит активизация учебно-познавательной деятельности всех обучающихся, что является элементом технологии активного обучения.

Однако при проведении интеллектуальных игр в классическом формате (теле-версии «Своя игра», «Что? Где? Когда» и т. д.) теряется практикоориентированная составляющая (как правило, смысл заданий сводится к классической формуле «вопрос – ответ»), либо теряется индивидуальность ответа обучающегося (например, в формате «Что? Где? Когда» ответ поступает от лица всей команды). Таким образом, необходимо совмещение с другим, не менее эффективным методом – case-study. Указанный метод обучения основан на рассмотрении конкретных практических примеров и развивает способность обоснованно принимать решения в условиях ограниченного времени.

Следует отметить, что case-study очень схож с классическим методом решения практических задач и основывается именно на этом методе. Однако цели использования задач и кейсов в обучении различны. Обучение с помощью кейсов помогает обучающимся приобрести широкий набор разнообразных навыков. Задачи имеют, как правило,

одно решение и один путь, приводящий к этому решению. Кейсы имеют много решений и множество альтернативных путей, приводящих к ним. Именно так и происходит на практике, где нет однозначно правильного варианта ответа, а есть множество вариантов, в зависимости от тех или иных обстоятельств, окружающих параметров.

Таким образом, объединение формата интеллектуальных игр и case-study, основанном на классическом решении задач, позволит наиболее эффективно построить процесс обучения.

Средством совмещения указанных методик являются возможности зала деловых игр и учений Центра современных образовательных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, где созданы уникальные условия для проведения занятия в указанном формате.

Зал деловых игр и обучения имеет разделение на интерактивные зоны, а также оборудование, позволяющее транслировать фото-видео-материалы в различных форматах. Так, есть отдельная зона, где каждое рабочее место оборудовано персональным компьютером, где могут разместиться две команды обучающихся. В центре аудитории расположен интерактивный стол, в плоскость которого вмонтирован экран компьютера, расположенный под защитным стеклом. Таким образом, в центре стола образуется «цифровое поле», на которое можно выводит любую необходимую преподавателю информацию. При этом на стены аудитории возможно проектирование той же информации, что и на указанном столе, что обеспечивает просмотр материала всеми обучающимися, в какой бы зоне аудитории они не находились. Наличие указанных условий является средством повышения эффективности обучения.

Методика включает в себя и элементы соревнования (обучающиеся разделены на две команды), что позволит стимулировать активность обучающихся на занятии.

Также методика позволяет повысить воспитательный эффект занятия, поскольку деятельность обучающихся направлена не только на достижение новых знаний, но и на работу в команде, умение взаимодействовать с окружающими, уважать мнение товарищей по команде, выслушивать критику, чувствовать ответственность за свои действия перед коллективом.

Основная часть занятия состоит из трех этапов, методика проведения каждого из которых различна.

Первый этап в формате интеллектуальной игры «Своя игра». Обучающиеся отвечают на вопросы, разбитые по группам из различных подтем. Каждый вопрос имеет свою стоимость. Если обучающийся дает верный ответ, баллы, обозначенные как «стоимость» вопроса, засчитываются ему и его команде, если ошибается – баллы снимаются (как у него, так и у его команды). Игрок, набравший наибольшее количество баллов, объявляется победителем этапа. Баллы команды складываются из всех баллов обучающихся, входящих в нее, и являются промежуточным результатом занятия.

Второй этап проходит в формате интеллектуальной игры «Ворошиловский стрелок». В то время как 10 обучающихся (по 5 человек из каждой команды) отвечают на вопросы, разбитые по темам, находясь в центре аудитории за столом с цифровым полем, остальные обучающиеся выполняют подготовку к третьему этапу: «Кейс», который заключается в анализе фабулы реального уголовного дела, выявлении доказательств по делу и их характеристике по заранее разработанному оценочному листу, а также составлению процессуального документа. При этом на указанном этапе происходит задействование всех обучающихся, несмотря на то, что сам формат игры это делать не позволяет. Это обеспечивается благодаря совмещению интеллектуальной игры с case-study.

На третьем этапе «Кейс», каждый обучающийся представляет найденное им в фабуле уголовного дела доказательство и характеризует его, а обучающиеся, находящееся за центральным столом с цифровым полем, участвовавшие в интеллектуальной игре «Ворошиловский стрелок» анализируют составленный командой соперника процессуальный документ на наличие ошибок, после чего аргументированно выражают свое мнение по составленному документу. В результате происходит задействование в учебном процессе всех обучающихся.

Таким образом, развитие современных образовательных технологий и внедрение их в процесс обучения позволяет использовать в рамках учебного занятия как традиционные, так и инновационные методики преподавания, а значит, совмещать положительные эффекты от каждой из указанных методик. В короткой перспективе это позволит повысить интерес к изучению уголовного судопроизводства будущих сотрудников органов предварительного расследования, а в более далекой перспективе – повысить эффективность их профессиональной деятельности.

Паршин К. И.[1],
студент Московского государственного
технического университета
имени Н.Э. Баумана;
(научный руководитель – Ильяшевич Т. А.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
старший преподаватель кафедры
«Цифровая криминалистика» Московского
государственного технического университета
имени Н.Э. Баумана)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА СВИДЕТЕЛЯ НА ПРИМЕНЕНИЕ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Современный уголовный процесс характеризует большое количество участников, права и обязанности которых строго регламентированы законом. Важное значение отводится свидетелю, как носителю самой важной информации, имеющей отношение к расследуемому преступлению, ведь «производство по практически любому уголовному делу невозможно представить без участия свидетелей. Это связано с тем, что свидетель – незаменимый источник сведений, которые имеют значение для установления наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, а также иных обстоятельств имеющих значение для уголовного дела. Показания свидетелей являются, пожалуй, самым распространенным видом доказательств. Без свидетелей не обходится ни одно производство по уголовному делу»[2]. Но при всей значимости свидетеля, возникают и определенные сложности, связанные с его участием при производстве по уголовному делу. Большое количество свидетелей изменяют свои показания или отказываются от них из-за угрозы их жизни и здоровью.

Для начала необходимо рассмотреть, кто же такой «свидетель»?

---

[1] © Паршин К. И., 2020.

[2] Махов В. Н. Реальное обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей – важное условие повышения раскрываемости преступлений // Criminal Procedure : Problems of Theory and Practice. 2016. № 2. С. 68–70.

Процессуалисты С. В. Зуев и К. И. Сутягин отмечают, что свидетель – это физическое лицо, которому известны или могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний[1].

И. Я. Фойницкий писал: «свидетель есть физическое лицо, имеющее об обстоятельствах производимого в суде дела знания, полученные путем их личного наблюдения. В современном же судопроизводстве таких лиц принято именовать очевидцами»[2].

В УПК РФ закреплено, что свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний (ч. 1 ст. 56 УПК РФ). Свидетель имеет множество прав, которые закреплены в ч. 4 ст. 56 УПК РФ.

При производстве допроса свидетель вправе «отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников» (ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Если же свидетель соглашается давать такие показания, то уполномоченные лица должны предупредить его о возможном использовании полученных сведений в качестве доказательств по уголовному делу.

Право не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников распространяется и на сведения обо всех фактах, которые могут прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно быть использованными против интересов указанных лиц. На самом деле, такие ограничения являются довольно интересными с научной точки зрения: с одной стороны, целесообразно было бы использовать все возможные средства для достижения истины по делу, пусть даже и те, что нарушают общепринятые нормы морали, но с другой стороны, современный уголовный процесс является гуманистическим, и поэтому любое вмешательство в частные взаимоотношения участников уголовного судопроизводства производится исключительно с их согласия, либо ввиду крайней необходимости.

Свидетель, помимо права не свидетельствовать против самого себя и своих близких, имеет при этом и ряд других прав, которые закреплены в ч. 4 ст. 56 УПК РФ.

---

[1] Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс : учебник. Челябинск : Издательский центр УрЮГУ, 2016.

[2] Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017.

Но нам хотелось бы остановиться на праве ходатайствовать о применении мер безопасности и рассмотреть его подробнее. При наличии достаточных оснований полагать, что свидетелю, или его близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности. Данная обязанность возложена на должностных лиц п. 7 ч. 4 ст. 56, ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Несмотря на законодательное закрепление данного права, существует проблема реализации обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших в уголовном процессе, что часто остается без внимания.

Можно согласиться с Т. Н. Москальковой, которая отмечает, что ежегодно в России свидетелями по уголовным делам становятся около десяти миллионов человек, из них примерно 2,5 млн подвергаются противоправному воздействию со стороны преступников и их окружения, а от 150 до 300 тыс. становятся объектом прямого насилия[1].

А. Епихин утверждает, что только немногим более половины (54 %) потерпевших и свидетелей обращались в правоохранительные органы по фактам оказания на них противоправного физического или психического воздействия в связи с производством по делу. Фактически только каждому третьему из обратившихся за помощью (30,4 %) потерпевших и свидетелей следователь обеспечил защиту. В 75 % случаев факт принятия возможных мер защиты не гарантировал обеспечение безопасности, и противоправное воздействие было все же оказано[2].

Существуют также и социологические данные, содержащиеся в специальном докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений», за последние пять лет. В частности, около 60 % лиц, пострадавших от разного рода преступлений, предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, так как уверены в том, что защиты от них не будет. Четвертая часть потерпевших по тем или иным

---

[1] Проблемы реализации защиты прав свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве // URL: https://science-education.ru. (дата обращения: 01.03.2020).

[2] Там же.

причинам отказалась от своих показаний в ходе судебного разбирательства, примерно столько же не явились в суд вообще. Не менее 95 % судей, сотрудников правоохранительных органов и адвокатов сталкивались с изменением показаний свидетелями и потерпевшими[1].

Таким образом, нельзя отрицать существующую проблему «неуверенности» свидетелей. В УПК РФ предусмотрены следующие меры, направленные на обеспечение безопасности свидетеля:

1. Для обеспечения безопасности указанных лиц по решению следователя данные о них могут не приводиться в протоколе следственного действия, проведенного с их участием. В таком случае следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагает причины принятия такого решения, указывает псевдоним участника следственного действия и образец его подписи, используемые в протоколах следственных действий с его участием. Постановление хранится в опечатанном конверте, приобщаемом к уголовному делу (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);

2. При наличии угрозы насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении указанных лиц допустимы контроль и запись их переговоров либо по их письменному заявлению, либо при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);

3. Для обеспечения безопасности опознающего опознание может быть проведено таким образом, чтобы опознаваемый не мог видеть опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ):

«По смыслу закона, опознание в условиях односторонней видимости производится только при наличии достаточных данных полагать, что в результате предъявления для опознания по общим правилам может быть создана угроза опознающему со стороны опознаваемого. Вывод о наличии таких оснований делается на основе анализа материалов уголовного дела … Проведение опознания в условиях односторонней видимости направлено не на то, чтобы опознаваемый в принципе никогда не узнал, кто его опознает. Постановка такого условия, с одной стороны, недопустима в условиях демократического характера уголовного судопроизводства, с другой стороны – нецелесообразна … Если же опознаваемый непричастен к совершению пре-

[1] Проблемы реализации защиты прав свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве. URL: https://science-education.ru (дата обращения: 01.03.2020).

ступления, держать от него в тайне данные лица, которое его опознает, просто недопустимо, поскольку это не позволяет опознаваемому доказывать свою невиновность. Иными словами, обвинение в такой ситуации строилось бы на сведениях, скрываемых от опознаваемого, и он был бы вынужден защищать себя «вслепую», неизвестно от кого. Опознание в условиях односторонней видимости производится только для исключения эксцессов непосредственно следственного действия, преследует цель невозможности воздействия на опознающего со стороны опознаваемого в ходе предъявления для опознания»[1];

– для обеспечения безопасности указанных лиц на основании определения или постановления суда допускается проведение закрытого судебного разбирательства (всего либо соответствующей его части, согласно п. 4 ч. 2 и ч. 3 ст. 241 УПК РФ);

– для обеспечения безопасности свидетеля, его родственников и близких лиц суд вправе не оглашать подлинные данные о свидетеле и провести его допрос так, чтобы другие участники судебного разбирательства не могли видеть этого свидетеля (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

По общему правилу, свидетели допрашиваются порознь и в отсутствие не допрошенных свидетелей (ч. 1 ст. 278 УПК РФ). Таким образом, закон изначально предполагает присутствие свидетеля в зале судебного заседания и производство его допроса перед всеми участниками судебного разбирательства.

Вместе с тем при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Однако, в случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями (ч. 6 ст. 278 УПК РФ)[2].

---

[1] Стельмах В. Ю., Федосеева Е. Л. Государственная защита участников уголовного судопроизводства и иных защищаемых лиц : учебное пособие. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2016. 67 с.

[2] Стельмах В. Ю., Федосеева Е. Л. Указ. соч.

Обеспечение безопасности свидетеля необходимо, так как его показания – важный источник доказательств, но из-за страха за свои жизнь и здоровье свидетели могут отказываться от своих показаний или менять их. Особенно, когда суд все же считает, что есть достаточные основания для предоставления достоверных сведений о личности допрашиваемого стороне защиты: возникает ситуация противоречия интересов участников судебного разбирательства, некоего «парадокса». Чтобы его разрешить, приходится иногда жертвовать правами одной из сторон уголовного судопроизводства (естественно, без допущения злоупотреблений).

В сформировавшемся правосознании граждан Российской Федерации недостаточно закреплена уверенность в гарантиях государственных мер по обеспечению свидетеля прав на защиту. Примером может служить следующая ситуация. В Москве ночью на пустыре членами организованной преступной группировки был убит предприниматель Алешин. Он возвращался на такси домой из аэропорта. Таксист обнаружил, что его преследуют на другом такси. Преследователи вынудили Алешина выйти из машины и потребовали крупную сумму денег, которую, как они установили по своим каналам, должен везти он с напарником. Но деньги днем раньше намеченного срока (в целях безопасности) увез напарник Алешина. За что и был убит Алешин. Оперативникам удалось установить таксиста, который вез Алешина, а через него и таксиста, осуществлявшего преследование по требованию преступников. Последний, полагая, что его сочтут сообщником, рассказал оперативникам о преследовании, обстоятельствах убийства и указал адрес дома, к которому отвез преступников. Они были опознаны таксистом и задержаны, но для ареста не было достаточных доказательств: таксисты отказались от показаний, заявив, что согласны быть привлеченными за отказ от дачи показаний, а не быть убитыми[1].

В существующем законодательстве Российской Федерации предусмотрены необходимые меры по обеспечению защиты прав свидетеля, но на практике они не всегда могут быть успешно реализованы, что затрудняет процесс доказывания по уголовному делу.

---

[1] Махов В. Н. Реальное обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей … С. 68–70.

Пашкова Ю. С.[1]**,**
обучающаяся факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации;
(научный руководитель – Османова Н. В.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук)

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Принцип презумпции невиновности представляет интерес и для теоретиков уголовно-процессуальной науки, и для практиков. Не секрет, что лицо, приобретая процессуальный статус «обвиняемый», подлежит общественному порицанию, хотя его вина еще и не доказана. Но трагичнее всего, что на практике встречаются случаи, когда в силу некачественного правового воспитания, субъективного восприятия или по иным причинам, сотрудники органов расследования, прокуратуры, суда создают предубеждение о виновности обвиняемого, что явно противоречит как правовым, так и этическим нормам. Очевидно, что подобное предубеждение мешает установлению истины по уголовному делу, исключает возможность дать объективную оценку. Принцип презумпции невиновности – один из основных правовых механизмов, который призван защитить обвиняемого от некомпетентности и субъективизма. Казалось бы, принцип презумпции невиновности законодательно закреплен и должен осуществлять свою функцию, но на практике возникают ситуации, противоречащие указанному принципу. В связи с этим возникает вопрос: простая формальность ли это или реально работающий фундаментальный принцип уголовного судопроизводства?

Значение данного принципа очевидно, соответственно можно прийти к выводу, что принцип презумпции невиновности не должен и не может быть только формально закрепленным правилом.

При этом стоит отметить, что принцип презумпции невиновности имеет богатую правовую историю. Конечно, на ряду с развитием об-

---

[1] © Пашкова Ю. С., 2020.

щества и права претерпевал изменения и принцип презумпции невиновности, однако на протяжении всего времени вышеуказанный принцип сохранял за собой главенствующую роль при реализации механизма защиты прав и законных интересов обвиняемого. Первое упоминание принципа презумпции невиновности можно найти еще в римском праве. Назывался он «принцип добропорядочности» и применялся в большей мере при разрешении имущественных споров. Можно назвать «принцип добропорядочности» прототипом современного принципа презумпции невиновности.

Повышенный интерес на мировой арене к обозначенному принципу, к вопросу его нормативно-правового закрепления и создания механизма реализации возник после Второй мировой войны. На тот момент советские теоретики скептически относились к принципу презумпции невиновности, считая, что он препятствует реализации принципа справедливости, и даже в какой-то мере препятствует отправлению правосудия. Такая позиция во многом была обусловлена действовавшей правовой системой. Однако международные правовые акты, такие как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 11), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. провозгласили права и свободы человека, в том числе и принцип презумпции невиновности. В дальнейшем Российской Федерацией было взято на себя обязательство обеспечить каждому провозглашенные международными правовыми актами права и свободы, включая и принцип презумпции невиновности.

На сегодняшний день Российская Федерация – современное, правовое и демократическое государство, основной задачей которого является обеспечение прав и свобод человека. Именно поэтому принцип презумпции невиновности занимает центральное место в системе законодательства России, успешно выполняя свое предназначение. Принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве окончательно был закреплен в ст. 14 УПК РФ[1], тем самым определяя положение личности в уголовном процессе.

Принцип презумпции невиновности выступает в качестве основной гарантии справедливости уголовного судопроизводства, так как пресекает попытку «предвзятого отношения» к обвиняемому. Каким

[1] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд. М. : Проспект, 2009. С. 18–19.

же образом происходит реализация принципа презумпции невиновности в российском уголовном судопроизводстве?

Во-первых, лицо, в отношении которого было выдвинуто обвинение, условно считается невиновным, пока не будет доказано обратное. Причем бремя доказывания возлагается на обвинителя, а не на обвиняемого[1]. Это законодательно закрепленное положение еще раз подчеркивает, что обвиняемое лицо условно считается невиновным, а значит, не должно подтверждать свою невиновность, непричастность к совершению преступного деяния и предоставлять те или иные доказательства, так как это можно считать абсурдом.

Уголовно-процессуальный закон обязывает считать лицо невиновным даже в случае, когда обвиняемый признает свою вину. Принципиальным моментом является то, что признание обвиняемым вины должно быть подтверждено совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств, иначе оно не может быть положено в основу обвинения. Но ни признание обвиняемого, ни имеющиеся доказательства еще не предопределяют виновность лица в совершении преступного деяния, что очередной раз подтверждает реализацию принципа презумпции невиновности в российском уголовном процессе.

Более того, утверждение, что обвиняемое лицо невиновно, будет истинным до момента, пока его вина не будет установлена обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу. И только после этого лицо может считаться виновным в совершении преступного деяния, а государство, в свою очередь, возлагает на себя ответственность за правильность и справедливость вынесенного приговора, осуждение лица.

Во-вторых, любые неустранимые сомнения надлежит толковать в пользу обвиняемого. Данное положение стимулирует органы расследования подлинно раскрывать преступления, изобличать действительно виновных лиц[2]. Ведь если относительно обстоятельства, входящего в предмет доказывания по уголовному делу, возникает сомнение, то такое обстоятельство считается неустановленным. Соответственно это может породить ряд правовых последствий, например, прекращение уголовного дела, изменение объема обвинения, изменение квалификации преступного деяния.

---

[1] Ларин А. М. Презумпция невиновности. М. : Наука, 1982. С. 47.

[2] Савицкий В. М. Презумпция невиновности: что означает? Кому нужна? Как применяется? М. : Норма, 1997. С. 41.

По смыслу закона, в пользу подсудимого должны толковаться не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, которые касаются отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств и т. д.

Не редкость, когда сотрудники органов расследования забывают про действие принципа презумпции невиновности, совершая тем самым грубую ошибку. Чтобы гражданин не стал жертвой следственной ошибки и не столкнулся в дальнейшем с вытекающими из этого правовыми последствиями, необходимо субъективную уверенность в виновности лица и любые сомнения оставлять за рамками уголовно-процессуальных правоотношений.

И, наконец, из принципа презумпции невиновности вытекает еще одно правило-следствие: обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Более того, на стадии судебного производства реализация принципа презумпции невиновности выражена довольно ярко. Суд проводит тщательную проверку и оценку всех ранее собранных доказательств по уголовному делу в условиях гласности, устности и непосредственности, что наглядно демонстрирует отсутствие «предвзятого отношения» к обвиняемому лицу и вдобавок исключает возможность необоснованного обвинения.

Таким образом, можно уверенно заявить, что принцип презумпции невиновности – демократический принцип уголовного судопроизводства, который выполняет первостепенную роль в защите прав и законных интересов обвиняемого. Важно, что принцип презумпции невиновности является непрерывно действующим принципом, охватывая все стадии уголовного процесса вплоть до окончательного разрешения дела. Именно поэтому на принципе презумпции невиновности строится процесс доказывания по уголовному делу, принятие следственных и судебных решений. И главная задача состоит в том, чтобы сотрудники органов расследования, прокуратуры и суда не превращали данный принцип в формальность, отдавая предпочтение субъективному убеждению в виновности лица.

Синявина Д. А.[1]**,**
курсант 375 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Федюкина А. Ю.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

СТАТУС СПЕЦИАЛИСТА КАК ИНОГО УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статус специалиста как иного участника уголовного судопроизводства закреплен в гл. 8 УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Исходя из данного определения, считаем необходимым выделить наиболее значимые признаки специалиста в уголовном процессе.

Расследование преступлений требует многогранных знаний в различных областях науки, техники, ремесле. Именно поэтому в уголовном процессе появился институт специалиста. Первым и важным аспектом, который законодатель отражает в определении специалиста: «лицо, обладающее специальными знаниями». Данный элемент означает наличие узкопрофильного уровня знаний, который является необходимым для расследования и раскрытия конкретных преступлений. Здесь наблюдается постоянный рост необходимых познаний, что напрямую связано с темпами развития технического прогресса, который, в свою очередь, вносит в общественную жизнь достижения науки и техники, зачастую используемые в дальнейшем в преступных целях. Поэтому для противодействия преступности специалист дол-

---

[1] © Синявина Д. А., 2020.

жен не просто обладать специальными знаниями в определенной сфере своей деятельности, но и постоянно их совершенствовать.

Одним из наиболее важных вопросов является характеристика специальных познаний, которые должны быть присущи лицу, называемому специалистом в уголовном процессе. Необходимо выявить тот объем знаний, который является исчерпывающим для разрешения конкретных дел, соответственно при наличии определенных обстоятельств. Следует отметить преобладающую роль использования специальных знаний при расследовании преступлений, без которых невозможно ни возбуждение уголовного дела, ни осуществление собирания доказательств, ни определение причиненного ущерба.

Термин «специальные знания» вызывает множество прений среди научных деятелей. Например, П. М. Филиппова и А. А. Мохова определяют специальные знания, как объем накопленных сведений о фактах действительности или статистическое знание в отличие от познания как способа применения знаний конкретной личности[1].

В. Д. Арсеньев и В. Г. Заблоцкий, придерживаются мнения, что специальные знания – это система сведений, «полученных в результате научной и практической деятельности в определенных отраслях и зафиксированных в научной литературе, методических пособиях, наставлениях, инструкциях и т. п.».[2]

Предложим авторский вариант определения данного термина. Специальные знания – это теоретически и научно обоснованные факты, полученные из достоверных источников, применяемые специалистом в определенном узкопрофильном направлении, которые являются исчерпывающими в разбирательстве по конкретному делу.

Вернемся к значимым признакам, характеризующим процессуальный статус специалиста. Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист – это лицо привлекаемое к участию в процессуальных действиях в установленном законом порядке, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении техни-

---

[1] Поздняков М. А. Понятие «специальные знания» и его значение для уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные вопросы юридических наук : материалы второй международной научной конференции. Челябинск : Два комсомольца, 2015. С. 132–134. URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/-140/7242/ (дата обращения: 16.02.2020).

[2] Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела : монография. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. С. 53.

ческих средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Исходя из положений вышеназванной статьи, специалист, как сведущее лицо, обязан содействовать следователю в случаях его привлечения к делу. На следователе лежит обязанность разъяснения специалисту его прав, которые закреплены в ч. 3 ст. 58 УПК РФ, согласно которой специалист вправе: отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими знаниями; задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда; знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Это так называемые «специфические» права, которые относятся к данному конкретному участнику. Помимо этого, есть круг прав, которые присущи всем участникам – общие права. Например, ч. 1 ст. 11 УПК РФ «… знать свои права и обязанности».

Далее, ст. 270 УПК РФ фиксирует, что права специалиста, которые указаны в ч. 3 ст. 58, включают не только те, которые он может использовать в ходе предварительного расследования, но и те, которые ему присваиваются в стадии судебного разбирательства. В связи с этим, председательствующий разъясняет специалисту права, которые он может использовать в действительности при рассмотрении конкретного уголовного дела.

Не стоит забывать, что специалист не вправе уклоняться от явки по вызову следователя, дознавателя или в суд и разглашать данные предварительного расследования (ч. 4 ст. 58 УПК РФ).

В УПК РФ предусмотрен достаточно обширный круг следственных действий, предусматривающий обязательное участия специалиста: осмотр трупа (ч. 1 ст. 178 УПК РФ); освидетельствование (ч. 3 ст. 179 УПК РФ); наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ч. 5 ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ч. 7 ст. 186 УПК РФ); получение информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ); допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидете-

ля, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 1 ст. 191 УПК РФ); во всех случаях изъятия в ходе следственных действий электронных носителей информации (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ).

Необходимо сделать вывод, что характер вопросов, разрешаемых лицом, обладающим специальными познаниями, определяется задачами конкретного следственного действия, в котором он принимает участие.

Спиридонов А. Г.[1],
курсант 3 курса 171 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Жамкова О. Е.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук)

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА НУЖДАЮТСЯ В ОПТИМИЗАЦИИ

Как показывает правоприменительная практика, применение криминалистических средств и методов способствует раскрытию более 80 % преступлений. Ежегодно специалисты экспертно-криминалистических подразделений принимают участие в проведении более 600 тыс. исследований и более миллиона экспертиз. Заключение эксперта – это источник доказательств, использование которого способствует раскрытию и расследованию преступлений, установлению лиц, причастных к их совершению.

Каждый правоприменитель хочет работать с простой, понятной, упорядоченной системой права, знать, в каком именно нормативно-правовом акте можно найти ту или иную информацию, каким документом руководствоваться в определенных ситуациях. Однако порой в реальности законодательство не соответствует таким требованиям: пробелы, коллизии, моральное устаревание, непродуманность, непонимание законодателем механизма применения принятых законов и т. п. создают немало сложностей, при том затрудняя не только изучение и применение правовых норм. Они создают спорные моменты, когда их наличие недопустимо вовсе. Ведь существуют такие ситуации в правовой сфере, когда от понимания закона правоприменителем зависит не только количественный и качественный набор букв на бумаге, но и нечто большее.

Законодательные противоречия есть и в экспертной деятельности. Существуют сравнительно немного правовых актов, регулирующих

[1] © Спиридонов А. Г., 2020.

деятельность эксперта-криминалиста. Сравнительный анализ двух основных источников права в этой сфере УПК РФ и Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» позволил выявить несколько серьезных несоответствий между этими нормативно-правовыми актами, касающимися содержания заключения эксперта.

В рамках данной статьи представляется интересным проанализировать указанные нормативно-правовые акты и выработать предложения по оптимизации формы и содержания заключения эксперта.

В ст. 204 УПК РФ закреплен список сведений, которые обязательно должны быть изложены в заключении эксперта. Обязательное отражение в заключении должны получить: информация о лице, назначившем экспертизу; дата, время, место и основания производства исследования, информация об экспертном учреждении и конкретном лице, которое будет его производить с обязательным указанием его образования, специальности, стажа работы, информация о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложного заключения, а также перечисление лиц, которые могут присутствовать при производстве экспертизы; перечисление объектов, материалов и вопросов, предоставленных эксперту для исследования; содержание и результаты исследования с применением конкретных методик; выводы эксперта, сделанные по результатам исследования и обоснование.

Сравнительный анализ со ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» позволяет сделать несколько выводов:

1. В п. 1 ч. 1 ст. 204 УПК РФ говорится о необходимости указания даты производства судебной экспертизы, а Федеральный закон № 73-ФЗ требует лишь время. Предлагается внести в Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» соответствующую поправку, уточняющую необходимость упоминания даты. Указанное изменение необходимо, поскольку приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 11 ноября 2018 г.) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» в ст. 12 закрепляет конкретный срок производства экспертизы – пятнадцать суток. Следовательно, для исчисления этого срока необходима информация о дате производства экспертизы.

2. В 3 ч. 1 ст. 204 УПК РФ говорится об указании должностного лица, назначившего судебную экспертизу. Предполагается, что этот пункт более полно раскрыт в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», где упомянуты сведения об органе, который назначил проведение исследования. Предлагается внести изменения и в УПК РФ, и в Федеральный закон № 73-ФЗ, а именно: в первый нормативный правовой акт добавить «орган, назначивших производство судебной экспертизы», а во втором уточнить формулировку: не «лицо», а «должностное лицо».

3. В п. 8 ч. 1 ст. 204 УПК РФ говорится о данных о лицах, присутствующих при проведении экспертизы. Следует исключить термин «лица» из УПК РФ, заменив его на «участники уголовного процесса», как это отражено в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

4. Далее необходимо рассмотреть п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ. Он касается указания в заключении эксперта содержания и результатов исследования с указанием примененных методик. Необходимо обратить внимание именно на термин «методика». Представляется, что в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» допущена ошибка. Там говорится «с указанием примененных методов». Необходимо пояснить различие между этими понятиями. Метод – это составная часть методики, логические или инструментальные операции. В содержании методики их множество, начиная от всеобщих диалектических, заканчивая частно-научными и вспомогательными. Сложно представить, что эксперт будет указывать в своем заключении методы логического синтеза, анализа, индукции или описания. Ссылаясь на ст. 14 приказа МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», в соответствии с которой научно-методическое обеспечение осуществляется ЭКЦ МВД России, уточняется, что ЭКЦ разрабатывает и утверждает именно методики, но никак не методы. Предлагается внести изменения в п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, а именно термин «метод» заменить на более корректный «методика».

5. Пункт 10 ст. 204 УПК РФ также требует доработки и поправок. В нем нет важной части заключения эксперта – оценки результатов

исследований. Оценка результатов – это краткое изложение результатов исследования, оценка их значимости. Это своеобразная подсказка следователю или судье, не обладающим специальными знаниями, о том, что именно значат те фактические данные, полученные после проведения исследования. Эта часть экспертного заключения обобщает и подытоживает промежуточные выводы, позволяет пошагово следовать размышлениям эксперта, понимать, на основе каких признаков он сделал именно такие выводы. Стоит отметить, что оценка результатов исследования позволяет понять следующее:

– по какой причине эксперт не смог дать категорический вывод?

– нет ли в его действиях умысла?

– если вывод вероятный (положительный или отрицательный), то с какой именно вероятностью интересующий факт имеет место быть (либо не быть)?

Исходя из приведенных доводов, в п. 10 ст. 204 УПК РФ необходимо добавить упоминание об оценке результатов исследования.

Предложенные изменения и дополнения наглядно можно продемонстрировать в виде таблицы.

Таблица

Предлагаемые изменения в ст. 204 УПК РФ и Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ

Ст. 204 УПК РФ	**Изменения**	**Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**	**Изменения**
дата, время и место производства судебной экспертизы	–	время и место производства судебной экспертизы	**дата**, время и место производства судебной экспертизы
должностное лицо, назначившее судебную экспертизу	должностное лицо **или орган**, назначивш**и**е судебную экспертизу	сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу	сведения об органе или о **должностном** лице, назначивших судебную экспертизу
данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы	данные **об участниках уголовного процесса**, присутствовавших при производстве судебной экспертизы	сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы	–

Окончание таблицы

Ст. 204 УПК РФ	**Изменения**	**Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**	**Изменения**
содержание и результаты исследований с указанием примененных методик	–	содержание и результаты исследований с указанием примененных методов	содержание и результаты исследований с указанием примененных **методик**
выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование	**оценка результатов исследований**, выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование	оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам	–

Проводя исследование, эксперт решает поставленные вопросы посредством детального изучения поступивших объектов, выявляя их индивидуальные особенности, а также устанавливает их природу и образование, на основании чего формирует вывод – точно сформулированное, не допускающее неоднозначного толкования решение. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости оптимизации формы и содержания экспертных заключений.

Трофимов Е. А.[1]**,**
командир отделения 3«У» курса 271 взвода
факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране
общественного порядка
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Золотухин Н. А.,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя)

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ

В настоящее время в условиях демократического развития Российской Федерации в уголовно-процессуальном законодательстве прослеживается четкая направленность на изменение института доказывания. Самым актуальным является вопрос, касающийся такого свойства доказательств, как допустимость. Этому свойству придается большое значение для охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, закрепленных Конституцией Российской Федерации.

В соответствии со ст. 75 УПК РФ недопустимыми доказательствами признаются доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. Подобные доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, либо использоваться для доказывания каких-либо обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Таким образом, можно сделать вывод, что признание доказательств недопустимыми является определенной санкцией за нарушение прав и свобод участника уголовного судопроизводства.

В УПК РСФСР недопустимыми признавались только те доказательства, которые были получены с существенными нарушениями закона. В УПК РФ критерий «существенность» уже отсутствует, что является подтверждением стремления законодателя укрепить принцип законности в уголовном процессе, тем самым подчеркнув, что даже незначительное нарушение законодательства является недопу-

[1] © Трофимов Е. А., 2020.

стимым. Также данное изменение позволило избавиться от проблем, связанных с трактовкой признака «существенности».

Для того, чтобы отличать допустимые доказательства от недопустимых, требуется иметь определенные критерии такого деления, однако в теории и на практике нет возможности перечислить все виды нарушений закона, влекущих данные последствия, поэтому считаем необходимым решение этого вопроса отдельно по каждому делу.

Однако в УПК РФ все же перечислены некоторые частные случаи, при которых доказательства признаются недопустимыми. Они перечислены в ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Необходимо отметить, что остро встает вопрос о признании доказательств недопустимыми в случае нарушения иных федеральных законов, так как в УПК РФ упоминается лишь он сам, а в Конституции Российской Федерации, а именно в ч. 2 ст. 50 говорится о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Однако, в соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» недопустимыми доказательствами признаются те, которые были получены с нарушением прав человека и гражданина, следовательно, можно сделать вывод, что нарушение иных федеральных законов также является основанием для признания доказательств недопустимыми, а нормы, указанные в УПК РФ и Конституции Российской Федерации, являются очередной правовой коллизией[1].

В противном случае, например, доказательства, полученные с нарушением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», но оформленные в правильном процессуальном порядке, могли бы признаваться допустимыми, что является неправильным с точки зрения всеобщего принципа законности и ведет к нарушению прав и свобод человека и гражданина[2].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с изм. от 3 марта 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 2.

[2] Короленко И. М., Непранов Р. Г. Основания и последствия признания доказательств недопустимыми // Юрист-Правовед. 2015. № 6 (73). С. 40–45.

В целом же, детально изучая законодательство Российской Федерации, можно выработать определенные критерии, соблюдение которых необходимо для признания доказательств допустимыми:

– соблюдение конституционных прав и свобод при собирании доказательств;

– наличие соответствующих должностных лиц как субъектов расследования;

– применение только прямо указанных в законе процессуальных действий;

– правильное процессуальное оформление данных действий[1].

В настоящее время некоторыми учеными предпринимаются попытки классификации нарушений закона, в целях придания нормам вида, схожего с УПК РСФСР. Однако мы считаем, что такая позиция является неверной и необоснованной, так как при расследовании уголовных дел недопустимо какое-либо нарушение прав и свобод человека и гражданина независимо от степени его значительности. Также осуществление данного предложения породит проблемы на практике в квалификации того или иного нарушения по признаку «незначительности», а каждое подобное нарушение должно трактоваться в пользу подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной России, перешедшей на демократический политический режим, соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства является особым элементом в сфере осуществления правосудия. Важным является переход уголовного процесса от разыскной формы к состязательной, что приводит к возникновению ряда проблем, разрешение которых в данный момент необходимо, например, вопрос, связанный с признанием доказательств недопустимыми, рассмотренный в настоящей работе, а точнее вопрос о влиянии нарушений иных федеральных законов на принятие такого решения. И на основе краткого анализа действующих норм УПК РФ, приведенных в настоящей статье, мы приходим к выводу, что такие нарушения также ведут к признанию доказательств недопустимыми.

---

[1] Шадрин В. С. Недопустимость доказательств в уголовном процессе как антипод их допустимости // Криминалистъ. 2011. № 1.

Тюмдеева Д. А.[1]**,**
обучающаяся факультета магистерской подготовки
Юридического института Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации

ДОМАШНИЙ АРЕСТ В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ

Преступления, совершаемые несовершеннолетними в Российской Федерации, являются острой социальной проблемой. Уровень преступности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых остается высоким. Большое значение имеет нормативное регулирование уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, которое должно осуществляться в соответствии с Конституцией Российской Федерации, уголовно-процессуальным законом и на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

Согласно статистическим данным, представленным Следственным комитетом России, в период с 2015 по 2017 гг. в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых мера пресечения в виде домашнего ареста избрана 323 несовершеннолетним. Согласно статистическим данным по регионам за январь-декабрь 2017 г., представленным Следственным комитетом России, мера пресечения в виде домашнего ареста к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым наиболее часто была избрана в Центральном федеральном округе – 75, в Приволжском федеральном округе – 66, в Южном федеральном округе – 46. Согласно проводимой общей сводке статистики за 2017–2018 гг. по регионам мера пресечения в виде домашнего ареста в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых наиболее часто избирается в Пензенской области, в Новосибирской области, Республике Алтай, Республике Саха, Республике Адыгея, Хабаровском крае. Совсем не избирается в Краснодарском крае, Омской области, Республике Ингушетия, Республике Калмыкия.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними, порой повергают в шок своей грубостью, безнравственностью и непристойным поведением в обществе, и соответственно, потерпевшая сторона заинтересована, чтобы подозреваемым (обвиняемым) была избрана

[1] © Тюмдеева Д. А., 2020.

строгая мера пресечения и справедливое наказание. Проблемным и дискуссионным для следователя является вопрос избрания справедливой меры пресечения, требуется значительное внимание и строгость по отношению к участникам уголовного процесса, в особенности к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. И сохранить здесь к несовершеннолетним иное отношение, нежели к взрослым, достаточно сложно, тем более, если речь идет о совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Важно проанализировать и выявить проблемы практического характера при избрании домашнего ареста к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Проблема в применении мер пресечения к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым существует, а именно в процессуальном порядке избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, так как не в полной мере учитываются основания, обстоятельства применения меры пресечения в виде домашнего ареста. Большинство ученых-юристов делят порядок избрания домашнего ареста на два этапа. Первый этап – внесудебный, он включает «процесс принятия следователем или дознавателем решения о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого домашнего ареста». Второй этап – судебный, это «процедура принятия решения об избрании меры пресечения в суде, то есть рассмотрение ходатайства следователя (дознавателя)»[1].

Наличие теоретических и практических проблем применения меры пресечения в виде домашнего ареста к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым определяет актуальность данной проблемы. Предполагается применять домашний арест к подозреваемым, обвиняемым, характеризующимся положительно: несудимым, положительно характеризующимся в учебном заведении, имеющим постоянное место жительства.

Понятие «домашнего ареста» законодательно не закреплено, а также в науке нет общепринятого определения. Сущность домашнего ареста заключается в ограничении прав и свобод обвиняемого, подозреваемого, с сохранением права проживания в месте жительства, с определенными запретами, которое избирается по судебному решению с учетом его психического, физического, материального, соци-

---

[1] Климов В. В. Законность и обоснованность применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : монография. М., 2013. С. 134.

ального состояния и других обстоятельств. Многие ученые-юристы по-своему трактуют понятие домашнего ареста.

Так, В. И. Сергеев в своем определении обратил внимание на то, что домашний арест «заключается в ограничении свободы передвижения подозреваемого (обвиняемого), нахождении его в индивидуальном жилом доме с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, запрете покидать свое домовладение»[1].

О. И. Цоколова видит домашний арест, как «меру пресечения, состоящую в ограничении свободы передвижения обвиняемого и запрете на общение и переговоры с другими лицами»[2].

Г. С. Русман трактует понятие домашнего ареста так: «ограничение свободы подозреваемого, обвиняемого в виде полной или частичной изоляции его от общества с установлением запретов на общение»[3].

Ю. Г. Овчинников дает определение путем анализа понятия и сущности мер пресечения и понимает его как: «меру пресечения, позволяющую, при наличии оснований для избрания содержания под стражей и с учетом возраста, состояния здоровья, семейного положения обвиняемого (подозреваемого) и других обстоятельств, применить к нему по постановлению суда ограничения, связанные со свободной передвижения, а также установить запрет на общение с определенными лицами, получение и отправление корреспонденции, ведение переговоров с использованием любых средств связи»[4].

Если обобщить и проанализировать все приведенные выше трактовки домашнего ареста, то придем к выводу, что еще не сформулировано полное определение домашнего ареста. Однако можно выделить его основные признаки:

1) домашний арест – это мера пресечения;
2) избирается только по решению суда;

---

[1] Сергеев В. И. Комментарий к формам документов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. В. И. Сергеева. М. : ЗАО «Юридический дом «Юстицинформ», 2002. С. 239.

[2] Цоколова О. И. Домашний арест: сущность и проблемы применения : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 417.

[3] Русман Г. С. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 120.

[4] Овчинников Ю. Г. Понятие, цели и сущность домашнего ареста, как меры пресечения в уголовном судопроизводстве России // Следователь. 2011. № 5. С. 26.

3) субъектами, к которым применима данная мера пресечения, являются подозреваемый, обвиняемый, с учетом их характеристик. Это означает, что принимая решение об избрании домашнего ареста, суд должен учитывать данные о личности подозреваемого, обвиняемого, например, семейное положение, положительная репутация в коллективе, аналогичная характеристика со стороны соседей, сотрудничество со следствием и т. д.;

4) домашний арест предполагает изоляцию от общества, путем нахождения субъекта в жилом помещении. На практике данная мера пресечения применяется достаточно редко, объяснить это можно рядом влияющих факторов: отсутствием лиц, способных обеспечить надлежащий присмотр, отсутствием согласия данных лиц на обеспечение надлежащего присмотра, отсутствия жилого помещения.

Таким образом, домашний арест занимает значимое место в системе мер пресечения: с одной стороны, он существенно ограничивает права подозреваемого, обвиняемого, с другой, домашний арест – это «мягкая изоляция», т. е. гуманная мера, которая позволяет подозреваемому, обвиняемому более широко использовать свои права на стадии досудебного производства.

Исходя из смысла ст. 107 УПК РФ содержание домашнего ареста состоит в том, чтобы обеспечить изоляцию обвиняемого, не помещая его при этом в следственный изолятор и не вырывая из привычной микросреды. При домашнем аресте недопустимо покидать жилище, осуществлять какие-либо контакты, помимо контактов с теми лицами, с которыми обвиняемый вместе проживает.

На основе изученных решений судов в основном запреты в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых такие: выход за пределы жилого помещения, за исключением времени прогулок; общение с потерпевшими, свидетелями, их родственниками и близкими по уголовному делу, получать от них и отправлять им почтовые отправления, корреспонденцию, посылки и бандероли и вести с ними переговоры с использованием любых средств связи; отправка и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Таким образом, анализ теоретических и практических материалов, позволил увидеть существующие проблемы в институте домашнего ареста и акцентировать на них внимание. Практическое их решение видится в совершенствовании действующего законодательства. Проведенное исследование показало, что с каждым годом увеличивается

количество лиц, в отношении которых избирается такая мера пресечения, как домашний арест в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, и в связи с этим на практике применения появляются новые проблемы, которые требуют своего разрешения.

Так, по уголовному делу № 2018/500 по факту незаконного сбыта наркотических средств в крупном размере, по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4, ст. 228.1 УК РФ, следователем возбуждено ходатайство перед судом об избрании в отношении гражданина С. меры пресечения в виде заключения под стражу. В обосновании указано, что С. обвиняется в совершении тяжкого преступления против здоровья населения и общественной нравственности, представляющего повышенную общественную опасность. Совершая инкриминируемое преступление, С. преследовал цель извлечения для себя материальной выгоды от сбыта наркотического средства, в связи с чем следствие считало, что находясь на свободе, он может продолжить заниматься преступной деятельностью. Также следователь учитывал, что С. проживает в арендованной квартире в г. Москве, где имеет регистрацию по месту пребывания, по месту жительства зарегистрирован в отдаленном регионе. При указанных обстоятельствах избрание ему иной, более мягкой меры пресечения, связанной с лишением свободы, невозможно, поскольку, находясь на свободе, он может скрыться от органов предварительного следствия и суда. В судебном заседании следователь и прокурор поддержали ходатайство. Суд оставил без удовлетворения ходатайство следователя. В обосновании этого суд посчитал, что несовершеннолетний С. не привлекался к административной и уголовной ответственности, учится в 10 классе, к тому же собственник квартиры не возражал, чтобы С. находился в его квартире под домашним арестом. С учетом того, что несовершеннолетний С. обвинялся в преступлении, относящемся к категории особо тяжких преступлений, суд пришел к выводу о необходимости избрания в отношении несовершеннолетнего С. меры пресечения в виде домашнего ареста. Поэтому делая вывод, суд учитывает все обстоятельства при избрании меры пресечении, особо уделяя должное внимание такой категории лиц как «несовершеннолетний» и за то, чтобы избирать более мягкую меру пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых[1].

[1] Уголовное дело № 2018/550 // Архив Пресненского межрайонного следственного отдела г. Москвы.

Федюкина А. Ю.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Куликова М. А.[2],
курсант 375 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА «ЛИЦ» В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Вопросы соблюдения прав и законных интересов «лиц», участвующих в производстве следственных и процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении являются наиболее острыми и неурегулированными в современном уголовном процессе.

Законодатель, не определяя точный перечень участников процессуальных действий и их правовое положение на данном этапе, указывает на необходимость разъяснения им прав и обязанностей, в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

В число таких прав включаются: право свидетельского иммунитета, предусмотренного ст. 51 Конституции Российской Федерации; право на защитника (адвоката); право на обжалование действий и бездействий должностных лиц; право на безопасность, предусмотренное ч. 9 ст. 166 УПК РФ. При этом участники проверки сообщения о преступлении приобретают не только перечисленные права, но и несут ответственность за разглашение данных досудебного производства в порядке ст. 161 УПК РФ.

Несмотря на то, что за последние годы законодатель неоднократно предпринимал попытки устранения пробелов в процессуальном статусе «лиц» в отношении которых проводятся проверочные действия на ста-

---

[1] © Федюкина А. Ю., 2020.
[2] © Куликова М. А., 2020.

дии возбуждения уголовного дела (включая заявителей, очевидцев), полноправными участниками процесса их назвать нельзя.

Абсолютно верно отмечает А. Р. Белкин, что неприемлемо показания таких «лиц» учитывать как доказательства, ведь последние не несут ответственности за их заведомую недостоверность, поскольку добыты за рамками уголовного процесса[1].

Очень много вопросов вызывает законность производства в отношении данных «лиц» следственных действий принудительного характера, таких как освидетельствование, получения образцов для сравнительного исследования, экспертиза.

В частности, согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование производится только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, и в некоторых случаях свидетеля. При этом, освидетельствование является обязательным для лица, в отношении которого оно назначено путем вынесения соответствующего постановления.

Поскольку действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает применение мер процессуального принуждения только к лицам, имеющим соответствующий процессуальный статус участника процесса, представляется недопустимым принудительное производство освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела в отношении лиц, статус которых не определен. В данном случае, освидетельствование следует проводить не иначе, как по добровольному согласию гражданина, не допуская при этом ограничений его прав мерами процессуального принуждения.

Еще одним следственным действием стадии возбуждения уголовного дела, в ходе которого наблюдаются неопределенности процессуального статуса участников, в отношении которых оно проводится, является получение образцов для сравнительного исследования.

Из смысла ч. 1 ст. 202 УПК РФ следует, что следователь (дознаватель) правомочен получать образцы почерка и другие образцы для сравнительного исследования у свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и иных физических лиц и представителей юридических лиц (процессуальный статус которых априори не закреплен на данном этапе), если возникает потребность установить ими ли оставлены следы на конкретном месте и предмете. Каким образом обозначать процессуальный статус «физических лиц» и «представителей юридических лиц», и в какой процессуальной форме, остается также неясно.

---

[1] Белкин А. Р. Еще одна реформа УПК или возврат на круги своя? // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 99.

Следует обратить внимание на производство судебных экспертиз на рассматриваемой стадии. Возвращаясь к проблеме отсутствия точного круга участников и их правового статуса на этапе проверки сообщений о преступлении, нельзя не отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 195, ст. 198 УПК РФ назначение и производство экспертизы возможно только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Однако, такой процессуальный статус у рассматриваемых нами субъектов отсутствует. Но если эти субъекты не имеют соответствующих процессуальных прав, то в отношении кого следователь или дознаватель будет назначать экспертизу?

По мнению многих авторов, при назначении и производстве экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении, невозможно обеспечить законные права и интересы лиц, которых она затрагивает[1].

Не будем столь категоричны. На наш взгляд, было бы разумным признать законным назначение и производство судебных экспертиз, назначаемых в целях установления причины смерти, исследований свойств изъятых предметов (орудия, средства) общественно опасного деяния, которые прямо указаны в конкретной норме уголовного закона, а также в отношении граждан с их письменного согласия.

Ученые-процессуалисты полагают, что УПК РФ должна быть предусмотрена возможность назначения до возбуждения уголовного дела лишь отдельных видов экспертиз, перечень которых должен быть приведен в законе[2]. Авторами имеются ввиду экспертизы по фактам пожаров, взрывов, дорожно-транспортных происшествий и т. п., когда без использования специальных познаний практически невозможно установить признаки состава преступления и если для проведения исследования не требуется отбора образцов у живых лиц.

Неопределенность процессуального статуса «лиц» как участников стадии возбуждения уголовного дела, влечет за собой неурегулированность порядка производства следственных действий принудительного характера, Возникает необходимость совершенствования норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок проверки сообщения о преступления с помощью следственных действий.

---

[1] Зуев С. В. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2007. № 11. С. 27.

[2] Зубарев В., Юматов В., Лозинский Т. Процессуальная регламентация применения криминалистических средств и методов в стадии возбуждения уголовного дела // Профессионал. 2001. № 5. С. 11.

Хренова Л. М.[1],
слушатель факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
(научный руководитель – Тутынин И. Б.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ УМЕРШИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Положение статьи 2 Конституции Российской Федерации берется за основу выстраивания правовой системы в нашем государстве, ведь не что иное, как человек, его права и свободы, должны являться высшей ценностью. Указанная нами выше норма напрямую взаимосвязана с процессом реабилитации в уголовном судопроизводстве, когда идет речь о «жертве» уголовного преследования. Необходимо отразить значение ст. 53 Конституции Российской Федерации, которая предоставляет право лицу на возмещение вреда, который был причинен органами следствия, дознания, суда и прокуратуры неправомерными деяниями. То есть перед государством появляется долг по ошибке должностных лиц государственных органов.

Непосредственной формой реализации конституционных положений в уголовно-процессуальной сфере является институт реабилитации, регулируемый гл. 18 УПК РФ.

Законодательство закрепило понятие «реабилитация» в норме УПК РФ, а именно п. 34 ст. 5. Представленная норма содержит в себе следующее определение: «Реабилитация – порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда». Здесь очевидна, надобность возмещения причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием вреда, так как представляет собой один из элементов реабилитации. К видам возмещаемого вреда в соответствии с УПК РФ относится: возмещение имуще-

[1] © Хренова Л. М., 2020.

ственного вреда; компенсация морального вреда; восстановление иных прав реабилитированного.

К сожалению, за немалый период существования института реабилитации, остался ряд проблем, не решенных в теории и на практике, одной из которых является реабилитация умерших. Несмотря на смерть лица, подвергнутого незаконному и необоснованному уголовному преследованию, возникают новые реабилитационные правоотношения.

Так, ч. 2 ст. 134 УПК РФ указывает, что извещение о признании права на реабилитацию умершего реабилитированного имеют право получить: близкие родственники, родственники, иждивенцы или наследники. Необходимо обратиться к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой ст. 24 и п. 1 ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко»[1], в котором отмечено, что правом ходатайствовать о дальнейшем разбирательстве по вопросу реабилитации умершего лица обладают только близкие родственники.

Здесь, по нашему мнению, возникает вопрос: почему может быть компенсирован моральный вред, не говоря о возмещении материального вреда, только данному ограниченному кругу лиц? Трудно определить эквивалент компенсации морального вреда, когда в возмещении имущественного вреда есть хотя бы равнозначность, что материальные потери возмещают в материальной компенсации. Потерять друга, приятеля, члена семьи всегда нелегко, а к тому же если это произошло вследствие ошибки правоохранительных органов.

Рассмотрим пример из судебной практики, где в решении Президиума Брянского областного суда[2] нашла отражение позиция возмещения морального вреда супруге Ш., которая понесла потерю члена семьи, являющегося реабилитированным. Гражданке Ш. были компенсированы нравственные страдания, так как суд счел, что нарушено право на уважение частной и семейной жизни, закрепленное в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и ст. 23 Конституции

---

[1] Российская газета. 2011. № 165

[2] Постановление Президиума Брянского областного суда от 7 августа 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 1 // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru.

Российской Федерации, по причине незаконного ареста и заключения под стражу ее мужа Л.

Но здесь возникает вопрос, почему не могут быть компенсированы такие страдания лицам, состоящим в иной связи с умершим реабилитированным? Например, если люди живут в гражданском браке, у них имеется общий быт, общие ценности, их отношения могут регулироваться гражданским законодательством, то почему УПК РФ не учитывает данных лиц как понесших мучения в связи незаконного уголовного преследования лиц, завершившееся смертью реабилитированного, если близкая связь между такими лицами может подтвердиться показаниями свидетелей?

К тому же, по нашему мнению, необходимо законодательно расширить перечень тех, кому принадлежит право на реабилитацию в случае смерти лица. Здесь необходимо говорить о тех лицах, которые заинтересованы в восстановлении честного имени реабилитированного. К ним следует относить: коллег по работе, организации, в которых такие лица были трудоустроены, сослуживцы или друзья. Ведь, когда в круге общения человека появляется осужденное лицо, данный факт может отражаться также и на его репутации.

Рассмотрим такую ситуацию. Воспитанник детского дома по достижению совершеннолетнего возраста становится жертвой необоснованного уголовного преследования. В последующем получив право на реабилитацию, он скончался. Родственников, наследников, иждивенцев такое лицо не имеет, а значит, данное право на реабилитацию лица в случае его смерти никто не обретает. Получается, при такой ситуации моральные страдания не могут понести педагоги воспитательного учреждения, в котором он вырос? По нашему мнению, могут, а также это может отразиться на ухудшении репутации такого учреждения.

Следует согласиться с мнением Б. Т. Безлепкина, что восстановление чести несправедливо пострадавшего в сфере деятельности судебно-следственных органов имеет публичный аспект[1]. Привлечение к ответственности невиновного лица негативно отражается на состоянии гражданского общества и правового государства в целом.

---

[1] Безлепкин Б. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами. М., 1979. С. 95; Сироткина Т. Г., Тутынин И. Б. Некоторые проблемы реализации принципа презумпции невиновности / под ред. О. В. Химичевой // Уголовное судопроизводство: стратегия развития: материалы Второй всероссийской научно-практической конференции. М.: МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя. 2018. С. 192.

Материальный ущерб может быть причинен не только оговоренному кругу лиц в ч. 2 ст. 134 УПК РФ, но и друзьям, или лицам, состоящим в гражданском браке с умершим реабилитированным лицом. Данные лица могли понести убытки в связи с оплатой юридической помощи по причине незаконного и необоснованного уголовного преследования или с лечением умершего.

На основании вышесказанного полагаем разумным внести следующие поправки. Ч. 3 и 4 ст. 136 УПК РФ дополнить следующими положениями: «близкие лица, общественные организации, заинтересованные лица в восстановлении чести и достоинства умершего, должны иметь право требовать признания честного имени за таким лицом». Данная формулировка трактуется из соображений, что не только близкие родственники, родственники, но и близкие лица умершего реабилитированного также должны иметь возможность на обоснованное ими возмещение морального вреда, не выраженного в денежном эквиваленте. Близкие лица умершего, совместно проживающие с ним, связанные общим бытом, но не являющиеся супругами, могут понести нравственные страдания в связи с незаконным и (или) необоснованным уголовным преследованием сожителя.

В рамках ч. 2 ст. 133 УПК РФ, имущественный вред, причиненный умершему реабилитированному, подтвержденный документально, должен возмещаться близким родственникам, родственникам и близким лицам.

Считаем правильным в порядке ст. 136 УПК РФ подавать иск о компенсации морального вреда в связи с нарушением прав и законных интересов, по причине незаконного привлечения к уголовной ответственности реабилитированного близким родственникам, родственникам и близким лицам умершего. Названные лица несут моральный вред, который должен быть компенсирован.

Поэтому в УПК РФ должна быть закреплена гарантия компенсации понесенных моральных страданий и материальных растрат, связанных с незаконным уголовным преследованием в рамках института реабилитации, не только тому лицу, который подвергся такому преследованию, но и лиц непосредственно пострадавших из-за вовлечения их в уголовно-процессуальную сферу и потерей близкого человека.

Черкасова Ю. А.[1],
слушатель факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Тутынин И. Б.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Первое упоминание понятий «обвиняемый», «потерпевший» приходится на период развития Древней Руси. В исторических документах не было определений «участник уголовного судопроизводства», также отсутствовали четко выделенные права и обязанности лиц, которые принимали участие.

В дореволюционном этапе развития уголовного процесса, датируемого с начала правления Романовых до Николая II, появляется разграничение в осуществлении производства по уголовному делу: появляется следствие, суд и исполнение. Соборное уложение 1649 г.[2], «Свод законов Российской империи» 1832 г.[3], Устав уголовного судопроизводства 1864 г.[4] содержат в себе такие понятия как «суд», «подсудимый», «следователь», «судья», «прокурор», «окружной суд», «присяжные», «мировой судья».

После Судебной реформы Александра II в 1864 г. появляются три формы уголовного преследования: «частное, частно-публичное, публичное»[5], в соответствии с которыми, в уголовном судопроизводстве

---

[1] © Черкасова Ю. А., 2020.

[2] Абрамович Г. В., Маньков А. Г., Буганов В. И. Соборное уложение 1649 г. : текст, комментарии. СПб: Наука, 1987. С. 28.

[3] Соколов А. Р., Раскин Д. И. Свод законов Российской империи: сводный текст за 1832–1917 гг. Т. 1. Аврора. М., 2007. С. 63.

[4] Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Директ-Медиа. М., 2015. С. 39.

[5] Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М.: Норма, 2008. С. 52.

начинают принимать участие «истец» и «ответчик». Кроме того, появляется такой участник как «судебный следователь», основное полномочие которого заключалось в производстве предварительного следствия уголовных дел. Производство по делу, осуществляемое полицией, называлось полицейским дознанием, субъектом которого являлся дознаватель. Деятельность «прокурора» заключалась в проверке, контроле и утверждении материалов уголовного дела перед передачей их в суд. О производстве следственных действий судебный следователь обязан был ставить в известность прокурора. С появлением новых участников уголовного судопроизводства появилась необходимость изменения основ судебного разбирательства: введение участвующих сторон, суда присяжных, открытого и гласного рассмотрения уголовных дел.

Советский этап развития уголовного процесса отражает частичную преемственность уголовно-процессуальных норм дореволюционного законодательства. Революционная смена власти заложила основу для появления уголовно-процессуального законодательства, а именно Декретов о суде. Первый Декрет о суде[1] от 24 ноября 1917 г. упраздняет компетенцию таких участников как «судебного следователя», «окружного суда», «мировых судей». Декрет о суде № 2[2] от 15 февраля 1918 г. и Декрет о суде № 3[3] от 20 июля 1918 г. отражают изменения в подсудности и обжаловании уголовных дел.

В ряде статей Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г.[4] и 1923 г.[5] отражаются следующие участники уголовного судопроизводства: «Суд», «Судья», «Прокурор», «Следователь», «Законные представители». Кроме того, в вышеуказанных нормативно-правовых актах упоминаются такие понятия как «гражданский истец», «защитник», «обвиняемый», «потерпевший», «свидетель», «эксперт», «поня-

---

[1] Гриненко А. В. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата. 5 изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2019. С. 186.

[2] Декреты Советской власти. Т. I. Государственное издательство политической литературы. М., 1957. С. 466.

[3] Декрет о суде. Декреты советской власти: сборник документов. М. : Политиздат, 1997. С. 124–126.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 2 мая 1922 г. // Ведомости РСФСР. 1922. Вып. № 2.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // Ведомости РСФСР. 1923. Вып. № 62.

тые». Статус вышеуказанных и упомянутых в УПК РСФСР лиц четко не определен, не структурирован. Таким образом, проблема отсутствия уголовного-процессуального статуса у ряда лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, имеется как в действующем УПК РФ, так и имелась в уголовно-процессуальном законодательстве 1922 г. и 1923 г.

Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР[1] от 27 октября 1960 г. содержит в себе главу, посвященную участникам уголовного судопроизводства: «Глава третья. Участники процесса, их права и обязанности». В ней отражены: «Обвиняемый» (ст. 46), «Подозреваемый» (ст. 52), «Потерпевший» (ст. 53), «Гражданский истец» (ст. 54), «Гражданский ответчик» (ст. 55), «Представители потерпевшего» (ст. 56), «Переводчик» (ст. 57). В ст. 34 указаны следующие определения участников: «Суд», «Судья», «Председательствующий», «Прокурор», «Начальник следственного отдела», «Следователь», «Законные представители», «Частный обвинитель». УПК РСФСР действовал в течении 41 года и был первым нормативно-правовым актом, в котором участникам уголовного судопроизводства посвящена отдельная глава. По нашему мнению, УПК РСФСР является не только первым документом, закрепляющим уголовно-процессуальный статус лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, но и стал основой для действующего УПК РФ.

Принятый в 2001 г. УПК РФ содержит в себе понятие «участники уголовного судопроизводства» и их классификацию («Раздел II. Участники уголовного судопроизводства»). Каждое лицо, участвующее в уголовном процессе, регламентируется отдельной статьей, что отличает эту редакцию от предыдущих нормативно-правовых актов. Так, в настоящее время в УПК РФ выделяют 24 участника, дифференцируемых по главам в зависимости от реализуемых ими функций.

Как было сказано выше, понятие «участники уголовного судопроизводства» отсутствовало в УПК РСФСР 1960 г. Это в последующем повлекло различные трактовки в понимании данного определения. В теории уголовного процесса существуют различные дискуссии, связанные с определением «участники».

Так, по мнению ученых В. М. Лебедева, В. В. Русских, В. С. Казельниковой, участниками уголовного судопроизводства можно

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Ведомости ВС РСФСР. 1960. Вып. № 40, гл. 3.

назвать «лиц, которые имеют личные интересы в уголовном деле либо представляют интересы других лиц». Такие лица обладают особыми процессуальными правами, которые позволяют принимать участие в производстве по делу. Так, к участникам уголовного судопроизводства, которые обладают личным интересом, относятся: «обвиняемый, потерпевший, защитник, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, общественные обвинители»[1]. Государственные органы, переводчики, свидетели, понятые, эксперты не входили в вышеуказанный перечень, так как они являлись незаинтересованными лицами и не представляли интерес других участников в уголовном судопроизводстве.

Противоположной точки зрения придерживались Е. А. Маштакова, Н. А. Ныркова, М. Б. Смоленский, которые считают, что участники – это «субъекты, реализующие уголовно-процессуальные функции»[2]. К таковым они относили суд, прокурора, защитника, следователя, орган дознания, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика.

Третьей точки зрения придерживаются ученые-процессуалисты А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, Е. В. Булгакова, которые считают, что участники уголовного процесса – это «лица, которые участвуют в уголовно-процессуальных правоотношениях, т. е. имеют здесь определенные права и обязанности»[3]. Понятие, предложенное учеными, комбинирует указанные выше противоположные точки зрения.

Действующий УПК РФ отражает третью точку зрения. Законодатель закрепляет понятие «участники уголовного судопроизводства» в п. 58 ст. 5 УПК РФ: «лица, принимающие участие в уголовном процессе», а также детально в Разделе II УПК РФ прописывает лиц, выделяя для каждого отдельную статью. Проанализировав каждую статью, посвященную участнику уголовного судопроизводства, можно сделать вывод, что такие лица:

- принимают участие в уголовно-процессуальных правоотношениях;
- обладают правами и обязанностями.

---

[1] Лебедев В. М. Уголовно-процессуальное право : учебник для бакалавриата и магистратуры. 2 изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 171.

[2] Смоленский М. Б. Основы права : учебное пособие. М. : Издательство «КноРус», 2012. С. 56.

[3] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. 7 изд., перераб. М. : Норма, 2018. С. 63.

Понятие и определение «участники уголовного судопроизводства», имеющееся в настоящее время, появилось в советский период развития уголовного процесса, при этом оно упоминалось в исторических документах.

В дореволюционный период формирования института участников уголовного судопроизводства характеризуется наличием определенного круга участников, которые упоминаются в ряде исторических документов.

В советском периоде был создан нормативно-правовой документ, который содержал в себе понятия, особенности, права и обязанности значительного круга участников уголовного процесса. Часть положений, регламентированных в УПК РСФСР 1960 г., отражена в действующем УПК РФ 2001 г., но преемственность нового уголовно-процессуального законодательства, наряду с положительными свойствами, обусловила и «оголила» имевшиеся ранее проблемы: отсутствие четкого перечня участников, а также их прав и обязанностей; упоминание лиц без указания на их функциональную деятельность. Это означает, что в настоящее время проблема лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, но не регламентированных УПК РФ, остается.

Шишов В. В.[1]**,**
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Вопросам процессуального контроля за деятельностью органов предварительного следствия уделяется особое внимание. Так, Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России, подчеркнул, что следует серьезно повысить качество следствия и дознания. Именно на данном участке особенно важны талант и профессионализм сотрудников[2].

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин в интервью Российской газете также отметил, что сейчас контроль за следствием практически удвоен, и это хороший фильтр для очистки правосудия от заказных и прочих грязных дел[3].

В. А. Чузов, исследуя причины нарушения прав обвиняемых, выявленных по результатам проверки следственных подразделений МВД России, пришел к выводу, что более половины случаев нарушения конституционных прав граждан связаны с неполнотой расследования из-за неэффективного ведомственного процессуального контроля руководителей следственных подразделений органов МВД России на районном уровне[4].

Важную роль руководителя следственного органа подчеркивает и О. В. Химичева отмечая, что «начальник следственного отдела за-

---

[1] © Шишов В. В., 2020.

[2] Доклад Министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2018 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/-news/56949 (дата обращения: 15.02.2019).

[3] Следствие с чистого листа // Российская газета – Федеральный выпуск № 4 633 от 9 апреля 2018 г. URL: https://rg.ru/2008/04/09/sledstvie.html (дата обращения: 15.02.2019).

[4] Чузов В. А. Нарушения прав обвиняемых в органах МВД: почему статистика необъективна // Уголовный процесс. 2020. № 3. С. 89–93.

мыкает на себе ответственность за состояние следственной работы в подчиненном ему подразделении, а также ограждает следователей от незаконного вмешательства в расследование со стороны лиц, не наделенных по закону правом процессуального контроля за предварительным следствием, способствует активизации взаимодействия следователей и других служб органов внутренних дел»[1].

Руководитель следственного органа также выполняет ключевую функцию в системе процессуального контроля за деятельностью следователя при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ, «если в ходе предварительного расследования будет установлено, что имеются предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого, следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования…».

Об актуальности ведомственного контроля при применении судебного штрафа свидетельствует и распоряжение МВД России от 4 марта 2019 г. № 1/2148, согласно которому утвержден перечень актуальных вопросов в сфере внутренних дел для комплексной проработки и подготовки проектов управленческих решений на 2019 год.

Согласно указанному распоряжению, уделяется особое внимание руководителей следственных органов по контролю за применением судебного штрафа по уголовным делам в отношении лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности и производство в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Как представляется, в полном объеме руководитель следственного органа может выявить ошибки, допущенные следователем в ходе расследования уголовного дела, лишь в ходе проверки материалов уголовного дела, предшествующей согласованию постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Это обусловлено, прежде всего, большим объемом уголовных дел, находящихся в производстве следова-

---

[1] Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография / О. В. Химичева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 125.

телей, а также наличием дополнительных функций, не связанных с расследованием уголовных дел.

О наличии такой проблемы утверждал и Е. А. Новиков, справедливо отмечая, что смешение организационно-управленческих и процессуальных полномочий отрицательно влияет на процессуальную деятельность[1].

Анализируя статистические данные, представленные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации за 6 месяцев 2019 г. из 14137 уголовных дел, поступивших с ходатайством о прекращении уголовного дела (преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, 1125 уголовных дел возвращено руководителю следственного органа или прокурору в связи с отказом в удовлетворении ходатайства[2], что свидетельствует о слабом ведомственном контроле за качеством направляемых в суд уголовных дел при условии, что уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести в большой своей части не представляют особой сложности в расследовании, а лицо, в отношении которого уголовное дело прекращается, не препятствует производству по делу.

Учитывая, что гл. 51.1 УПК РФ не содержит обязанности следователя направления постановления о возбуждения перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела с судебным штрафом прокурору, представляется необходимым усиление ведомственного контроля за такими уголовными делами.

Приказом Следственного департамента МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов»[3] регламентированы объем и пределы полномочий руководителей органов предварительного следствия в системе Мини-

---

[1] Новиков Е. А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

[2] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за I полугодие 2019 г. Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 01.03.2020).

[3] Приказ МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 (ред. от 29.07.2016) «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов» // СПС «Консультант плюс URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.02.2020).

стерства внутренних дел Российской Федерации в зависимости от должности в конкретном подразделении.

Так, например, непосредственный начальник следственного отдела уполномочен продлить срок предварительного следствия по уголовному делу, согласовать постановление о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей лишь до трех месяцев. В последующем полномочиями по согласованию указанных решений обладают вышестоящие руководители следственных подразделений.

Вопросы согласования постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа положения приказа не регулируют.

Исходя из имеющейся регламентации может возникнуть ситуация, когда срок предварительного следствия продлен руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа до семи месяцев, им же продлен срок содержания обвиняемого до семи месяцев, а постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера согласовывает нижестоящий начальник следственного отдела – подразделения, где проходит службу следователь, вынесший постановление. Такой подход представляется нелогичным и требует законодательной регламентации.

В этой связи, необходимо конкретизировать полномочия руководителей следственных органов МВД России и наделить полномочиями по согласованию ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования руководителя следственного органа, принявшего последнее решение о продлении срока предварительного следствия, либо иным приравненным к нему руководителем следственного органа. Представленный подход будет способствовать повышению контроля за расследованием уголовных дел со стороны непосредственного руководителя следственного органа и, как следствие, повышению качества уголовных дел, направляемых в суд.

Штукарев В. С.[1],
слушатель 454 учебного взвода 5 Д курса
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
(научный руководитель – Клементьева Е. С.,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя)

К ВОПРОСУ О ПРАВАХ ПОТЕРПЕВШЕГО В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Обеспечение прав потерпевшего является приоритетным направлением в уголовном судопроизводстве, важность этого подчеркивается назначением уголовного судопроизводства, где на первом месте стоит защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ). Актуальность вопроса реализации прав потерпевшего на досудебных стадиях подтверждается интересом законодателя к этому вопросу и внесением изменений, в частности Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

У каждого предусмотренного в УПК РФ участника есть свой спектр прав и обязанностей. Однако предоставленные права на разных этапах уголовного судопроизводства являются лишь фикцией при условии отсутствия определенного порядка их применения, сложившегося на практике, т. е. механизма их реализации. Вопрос действия нормы и ее полезности стоит во взаимосвязи с ее применением, это главное мерило нужности нормы. Чтобы более четко определить проблемы правового статуса потерпевшего, необходимо рассмотреть, как работают его права на разных стадиях уголовного процесса.

Известные научные деятели в области юриспруденции (О. В. Волколуп, Ю. Б. Чупилкин[2]) утверждали, что человек, гражданин должен

---

[1] © Штукарев В. С., 2020.

[2] Волколуп О. В., Чупилкин Ю. Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации. Краснодар : Издательство Кубанского государственного университета, 2005. С. 160.

быть хорошо информирован в рамках его случая (до возбуждения уголовного дела).

Информировать пострадавшего, конечно же, нужно грамотно. Важно посвящать его в какие-то моменты, но без ущерба для расследования. УПК РФ предоставляет такое право потерпевшему, но только по окончании предварительного расследования, и это разумно, так как сведения сохраняются в тайне. Однако пострадавший порой хочет узнать что-то и на самой первой стадии досудебного производства. В стадии возбуждения уголовного дела заявитель информируется только тогда, когда предоставил в правоохранительные органы заявление. При этом поводом для проверки может быть рапорт сотрудника полиции об обнаружении признаков преступления, жертва в таком случае теряет право на информирование до начала следующей стадии. Просьба о приобщении к рапорту заявления может и не выполниться. Пострадавшему придется просто ждать. В настоящее время, как правило, потерпевший сидит у телефона и ожидает звонка, тогда как проверка сообщения о преступлении может продлеваться и продлеваться. Гражданин в такой момент начинает думать, что о нем просто забыли, работа не ведется. У него формируется негативное мнение о правоохранительных органах. Престиж полиции теряется. Деятельность пострадавшего и сотрудника полиции должна осуществляться рука об руку.

В целях оптимизации деятельности сотрудника полиции в рамках информирования, по нашему мнению, было бы разумным выделить два направления: обязательное информирование и по запросу гражданина. Это стало бы логичным и обоснованным. Тогда пострадавший смог бы владеть необходимым минимумом информации. Официальное информирование, как правило, осуществляется, когда нужно сообщить какие-то важные моменты о движении уголовного дела, в дополнение предоставляются копии документов. Также было бы разумным брать с человека расписку о неразглашении материалов проверки. При этом в запросе человек должен изложить, что он действительно имеет отношение к материалам (к случаю), так как мы обсуждаем момент, когда он не предоставлял заявление, а требование о приобщении не исполнилось. Сотрудник полиции должен понять связь пострадавшего и рассматриваемого случая.

Как мы уже и говорили, потерпевший в действующем УПК РФ появляется после вынесения соответствующего постановления. В материальном понимании, этим участником становятся еще до возбужде-

ния уголовного дела. Особенностью же действующего УПК РФ является недостаточная правовая регламентация прав потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела: пострадавший у нас только наблюдает и ждет решения должностного лица, повлиять как-то на этот процесс, сделать что-либо он не может.

Реализуя предоставленное право Конституцией Российской Федерации на восстановление нарушенных прав, потерпевший может подать заявление (по делам частного и частно-публичного обвинения), где он укажет суть возражения на действия (бездействия) должностного лица[1]. Бывают случаи, когда выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Если заявитель не согласен с принятым решением, он может обратиться в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, а также соответственно – к прокурору или руководителю следственного органа (ст. 124 УПК РФ). И тем не менее, пока пользоваться всем объемом процессуальных прав потерпевшего не может, так как в установленном порядке решение о признании потерпевшим не принято.

Очень важно, что в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ если будет принято решение о «признании действий (бездействий) должностного лица незаконными», судья не отменяет действия и решения, а лишь требует сотрудника их устранить. Логика была в том, что судья не проводил проверку, не знает всех тонкостей обстоятельств до конца, поэтому и отдается назад материал с обязательством устранить нарушения в той части, в какой укажет судья. В этом случае совершенно ничего не мешает должностному лицу провести дополнительную проверку, в ходе которой он вынесет то же самое решение – об отказе в возбуждении уголовного дела. Круговорот так и будет продолжаться. Ввиду этого пострадавшие теряют много времени, тогда как с каждым днем становится все сложнее и сложнее доказать виновность лица, совершившего преступление. Потерпевший при этом вынужден обжаловать решения по нескольку раз. Из-за этого тратится много материальных средств, а вещественные доказательства вообще теряются. В связи с истечением большого периода времени и иными последствиями не достигаются цели уголовного процесса, сформулированные в ст. 6 УПК РФ. Обжалование решений со сторо-

[1] Евлоев Р. М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2005. С. 25–34.

ны пострадавшего, расценивается должностными лицами как раздражитель[1].

Нельзя не обратить внимание на то, что хоть ст.ст. 123, 124 УПК РФ предусматривает право обжалования действия (бездействия) правоохранительных органов прокурору, по смыслу ч. 1 ст. 125 УПК РФ постановление об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано только в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Сложилась практика, что если потерпевший обжалует в прокуратуру действия прокурора, то его документ на исполнение направляется тому, чьи действия обжалуются. Ни о какой объективности речи тут и не идет. Исходя из этого видно, что потерпевший в этой части опять может столкнуться с непреодолимыми препятствиями[2].

Таким образом, механизм реализации прав не удовлетворяет всем потребностям потерпевшего. Действенные пути решения так и не сформированы. По нашему мнению, было бы разумным предложить:

– ввести статьи о заявителе и пострадавшем, с понятиями в ч. 1 и описаниями прав и обязанностей, с четким отграничением;

– стимулировать практику у судов вынесения частных определений или постановлений в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ на действия органов дознания, предварительного следствия, нижестоящих судов, а также добавить прокуратуру к этому списку, если есть нарушения прав и свобод участников уголовного процесса;

– законодательно закрепить возможность обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела вышестоящему прокурору;

– законодательно запретить передачу жалобы лицу, на которого эта жалоба составлена;

– предусмотреть в ст. 125 УПК РФ возможность обжалования в вышестоящий суд или добавить в ч. 6, что копия постановления судьи должна отправляться и в вышестоящий суд для проверки наравне с заявителем, прокурором и руководителем следственного органа.

---

[1] Будникова Л. И. Реализация принципа состязательности на предварительном следствии // Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания : сборник статей. Волгоград, 2000. С. 87.

[2] Жеребетьев И. В. Процессуально-правовое положение личности потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2004. С. 23–25.

Теперь рассмотрим проблему реализации права потерпевшим на стадии предварительного расследования. УПК РФ регламентирует, что лицо должно признаваться потерпевшим незамедлительно после принятия решения о возбуждении уголовного дела, но не определяет период, в течение которого лицо должно быть допрошено в качестве потерпевшего. Право решения остается за следователем, дознавателем, а они не торопятся это делать. На практике происходит так, что допрос проводится спустя месяц, когда необходимость в нем отпадает, он становится необоснованным, формальным. В ч. 1 ст. 173 УПК РФ закреплено: «Следователь допрашивает обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения с соблюдением требований п. 9 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 50 настоящего Кодекса». Конечно, потерпевший может обратиться с ходатайством о проведении допроса, но эта просьба не является обязательной для лица, производящего расследование.

По нашему мнению, было бы разумным внести изменение в УПК РФ, связанные с изменением времени, в период которого должностное лицо было бы обязано допросить потерпевшего, после вынесения соответствующего постановления, закрепляющего его статус. Например, в ч. 1 ст. 42 УПК РФ добавить: «После вынесения постановления о признании лица в качестве потерпевшего следователь обязан незамедлительно допросить его, но не позднее 48 часов с момента вынесения данного постановления».

Расследование уголовного дела представляет из себя установление новых фактических обстоятельств, причем эти обстоятельства могут быть в части характера и размера вреда, причиненного преступлением, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Из этого следует, что может возникнуть необходимость корректировки постановления о признании лица в качестве потерпевшего. Мы можем видеть, что ч. 1 ст. 175 УПК РФ предусматривает изменение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Потерпевший такой возможности не имеет. На практике наблюдаем, что постановление о признании лица в качестве потерпевшего выносится один раз и следует на всем протяжении в неизменном виде, хотя на тот момент следователь, дознаватель обладает минимумом информации. Впоследствии становятся известны новые обстоятельства в части причинения вреда. Должностные лица выходят из этой ситуации следующим образом: они отменяют первое постановление и выносят новое с развернутым пояснением. На это тратится очень много времени, которое они бы могли потратить на установление других об-

стоятельств. По нашему мнению, нужно дать возможность поступать сотрудникам правоохранительных органов так же, как и с постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого[1].

В рамках возмещения вреда потерпевший вправе подать гражданский иск, он может разрешаться как в рамках уголовного дела, так и в гражданском судопроизводстве. Следователи и дознаватели неохотно принимают исковые заявления, всячески отклоняют просьбы, просят подавать иск отдельно. Если обратиться к практике, то мы увидим, что процент подачи иска в рамках уголовного дела крайне мал. Нужно обязать следователей, дознавателей четко исполнять эту просьбу, закрепить законодательно.

Заметим, что в ходе рассмотрения иска в гражданском судопроизводстве не всегда суды встают на сторону потерпевшего. Вроде бы у лица украли, уничтожили имущество, но процессом полностью владеет материальная обеспеченность гражданского ответчика. Если он не состоятелен, суды не будут отчуждать имущество в пользу гражданского истца. Поделать с этим ничего нельзя в данный момент. Возникает парадокс, вред вам причинен, а возместят его в более низких суммах. На наш взгляд, решением было бы создание Фонда поддержки всех потерпевших, эта организация возмещала бы суммы пострадавшим от преступления, когда ответчик признается несостоятельным. Государство выплачивало бы деньги потерпевшим, а само потом вступало в отношения с ответчиком и постепенно, маленькими суммами брало с него деньги до полного погашения. Механизм государства намного сильнее, чем обычного человека, по нашему мнению, это было бы разумным.

Исходя из всего вышеперечисленного, мы можем сделать вывод, что в досудебном производстве есть еще много норм, которые следует реформировать. Реалии жизни таковы, что лучше сотруднику полиции работать в тандеме с потерпевшим. Для этого нужно снять все препятствия, чтобы ничего не мешало этой деятельности. Должна быть реальная возможность осуществления прав потерпевшего.

---

[1] Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М. : Юридическая литература, 1986. С. 17.